

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖСЕКЦИОННЫЙ СБОРНИК № 1

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

Материалы
VIII Конвента РАМИ
25–26 апреля 2014 г.
МГИМО–Университет

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 327

ББК66.4

М43

*РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ.
Со всеми материалами VIII Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru*

М43 **Межсекционный сборник № 1 «Международные отношения и мировая политика»** (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / Под ред. Т. А. Алексеевой, Т. А. Шаклеиной, А. С. Дундича, О. В. Гаман-Голутвиной. — Издательство «МГИМО-Университет», 2015. — 392 с.

ISBN 978-5-9228-1367-9

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных участниками секций VIII Конвента РАМИ, который состоялся 25–26 апреля 2014 года. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1367-9

© РАМИ, 2015

Оглавление

ЧАСТЬ I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ «ВЫЗОВЫ»

Т. А. Алексеева

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ:
ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКИ 9

Г. Г. Водолазов

«РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
XXI ВЕКА 22

А. А. Чанышев

ПОТРЕБНОСТЬ В МИРЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВОЙНЫ 27

Д. М. Фельдман

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ОЖИДАНИИ «ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»..... 45

Ю. П. Ивонин

ЛУКАВЫЙ МИРОТВОРЕЦ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗУМ
В МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И. КАНТА 53

О. И. Ивонина

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ТЕКСТ И КОНТЕКСТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ:
ОБРАЗ США КАК НОВОГО РИМА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ
МЕЖДУНАРОДНИКОВ 62

А. Б. Каримова

НОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТИЯ НАУКИ
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ 72

Н. А. Самойловская

МОДИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ РЕЖИМОВ И СТАБИЛЬНОСТИ ДЛЯ
АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ
(на примере Черноморского региона) 77

А. С. Тетерюк, Я. А. Чижевский

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ
АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ В АФГАНИСТАНЕ И ЛИВИИ 85

М. В. Юрченко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНФОРИСКИ В УСЛОВИЯХ INFOMODERNITY..... 94

ЧАСТЬ II

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И МЕГАТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Н. А. Васильева

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА 105

Ю. Г. Дунаева

ПРЕСНАЯ ВОДА ПЛАНЕТЫ В МИРОВОМ ДИСКУРСЕ:
СТАНЕТ ЛИ XXI ВЕК ЭПОХОЙ БОРЬБЫ ЗА ВОДУ? 113

В. М. Капицын

ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ 139

О. А. Колобов

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ «СТАРЫХ» МЕХАНИЗМОВ
ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ
НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
УРЕГУЛИРОВАНИЯ 148

Ю. М. Кукушкина

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ:
СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ И ФЕНОМЕН
«ВТО ПЛЮС» 156

М. Л. Лагутина

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕГИОН КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОВОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ XXI ВЕКА 166

Н. Ю. Маркушина

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «НОВЫЙ СЕВЕР»
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 175

В. А. Мельянцев

ВОСТОК И ЮГ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ КООРДИНАТ 182

Е. Г. Никитенко, Н. А. Сергеев

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И КОНЦЕПЦИЯ БУДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА (ПРОГНОЗ
НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ВЛАСТИ В XX ВЕКЕ) 192

О. А. Родионова	
ЮАР В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В XXI ВЕКЕ.....	234
В. И. Сегуру-Зайцев	
ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА — ПИК МОГУЩЕСТВА	
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ ?	249
А. А. Слинько	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА	
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ	257
П. П. Тимофеев	
УПРАВЛЕНИЕ ЕС НА ВЫХОДЕ ИЗ КРИЗИСА:	
СОХРАНИТСЯ ЛИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ?	262
В. И. Шацкая	
ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПРО НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	272

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В ПОСТКРИЗИСНОМ МИРЕ

О. В. Гаман-Голутвина	
«КРЫМСКАЯ ВЕСНА» ВОЗМОЖНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	
КОНТУРОВ МИРОПОРЯДКА.....	285
Л. Н. Тимофеева	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА:	
СОХРАНЯТЬ ИНСТИТУТЫ ИЛИ СЛЕДОВАТЬ ЗА ОТНОШЕНИЯМИ?... 291	
Е. Г. Пономарева	
«УМНАЯ СИЛА» И СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	299
И. Ю. Окунев	
ВЫДЕЛЕНИЕ СТОЛИЧНОГО ЦЕНТРА КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ	
МЕХАНИЗМ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.....	310
М. А. Осминина	
РОЛЬ ПОВСТАНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В КОНФЛИКТАХ	
В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ 2010–2014 ГГ.	314
Е. А. Клочко	
СТРАНА БАСКОВ — ПУТЬ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ	318

Н. И. Мустафаева СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН: «РЕЛИКВИЯ» ИЛИ ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ	323
Д. Ю. Торчилина ИНТЕРНЕТ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	326
Т. В. Бочкарев МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВОЛНА ПРОТЕСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА УПРАВЛЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	338
О. А. Фролова РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ США	354
А. С. Тетерюк, Я. А. Чижевский НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТАНА.....	362
К. О. Кучеева КАК УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ ДОТЯНУЛСЯ ДО КАЗАХСТАНА?	372
А. Ю. Варшавский ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ И НАРОДНОЙ ПАРТИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	379
ОБ АВТОРАХ	389

ЧАСТЬ I

**ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ
О МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ:
СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И НОВЫЕ «ВЫЗОВЫ»**

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

Дискурсивные исследования как квинтэссенция «новой эпистемологии», по-прежнему, с большим трудом преодолевает сопротивление более традиционной науки, в том числе, и науки о международных отношениях. «Не приходится сомневаться в том, что в среде «профессиональных» историков и политологов, — подчеркивает отечественный исследователь А. И. Хмельцов, — значительный вес продолжают иметь исследователи, для которых концепт «политического чтения» является лишь уделом методологов, увлеченных западной модой на «квазинаучные» философствования и воплотивших в своих исследованиях «победную поступь постмодерна»¹. Между тем, как мы уже не раз могли убедиться, не все, что приходит с Запада дурно, особенно в тех сферах познания политического, в которых в силу известных причин, у западных исследователей была известная фора. В языкознании, психологии, социологии, этнографии и других дисциплинах сложилось большое число школ и подходов, пытающихся с разных сторон приспособить дискурс-анализ к исследованию политического. Тем не менее, теоретический анализ все еще заметно опережает разработку методов его теоретического применения².

Дискурсивный анализ (дискурс-анализ), таким образом, — сложное понятие, имеющее множество интерпретаций³. Это общий термин, объединяющий множество междисциплинарных подходов к анализу письменной, устной и знаковой речи или какому-то конкретному семиотическому событию. Единственная точка пересечения всех мнений — следует фокусировать свое внимание на языке и его влиянии на окружающий мир, точнее не на абстрактной языковой системе, а на живой речи в условиях реального общения⁴.

Рассматривать дискурсивный анализ как единый метод, по-видимому, можно только с изрядной долей условности, лучше охарактеризовать его как специфический способ рассмотрения проблем. Более того, дискурсивный анализ не является ни количественным, ни

качественным исследовательским методом, это способ вопрошания. Поэтому он не дает точных и однозначных ответов на основании научного исследования, однако позволяет получить доступ к онтологическим и эпистемологическим утверждениям, лежащим «за» проектом, или даже системой классификации. Ни один из дискурсивных подходов не является ни универсально правильным, ни универсально ошибочным. Каждый из них предлагает определенные инструменты (т. е. специфические вопросы в отношении имеющихся данных), которые лучше работают с одними данными, нежели с другими. Исследователь должен адаптировать инструменты какой-то теории к задачам своей работы. Дискурсивный анализ позволяет открыть мотивации, скрытые за текстом или выбором конкретного метода исследования для интерпретации данного текста. Или, говоря языком современной науки, критический или дискурсивный анализ — это деконструкция чтения или интерпретации проблемы или текста (при этом, помня, что постмодернизм рассматривает всякую интерпретацию реальности и, соответственно, саму реальность именно как текст). Поэтому любой текст обуславливает и проявляет себя в рамках данного дискурса. Дискурсивный анализ не дает абсолютного знания относительно специфических вопросов, однако позволяет нам понять условия появления определенной «проблемы» и дает нам возможность осознать сущность этой «проблемы» и возможные варианты ее решения. В то же время, давая нам возможность сделать эти умозаключения очевидными, дискурсивный анализ позволяет рассматривать «проблему» как бы «сверху», с более высокой точки и обрести осмысленный взгляд и на саму «проблему» и на нас самих по отношению к ней. Дискурсивный анализ, таким образом, требует от нас более высокого уровня внимания к скрытым мотивациям в других и в нас самих и, тем самым, дает нам возможность действительно разрешать конкретные проблемы — не через двусмысленные ответы, а через онтологические и эпистемологические вопросы.

Это, пожалуй, первая точка согласия между аналитиками в отношении дискурсивного способа познания действительности. Еще одной точкой согласия является то, что аналитик должен выходить за пределы имеющихся данных. Он должен их интерпретировать с помощью обращения к теории (теории общества, власти, культуры и т. д.). Именно здесь проходит граница расхождения между количественным и дискурсивным анализом.

Хотя теоретические истоки дискурс-анализа следует искать в истории философии языка, социальной психологии, политической философии, в целом, он продукт XX столетия. По мнению ряда исследователей, одним из наиболее ранних примеров его применения следует считать работу австрийца Лео Шпитцера «Исследование стиля», опубликованную в 1928 году, позднее переведенную на французский язык Мишелем Фуко⁵. Именно Фуко стал одним из основных теоретиков данного подхода, изложив свои взгляды в знаменитой работе «Археология знания». Важно упомянуть также исследования Гарольда Гарфинкеля — основателя этнометодологии, оказавшего сильное влияние на использование дискурсивного анализа в социальных науках.

И все же, дискурсивный анализ — это, в первую очередь, продукт эпохи постмодернизма. Это связано с тем, что, если предшествующие периоды в философии в целом могут быть охарактеризованы как времена интерпретации мира через системы верований, постмодернистские взгляды в свою очередь не предлагают конкретного взгляда на мир, т. е. не претендуют на единственно верную интерпретацию мира. Иными словами, постмодернистский период отличается от других периодов (Ренессанса, Просвещения, Модернизма и т. д.) тем, что мир воспринимается как фрагментарный, гетерогенный, и любая попытка создания системы верований — не более чем субъективная интерпретация, которая, в свою очередь, обуславливается социальным окружением и доминирующим дискурсом своего времени. Поэтому постмодернистские теории предлагают множество возможностей прочтения, стремясь к «деконструкции» концептов, систем верований, общепризнанных социальных ценностей и предположений. Довольно часто используется теория Жака Дерриды (кстати, автора самого термина «деконструкция»). Мишель Фуко, Юлии Кристевой, Жан-Франсуа Лиотара и Фредерика Джеймсона, которые также внесли немаловажный вклад в разработку этого подхода. Это минимальный список авторов, наиболее часто ассоциируемых с постмодернизмом⁶.

Вклад постмодернистского дискурсивного анализа в критическую мысль заключается в том, что вскрываются более или менее скрытые мотивы и предпосылки политики в рамках социально доминирующего и других дискурсов (интерпретацию мира, систем верований и т. д.). Дискурс-анализ может быть применен к любому тексту, т. е. к любой проблеме или ситуации. Поскольку он представляет собой в первую очередь интерпретативное или деконструирующее чтение, то никаких

особых правил его осуществления не существует в принципе. В процессе работы мы можем опираться на идеи того постмодернистского автора, который представляется нам наиболее интересным.

Подчеркнем еще раз, целью дискурсивного анализа являются не конкретные ответы, а расширение наших личных горизонтов и осознание собственных недоработок в оценке ситуаций, а также признание важности значения повесток дня и мотиваций, собственных и чужих. Короче говоря, критический анализ вскрывает, что происходит в бэк-граунде и детерминирует те или иные действия.

Например, дискурсивный анализ не требует аргументов относительно адекватности или истинности определенных исследовательских методов (будь то количественные или качественные), или ценностей⁷. Вместо этого, он фокусирует внимание на существовании и месседже текстов и локализации их в историческом и социальном контексте. Тем самым дискурс-анализ вскрывает мотивацию и политику, присутствующую в аргументах за или против специфического исследовательского метода, утверждения или ценности. Результатом становится внимание к их качеству и недостаткам утверждения и смыслу дискуссии. Хотя дискуссия никогда не завершится, она допускает коррекцию предвзятости и включение мнения меньшинства в дебатах и анализируемом дискурсе.

Мишель Фуко, а вслед за ним и другие исследователи, позволяют нам следующим образом сформулировать возможный методологический путь в дискурсивном анализе внешнеполитических взглядов и подходов:

- Археология знания — как метод позволяет раскрыть структуру мышления, определяющую смысл концепции в ту или иную эпоху. Археологию Фуко противопоставил традиционному историческому знанию, представляющему собой изучение последовательности событий или истории идей. Дискурсы, в отличие от них, изучаются не как совокупность законов, а как практики, постоянно образующие исследуемые объекты.
- Генеалогия направлена на рассмотрение множественных истоков нынешней конфигурации практик и точек их пересечения. Причем, особое внимание уделяется случайности их взаимосвязей. Из этого Фуко делает вывод о том, что современная конфигурация — отнюдь не единственно возможная.

Иными словами, если археология изучает сам дискурс, генеалогия — практики данного дискурса.

Дискурсивный анализ имеет несколько традиций. Наиболее распространенная традиция — это лингвистический подход к разговору и тексту, что позволяет проследить, каким образом «выбор слов» автором «конструирует» социальные объекты. Иногда такой подход называется «интеракциональная социолингвистика». Однако для нас в контексте сформулированной темы больший интерес представляют аспекты дискурсивного анализа, которые не связаны с языкознанием столь тесно, а концентрируются на идеях, вопросах и проблемах, представленных в речи и письме. Поэтому нас больше интересует критический дискурсивный анализ, предполагающий интерес к функционированию идеологии и власти.

Отметим два базовых принципа дискурсивного анализа:

- Одной из функций языка является «**делать что-то**» на уровне общества (т.е. на уровне выше межличностного общения). Но что именно делать? Язык носит «конституирующий» характер: некоторые вещи устанавливаются, т.е. конструируются благодаря языку. Например, право. Оно конструируется благодаря законопроектам, которые принимает Парламент, статьями Конституции и т.д. Это не просто слова, но они создают нечто вполне реальное. И, конечно же, выражает чьи-то (групповые) интересы. Например, то же право не является ни нейтральным, ни беспристрастным (хотя и претендует на это).
- Для этого используются так называемые **дискурсивные практики**. Дискурсивный анализ (любого типа) смотрит, как сконструированы те или иные вещи, благодаря «дискурсивным практикам». Если Вы начнете исследование определенного социального феномена, то обнаружите, что несколько неотделимых друг от друга вещей идут вместе, например, конкретные слова, фразы, ссылки, метафоры, риторические стили, систематизации знания (книги правил, катехизисы, словари, руководства по стилю и т.д.). Совместно они конструируют такой феномен как определенный тип социального объекта («наука», «мусульмане», «гомосексуальность» и т.д.). Иными словами, это совокупность анонимных исторических правил, которые устанавливают условия выполнения функций высказываний в данную эпоху, т.е. во времени и пространстве.

В каждом из этих случаев социальный объект сконструирован с помощью дискурса через **выбор описания и ассоциации**, которые в связи с ними возникают. Например, выбор между

- МУСУЛЬМАНСКИЙ ИЛИ ИСЛАМСКИЙ;
 - ФУНДАМЕНТАЛИЗМ ИЛИ БЛАГОЧЕСТИЕ.
- Ассоциации:
- ТЕРРОРИЗМ или ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ или БОРЬБА ЗА СВОБОДУ?⁸

Каков бы ни был ваш выбор, и какие бы ассоциации у вас ни возникали, вы по сути помогаете конструировать (конституировать) определенный социальный объект. Для дискурсивного анализа (равно как и для других теорий языка в целом) выбор данного описания, а не какого-то другого, и ассоциирование описания с другим, имеет важное значение. Категории описания мира не являются раз и навсегда данными, а использование их отнюдь не нейтрально.

В литературе по дискурсам нет единого, универсально признанного метода исследований. Более того, некоторые авторы сознательно избегают какого-либо определенного «метода»⁹. Другие исследователи, тем не менее, пытаются опираться на какой-то систематизированный, основывающийся на теории метод. Например, лингвистический метод: существует традиция среди аналитиков, особенно пришедших из области лингвистики, основывать свою работу на систематических грамматических и прагматических особенностях материала. Например, дискурсивная практика иллюстрируется аргументами об изменениях глаголов на существительные (номинализации), или использовании пассивных вместо активных форм глаголов. Так, политики не говорят «мы собираемся приватизировать железные дороги». Они скажут «Состоится приватизация железных дорог». Такой выбор грамматической формы представляет собой дискурсивную практику. Она заключается в том, что передача общественного достояния в частные руки становится безличной, тем самым скрываются интересы определенной группы в обществе.

Другие аналитики, которые обычно приходят из социологии и других социальных дисциплин, меньше опираются на лингвистику. Многие из них используют свои навыки и эрудицию для того, чтобы провести нас через текст и показать, как он работает, конституируя свои объекты, используя так называемые «интерпретативные репертуары», или «идеологические дилеммы». Например, почему ученые избирают тот или иной дискурс при исследовании какого-то процесса?

«Репертуар» — это более или менее связный путь описания чего-то. Это может быть группа слов и выражений, вероятно, с ассоциируе-

мыми образами и т.д. Если это хорошо известный способ мышления разговора о чем-либо, мы обнаруживаем тенденцию не замечать этого. Например, многие культуры используют очевидно знакомый способ разговора о мире — он является внешним для наблюдателя, «где-то там» и состоит из фактов. Но иногда вы встретите человека, газету или какого-то другого автора, который использует другие описания в разговоре об этом объекте. Это заставляет нас понять, что, по-видимому, репертуар заслуживает нашего внимания — то, что знакомо не означает, что оно нейтрально. Поэтому полезный метод в дискурсивном анализе — посмотреть на вариативность: как изменяются описания людей.

Наблюдение относительно вариативности в репертуарах было высказано двумя теоретиками Ниджерлом Гилбертом и Майклом Малкем в их широко известной книге «Открывая ящик Пандоры» (1990) — один из ранних примеров систематического дискурсивного анализа¹⁰. Они идентифицировали разные «лингвистические репертуары» в том, каким образом ученые самовыражаются относительно своей работы. В публичных текстах их словарь рисует картину эмпирически познанного реального мира, наполненного известными и безопасными фактами (Гилберт и Малкэй называют это «эмпирицистским репертуаром»). В частной жизни, однако, слова ученых меняются, превращаясь в «случайный репертуар», который описывает меняющийся мир, где вещи могли бы быть другими, а факты сконструированы людьми. Гилберт и Малкэй пришли к выводу о том, что возможный репертуар используется в особенности тогда, когда дела идут плохо. Если другая команда ученых не смогла подтвердить их открытие, то это происходит в силу «случайных» вещей, как например, неполного соблюдения процедуры в другой лаборатории, безответственности и даже интриг. Это «неправильная наука». Только если все идет «правильно», ученые начинают говорить о «фактах» и регулярной, предсказуемой вселенной. Последствием этой вариативности, пишут Гилберт и Малкэй, стала поддержка идеи Науки, и защита принципа существования познаваемого объективного мира. «Ошибки» списываются на человеческий фактор и другие сбои. «Факты» достигаются благодаря правильным методам. «Эмпирицистский» и «случайный» дискурсы ученых защищают саму структуру науки.

Для целей нашего исследования, однако, наибольший интерес представляет еще одна сторона дискурсивного анализа, а именно: чувствительность к контексту. Этот способ мышления о дискурсах помог Поттеру

и Ветереллу выдвинуть их классический аргумент против традиционного психологического подхода к исследованию¹¹. Поттер и Ветерелл утверждают, что люди могут говорить совершенно противоположные вещи, поэтому идея о том, что у них какое-то единственное определенное «отношение» у чему-то, в принципе неверна. Лучше попытаться посмотреть, что из того, что говорят люди, означает в контексте.

Исследование дискурса осуществляется благодаря интегрированному социальному подходу, т. е. включая структурный уровень в широкий социальный и культурный контекст. Коллективная память, — указывает С. Крейн, — поддерживает живой опыт индивидов внутри групп, так как индивидуальное переживание нельзя вспомнить без отсылки к социальному контексту, и «каждое самовыражение исторического сознания является выражением коллективной памяти не потому, что оно совершенно точно разделяется всеми другими членами коллектива, но потому что именно этот коллектив делает его артикуляцию возможной, потому что историческое сознание само стало элементом исторической памяти»¹². Однако этого недостаточно. Цитируя Т. А. Ван Дейка, заметим, что «контекст должен определяться не в терминах социальной ситуации, в которой складывается тот или иной дискурс, а как своего рода ментальная репрезентация ее участников. Иными словами, сама по себе социальная ситуация не оказывает непосредственного влияния на понимание происходящего и их «речевые акты». Принадлежность к социальной группе, роль в политике, возрастные особенности, гендер и т. д. значимы лишь постольку, поскольку сами участники процесса признают их и репрезентируют, опираются на собственный опыт и ассоциации. Отсюда — уникальность каждой ментальной модели.

Содержание представлений о прошлом как у индивидов, так и у групп меняется по мере изменения социального контекста и практическим приоритетам¹³. Кроме того, как указывал М. Фуко, мы должны принимать во внимание, что, например, ни литература, ни политика, ни философия, ни наука не присутствовали в поле дискурса в средние века, а также в начале Нового времени, вплоть до XIX века. Поэтому возможно использовать их только как ретроспективную гипотезу, допущение игры формальных аналогий или семантического подобия¹⁴.

Ван Дейк выстроил определенную иерархию уровней категоризации контекста:

— макрокатегории: глобальные домены — глобальные действия — глобальные акторы;

- микрокатегории: обстановка времени и места — локальные действия — участники (и их релевантные свойства) — когниция (познание).

Отсюда Ван Дейк делает вывод о том, что контекст может быть определен как структура систематически релевантных дискурсу свойств социальной ситуации¹⁵.

Дискурсивный или критический анализ всегда остается вопросом интерпретации. Поскольку нет никаких определенных данных, адекватность и надежность результатов исследования зависят от логики аргументов исследователя. Даже наилучшим образом сконструированные аргументы являются субъектами собственной деконструкции прочитанного и контринтерпретации. Валидность критического анализа, поэтому, зависит от качества риторики. Несмотря на это, хорошо сформулированные аргументы остаются авторитетными с течением времени и имеют конкретное применение.

Дискурсивный анализ и критическое мышление, таким образом, применим к любой ситуации и каждому предмету. Это не «точная» наука, а знание, основывающееся на дискуссии и аргументации. Задача же заключается в том, чтобы четко сформулировать цель исследования и найти для этого релевантные категории дискурсивного анализа. В этом смысле, дискурс-анализ зависит от эпистемологических рамок, на которые опирается исследователь.

* * *

Исследования, опирающиеся на дискурс как главную теоретическую концепцию, в последние годы стали одной из наиболее динамично развивающихся и интересных областей международных отношений. Дискурсивный теоретический анализ преодолевает дисциплинарные границы между постструктуралистскими, постмодернистскими и отчасти социально конструктивистскими подходами. При всех их различиях, оказалось возможным объединить исследователей вокруг вопроса о том, как именно «работают» дискурсы, в частности, при анализе международных отношений. В целом, установилось согласие также относительно того, что акцент дискурсивных исследований на пересечении знания/власти в международных исследованиях является формой критического теоретизирования.

Традиционные исследования во внешней политике и международных отношениях так или иначе концентрируются на «националь-

ном интересе». Дискурсивный анализ позволяет расширить и углубить этот подход через более полное «политическое чтение», позволяя не только описывать события, но и выяснять их ментальные, теоретические и идеологические предпосылки и причины. Дискурсивный анализ в принципе демократичен. Он позволяет раскрыть структуру внешней политики и ее реагирование на изменяющиеся тенденции в глобальной политике, экономических и силовых отношениях; постепенные и неожиданные новые напряженности, а также оценить роль разведки в сборе и оценке информации. Иными словами, будучи важной частью постмодернистского исследования внешней политики, дискурс-анализ позволяет оценить значительно более широкий спектр деятельности, составляющий внешнеполитический процесс, нежели это возможно, если ограничиваться ролью национальных государств, как это делают, например, политический реалисты. Он восполняет «демократический дефицит» в формировании внешней политики, не ограничиваясь изучением поведения узкого круга чиновников, политиков и журналистов, зачастую игнорирующих общественное мнение или отказывающихся от него как недостаточно компетентного, особенно если оно идет вразрез с принимаемыми решениями. Поэтому дискурсивный анализ не может ограничиться только мировоззрением элиты, он, по определению, затрагивает взгляды и тексты всего сообщества, по крайней мере, в демократических государствах.

Дискурсивные практики позволяют связать два уровня внешней политики: во-первых, макроуровень институтов (государства, правительства, парламенты, министерства иностранных дел и т.д.); во-вторых, микроуровень дискурсивных актов. Или иначе, речь идет о соединении исследования национальных внешних политики (как некоего единства) и индивидуальных стратегий отдельных внешнеполитических акторов. Тем самым, становится возможным преодоление долговременного искусственного разграничения внутренней и внешней политики. В дискурс-анализе внешней политике могут быть приданы следующие проблемы, определяющие специфику ситуативно-временного среза: стратегии доминирования, репрезентация стереотипов о «друзьях» и «врагах», конструирование «текстуальной» картины системы международных отношений, идеологические клише и т.д.

Как представляется, весьма плодотворным является попытка соединения модернистского и постмодернистского взгляда на историче-

ский процесс, предложенный Й. Рюzenом. По мнению немецкого историка необходимо одновременно признать существование множества различных историй и идею единства исторического опыта: «В рамках разнообразия исторических перспектив единство истории может быть достигнуто лишь универсальностью ценностей в методической процедуре исторической интерпретации... Дело в том, что нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур»¹⁶.

Дискурсивные формации, которые представляют для нас специальный интерес, — это те, которые непосредственно связаны с внешне-неполитическими концептами, центральными для внешней политики и сохраняющиеся на протяжении истории, по крайней мере, со времен начала Модерна. Несмотря на то, что вроде бы они присутствуют в международных отношениях постоянно, на самом деле, они претерпевают некоторые изменения в зависимости от конъюнктуры момента и культурных особенностей носителей властных импульсов. Иными словами, дискурс — это то, каким образом конкретные концепции рассматриваются в данном контексте. И, соответственно, артикулирование дискурса — своеобразное действие властных акторов с целью навязывания людям своего взгляда на определенные вещи. Это, что вполне очевидно, предполагает необходимость обладания определенными властными ресурсами¹⁷. В современных условиях это означает возможность использовать ресурсы СМИ, однако они не ограничиваются «мягкой силой» — традиционные силовые ресурсы, такие как вооруженные силы, также могут иметь немаловажное значение. Доминирующие дискурсы довольно часто становятся догматическими вариантами интерпретации реальности, не допускающие отклонений в интерпретации. В этом случае они становятся элементами идеологий. Однако, прежде всего дискурсы, говоря словами Дж. Милликена, — это «структуры значения в пользовании»¹⁸.

Появление дискурс-анализа привело к его как минимум тройному применению для исследований ТМО и ВП. Во-первых, он отмечает реторетизацию внешнеполитической практики. Исторически внешнеполитическая теория и практика опирались на фундаментальные метафоры рационалистического мышления и т.д. Метафора, которую предлагает постструктурализм заключается в том, что текст — это вполне интерпретируемый феномен, который позволяет конституировать международно-политическую и интеллектуальную среду. Во-вторых,

критический дискурс-анализ отмечает новую серию методологических техник и возможностей. Многие сторонники как количественного, так и качественного анализа считают, что наблюдаемая реальность, истины и социальные факты обладают сущностным существованием априорным дискурсу. В-третьих, критический дискурс-анализ отмечает основание для переосмысления практики и результатов применения дискурс-анализа.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что политический дискурс-анализ является методологическим инструментом, который позволяет описать и выявить суть происходящих процессов и изменений, которые еще не обрели стабильности, достаточной для институционального анализа.

¹ Хмельцов А. И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе. // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб: издательство СПбГПУ. 2004 С. 59.

² Боришполец К. П. Методы политических исследований. Москва: Аспект-пресс. 2005. С. 51–66.

³ Многие авторы предпринимали попытки классификации дискурсивных подходов, в том числе к политике. Так, П. Чилтон и К. Шаффнер в «Дискурсе социального взаимодействия» выделяют национальные школы (французскую, немецкую, англоязычную) — Van Dijk, Teun A. (Ed.). *Discourse as Social Interaction*. Vol. 2. Rompeu Dabra: SAGE. 1997. Политический дискурс часто классифицируется в соответствии с моделью Джона Сёрла, выделившего «репрезентативы» (знаки положения дел в «дискурсивном мире»; директивы (команды и т. д.), комиссивы (обещания, угрозы), экспрессивы (благодарности), декларации (объявление войны, присвоение звания и т. д.). — там же, С. 216.

⁴ Макаров М. Основы теории дискурса. Москва: Гнозис. 2003. С. 5.

⁵ Фуко, Мишель. Археология знания. Киев: «Ника-центр». 1996.

⁶ Справедливости ради, отметим, что еще американский философ-прагматист Джон Дьюи еще в первой половине XX столетия следующим образом характеризовал природу рефлексивного мышления: «активное, последовательное и тщательное рассмотрение любого верования или предполагаемой формы знания в свете оснований, которые их поддерживают и дальнейших выводов, к которым они склоняются». — Dewey, J. *Experience and Education*. NY: Macmillan. 1933. P. 9.

⁷ Джеймс Джи, например, выделяет 27 «инструментов» для проведения дискурсивного анализа. Вопросы неупорядочены, они должны быть поставлены все в отношении имеющихся данных — только так анализ может оказаться более или

менее полным. — См. Gee. James. How to Do Discourse Analysis. A Toolkit. London: Routledge. 2011.

⁸ Iniguez, L. Analisis del Discurso. Chapter 3. Editorial UOC. <http://www-staff.lboro.ac.uk/sscal1/tlecture10DA1.htm>

⁹ См., например, Wetherell, M. Themes in Discourse Research: the Case of Diana // Wetherell et al. (Eds.). Discourse Theory and Practice. London: Sage. 2001.

¹⁰ Gilbert, Nigel and Mulkay, Michael. Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse. Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

¹¹ Potter, Jonathan and Margaret Wetherell. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior. London: SAGE, 2007.

¹² Цит. по: Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад. Под ред. Л. П. Репиной. Москва: Круг. 2010. С. 15.

¹³ Можно согласиться с утверждением отечественного историка Л. П. Репиной, что изменения в историческом сознании происходят не только в ситуации кризисов и катастроф. Не менее важную роль играет всеобщее образование — трансляции в народные массы в существенно упрощенном виде профессиональной историографии. Они также ответственны за возникновение мифологизированных общностей, якобы, отражающих непрерывность соответствующего типа развития. «Появившиеся в разных европейских странах на протяжении XIX—XX вв. многочисленные учебные пособия и учебники для средней и начальной школы предлагали ясные и доступные исторические образы, которые пробуждали в полуграмотных массах национальное самосознание» — См. Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад. Под ред. Л. П. Репиной. Москва: Круг. 2010. С. 18—19. Или, более афористично: «Еще не существующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяют его» — Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки русской культуры. 1997. С. 308.

¹⁴ Фуко, Мишель. Археология знания. Киев: «Ника-центр». 1996. С. 24.

¹⁵ Van Deijk T.A. Text and Context of Parliamentary Debates // Bayley P. (Ed.). Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam: Benjamins. 2004.

¹⁶ Цит. по: Образы времени и исторические представления. Россия. Восток. Запад. Под ред. Л. П. Репиной. Москва: Круг. 2010. С. 22.

¹⁷ Beaugrande R. de. The Story of Discourse Analysis // Discourse as Structure and Process. Ed. by T.A. van Dijk. London: Sage. 1997. P. 180—219.

¹⁸ Milliken, J. The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods // European Journal of International Relations. 1999. Vol. 5. # 2. P. 231.

«РЕАЛЬНЫЙ ГУМАНИЗМ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

Разговор на эту тему я бы начал с фиксации принципиальной новизны современной мировой и российской социальной ситуации. Мировая и российская ситуации сегодня — на грани. У черты перехода от значительной степени исчерпанных прежних форм социальной жизни к ее новым формам (что требует нового осмысления и новых теоретических решений).

Если говорить о **мировой** ситуации — то здесь человечество

- а) у черты перехода от исчерпавшего свой потенциал развития классического капитализма к некоему новому обществу, сущность которого и название которого еще не определены достаточно ясно и которое пока довольно туманно именуют «информационным» или «постиндустриальным» обществом;
- б) у черты перехода от истории локального развития стран и цивилизаций к их взаимодействию в рамках глобализации; у черты превращения мировой истории из суммы историй отдельных стран к подлинно всемирной истории; когда во многом по-новому ставится проблема о соотношении национальных государственных суверенитетов и глобальных общечеловеческих императивов;
- в) от ситуации миро-человеческого бессмертия к ситуации, когда человечество (после создания ядерного оружия) стало смертным;

И в этом контексте — переходный, переломный характер российского социального бытия, которое, вобрав в себя всю проблематику мирового развития, дополнило ее своей национальной спецификой: **Россия** — на переходе от прежних социальных и политических структур XX столетия — структур социалистической направленности, а с 1990-х годов — либерального типа, к структурам принципиально нового типа, требующим своего уяснения, нового понимания взаимоотношения социалистических и либеральных ценностей. Осмысление всего этого требует новых идеологических подходов, совокупность которых я бы назвал идеологией «реального гуманизма».

В понятии «реального гуманизма» фиксируется главная цель и главная ценность нового мирового и российского социума — ЧЕЛО-

ВЕК. Речь идет, иначе говоря, в первую очередь, не о росте материального богатства общества, и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об **ОЧЕЛОВЕЧИВАНИИ** деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека — от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, речь идет о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикус» (т. е. «экономического человека») в «человека творческого», в человека, перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом — со времен Маркса — «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально и всесторонне* развитого Человека.

И в связи со всем этим возникает необходимость вновь (как это было когда-то) вернуться к основательной разработке категории «Отчуждения» и ее общеполитического содержания и ее наполнения современной социально-политической конкретикой.

Конечно, тут придется вспомнить и некоторые исходные, ставшие хрестоматийными, вещи. Например, то, что понимание «отчуждения» связано с пониманием «сущности человека». Что сущность эта формируется и проявляется в деятельности. Что деятельность — это процесс, состоящий из трех фаз, трех стадий, трех компонентов: цель — средства — результат. Что индивид только тогда становится обладателем человеческой сущности, только тогда в полной мере становится Человеком, если принимает участие во всех трех фазах человеческой деятельности. Только тогда он становится целостным человеком, т. е. человеком, освоившим все компоненты, все составные части человеческой деятельности и через это вобравшим в себя всё богатство человеческой сущности.

Что история, увы, распорядилась таким образом, что этот целостный, внутренне взаимосвязанный процесс деятельности оказался разделенным между разными социальными субъектами. Одни (управители, члены «властвующей элиты») определяют цели, подыскивают средства, а другие («подвластные», «исполнители») — с помощью навязываемых им средств выполняют намеченную управителями работу по достижению поставленных правящими группами целей. И это явление, раздробляющее деятельность между различными субъектами,

называется социальным разделением труда (деятельности). А общую форму, в которой протекает процесс раздробленной, разделенной между разными субъектами деятельности, философы-классики (от Гегеля и Маркса до Ильенкова) назвали Отчуждением. И каждый индивид в этом пространстве Отчуждения, говоря специфическим философским языком, является не целостным, а лишь «частичным» человеком (то есть человеком, подключенным лишь к *части* компонентов, составляющих человеческую сущность).

Далее важно оценить этот феномен отчуждения, феномен, отражающий состояние разорванности единой человеческой сущности. Что это — болезнь, большая беда, случившаяся в развитии человеческого общества и требующая немедленного лечения и устранения? Некоторые (вроде Прудона) так примерно и думали: это — болезнь, беда, порожденная частной собственностью, и нужно немедленно упразднить причину этой болезни — частную собственность, разделяющую людей, и ввести общественную собственность, соединяющую людей, соединяющую «головы» и «руки» частичных людей в единство — и тем формирующих целостного Человека.

Но более глубокие мыслители (например, Гегель и Маркс) думали иначе. По Марксу, явление отчуждения для определенных периодов человеческой истории — не болезнь, а норма. Более того, оно — даже условие прогресса. Ибо социальное разделение труда (и возникшее на его основе классовое деление) — есть форма специализации человеческой деятельности, форма ускоренного развития и человеческого интеллекта — с одной стороны, и материальной физической силы и мастерства индивидов — с другой. Общества, не создавшие внутри себя социального разделения труда, быстро отставали от классовых обществ в своем развитии.

Стало быть, можно сказать, история человечества — есть история отчуждения, история его возникновения и развития. Но это утверждение — только часть истины. Другая ее часть состоит в том, что в рамках отчуждения происходит постепенное накопление материальных богатств и развитие деятельных сил, деятельных способностей людей. И постепенно создаются предпосылки для сближения (а потом и воссоединения) «головы» и «рук». «Рабочим рукам» в высокотехнологичном производстве во всё большей степени требуется «голова», думающая, хорошо образованная. А собственник, стремящийся к эффективному управлению производством, начал совмещать в себе ипостаси менед-

жера и ученого. И когда наука станет в полной мере главной и непосредственно производительной силой, то собственник такой силы станет прямым и непосредственным участником деятельности, а не отчужденным от нее субъектом (как то было в прошлом).

Поэтому можно (и нужно) сказать, что история человечества — это не просто история становления и развития отчуждения, но и история накопления в его рамках материального богатства и деятельных способностей человека, история формирования предпосылок и условий для его (отчуждения) устранения (снятия).

У Маркса есть потрясающий образ, дающий возможность схватить самую суть дела. Прогресс, написал однажды он, подобен тому языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых. «Череп убитых» — это образ разрываемой, дробящейся в пространстве отчуждения человеческой сущности. А «нектар» — образ того богатства культуры и человеческих способностей, которое все больше наполняет результаты человеческой деятельности. Негуманная форма отчуждения рождает внутри себя в высшей степени гуманистический результат — богатство человеческой деятельности.

Гуманизм, собственно, и есть процесс постепенного накопления этого богатства в рамках отчужденных форм деятельности, процесс постепенного создания условий и предпосылок («нектара») для формирования **ЦЕЛОСТНОГО** человека, для устранения отчуждения («черепов убитых»), для присвоения всей полноты человеческой сущности **КАЖДЫМ ИНДИВИДОМ**.

А конкретное содержание гуманизма — это не некий абстрактный, всеобщий, надвременный идеал Человека или Человеческого общества, а — конкретная программа шагов по очеловечиванию человека и мира **в данное время и в данных обстоятельствах**. Поэтому конкретное содержание гуманизма зависит от специфики эпохи, от специфических задач, выдвигаемых ходом общественного развития в данную эпоху.

Применительно к современной эпохе идеология гуманизма предполагает разработку нового понимания взаимоотношения ценностей двух наиболее значимых идеологий последних веков — социалистических и либеральных ценностей. Ведь исходным было их лобовое противостояние: вспомним: императивы Томаса Мора и Джона Локка, и наглядные формулировки более поздних классиков:

— *Людвиг фон Мизес*: «Программа либерализма, если выразить ее одним словом, будет читаться так: **собственность, т. е. частное владение**

средствами производства... Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования». («Либерализм в классической традиции»)

- *Карл Маркс*: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: **уничтожение частной собственности**».

Но вот — Английская, Французская революции, Первая мировая война, ее итоги, кризис 20—30-х годов XX века. И тогда — *Джон Кейнс* — о «регулируемом» государством и обществом капитализме: «The End of laissez-faire» (1925 г.), «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.).

И — движение навстречу — с другого полюса: 1921 год — введение НЭПа. *Ленин*: «Мы вынуждены признать **коренную** перемену **всей** точки зрения нашей на социализм». **Что это значит?**

- допущение разных форм собственности, сопряжение общественной и частной;
- сочетание рыночной стихии и плана;
- ограничение вмешательства государства в экономику;
- поддержка духовного (и политического) плюрализма;
- равенство, не разрушающее свободу.

Возникает, иначе говоря, «Конвергентный либерализм» (Кейнса) и «Конвергентный социализм» (в духе нэповского социализма Ленина).

За кем будущее? Это предмет дискуссий. *Один из возможных вариантов*: Встреча на теоретической «Эльбе» конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Будет не слияние их в одну идеологию, а дружеское соревнование (чередование во власти) — демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективней прямолинейно-одностороннего. И это будет важной составляющей той идеологии, которую я назвал «реальным гуманизмом».

ПОТРЕБНОСТЬ В МИРЕ И ЛЕГИТИМАЦИЯ ВОЙНЫ

Неразрывная и изначальная взаимосвязь понятий войны и мира так же, как и их фундаментальная значимость для теоретического анализа международных отношений непосредственно очевидна каждому, кто даст себе труд задуматься по поводу их содержания. Изначально-связующим смысловым звеном между ними является наиболее архаичное, отрицательное определение мира как «отсутствия войны». Корни этого смысла уходят в глубины европейской традиции, выраженной древним изречением Гераклита: «Война ... — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными»¹.

В современном понимании «война» — пограничное для политического дискурса понятие². По этой причине данный концепт — одно из самых «напряженных» и наиболее «острых» понятий социально-политического языка. Вместе с тем, как и многие другие понятия социально-политического толка, понятие войны плохо прояснено в отечественном дискурсе, сохраняющем достаточно архаичные черты³. Одним из средств исправления такого положения дел, очевидно, и является то, что называется «концептной историей»⁴. В предлагаемом материале и хотелось бы обратить внимание читателя на определенные аспекты истории концептуализации понятийной связки, вынесенной в заголовок.

Средневековое учение о «справедливой войне». До определенного времени сама постановка вопроса об оправданности войны была практически невозможной: в средние века фундаментальным смысловым слоем в понимании войны была трактовка ее как *правовой тяжбы*, предполагающей возможность применения насилия ради восстановления справедливости в рамках наличного, всеохватывающего и никоим образом не подвергаемого сомнению правового порядка; последний же не допускал необузданного применения вооруженной силы, вводя последнее в определенные границы, связанные с ответственностью конфликтующих сторон по действующим политико-правовым *обыкновениям*. Именно таким образом легити-

мизировалась война в средневековье, и кроме того, средневековые военные конфликты носили преимущественно ограниченный характер и практически представляли собой усобные распри, наносившие ущерб прежде всего имуществу⁵.

Если войну понимать как правовую тяжбу с применением насилия⁶, то единственно *верный* смысл, фактически вкладываемый в направленность действий того, кто ведет войну, придется свести к защите права. Но сам этот смысл было бы трудно установить, поскольку непонятно, какими именно образом можно определить *верную* направленность действий: ведь возможно действие скрытых мотивов. Столь же трудно определимой, как и «верная направленность» (*intentione recta*), была тесно связанная с последней «справедливая причина» (*justa causa*), другое условие оправданности войны; а все потому, что не существовало — и, наверное, вообще не может существовать — никакой внешне нейтральной и никому не подчиненной инстанции, которая обладала бы к тому же *безусловно-обязующей* силой и могла бы дать «объективную оценку» происходящего (тем более, что средние века не различали между грехом и преступлением, а связывали эти понятия)⁷. Таким образом, образовался провал между тем, что под войной подразумевали теологи и тем, какой смысл вкладывался в это понятие в рамках обыденных принципов и представлений.

Раннее новое время: война как «естественное состояние». В начале XVI века все более отчетливо проявляются те силы, которые были призваны разрушить средневековый мир, в частности, Реформация. Если иметь в виду проблематику войны, то происходит своеобразное и отнюдь не позитивное расширение опыта. В конце высокого средневековья в Европе удалось подавить внутренние войны и распри и достичь относительной стабильности, а теперь церковный раскол не только покончил с этим спокойствием, но и породил новый тип войны — *межконфессиональную гражданскую войну*. Средневековые ограничения в области применения силы приказали долго жить: теперь все занялись войной, «которая сама по себе едва ли отличалась от обыкновенного грабежа и убийства»⁸. Неограниченное применения насилия (и прежде всего отношение к противнику как к абсолютно бесправному и стремление к его полному уничтожению) — то, что прежде Европа знала только как исключительный опыт войн против еретиков, — стало обыденным. В свою очередь, новая ситуация непрерывных межконфессиональных конфликтов и уوبيц, угрожающая тотальной варваризацией

общества и его распадом⁹, высветила полную непригодность традиционной теории¹⁰.

Именно исходя из убеждения о том, что война, и прежде всего война гражданская, есть основной источник всякого рода человеческих бедствий, в связи с чем теория должна стремиться к обоснованию возможности создания конструкции, поддерживающей безусловно гарантированный мир, Т. Гоббс пошел на решительный разрыв с предшествующей традицией. Для средневековой доктрины не подлежал сомнению факт, что человек, как разумное и социальное существо, находясь в *естественном состоянии*, пребывает в *мире*, война же всегда есть нечто противоположное этому естественному состоянию, — вот почему правомочная и справедливая война ведется для установления мира. Гоббс, напротив, отрицает исходную социальность человека и переворачивает соотношение войны и мира применительно к *естественному состоянию*: последнее характеризуется не как мир, но как *война всех против всех*.

Главным вопросом совместной жизни людей теперь является не вопрос о том, *чего* должно достичь применение насилия, но вопрос о том, *что* может гарантировать устойчиво-безопасный мир. На этот последний вопрос и отвечает английский мыслитель: *политическое государство, искусственно создаваемое на основе договора людьми, побуждаемыми стремлением к собственной безопасности и сохранению своих естественных прав; лишь оно одно обладает высшим правом*¹¹ вынесения общеобязательных решений, подкреплённых *неодолимой силой*¹² централизованного и легитимного государственного принуждения. Поэтому для Гоббса именно «гражданское состояние» (порядок, поддерживаемый «политическим государством») — состояние абсолютного мира. Наоборот, межгосударственные отношения — это отношения буквально повторяющие содержание естественного состояния как войны всех против всех и неограниченного действия «естественного закона». Соответственно, в этой области действует не система общеобязательных норм естественного права, но отношения между государствами определяют рационально понимаемые утилитарные побуждения. Война определяется тем самым или как отношение между субъектами, находящимися в естественном состоянии (между людьми в догражданском состоянии), или как конфликт между государствами. Война и вражда, согласно этой характеристике, не могут возникать по причине, лежащей *внутри* политического сообщества, у них — *внешний*

источник. Кроме того, в ситуации раннего нового времени еще более отчетливо встала проблема необходимости различения между правовыми основаниями и политическими, религиозными, социальными и экономическими интересами. Выявляя такую проблематику, Т. Мор определил правовые положения, легитимирующие войну, а именно: право на интервенцию для уничтожения тирании, право на наказание агрессора и право восстановления нарушенной справедливости (в любом из этих случаев война может считаться справедливой только если она будет заранее объявлена)¹³, — а Гроций дал определение дозволенной с правовой точки зрения войны: *сила, не нарушающая чужого права, — законна*; поэтому право народов (международное право) позволяет ведение справедливых (сообразных с правом) войн¹⁴.

Однако введение такого различения открыло дорогу новому затруднению, согласно которому обе конфликтующие стороны могут вести справедливую войну, поскольку *каждая из них* может иметь правомерные причины для начала военных действий. Получалось тем самым, что вопрос справедливой войны полностью уходил из сферы правовой оценки и передавался в ведение политической морали. В целом же, ориентировалась ли теория на понятие естественного права у Гоббса и его единомышленников или же на традиционное содержание данного понятия, все к сводилось к одному: война — насильственное противоборство между суверенными государствами, которые внутренне могли противостоять вражде и насилию благодаря созданию эффективной системы юрисдикций высшей власти.

Легитимация гражданской войны. В рамках Просвещения появляется новое понимание войны, основанное на критике европейской системы межгосударственных отношений (поскольку эта система не может быть сбалансирована без войн, сменяющихся заключением мирных договоров, которые затем снова нарушаются военными приготовлениями и действиями). Так как государственное насилие в своем воздействии равным образом ощутимо как извне, так и изнутри, а также в силу принципиально непрозрачного характера самих военных действий последние осуждаются и оцениваются полностью негативно, а прежняя аргументация политической философии инверсируется. Абсолютистское государство, согласно критической оценке Просвещения, было совершенно чуждо выполнению задачи пресечения войны; наоборот, такое государство, в глазах просветителей, само было источником военной опасности как таковой. Поэтому осуждение межгосу-

дарственных войн было направлено не столько против войны, сколько против государства в первую очередь. В рамках просветительской критики «война» и «грабеж» слились в одно нераздельное понятийное целое (а войны между государствами в XVIII столетии давали наглядное тому подтверждение). Поэтому устранению войны могла содействовать только ликвидация самого ее источника, старорежимного государства. Способ устранения — *революционная гражданская война*, о чем впервые заявил Мабли, выразив тем самым широко распространенное настроение того времени. Концепция народного суверенитета у Руссо имеет ту же направленность¹⁵. Все это подготавливает революционный переход от «оружия критики» к «критике оружием» и знаменует собой радикальный поворот в осмыслении войны. Начиная с определенного времени, внутренний гражданский мир *на прежних условиях* был представлен в качестве порядка, в основе которого лежит *угнетение* общества и т. о. стал *отрицательной ценностью*. С точки зрения просветителей, недопустимо принимать гарантии мира, исходящие от института, обладающего монопольным правом на насилие. Поэтому, если Паскаль в свое время называл гражданскую войну величайшим злом, то уже Мабли она кажется *благодением*: только такая *очистительная* война в состоянии устранить построенный на насилии и грабеже старый режим и тем самым создать условия для достижения вечного мира. Более того, в последствии и *революционная межгосударственная война*, ведомая Францией в европейских масштабах, приобрела характер *войны против войны* и как таковая была освящена.

Во время французской революции и революционных войн новой Франции убеждения подобного рода превратились в политическую идеологию и были проверены практикой. В этой ситуации объявление агрессивных войн вне закона становится проблематичным.

Именно такая ситуация сложилась к тому времени, когда революционная Франция ощутила угрозу своему существованию и при определении своих внешнеполитических интересов поставила во главу угла самоутверждение революционного государства. Как только была осознана новая общественная значимость ее вооруженных сил и наступательный характер ведущейся ею войны, так сразу же вновь на первый план вышло положение, согласно которому война против угнетателей является единственной законной войной. Более того, Франция — как «единственная свободная нация Европы» — оказалась *вынужденной* вести подобную войну не просто ради восстановления законности, но

именно из соображений долга и ответственности за дело *освобождения всего человечества*. В рамках собственных *мессианских* представлений война против всего остального мира, которую Франция вела с силами старой Европы, приобрела характер *интернациональной гражданской войны*. Решающим и значимым для будущего было то, что теперь оправдывалась не война между государствами в качестве неизбежного зла, необходимого для прекращения гражданской войны (как это делали политики в XVI и XVII столетиях), но совершенно наоборот, узаконивалась война между государствами в качестве определенного способа ведения гражданской войны, необходимость чего диктовалась задачей уничтожения прежнего политического порядка Европы. Политическая философия, которая была ориентирована на рассмотрение не *системы государств*, а *человечества в целом*, и не могла судить иначе¹⁶.

Превращение межгосударственной войны в гражданскую войну между государствами имело свои последствия. Гражданским войнам присущи гораздо большая ярость сражающихся и гораздо более жестокое обращение с противником. Если для войн старорежимных государств была действительна максима, согласно которой *баталии королей не должны затрагивать гражданское население*, то теперь, наоборот, весь народ (реально или в пропагандистском измерении) становится участником войны. И если для солдат прежних государств были безразличны те или иные причины войны, то революционный воин отождествлял себя с ценностями, за которые шел воевать. Но уже в XIX веке стало понятно, что для армий, состоящих из солдат-энтузиастов, в повестке дня стоит вопрос о гуманизации военного права. Круг непосредственно затрагиваемых войной сфер жизни расширился, уважение к областям жизни общества, которых война прежде не затрагивала, постепенно сходило на нет, в результате война неизбежно криминализировалась, тем более, что за *образом врага* закреплялись отрицательно-преступные черты.

Таким образом, мессианизм идеологии, сопровождавшей первую фазу революционной войны и воодушевленной задачей освобождения человека и человечества, черпал свою силу из убеждения, что война ведется из соображений чистой и искренней любви к *окончательным целям человеческого существования*. Но побудительные причины этого энтузиазма довольно быстро и незаметным образом переместились из области воодушевления общечеловеческими ценностями к чувству *национального превосходства*. В основу этой новой самоидентификации

сначала было положено стремление осчастливить человечество (обогащенное реминисценциями былого величия и сознанием своего культурного превосходства и политической «прогрессивности»), затем эта схему сменил **национализм**. Революционная война превратилась в войну национальную. Были определены конкретные цели этой войны: не свержение тиранов, а обретение *естественных границ*. Положение о естественных границах занимало чрезвычайно важное место в дискуссиях о войне и мире, которые велись в то время между представителями «прогрессивной» общественности». Особенно значима она была для Фихте¹⁷.

То, что такая *наисправедливейшая* из войн должна была завершиться весьма значительными аннексиями в пользу Франции, считалось, без малейших сомнений на этот счет, само собой разумеющимся. Именно национализм и *национальная война* в первую очередь достались в наследство XIX веку от Французской революции, а вовсе не идея всеобщей революционной гражданской войны угнетенных против угнетателей (эта последняя оказалась впоследствии куда как менее влиятельной)¹⁸. С исторической точки зрения феномен и понятие национальной войны представляли собой компромисс, присущий огромному переходному политическому периоду между старорежимной эпохой междоусобиц и временем универсальной гражданской войны. *Национальная война* представляла собой *высший героический порыв, на который было еще способно старое общество*¹⁹, велась в формах и по правилам классических войн между государствами, однако присущие ей самоотверженность и подпитка высшими ценностями (справедливостью, в частности), как и ее ожесточенность, были заимствованы из арсенала войны гражданской. Национальная война видит в каждом отдельном представителе народа-противника *врага*, который должен быть уничтожен или, по крайней мере, обезврежен.

Просветительский проект мирного будущего и нарождающийся «белилизм». Представления о войне и мире, возникшие в лоне Просвещения в связи с революцией нашли у многих европейских мыслителей на рубеже веков двойственный отклик. Кант и Фихте, видят в состоянии вечного мира цель исторического развития и оба сходятся в том, что эта цель достижима только в результате изменения государственно-политического устройства. Весьма примечательным, однако, остается то, что у них приверженность идее вечного мира не отнюдь не ведет к абсолютной дискредитации войны. Вплоть до XVIII в. не подлежало сомне-

нию то, что война сама по себе — зло: пусть зло неустранимое и даже, наверное, необходимое, но, все-таки, зло. Разрозненные отдельные голоса, идущие в разрез с этим мнением, не получили поддержки²⁰. Только когда в XVIII в. война была заклеена как *величайшее преступление*, а мир стал рассматриваться как *вечный мир*, реализуемый благодаря прогрессу разума и морали, — только тогда феномен войны между государствами был подвергнут сомнению. Однако проявившейся в XVIII в. при постановке проблемы мира относительный *пацифизм* спровоцировал одновременно появление своей противоположности, *беллицизма*; не случайно наиболее яркими представителями этого последнего течения стали противники Просвещения, такие, например, как Жозеф де Местр. У этого автора мы находим целое собрание специфических образов и аргументов, которыми милитаризм подпитывался на протяжении всего XIX в.: особую историософскую теорию, согласно которой война — *движитель прогресса*; акцентированный *этатизм* (который позднее был синтезирован с *национализмом*); *религиозный триггизм* и *субъективизм* различных видов. Сочетаясь в различных комбинациях друг с другом и образуя определенные мотивационные комплексы, эти моменты определили в XIX в. конструкцию тех или иных разновидностей приверженности войне.

Оправдание войны как движителя прогресса, одной из *побудительных причин развития человеческого рода*, мы обнаружим также и у прогрессистски ориентированных Канта и Фихте. Война, с этой точки зрения, во все большей степени понимается не только просто как разрушительное явление, но и в качестве источника, пробуждающего дремлющие творческие силы, создающие новые, более высокие ступени развития. Правда, Кант и Фихте исторически релятивировали подобное понимание, определяя современность как поворотный пункт к «вечному миру». Однако — под влиянием романтической версии историзма — подобной прогрессистской релятивации не суждено было иметь продолжение: война обрела не только *историческое*, но и *извечное* оправдание. Противопоставление «прошлого» — «современность» было заменено на иную пару: «бессмысленное» — «осмысленное» (или на связку тех и других характеристик попарно), — и тем самым война (поскольку «осмысленное» рассматривалось как *возвышенное* явление) в качестве вершителя *суда над миром* (Шиллер) оправдывала суждение о том, что *наиболее мощное* государство есть *государство наилучшее*. Именно в рамках этой парадигмы находится утверждение Трейчке

о *неумолимой подлинности войны*²¹. Романтическое понимание истории и преклонение перед мощью государства соединились здесь в одно нераздельное целое. Это явилось источником воинствующего этатизма. Другим таким источником было гегелевское понимание государства как *нравственной тотальности*: только война есть повод для идентификации личности со *всеобщим началом*; и только война позволяет почувствовать политической нации и свою связь с Отечеством, придавая ей энергию и мужество и делая ее *свободной*. Гегель исходил в описании войны из ее понимания как состояния, *в котором принимается всерьез суетность временных благ и вещей, о чем обычно трактуют лишь назидательно*; именно война пробуждает, по Гегелю, истинный патриотизм²².

Эта идейная конструкция позволяет видеть, как этатистское содержание может быть увязано посредством понятий *лишений* и *жертв* с квазирелигиозной легитимацией войны. То, что такого рода позиция синтезируется с соответствующей эмфатической героизацией государства (часто концентрирующейся в образе той или иной личности) и выступает как альтернатива положению дел в «гражданском» (т.е. буржуазном, *bürgerliche*) обществе с его скрытой конкурентной борьбой, лишенной героизма, которого преисполнена настоящая война, служит основанием для отвержения *материализма нашего меркантильного века*. Тому, что подобного рода принципиальная антибуржуазная позиция получила широкое хождение, весьма способствовал густой замес национализма, еще более повысившего градус подобного рода этатизма. Как только государство конституировалось в государство-нацию, стало возможным его торжественное возвеличивание в качестве *основополагающей силы культуры* перенести на государственно-организованную нацию, а национальное самосознание превратить в чувство превосходства национальной культуры, которая призвана осуществить в мире присущую только ей задачу, по *достижению высшей ступени развития, к чему призвано все человечество*²³.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что такого рода воинственность принимает в расчет только войну между государствами, которая одновременно укрепляет внутреннее национальное единение. Эта исключительная сосредоточенность на *внешней* войне может расцениваться как свидетельство о том, что подлинным, но замалчиваемым мотивом восхваления государственной войны было в течение целого столетия желание недопущения войны *гражданской*, или страх перед революцией (как это представлялось и в консервативных,

и в ряде социально-критических концепций XIX в.). Еще Гегель, будучи убежденным противником революционного сценария европейского развития, констатировал, что *народы выходят из войны не только усиленными, благодаря внешним войнам наций, внутри которых действуют непреодолимые противоречия, но и обретают внутреннее спокойствие*²⁴. Мысль о том, что война, — не только благодаря эффекту нравственного возвышения до осознания *всеобщего интереса*, но и в силу уничтожения подрывных элементов — ликвидирует революционную ситуацию (и заглушает голоса тех, кто выступает за обострение и развитие последней), недвусмысленно выразил Якоб Буркхардт²⁵.

И тем не менее, как бы ни были сильны настроения (существовавшие более чем столетие), согласно которым война рассматривалась как нормальное, хотя и исключительно межгосударственное взаимодействие или даже в качестве очищающего и обновляющего социальную жизнь события, просветительская идея вечного мира (как состояния, единственно соответствующего требованиям естественного разума и человечности) никогда не уходила полностью с идейно-исторического горизонта. Соответственно, продолжала жить и максима, согласно которой лишь оборонительная война может быть признана соответствующей конституции, — то есть такая война, которая ведется за отстаивание попранных прав, а не политических интересов. Однако, в конечном счете, также, как и вытекавшая из государственной практики XVIII столетия точка зрения на войну как на *безболезненно* применяемый подручный инструмент международной политики (не затрагивавший непосредственно интересы гражданского населения), в анахронизм превратилась и либеральная точка зрения на это явление. Одновременно в понимании сути вопроса произошла переориентация на другие парадигмы, вызванные к жизни иными реальностями; причем это событие было связано как с наследованием оправдания гражданской войны, так и с переформатированием самих оснований такого оправдания. После 1848 года прежнее представление о справедливой войне как о войне оборонительной приказало долго жить, поглощенное потоком нарастающего милитаризма (продолжив свое существование лишь в форме декоративно-пропагандистской фигуры). Понятие же *революционной гражданской войны* переключалось из либеральной традиции в демократический радикализм и, в конечном счете, в социализм, чтобы в рамках данных концепций приобрести антибуржуазную и антилиберальную направленность²⁶.

«Социально-критическая» трансформация понятия революционной гражданской войны. Начиная с этого момента, критике, в качестве источника военной угрозы, подвергается уже не деспотия и аристократы, а само буржуазное общество и конституирующий его *принцип частной собственности*. Соответственно, как препятствие к достижению вечного мира рассматривается теперь не политическое, но прежде всего социальное угнетение и эксплуатация: *Хотя мы и считаем войну злом, мы прибегаем к ней как к противоядию против большего зла ... вот почему, пока на Земле царит несправедливость, война необходима ... Не мир я принес, но меч, говорит Христос.* — Поэтому: *Низвержение ветхого порядка есть революция; следовательно, прогресс мыслим только на основе революции!*²⁷.

Все это подталкивает общественно-политическую критику (нацеленную теперь на поиск возможности искоренения *социальных* причин войны) к представлению, согласно которому «старый порядок», пока он был устойчив, успешно сглаживал и скрывал подлинную сущность и остроту социальных противоречий в рамках прежней системы отношений и представлений; теперь же, в XIX в., как считается, по мере становления порядка буржуазного, все эти противоречия оголенно проявились во всей своей неприглядности. Ярко окрашенный социально-революционный посыл — к ликвидации порождающих войну антагонизмов буржуазного общества посредством уничтожения самого этого общества в ходе гражданской войны — получил свое развитие и завершение в марксистской доктрине. Энгельс следующим образом описывал положение рабочего класса в Англии: *В этой стране в ходе социальной войны каждый стоит сам за себя и борется за самого себя против всех остальных ... Грядущая война бедных против богатых ... может стать самой кровавой войной по сравнению со всеми прежними войнами*²⁸. Весьма характерно, что здесь понятие войны употребляется в новом, специфически присущем марксизму смысле: война, ведущаяся, по словам Маркса и Энгельса, *в Англии постоянно с 1770 года между пролетариатом и буржуазией*²⁹ должна и может быть интерпретирована в универсальном масштабе *теории классовой борьбы* (то есть — в рамках понимания *всей* прежней истории как *истории борьбы классов*³⁰).

«Тотальная война». Концепция «гражданской войны» приобретает значимость снова только в начале XX в. (ленинская теория превращения империалистической войны в гражданскую), а затем во второй половине того же столетия, особенно же — после Второй мировой

войны. Одной из причин актуализации данной традиции явился тот факт, что развитие средств ядерного уничтожения полностью лишило смысла межгосударственные войны как инструмент политики. Тем временем как унаследованная от прошлого система суверенных государств (хотя и видоизмененная в эпоху существования двух сверхдержав) продолжала существовать, открытая война между отдельными государствами, в качестве имманентно присущей данной системе черты, становится практически невозможной, — за исключением локальных войн между несамостоятельными в военном отношении государствами. В рамках этой дилеммы вновь обретает актуальность революционная война, хотя она и представляет собой вроде бы унаследованную от прошлого форму конфликта, появляющегося в условиях крайне неоднородной социальной структуры, а также слабости и неадекватных действий системы государственного принуждения. Эта форма позволяет великим державам (скрытно или через открытую интервенцию) насильственным путем осуществлять свои интересы с помощью военной силы в условиях невозможности прямой конфронтации между ними³¹.

В любом случае, следует учитывать то, что возможность появления и применения средств массового уничтожения уже в первой половине XX столетия вызывает к жизни понятие «тотальная война». Более того, еще у Клаузевица и его преемников появилось предвосхищение данного концепта в форме четкого различия между войной в *абсолютном*, или *абстрактном* смысле и войны *ограниченной*. Это различие основывалось на противопоставлении различных целей военных действий (*полный разгром врага* в первом случае и *достижение ограниченных политических целей* во втором). Одновременно в той мере, в какой это различие способствовало осознанию новой исторической реальности, возникшей в результате Великой французской революции, вышеназванная *идеальная война*, то есть война, *соответствующая своему понятию*, вновь Правда, даже такое понимание войны, которое мы встречаем в облике «войны идеальной», пока еще не затрагивало напрямую возведенных прежде либеральной традицией четких демаркаций между комбатантами и некомбатантами, военными и гражданскими элементами, государственными и общественными областями, публичной и частной сферами. И все же, данное понятие уже было связано с универсализацией органично присущего ему милитаристского смысла. Государственно-политическая конкрети-

ка наполнения данного понятия такого рода содержанием состояла, в частности, во введении *всеобщей* воинской повинности, что, естественно, вело к размыванию четкости прежде значимых политико-правовых разграничений между собственно военной сферой и другими областями общественной жизни.

В свою очередь, *тотальная* война и вовсе снимала эти разграничения. Последняя, в понимании Людендорфа, ведется не только против вооруженных сил противника, а и напрямую против народов: она, по его словам, захватывает непосредственную жизнь и всю душу каждого, кто принадлежит к воюющему народу³². Иными словами, тотальная война характеризуется тем, что она упраздняет все указанные разграничения, вовлекая весь народ непосредственно (а не только через участие в армейской организации) в ведение военных действий. В основе такого понимания лежит тот факт, что тотальная война ведется не ради *частных* или *мелкотравчатых политических целей* и не за реализацию *великих национальных интересов* (что соответствует целям «абсолютной войны»), но ее смыслом является защита *существования* и *идентичности* как таковых — «сохранение жизни» (*Lebenserhaltung*) государств и народов, по словам Людендорфа. При этом безусловно предполагается, что народ, образующий государство, конечно же, имеет свою собственную сущность и тем самым и свою *уникальную идентичность*, и что тотальная война мыслима только в свете ее (войны) *идеологической легитимации*. Ее цель — не просто разгром врага, но и непереносимое самоутверждение на основе уничтожения враждебного государства и народа, если и не в физическом, то в политическом и моральном смысле. *Дискриминация* противника является сущностной целью тотальной войны и оправдывает *оккупацию*, которая вновь становится актуальной в этом отношении, после того как последняя уже целое столетие отвергалась как нелегитимная цель войны³³.

Несмотря на эту «тотализацию» понятия войны, нельзя отрицать, что развитие новых систем оружия необходимо привело к осознанию необходимости поддержания состояния мира для обеспечения биологического выживания человечества и вызвало абсолютный и необратимый разрыв с традицией в представлениях о войне³⁴. Результатом явилась существенная дезориентация и беспомощность мышления в освоении проблематики войны, от которых современная политическая теория пытается избавиться на основе новой науки, полемологии и неополемологии.

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989. С. 202.

² «Современное понимание», то есть — размывающее парадигму «тринитарной войны» Клаузевица и требующее переосмысления смыслового поля данного понятия в связи с исторически проявившей себя со второй половины XX в. невозможностью использования вооруженных сил в качестве инструмента достижения значимых политических целей. — См. об этом: *Кревельд М. ван*. Трансформация войны. М., 2005.

³ М. В. Ильин констатирует, что семантика иррационального насилия еще во многом определяет характер политического процесса в нашей стране, препятствуя ее модернизации. Соответственно, одним из условий которой является, рационализация политических мысли и действия, работа по прояснению и более четкой фиксации смысловых полей понятий, что, в конечном счете, могло бы способствовать совершенствованию отечественной политической коммуникации. — См.: *Ильин М. В.* Слова и смыслы. М., 1997. С. 3–7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Общую историю развития понятийно-смыслового поля понятия «война» и специально характеристики средневекового понимания и ведения войны см.: *Janssen W.* Friede // *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / hrsg. von Otto Brunner ... Bd. 3. Stuttgart, 4. Aufl. 1995. S. 567–615. — Ср.: *Кревельд М. ван*. Указ соч. С. 91–94.

⁶ См.: *Janssen W.* Ebd. S. 568–576.

⁷ См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 17–171.

⁸ *Кревельд М. ван*. Указ соч. С. 90.

⁹ В этом смысле шекспировский Гамлет, по мнению Э. Ю. Соловьева — фигура столь же символичная, воплощающая в себе апатию, вызванную *страшным* напряжением своего *ужасного* века, сколь и в известном смысле обыденная: «Слова, имеющие в виду процессы тления, гниения и распада, пожалуй, основные в языке Гамлета. Позднейшие эпохи видели в этом примету меланхолии (некоторого исключительного настроения, принадлежащего Гамлету-принцу) и часто давали ей декадентскую трактовку. Между тем для XVI–XVII веков Гамлет более всего народен именно своими кладбищенски-могильными каламбурами, возвышающимися порой до обличения универсальной, космической бессмыслицы. В ироническом разговоре с Полонием прорываются такие слова: „Что и говорить, если даже такое божество, как солнце, плодит червей, лаская лучами /138/ падаль... Есть у вас дочь? — Есть милорд. — Не пускайте ее на солнце“. Полоний не понимает Гамлета, но не он один: мы не совсем понимаем Гамлета вместе с Полонием; нам его шутка

кажется экстравагантной, вычурной, содержащей в себе момент зауми. Между тем для зрителя XVII века каламбур принца был совершенно ясен, а не воспринимающий его Полоний представлялся наглядным воплощением тупости. Надо было быть живым свидетелем полей, усеянных трупами людей и животных, свидетелем каждодневных похорон, разрухи, смрада и эпидемий, которые несла с собой война, чтобы не видеть никакой натяжки в образе солнца, плодящего червей. [...] Сознание ... Гамлета прямо и непосредственно совпадало с преднайдённым общим сознанием шекспировского современника. Ничто не было для него так естественно, как отвлечение к жизни и ощущение «недейственности» (суетности) всех «политических» акций. Таков был последний, психологический плод гражданского междоусобия, вырвавшего индивида из традиционных (будь то общинных, будь то конфессиональных) связей и противопоставившего его другому до зубов вооруженному индивиду. [...] Жизнь стала каждодневным бегством от смерти, и, чтобы прекратить эту изнурительную бессмыслицу, люди согласны были на любое упорядочение общества, пусть даже несущее на себе печать казармы и тюрьмы. Только бы войны не было; только бы жить в тишине». — Соловьев Э. Ю. «Гамлет» Шекспира в контексте эпохи // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). — М.: Политиздат, 1991. — Источник: http://scepsis.ru/library/id_2635.html / Время обращения: 01.10.2012.

¹⁰ «Я был свидетелем такого безобразия на войне между христианами, которое позорно даже для варваров, а именно: сплошь и рядом берутся за оружие по ничтожным поводам, а то и вовсе без всякого повода, а раз начав войну, не соблюдают даже божеских, не говоря уже о человеческих, законов, как если бы в силу общего закона разнузданное неистовство вступило бы на путь всевозможных злодеяний», — пишет Г. Гроций, отказываясь от традиционной, теистически-гетерономной доктрины естественного права. — Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 51.

¹¹ «Вменение происходит не с помощью нормы», — пишет К. Шмитт по поводу концепции Гоббса, — и отмечает далее: «Формула права как норма решения только определяет, как должно решать, но не кто должен решать», тогда как «для реальности правовой жизни важно то, кто решает»; «... он (Гоббс. — А. Ч.) ... нашел классическую формулировку антитезы: „*Autoritas, non veritas facit legem* [Авторитет, не истина создает закон]“, — и тем самым он нашел возможность «отклонить все попытки заменить конкретный государственный суверенитет абстрактно действующим порядком». — Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб, 2005. С. 307–308. — Э. Ю. Соловьев видит суть возникшего в конфликтной ситуации XVI в. этатизма раннебуржуазной теории (который свойственен также и Гроцию, и Спинозе) в единодушном признании того, «что только монолитная государственность, отвечающая понятию

национального суверенитета, способна обеспечить условия самого выживания человеческого сообщества». — *Соловьев Э. Ю.* Политико-юридические завоевания Реформации // *Философия эпохи ранних буржуазных революций.* М., 1983. С. 219.

¹² Ср.: «...Право не получает своего внешнего осуществления, если оно лишено силы для проведения в жизнь», — хотя сила права — не в насилии. — *Гроций Г.* Указ соч. С. 49.

¹³ См. *Мор Т.* Утопия. М. 1978. С. 242–243.

¹⁴ *Гроций Г.* Там же. С. 85. — См. об этом: *Чанышев А. А.* Право и управление. XXI век, 2007, № 1. С. 99–100.

¹⁵ Эта революционно-волюнтаристская направленность может быть подтверждена, например, при сравнении гоббсовского, и руссоистского учения о суверенитете. А. Ф. Филиппов отмечает, что такое сравнение позволяет обнаружить их принципиальное различие: если социальный порядок у Гоббса обеспечивается не только сувереном, а держится еще и за счет независимого от последнего общественного договора, а кроме того, еще одной опорой такого порядка является естественный разум человека (его разумный эгоизм), то у Руссо порядок «держит сам себя». «Тот, кого Гоббс объявляет сувереном, у Руссо оказывается „уполномоченным“ суверена, т. е. народа, т. е. общества. Он не только не удерживает общество в единстве, но, напротив, может быть смещен народным решением в любой момент. Обычно отсюда выводят крайне опасный политический характер рассуждений Руссо, что в общем вполне справедливо и подтверждается практикой всех революций». — *Филиппов А. Ф.* Техника диктатуры // *Шмидт К.* Указ. соч. С. 307–308.

¹⁶ См.: *Janssen W.* Op. Cit. S. 587–590.

¹⁷ Фихте пишет, в частности: «Государства, которые должны были бы ... представлять одно целое ... и ... лежат в пределах одних и тех же естественных границ, находятся между собою в состоянии естественной войны ... мир заключается лишь для того, чтобы можно было снова начать войну. Всегда было привилегией философов вздыхать по поводу войн. Автор любит их не больше всякого другого. Но он видит их неизбежность при современном положении вещей ... Чтобы уничтожить войны, надо уничтожить причины войн. Каждое государство должно получить то, что оно намеревается получить войною ... — свои естественные границы». — *Фихте И. Г.* Замкнутое торговое государство // *Фихте И. Г.* Сочинения в двух томах. Т. 2. СПб., 1993. С. 324–325.

¹⁸ См.: *Janssen W.* Op. Cit. S. 591.

¹⁹ *Маркс К.* Гражданская война во Франции. — Источник: http://www.scepsis.ru/library/id_762.html.

²⁰ Речь идет, в частности, о Бодене, желавшем признания войны как занятия, для которого необходимы добродетель и деловитость.

²¹ См.: Janssen W. Op. Cit. S. 601.

²² « ... Есть, следовательно, момент, когда идеальность *особеннополучает свое право* и становится действительностью; высокое значение войны состоит в том, что, благодаря ей ... сохраняется нравственное здоровье народов ...; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, ... так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более, вечного мира». — Гегель Г.-В.-Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 360.

²³ Фихте, например, полагает, что каждое государство, способное к достижению максимально возможной высоты цивилизационного развития (становясь на время *наиболее передовым царством культуры*), необходимо выполняет (через экономическую и военную экспансию) культу́ртрегерскую миссию, приуготовляя тем самым возникновение высшего и подлинно универсального «царства культуры». — Правда, такого рода позиция еще уравнивается у него космополитическим *всемирно-гражданским чувством*; предельный для Фихте масштаб историософского мышления в конечном счете основан на признании ограниченности и исторической преходящести такого образования как отдельное государство-нация: гибель отдельного государства — это еще не гибель Родины. По словам Фихте, «отечеством для него (для европейца. — А. Ч.) является вообще Европа, а в частности — в каждую отдельную эпоху — это то европейское государство, которое стоит на высоте культуры». — Фихте И. Г. *Основные черты современной эпохи* // Фихте И. Г. *Сочинения в двух томах*. Т. 2. СПб., 1993. С. 574.

²⁴ Гегель Г.-В.-Ф. Указ соч. С. 361.

²⁵ См.: Burckhardt J. *Weltgeschichtliche Betrachtungen* // *Gesammelte Werke*. Bd. 4. Darmstadt., 1962. S. 119.

²⁶ См.: Janssen W. Op. Cit. S. 605–607.

²⁷ Вейтлинг В. *Гарантии гармонии и свободы*. М., 1962. С. 129.

²⁸ Энгельс Ф. *Положение рабочего класса в Англии*. — Источник: <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet02.htm>.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Источник: <http://library.rksmb.org/text/kmfe-pss-t03.pdf>.

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии*. — Источник: <http://ru.wikisource.org/wiki>.

³¹ См.: Кревельд М. ван. Указ соч. М., 2005. С. 18–63.

³² Людендорф, в частности, пишет: «В последней войне невозможно было провести разграничительную линию между вооруженными силами и народом в тылу, отделить их друг от друга. Эта война стала воистину всенародной для обеих сторон: сплоченными рядами схватились между собой могущественные державы земного шара. А потому нужно было не только победить врага на поле боя, но и подорвать

жизненную силу, сломить дух целого народа, парализовать его волю к сопротивлению». — Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918 — Источник: http://royallib.ru/read/lyudendorf_erih/moi_vospominaniya_o_voyne_pervaya_mirovaya_voyna_v_zapiskah_germanskogo_polkovodtsa_1914_1918.html#0.

³³ См.: *Janssen W.* Ebd. S. 612–614.

³⁴ В этой связи весьма характерно, например, следующее высказывание: «Законы войны также нуждаются в доработке и приведении в соответствие с меняющимся характером современной войны. Понятие ассиметричных военных действий и лексикон «войны с террором» подвергают сомнению важнейшее различие между «комбатантами» и «гражданскими лицами». Да и технологии порождают все новые дилеммы. Несмотря на утверждения о хирургической точности, удары беспилотников приводят к потерям среди гражданского населения, которые трудно измерить, и при этом одна из сторон вообще не имеет боевых потерь. В некоторых случаях беспилотные летательные аппараты приносят больше вреда, чем пользы: они терроризируют население тех районов, по которым наносятся удары, и причиняют ему глубокие травмы, из-за чего может усиливаться поддержка радикальным группировкам». — *Arbour L.* 10 Conflicts to Watch in 2013 // *Foreign Policy*, Dec. 27, 2012. — Источник: <http://www.inosmi.ru/world/20130109/204365154.htm/>.

Д. М. Фельдман

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОЖИДАНИИ «ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

Тезисы моего доклада, представленные в материалах VIII конгресса на сайте РАМИ были озаглавлены несколько иначе: «Теория международных отношений на «онтологическом повороте». Однако обсуждения, последовавшие за выступлением на эту тему, и навеянные ими размышления заставляют дать тексту доклада более точно отвечающее содержанию рассматриваемых процессов название.

Сегодня можно с высокой долей уверенности констатировать, что в современной теории международных отношений (далее — ТМО) некогда бурно развивавшийся идеолого-парадигмальный подход к изучению исследуемой реальности в значительной мере потерял свое значение как методологическая основа исследования. Признание этого факта за рубежом вышло за стены исследовательских центров, институтов и лабораторий и получило свое отражение на страницах лучших из отечественных учебников¹.

Сама по себе эта констатация подтверждает растущую актуальность отказа от традиционного для России информационно-справочного построения лекционных курсов и учебников по ТМО. Но она не объясняет причин отрыва теоретических построений, к тому же часто претендующих на методологическое значение, от реальных нужд отечественных исследователей мировой политики и международных отношений.

Поиск причин, обусловивших подобную ситуацию, по-моему мнению, ни в коем случае не может сводиться к «чистой» внутринаучной рефлексии, но должен включать в себя и рассмотрение социокультурных оснований науки о международных и, в том числе — международно-политических, отношениях. Как хорошо известно, она, как и любая подлинная наука интернациональна, но каждый научный результат (успех или провал) получен благодаря усилиям отдельных индивидов или вполне определенных групп исследователей. Его оценка и использование обуславливают обращение к особенностям функционирова-

ния научного этоса, работающего в страновых социумах, существенно различающихся по социальным условиям научной деятельности. Речь идет не только об уровне инвестиций в науку или о востребованности научного знания в разных странах, но, прежде всего, о социокультурной обусловленности характера и форм получения научного знания.

Не секрет, что ТМО в России до сих пор переживает период, несколько лет тому назад ярко, хотя, может быть, и не совсем точно, названный А.Д. Богатуровым «парадигмой освоения». По его мнению, сложившаяся ситуация, помимо всего прочего, была и знаком «незавершенности становления школы исследований по теории международных отношений в России»².

Прошедшие годы нашей работы не привели к появлению нового качества в этом процессе. Становление ТМО в России все еще продолжается. Конечно, нельзя не отметить отдельные удаchi отдельных авторов или небольших авторских коллективов собранных *ad hoc*. Тем не менее, для общего массива отечественных публикаций по проблемам ТМО все еще характерна отчетливо выраженная «детскую болезнь». Один из её симптомов — некритическое заимствование из-за рубежа отдельных понятий и терминов. Не нагружая себя выработкой понимания того как, отчего и почему тот или иной концепт появился в условиях, которых в России нет, в рамках каких теоретических построений он может и должен быть верифицирован, какую политическую нагрузку он несет, отечественные исследователи погрузились в мир зарубежных фикций.

Ни в коей мере не умаляю эвристического и практического значения использования в науке заранее определенных и конвенционально закреплённых «мнимостей». Среди них: $\sqrt{-1}$, не существующие в реальности «идеально-черное тело», «несжимаемая жидкость» или «дьяволы Максвелла». Более того: полагаю целесообразным напомнить о том громадном вкладе в науку, который внесли астрологи, алхимики, хироманты и жрецы давно позабытых богов, не только создав для нее реальную фактологическую базу, но и многие до сих пор широко используемые инструменты научных исследований.

Все это следует отличать от фикций. Среди их создателей первое место, безусловно, принадлежит изобретателям вечного двигателя. Наряду с ним вошли в историю — пшеница, «развившаяся» из ржи, синица, вылупившаяся из яйца кукушки и мн. другие активно пропагандируемые «достижения» Т. Лысенко и прочих петриков. Увы! Они «входят в историю» попортив кровь (бывает, что и погубив) многих ученых.

Введя и проиллюстрировав различие между «мнимыми» и «фиктивными» результатами труда исследователей, попытаюсь, никого не обидев, а по возможности и не назвав, обратиться к работам тех, кто стремится внести свой вклад в отечественную ТМО, повторяя чужие суждения. Их усилия посвящены исследованию и популяризации «новых» фикций. Среди них: «асимметричные конфликты», «новые акторы мировой политики», «международные конфликты нового поколения». Появление целого ряда трудов, посвященных исследованию всего этого и даже учебников, эти труды пересказывающих и обобщающих, не отменяет того, что ни одного симметричного конфликта со времен Каина и Авеля (допустим, что они были однойцевыми близнецами) как не было, так и нет, да и конфликт между ними никак нельзя считать международным. До сих пор пока нет и нового (или хотя бы молодого и свежего, в возрасте менее 2–3 веков) актора мировой политики. Что же касается международно-политических «конфликтов нового поколения», в которых якобы лишь недавно стали сочетаться внутривнутриполитические и внешнеполитические составляющие, то это поколение конфликтов живет и здравствует, по крайней мере, в европейской цивилизации, уже со времен античной Греции и Древнего Рима.

Как это не раз случалось в истории человеческого познания, изучение несуществующего оказалось очень полезным для совершенствования техники исследования, обучения и роста статуса самих исследователей. Желаящие могут легко припомнить публикации соответствующих работ, в том числе и кандидатских, и докторских диссертаций. Не случайно, один из едких критиков этой псевдоновизы Соглашаясь с авторитетным специалистом «в принципе», полагаю, что это предложение вряд ли будет реализовано приверженцами зарубежных «новаций». Заимствуя за рубежом новые (и многие другие) концепты им, было бы полезно учитывать, что наука, многие десятилетия развивавшаяся в условиях рыночной экономики, доминирования грантовой системы финансирования и погони за ростом рейтинга не может не быть ориентирована на поиск бьющей в глаза терминологической новизны. С ее помощью проще всего подчеркнуть вклад «новатора» в науку. Конечно, это явление в какой-то мере было присуще и советской науке, планово финансируемой из госбюджета. Ей также была свойственна борьба за объемы финансирования, господствующие позиции позволяющие контролировать предметное поле, за престиж исследовательского коллектива и удовлетворение личного самолюбия.

Но куда в большей степени это свойственно американской науке о международных отношениях, откуда, несмотря на идейно-политическую несовместимость, отечественные специалисты заимствуют многие теоретические концепты. Понятно, что эта наука является частью не только мировой, но и американской культуры. Не подозревая зарубежных коллег в исторической безграмотности, предполагаю, что понятие «новизна» имеет для них несколько иное, чем у европейцев содержание. В этой связи ограничусь напоминанием общеизвестного: в Италии собор XVIII века иронично, но в общем архитектурном контексте совершенно справедливо, называют «новоделом», а в некоторых русских городах часть жилого фонда (увы!) старше, чем государственность США.

Фикции в ТМО мало полезны для решения проблем, стоящих перед наукой, стремящейся, изучая реальность, заглянуть в будущее. Не случайно, что сегодня отечественные исследователи, углубленно занимающиеся мировой политикой, в частности проблемой глобального управления, озабочены неопределенностью онтологической идентификации своего предмета исследования: «объект глобального управления мерцает — он и есть, и его нет. С субъектом управления ситуация обстоит даже хуже. Он отсутствует в большей степени, чем объект управления»³.

Пытаясь восполнить нехватку (как философских, так и эмпирических, конкретно-политических) оснований для своих суждений об источниках движения мировой политики, некоторые из них указывают на национализм и религиозный фундаментализм как на «новых акторов мировой политики»⁴ или рассматривают религиозный фундаментализм как ее субъекта⁵. В итоге, не найдя опоры в «новых» фикциях, политологи-международники столкнулись с «неразличимостью» субъекта и объекта в мировой политике. Так, в своей книге М. М. Лебедева, М. В. Харкевич и П. И. Касаткин отмечают: «субъект и объект управления неразличимы»⁶.

Всё это отчасти напоминает потерю физиками материи, случившуюся на рубеже XIX–XX вв. Периодически возвращаясь к обсуждению этой ситуации, современная физика использует трактовку теории как теории «явлений», сочетающейся с теорией «наблюдателя». Иногда это дополняется тезисом о том, что объект сопротивляется и даже «мстит» своему создателю и преобразователю, вырвавшему его из непознанной и непреобразованной реальности. Эти суждения не следует

отождествлять с популярном среди части современных конструктивистов и «мошенников на доверии» солипсистской онтологической посылкой: «не существует никакого иного знания о реальном мире, кроме того, что заключено в изобретаемых нами категориях»⁷.

В последние десятилетия политическая теория, по-видимому, не без влияния физики исходит из того, что «категории политического субъекта и объекта, вне сомнения, носят соотносительный характер, поскольку политические тела, выступающие в одном отношении как объект, в другом измерении могут выступать уже в роли субъекта или даже моментально меняться своими местами в ходе изменения политической ситуации»⁸. Подходя к рассмотрению эффективности субъект-объектных отношений в сфере политического управления М. М. Лебедева, М. В. Харкевич и П. И. Касаткин отмечают: «Успех управления зависит от того, насколько полно субъекту удалось слиться с объектом, гармонизировать свои ценности с ценностями управляемой им системы. Хорошо описывает данный подход акторно-сетевая теория, в которой субъект и объект неразличимы»⁹.

Действительно, задача выявления онтологических оснований субъектов и объектов в мировой политической сети сегодня не только описывается, но и решается весьма успешно. Мировая политика, выйдя за пределы отдельных ойкумен и регионов, где она «вызревала» на протяжении предшествующих веков, ныне охватывает всю сферу международно-политического взаимодействия глобализирующегося социума. Политическая наука концептуализировала этот факт в теоретическом осознании сетевой природы мировой политики как одного из объектов своего изучения¹⁰. Это почти совпало по времени с широким распространением сетевого подхода как метода исследования политических сетей¹¹.

Важно подчеркнуть, что если сетевая теория мировой политики и сетевой подход почти ровесники, то сеть мировой политики как объект научного познания старше их на многие столетия. Поэтому те транснациональные связи, которые, представляют собой международные сети, рассматриваются на примере таких не «новых» образований, как например, «пиратские сообщества (преимущественно XIV–XVIII вв.), Ганзейский союз, европейские купеческие гильдии, Британская Ост-Индская компания, существовавшие во множестве религиозные организации, религиозно-мистические ордена и группы и многое другое»¹².

Не стремясь дать обзор, учитывающий и оценивающий различия и оттенки в понимании отдельными авторами политических сетей вообще и сети мировой политики в частности, следует указать на то общее, что является главным в этом понимании, представляя собой инвариант концептуализации любой политической сети. Можно утверждать, что этим общим и главным является неизменно фиксируемый в различных вариантах концептуализации сетей неиерархический характер их структуры. Эта констатация, изложенная со множеством методологических, политических и национальных акцентов¹³, составляет структурный инвариант сетевого понимания мировой политики, определяя его сущность и главное онтологическое отличие от любой другой «не сетевой» её концептуализации. Вариативность сетевых форм организации глобального социума, многообразие их типов и природы, не колебля структурно-онтологической основы, бытийного наличия этого инварианта, характеризующего все сети, помогает прояснить различие субъект-объектных и субъект-субъектных отношений.

Выявление онтологической основы сетевой методологии позволяет сблизить гносеологический и онтологический подходы в теории политических сетей. Как отмечается в отечественной литературе, различия этих подходов сказались на формировании двух не сильно обогнавших нас теоретических школ — англосаксонской и немецкой. При этом особенностью англосаксонской школы является понимание политических сетей как абстракции, созданной для проведения различий между вариациями в неформальных политических процессах. В свою очередь, представители немецкой школы понимают политические сети преимущественно онтологически, как реально существующую форму политического управления и коммуникации между взаимодействующими субъектами, сложившуюся в результате трансформационных процессов, происходивших на уровне глобальной политической арены и сформировавших понимание невозможности концентрации власти в едином центре¹⁴.

Следует подчеркнуть, что такое сближение идет в русле «онтологического поворота», характерного для современного развития научного знания. Как совершенно верно пишет П. П. Гайденко «преодолеть субъективизм, ставший в новое («для истории», что хорошо известно П. П. Гайденко. — Д. Ф.) время руководящим принципом при исследовании научного знания и постепенно превратившим гносеологию в основную философскую науку, можно лишь путем обращения к рас-

смотрению *бытия* как центрального понятия философии и — соответственно — к онтологическим, бытийным основаниям всякого знания, в том числе и знания научного»¹⁵.

Известно, что отечественный «инструментальный цех», обслуживающий производство научного знания, в нашей стране работает давно и не плохо. Однако его продукция мало востребована теоретиками-международниками, предпочитающими использовать хорошо разрекламированные, но не всегда доброкачественные зарубежные методологические средства. Не впадая в патриотический изоляционизм, который для России ничуть не более плодотворен, чем для кого бы то ни было, хотелось бы пожелать отечественной ТМО повернуться лицом к реальности и, завершив очередной поворот, перейти от освоения и заучивания чужих для нас парадигм и концептов в стадию развития «нормальной науки».

¹ По данным полученным от ученых из 10 западных стран в 2000 годах в рамках реалистской парадигмы создается около 30% литературы, в рамках либерализма — 27%, конструктивизма — 16%, марксизма — 6%, феминизма — 6%, вне парадигм — около 16%. Более того, в соответствии с проведенным анализом количество статей, написанных в рамках четырех основных парадигм, вместе взятых начиная с 1980 г. ни разу не превысило половины от общего количества статей! Одновременно доля статей (без учета монографий), написанных вне рамок парадигм, выросла с 30 до 50%. В настоящее время около трети исследователей-международников считают, что их работы не вписываются в рамки ни одной из существующих парадигм. Подробнее см.: Современные международные отношения. Учебник. Под ред. академика РАН А. В. Торкунова и кандидата политических наук А. В. Мальгина. Аспект Пресс. Москва. 2012. С. 37.

² Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. // Международные процессы. 2004. Том 2, номер 1(4). С. 27

³ Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Глобальное управление. М., 2013. С. 14.

⁴ См.: Боришполец К. П. За что боремся? «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты». М., изд. МГИМО(У). 2008. С. 190–208.

⁵ См.: Боришполец К. П. Амальгама религиозных ценностей и перспективы межконфессионального сотрудничества // Универсальные ценности в мировой и внешней политике. М., изд. Московского университета. 2012. С. 60–66.

⁶ Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Цит. раб. С. 61.

- ⁷ См.: Somers M. R. Fear and Loathing of the Public Sphere and the Privatization of Citizenship: How to Deconstruct a Knowledge Culture. // Working Paper № 127. Ann Arbor, 1997. Цит. по: Прахова Ю. М. Проблемы формирования и функционирования социальной идентичности — конструктивистский анализ Т. Хонфа. // Социально-гуманитарные знания. 2003, № 5. С. 221.
- ⁸ Дегтярёв А. А. Основы политической теории. М., 1998. С. 108.
- ⁹ Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Цит. раб. С. 62.
- ¹⁰ В конце 1980-х гг. на сетевых параметрах международно-политических отношений современной эпохи акцентировали свое внимание В. О. Keohane and J. S. Nye. Power and Independence. New York. 1987.
- ¹¹ См., например, Heclo H. Issue Networks and the Executive Establishment / The American Political System. / ed. By A. Kmg. — Washington, DC: AEI, — 1978; Knoke D. Network analysis. / D. Knoke, J. H. Kuklinski. — Sage Publications. — 1982; Knoke D. Political Networks. The Structural Perspective. / D. Knoke — Cambridge, 1990.
- ¹² Косов Г., Потапов В., Ширяев В. Политические сети: специфика современной архитектуры. — М.: ж. Власть. 2013. С. 65.
- ¹³ Среди множества публикаций, позволяющих сформулировать этот тезис, отмечу лишь: Börzel T. A. Organizing Babylon — On the different conceptions of policy networks / T. A. Börzel // Public Administration. — 1998. — Vol. 76. — No. 2. — P. 253–273; Börzel T. A. Networks: Reified Metaphor or Governance Panacea? / T. A. Börzel // Public Administration. — 2011. — Vol. 89. — No. 1. — P. 49–63.
- Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches, in Policy Network in British Government. D. Marsh, R. Rhodes. — Oxford, 1992.
- Castells, M. Communication, power and counter-power in the network society. M. Castells // International Journal of Communication. — 2007. № 1. — pp. 238–66.
- Maoz Z. Networks of Nations: the evolution, structure, and impact of International Networks, 1816–2001. / Maoz Z. — New York: Cambridge University Press, 2011.
- Саворская Екатерина Владимировна. Автореферат. Влияние политических сетей на процессы надгосударственного управления (глобальный и европейский уровни). М., 2013.
- ¹⁴ Подробнее: см. Косов Г., Потапов В., Ширяев В. Цит. раб., а также Курочкин А. В. Теория политических сетей: предпосылки становления и место в современной политической науке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011, № 8(14), ч. III. С. 117–120.
- ¹⁵ Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 44–45.

ЛУКАВЫЙ МИРОТВОРЕЦ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗУМ В МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И. КАНТА

Проблема политической рациональности является конвенциональной для политической философии и политической теории. Политический разум — качество политического сознания, отвечающего требованию рациональности. Предметом политического сознания одновременно выступают внутривнутриполитические и международные отношения, между которыми Кант устанавливает определенные зависимости. Целью данной работы является изучение представлений Канта о связи политического разума и политической реальности.

Реконструкция воззрений ученого представляет большую сложность, поскольку политический разум рассматривается с нескольких позиций: как предмет политической философии и как предмет положительного знания. Мыслитель постоянно выходит за пределы политической философии и формулирует утверждения о политической реальности. Это означает, что разум выступает средством оценки политических отношений и одновременно исследуется как функциональный элемент этих отношений. Это принципиально разные исследовательские подходы и Кант соединяет их методологически сомнительным приемом — отсылкой к эволюции и Провидению («природе»). Разум — орудие и продукт реальности — «вдруг» начинает предписывать этой реальности нормы. Пока неморальный политический разум действует на ниве неприглядной политики, манипулируя человеческими страстями и пороками, его просвещенный двойник в полноте разумения и со скорбью возносится над политической эмпирией и судит ее с высоты идеала. Всё это объясняется сложностью предметной принадлежности кантовских размышлений о политике. Деонтологический (моральный) разум не нуждается в сложных комбинациях человеческих пороков и остается аксиологически безупречным: «Разум указывает нам, что следует делать, чтобы остаться на стезе долга (по правилам мудрости); для этого, а тем самым и для конечной цели он светит нам повсюду достаточно ярко» [2, с. 290]. Если последовательно проводить эту линию аргументации, то

следует признать, что моральная воля нереализуема (возможна только моральная мотивация) и разум ни в каком качестве не регулирует социальные (и международные) процессы. Однако такой последовательности Кант избегает. То, что можно назвать его «политической философией», довольно далеко отстоит от традиционной для него дедукции из основоположений. Его политическая аксиология нагружена всевозможными эмпирическими обобщениями и она уточнялась по мере изменения политической эмпирии. Кант не стеснялся вводить в свою аксиологию эмпирически преходящие конструкции. В 1784 г. он признал в качестве нормативной модели «всеобщее правовое гражданское общество». Здесь закон обязателен для подданного, но не обязателен для власти. Властные отношения в таком обществе — это отношение подчиненного существа к «Господину». Благожелательный деспотизм в трактате «Идея всеобщей истории...» — это отражение практики европейского «просвещенного абсолютизма». Написанный под впечатлением Французской революции (в 1795 г.) трактат «К вечному миру» предлагает «республику» в качестве нормативной модели. Локковская конструкция народа как правоучредителя (народ подчиняется только таким законам, на который он дал свое согласие при посредничестве представителей) обременяется подробностями типа разделения властей, низкого избирательного ценза и скромной администрации. Смена этих моделей проходит на фоне неизменного стремления Канта увидеть причастность *эмпирически возможных* политических установлений требованиям «практического» разума. Менялась и нормативная модель международных отношений. Идея «всемирно-гражданского состояния публичной государственной безопасности» (связанная с признанием «равновесия сил») сменяется идеей «вечного мира» (требующей договора о ненападении и какого-то неясного мирового лидера).

Политический разум как функция. Политический разум действует как «практический», т. е. формулирующий а) прескрипции и б) нормы. В первом случае он выступает как правила благоразумия, инструментальный и прагматический разум, определяемый целью. С его помощью политика становится искусством, использующая природные и антропологические закономерности («механизм природы») для управления людьми. Здесь Кант придерживается гоббсовской традиции. Разум существует как задаток человеческой природы и может развиваться только под влиянием неблагоприятных внешних условий. Для Гоббса — это «страх», для Канта — это «необщительная общительность» и «антаго-

низм». Об автономии разума у Канта нет и речи. Разум, включенный в социальные отношения, совершенно реактивен. По утверждению мыслителя, «Без этих самих по себе непривлекательных свойств необщительности, порождающих сопротивление, на которое каждый неизбежно должен натолкнуться в своих корыстолюбивых притязаниях, все таланты в условиях жизни аркадских пастухов, [т. е.] в условиях полного единодушия, умеренности и взаимной любви, навсегда остались бы скрытыми в зародыше» [1, с. 12]. У Гоббса пробуждающаяся рациональность сразу приобретает моральное содержание: индивид не только сознает необходимость справедливости в виде соблюдения договора о мире, но и пассивно поддерживает действия власти, восстанавливающие справедливость в гражданских отношениях. Кант — пессимист в отношении пробудившегося индивидуального разума. Этот разум далек от признания справедливости. Его ориентация — эгоизм, его действия — обман и насилие. Кант утверждал, что человек «как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение» [1, с. 14]. Этот неприглядный прагматически — инструментальный разум политически функционален. Как продукт реальности, он встраивается в нее и обеспечивает ее воспроизводство. Если разум функционален, то никакого выхода из ситуации воспроизводящегося насилия быть не может.

Международные отношения Кант видит расширенной (транссоциальной) проекцией человеческой природы. Он писал: «Та же необщительность, которая заставляет людей объединяться, опять-таки служит причиной того, что каждый общественный организм во внешних отношениях, т. е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется полной свободой. Следовательно, государства должны ожидать друг от друга таких же несправедливостей, как те, которые притесняли отдельных людей» [1, с. 15].

Выход из этого круга Кант осуществил отсылкой к механизму *invisible hand*. Этот механизм многослоен. 1. Ситуация антропологического отчуждения. Взаимоисключающие цели нейтрализуют друг друга. Полученный результат взаимодействия не совпадает с индивидуальными ожиданиями и оказывается объективным условием последующих действий. 2. Ситуация отчуждения обладает направленностью. Объективные результаты взаимодействия обнаруживают последовательность,

обладающую положительной аксиологической динамикой. Кант писал: «Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство — все это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вынужденного искусства полностью развить природные задатки» [1, с. 13]. Чтобы обнаружить наличие «цели» в социальных процессах, Кант прибегает к теологической аргументации. [1, с. 12]. Чистота предметной позиции автора оказывается подорванной, но зато можно прибегать к представлению об эволюции. Концепт эволюции создает больше проблем, чем решает. Его ближайшим следствием является использование конструкций с меняющейся ценностью. Так, война действует как фактор отбора и выживания лучших государств («договороспособных» и благоприятствующих культуре и законной индивидуальной свободе). Кант использует гоббсовский механизм дискредитации войн: рациональность является продуктом конфликта и затем стремится устранить свою собственную предпосылку.

Согласно Канту, «все войны представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые, однако, опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции» [1, с. 16]. Затем аксиология войны меняется и оказывается, что «сама война постепенно становится не только искусственной и по своему исходу для обеих сторон сомнительной, но — ввиду печальных последствий, которые государства ощущают от все растущего бремени долгов (новое изобретение), погашению которых нет конца, — рискованным предприятием» [1, с. 20]. Кант писал о наличии естественных ограничителей для успешности «больших» войн, ведущих к победе одной державы и мировому деспотизму. Различие языков и религий может быть не только фактором войны, но и фактором мира, поддерживающим устойчивое разнообразие и равновесие государств [2, с. 287]. Цель внешней политики государств — *равновесие сил*. Оно входит в первоначальную идеальную конструкцию международных отношений — «всемирно-гражданского состояния публичной безопасности». Кант считал, что путь к устойчивому миру — это баланс сил, создающий патовую ситуацию, единственным рациональным выходом из которой может быть только отказ от международных конфликтов.

Во всех социальных отношениях действует тенденция к отказу от антагонизма и к созданию прочного мира. Для механизма *invisible hand* мотивация акторов совершенно безразлична, диалектика претворения морального зла в моральное добро не зависит от качества антропологического материала. Кант писал: «На примере действительно существующих, но еще очень несовершенно организованных государств можно видеть, как во внешних сношениях они уже приближаются к тому, что предписывает идея права, хотя, конечно, причина этому не глубокая моральность (как и не от моральности надо ожидать хорошего государственного устройства, а, скорее, наоборот, от последнего — хорошего морального воспитания народа)». Для Канта очевидно, что объективация действий имеет преимущество перед возмущающим воздействием живых человеческих актов: «при помощи эгоистических склонностей, которые естественным образом даже внешне противодействуют друг другу, разум может использовать механизм природы как средство для того, чтобы осуществить свою собственную цель — предписание права — и этим способствовать внешнему и внутреннему миру» [2, с. 286].

Кант предполагал, что эволюционная динамика внутривнутриполитических и международных отношений — при общей тенденции к миру — существенно различается, хотя между ними прослеживается циклическая детерминация. Разумные и справедливые международные отношения невозможны, пока не созданы справедливые сообщества. Справедливые сообщества невозможно создать, если не достигнута нормализация международных отношений. В трактате «Идея всеобщей истории» он полагал, что собственные ресурсы рациональности у локального сообщества невелики. Их хватает только для того, чтобы организовать гоббсовский общественный договор (с деспотом во главе). Ограничение деспотической власти Кант связывал с давлением международной среды, что побуждает конкурирующие государства защищать культуру и законосообразную индивидуальную свободу как источники государственной мощи вопреки свой склонности к произволу. В этой же работе в самой общей форме утверждается: «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена. Что толку добиваться законосообразного гражданского устройства для отдельных людей, т. е. создания общественного организма?» [1, с. 15]. Но в таком случае исчезновение международной анархии означает и исчезновение

сдерживающих факторов внутривнутриполитического деспотизма. В трактате «К вечному миру» этот вопрос решается по-другому. Кант скептически оценивает возможность внутривнутриполитической либерализации в силу организованного международного давления даже со стороны прогрессивных сообществ [2, с. 273–274]. Зато он более оптимистичен, чем раньше, в отношении внутренних ресурсов либерализации. Последнюю можно достичь искусством политики, комбинируя «сдержки и противовесы» эгоистическим склонностям честолюбцев. Мыслитель считал эту проблему в принципе решаемой. Кант утверждал: «лишь от хорошей организации государства (а это во всяком случае возможно для человека) зависит направить силы этих склонностей таким образом, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его. Так что с точки зрения разума результат получается такой, как если бы этих склонностей не было совсем, и таким образом человек принуждается быть если не морально добрым человеком, то во всяком случае хорошим гражданином» [2, с. 285].

Создание хорошего общества — «республики» — создает предпосылку для отказа от прагматически-инструментального применения разума, т. е. сложной военно-политической игры государств. Этот отказ не приведет к угрозе безопасности. Республика делает ненужной модель равновесия сил между государствами — предмет постоянного усилия изолированной дипломатии. Республиканские сообщества избегают «дилеммы безопасности», т. е. не стремятся приобрести односторонние преимущества. Поэтому мыслитель утверждал возможность коллективного договора о ненападении между республиканскими государствами (пафосно названным «мирным союзом народов»). Кант писал: «Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению» [2, с. 274].

На этой стадии эволюции внутренняя политика из объекта международного воздействия сама становится фактором создания благоприятной международной среды, а международная среда начинает рассматриваться как деформирующий фактор внутренней политики. Согласно Канту, внешняя среда может замедлять переход к более высокой организации общества. Он утверждал: «Что же касается внеш-

них государственных отношений, то от государства нельзя требовать, чтобы оно отказалось от своего, хотя бы и деспотического, устройства (более сильного, однако, по отношению к внешним врагам) до тех пор, пока ему грозит опасность быть немедленно поглощенным другими государствами. Следовательно, при таком положении должно быть дозволено замедленное осуществление нового устройства до более благоприятных времен [2, с. 293]. Более того, достигнутая в «республике» внутривнутриполитическая рациональность не нуждается в последовательном применении политического разума для реформирования международных отношений. Кант ясно осознавал, что разумный выход из анархии может быть только полной аналогией общественного договора. Выход из естественного состояния международных отношений достигается лишь за счет объединения всех государственных образований в единое государство, «мировую республику». Правила международного общения замещаются нормами национальной правовой системы. Автор отмечал: «В соответствии с разумом в отношениях государств между собой не может быть никакого другого способа выйти из свободного от закона состояния постоянной войны, кроме как отречься подобно отдельным людям от своей дикой (не основанной на законе) свободы, приспособиться к публичным принудительным законам и образовать таким путем (разумеется, постоянно расширяющееся) государство народов (*civitas gentium*), которое в конце концов охватит все народы земли» [2, с. 275].

Несмотря на доводы разума, Кант боится мирового правительства больше, чем своей теоретической непоследовательности. В идеальной модели международного права Канта используется компромисс устойчивого мира и сохранения «естественного состояния», названный им «мирным союзом народов». В проекте Канта союз народов как гарант мира страдает неустранимым дефектом: он сохраняет формальное основание войны — государственный суверенитет, хотя материальные основания войн между цивилизованными народами исчезают. Республика не выдержит груза подлинного мира и трансформируется в деспотизм. Теперь уже окончательно. Автор утверждал: «Идея международного права предполагает раздельное существование многих соседних государств, независимых друг от друга. Несмотря на то, что такое состояние само по себе уже есть состояние войны ..., все же оно, согласно идее разума, лучше, чем слияние государств в единую державу, превосходящую другие и переходящую во всеобщую монархию, так

как с увеличением сферы правления законы все более и более теряют свою силу и бездушный деспотизм, искоренив зачатки добра, в конце концов превращается в анархию» [2, с. 286–287]. Формальный риск войны менее существенен, чем реальная угроза деспотии, и поэтому для Канта предпочтительнее «не положительная идея мировой республики, а (чтобы не все было потеряно) лишь негативный суррогат союза, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления» [2, с. 275].

Политический разум как норма. Во втором случае политический разум оказывается приложением этики долга, игнорирующий цели политики и максимы политического благоразумия ради формального принципа. С точки зрения Канта политический разум может действовать только как противоречивая и нерелексивная прескрипция, эксплуатирующая идею свободы. Она должна маскировать свою предпосылку, поскольку выявление последней исключит возможность человеческого действия. Автор писал: «По этой теории, человек подводится под один класс с остальными животными машинами, которым недостает только сознания того, что они несвободные существа, чтобы сделать их в собственных глазах самыми несчастными из всех существ в мире» [2, с. 299]. Это частный случай того, что мыслитель назвал саморазрушением зла [2, с. 300]. Для критики политического разума Кант применяет и свои аргументы против телеологической этики (этики успеха), использующей инструментальный разум. Инструментальный разум не обладает возможностями успешного прогнозирования, поэтому все его построения будут сомнительными. По утверждению философа, «разум недостаточно просвещен, чтобы осмыслить предопределяющие причины, позволяющие в соответствии с механизмом природы уверенно предсказать счастливый или дурной результат поведения людей (хотя и дает надежду на то, что этот результат будет соответствовать желанию)» [2, с. 290]. В свете действия механизма *invisible hand* характер политического сознания как опосредования политических отношений не имеет *всеобщего* значения. Коварство и насилие необходимо лишь для того, чтобы этот механизм работал. Тенденция к миру реализуется в любом случае. Кант отмечал: «самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязываю-

шей нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели» [2, с. 288]. Если инструментальный разум не может рассчитывать на успех, т. е. достижение доминирования одного государства, то верно и обратное. В свете отологических гарантий мира моральный разум не является обреченным на неуспех в текущей международной ситуации. Это дает шанс моральному политику, т. е. применяющему принцип права вместо прагматически-целесообразного расчета. Отвергая коллективную волю своего общества, политик выступает носителем подлинного разума, он же оказывается и сознательным агентом глобальной тенденции. Кант писал о моральной воле: «чем менее она делает поведение зависимым от намеченной цели, будь то физическая или нравственная выгода, тем более она согласуется в целом с последней. Это происходит оттого, что только общая воля, данная a priori (в одном народе или в отношении различных народов между собой), определяет, что такое право у людей. Но это объединение воли всех, если только оно проводится последовательно, может в то же время и по механизму природы быть причиной, порождающей задуманное действие и придающей действительность понятию права» [2, с. 299].

Итак, у морали есть шанс в международных отношениях. Для Канта — в бентамовском пространстве international relations. Насилие должно быть продолжено, теперь во имя справедливости [2, с. 266]. Пока бентамовское пространство не станет глобальным.

Литература

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, т.6, 1963—1966.
2. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, т.6, 1963—1966.

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ТЕКСТ И КОНТЕКСТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ОБРАЗ США КАК НОВОГО РИМА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Принципиально новый контекст обсуждения международниками пространственно-временных параметров нового миропорядка сформировался еще на рубеже 80–90-х гг. XX века. Концентрация на небольшом временном отрезке знаковых событий всемирной истории (крушение Берлинской стены, распад СССР) определила хронологические рамки «короткого XX века», поместившегося в промежутке между Первой мировой и Холодной войной. Осмысление итогов недавней истории в ситуации наступившего мира и согласия, придавало дискурсу современного мира нехарактерное для эпохи *fin de siècle* чувство удовлетворенности историей, порождая представление об эпохе Модерна как благополучном эпилоге мировой истории.

В дискурсе Нового миропорядка 90-х гг. XX в. преобладали конструктивистские подходы. Упорядоченность мир-системы как устойчивое состояние взаимозависимости всех акторов мировой политики достигается, по мнению Ф. Фукуямы, не стихийной борьбой разноразличных национальных интересов и жаждущих признания «идентичностей», а сознательными усилиями по формированию его универсальной правовой основы [14, С. 17].

Смещение дискуссий об институционально-нормативной основе Нового миропорядка в область мировой политики и международного права способствовало углублению понимания его смысла как глобального проекта. Важный для историков международных отношений акцент на состоянии *среды системы (Medium)* интерактивного взаимодействия, переформулированный в понятие «глобального контекста» мировой политики, сопровождался изменением языка и семантики исторического нарратива. Наряду с привычными субъектами истории международных отношений в лице государств, национальных движений и международных организаций, торгово-экономических объединений и военно-политических союзов, акторами мировой политики

объявлялись неправительственные организации, неформальные объединения, транснациональные корпорации, отдельные регионы, мегаполисы, движения гражданской инициативы и другие внесистемные «множества», оспаривающие исключительное право суверенов формировать глобальную повестку дня.

Изменение состава действующих лиц мировой политики сопровождалось модификацией ее проблематики. Проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ — эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции, наркотрафику, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности международных пассажирских и грузопотоков, международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, словом все то, что затрагивает интересы частных лиц. Подобную «приватизацию» мировой политики связывали со сменой ее главных персонажей, полагая, что место солдата и дипломата на сцене мировой истории занял турист и террорист.

Признание множественности участников глобальной политики, плюрализма отстаиваемых ими интересов и ценностей в системе международного взаимодействия, скорректировало представления авторов теории демократического транзита о траектории развития глобальной цивилизации. Понятие «демократического мира» в работах международных стало маркером не только современной формы политики, но и новой технологии управления международными процессами — стратегии «вовлечения», предусматривающей добровольное участие в принятии решений по глобальной повестке дня самых разных акторов международного права. В условиях «демократического мира», по мнению экспертов, наблюдалась девальвация эксклюзивного в мировой политике. Глобальная по своим движущим силам и направленности история ставит под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических) собственной исключительности.

Различные модификации концепции «демократического мира», предлагавшиеся американскими и европейскими авторами в качестве альтернативы теории «баланса сил», «многополярной» или «одно-

полярной» системе мировой политики, выражали понимание *новой природы* интерактивной коммуникации между различными доменами и акторами мировой системы в категориях «*сетевого*» *взаимодействия*. Конкуренция американского и европейского проектов «глобального миропорядка» отражала изменения как в реальном соотношении сил США и ЕС на мировой арене, так и в наметившемся «расколе» Запада в качестве единой альтернативы «иным» коллективным идентичностям Нового мира.

В знаковой работе Р. Кейгана различие подходов США и Европы в понимании организующих принципов, структуры, приоритетов и ценностей Нового миропорядка объяснялось различием менталитетов и исторического опыта двух континентов. При обсуждении глобальной повестки дня американцы, по словам Р. Кейгана, «кажутся пришельцами с Марса, а европейцы — с Венеры... Сталкиваясь с реальными или потенциальными противниками, американцы отдают предпочтение принуждению, а не убеждению, карательным санкциям, а не созданию стимулов, кнуту, а не прянику». В отличие от прямолинейной силовой стратегии США, европейский подход к проблемам мировой политики напоминает автору искусную дипломатическую игру, участники которой руководствуются в своих действиях принципами доверия и взаимного согласия сторон, стремящихся сначала достичь компромиссного решения, а затем создать формальную систему контроля выполнения достигнутых договоренностей. «Европейцы склонны решать проблемы мирным путем, предпочитая переговоры, дипломатию и убеждение... В спорных вопросах они, — отмечает Кейган, — скорее станут апеллировать к международному праву, договоренностям и общественному мнению, считая, что процесс урегулирования важнее результата» [13, С. 9]. Автор полагал, что стороннему наблюдателю предлагаемые США и Европой сценарии нового миропорядка могут показаться пришедшими из разных времен. Европа, по выражению Р. Кейгана, будет напоминать «постисторический рай спокойствия и процветания», наступление которого предвосхищалось тракатами «о вечном мире» XVIII в., а Соединенные Штаты покажутся «погрязшими в трясине истории, в анархическом Гоббсовом мире» политики с позиции силы. Можно отметить, что первоначальное название работы Р. Кейгана («Сила и слабость») точнее отражало смысл неоконсервативного манифеста американской внешней политики, переводя дискуссии о новом миропорядке в старые категории политики «сдерживания», баланса сил и мирового лидерства Америки.

По мнению Э. Хобсбаума, американский сценарий Нового мирового порядка отражал этос победителя в только что закончившейся «Холодной войне». Победа США в этом глобальном нравственном сражении, как полагал автор, усилила и без того свойственное американцам чувство недоверия и даже нетерпимости к «другим» альтернативам мирового развития. Несмотря на прокламируемую приверженность идеологическому плюрализму и толерантности, американцы, по мнению историка, не сочли новый мир «достаточно вместительным для длительного сосуществования с соперничающими светскими религиями» [15, С. 14].

11 сентября 2001 года сформировало принципиально новый политический контекст поиска американскими исследователями новой парадигмы международных отношений: удары террористов по зданию всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагону в Вашингтоне как символам экономической и военной мощи Америки были одновременно вызовом интересам национальной безопасности и либерально-демократическим ценностям страны. Ответом на этот вызов стало формирование двойного консенсуса — на уровне политического истеблишмента были преодолены разногласия Президента и конгресса, демократической и республиканской партий по вопросам стратегии национальной безопасности, на уровне академического сообщества было достигнуто единство мнений относительно места США в конфигурации Нового миропорядка.

Основой так называемого *нео-нео консенсуса* стало общее понимание неолибералами и неореалистами природы глобальных изменений в структуре нового миропорядка и места в нем Соединенных Штатов. Курс «благожелательного гегемона» на борьбу за восстановление мирового порядка со всеми факторами и акторами, угрожающими устойчивости современной мир-системы вызвал целую серию публикаций, призванных обосновать право США на создание *Pax Americana* как *имперского по своей сути проекта*.

Предлагаемые американской политологией сценарии нового миропорядка представляли собою симбиоз традиционных для Америки мотивов силового баланса и многосторонней дипломатии, с одной стороны, и радикального разрыва с доктриной «сдерживания» и нормативной теорией мировой политики — с другой. Консенсус неоконсерваторов и неолибералов с официальным внешнеполитическим курсом привел к появлению в американском политическом лексиконе множе-

ства гибридных аттестаций типа «мускулистого вильсонизма», «консервативного либерализма», «демократической империи», призванных доказать *преемственность универсальных приоритетов глобальной политики США* независимо от партийной принадлежности и идейных предпочтений ее архитекторов.

Стремление политической и интеллектуальной элиты США к делегитимации принципа суверенного равенства государств демонстрировало амбивалентность тех категорий, которые еще недавно казались универсальными константами мира политики — «национальное государство», «признание», «суверенитет». Представители школы Realpolitik считали заслугой идеологии и практики «демократической империи» возрождение централизованной структуры современного мира. Их сценарии миропорядка исходили из признания того, что глобализация не устраняет государства в качестве основных акторов мировой политики, а предъявляет к ним более высокие требования, диктуемые интересами поддержания мира, безопасности, стабильности и устойчивого развития. «Идеальным типом» государства, вписавшимся в контекст глобализации, может быть, по их мнению, не подверженное коррупции, экономически состоятельное, вдвойне легитимное (пользующееся доверием собственного населения и мирового сообщества) государство, принимающее сложившийся миропорядок и поддерживающее его своими действиями. Таким образом, новая система международных отношений воспринималась в категориях порядка, т. е. высокой степени управляемости, гарантируемой соблюдением государствами пусть и новых, но вполне определенных правил, а не хаоса беспорядочной игры различных сил на мировой арене [см.: 1].

С другой стороны, апология вооруженного насилия, свойственная политике либерального интервенционизма, вступала в противоречие и с принципом неприменения силы, и с концепциями «демократического мира». Поискам путей преодоления этой юридической и морально-политической коллизии было посвящено огромное количество исследований. Их авторы стремились показать, с одной стороны, вынужденный характер американских инноваций в сфере международного права, а с другой — доказать «историческую», неадекватную современным угрозам, институциональную и нормативную природу действующего международного права, в особенности формальной процедуры принятия решений о санкциях в Совете Безопасности ООН [12].

Доктрина «превентивной войны», нацеленная на опережение катастрофических для мира событий, способна преодолеть, по мнению ее авторов, свойственный действующему праву разрыв между возможным и должным, законностью и эффективностью, универсализмом ООН и существующим внутри нее конфликтом интересов Запада и Востока, Севера и Юга. Новаторский характер стратегии упреждающих действий в отношении международного терроризма обосновывался ссылками на выученные Америкой уроки истории. Ссылаясь на печальный опыт бездействия Лиги Наций перед лицом нацистской угрозы и трагедию Мюнхена, американские стратеги заявляли, что впредь они не допустят ситуации, когда потенциальная угроза превратится в реальную и предотвратить ее легальными средствами будет невозможно. Проанализировав миротворческие операции ООН в Боснии, Сомали, Руанде, американские эксперты делали вывод о том, что мировому сообществу следовало применять силу раньше и решительнее, руководствуясь при этом не меркантильными расчетами «цены риска», а универсальным понятием права на безопасность, которое не может быть предметом торга или калькуляции национальных интересов. В альтернативной ситуации выбора, принимающие решения политики должны руководствоваться исторической логикой ответственности, памятуя о неизбежности суда истории как над преступниками и соучастниками, так и над безучастными наблюдателями совершаемых преступлений [8].

Знаковая статья М. Гленнона положила начало полемике среди юристов и политологов по поводу судьбоносного для мирового сообщества выбора Америкой между «принципом Мюнхена» и «принципом Зорро». Последний, будучи формально недопустимым способом применения силы с целью предотвращения угрозы миру, противопоставлялся юридически безупречной, но обрекающей мировое сообщество на роль безучастного свидетеля гуманитарной катастрофы, стратегии невмешательства. Надежды американских экспертов на преодоление дилеммы эффективности/законности миростроительной практики США и последующую легитимацию мировым сообществом практики гуманитарных интервенций обосновывались ссылками на многочисленные пробелы в международном гуманитарном праве, ограничивающими внешнеполитическую активность «демократической империи» [5].

Показателем свойственного имперскому сознанию неприятия любого нормативного ограничения собственной свободы действий можно считать эволюцию интервенционистской риторики Ч. Краутхаммера —

наиболее последовательного сторонника «PaxAmericana». Критикуя политиков и экспертов, озабоченных падением международного авторитета США, автор уподоблял приверженность европейских и американских интернационалистов принципам международного права и многосторонней дипломатии узам, которыми лилипуты пытаются связать Гулливера, противодействуя его глобальной исторической миссии [9, Р. 12].

Проблема легитимации политических и правовых прецедентов, созданных действиями США по наведению порядка в международных отношениях XXI века, стала центральной в американском внешнеполитическом дискурсе. Отправной точкой ее обсуждения стало единодушное признание политиками и экспертами ассиметричной структуры глобального миропорядка в условиях беспрецедентного американского лидерства. Превосходство США, измеряемое реалистами в параметрах «жесткой», а либералами — «мягкой» силы, виделось залогом стабильности и долговременности грядущего «PaxAmericana». Либерально-демократические традиции ультрасовременной державы в сочетании с ее ресурсными возможностями позволяли надеяться на способность Америки создать эффективную систему глобального управления, сводящей к минимуму риски любого рода конфликтов и кризисов. Представители научного сообщества считали свойственное внешнеполитическому сознанию и практике США уникальное сочетание глобальных устремлений и глобальной ответственности необходимым и достаточным условием для легитимации мировым сообществом универсализма американских ценностей и политического опыта.

Война в Ираке поколебала надежды политиков и экспертов на безусловное признание мировым сообществом исключительности американского лидерства. В своей статье «Американская мощь и стратегия после Ирака» Дж. Най назвал это событие последней главой уходящего XX, а не первой страницей истории нового, XXI века, выразив разочарование в американском сценарии нового миропорядка и способе его презентации мировому сообществу [11]. Самонадеянная уверенность США в способности отразить все угрозы и решить все проблемы мира в одностороннем порядке — без консультаций с союзниками и сотрудничества с международными организациями, гипертрофированный масштаб вооруженного насилия, демонизация противника, — таков, по мнению неолибералов, краткий перечень грубых погрешностей американского внешнеполитического стиля, затрудняющих призна-

ние их сценария миропорядка другими глобальными игроками. Отказ от риторики крестового похода против исламского мира и образа Америки как мирового шерифа, возвращение США к практике создания формальных союзов и неформальных договоренностей с европейскими союзниками, вовлечение в систему глобальной политики стран БРИКС — все это, по мнению неолибералов, способно устранить барьеры недоверия и отчуждения между Америкой и «другими», сделать американское лидерство *приемлемым и легитимным* для всего мира [3, Р. 20–23], [10, Р. 26–30], [7, Р. 1–10].

В целом либеральная критика американского гегемонизма основывалась на недопустимости превращения демократического государства в «гарнизонное» и представления об Америке как империи, присвоившей себе монополию на абсолютный суверенитет, отказав в аналогичном праве остальным участникам международной системы. Дилеммы американской политики глобального лидерства очень точно сформулировал П. Хэсснер, заявив, что перед США стоит выбор между либеральной гегемонией, ограниченной международным правом, формальными договоренностями с союзниками и партнерами, практикой многосторонней дипломатии — с одной стороны, и авторитарным глобальным правлением гипердержавы — с другой [6, Р. 30–34].

По мнению неолибералов, реализация стратегии «ответственного лидерства» в системе глобального миропорядка не может быть решена только силой американского оружия и/или денег. Сознание невозможности управления сложным миром, пронизанным сетями взаимозависимости, из одного центра, рано или поздно вынудит США вернуться к традициям трансатлантической солидарности и коллективной дипломатии [4].

В процессе корректуры американского сценария нового миропорядка изменилось отношение политического истеблишмента к европейскому конструкту «мирового гражданского общества». Уникальный пример создания «союзной державы» на основе добровольных согласованных действий и принципа справедливости, по мнению Б. Скоукрофта, делает европейскую стратегию расширения демократии адекватной времени ПостМодерна [2, Р. 202–203].

Оживление интереса американской политологии к европейскому проекту способствовало изменению ее методологического инструментария. Постмодернистский акцент на проблемах языка науки как орудия познания, конструирования и презентации изучаемой действи-

тельности, стал манифестом «фигурального реализма», исходящего из понимания глобальной истории как текста. Эвристическая значимость введенных постмодернистами в лексикон международных исследований категорий «идентичности», «ментального конструкта», «образа», «пространственно-временного контекста», объяснялась необходимостью учета тех факторов интерактивной коммуникации различных акторов мировой системы, которые не принимались в расчет сторонниками теории рационального выбора. Понимание современной истории как коллективного текста, авторы и персонажи которого живут в разных временах и пространствах, являясь «множественным» субъектом эпохи турбулентности, изменило оптику авторов социальных теорий, легализовав ценность альтернативного, идейного и культурного плюрализма.

Конструирование американской наукой международных отношений образа Америки как гаранта глобального миропорядка способствовало преодолению как тирании исключительности и искушений абстрактного универсализма, плодящих эссенциалистские конструкты «либеральной гегемонии» и «демократического мира», так и соблазнов социокультурного релятивизма. Однако баланс в понимании миссии Нового Рима как пионера освоения пространственно-временного континуума Современности, вобравшего в себя разных участников глобального взаимодействия, обладающих равными правами, но разными сценариями мирового развития, американской наукой международных отношений, стремящейся к созданию нео-неоконсенсуса (неолиберализма и неоконсерватизма), пока не достигнут.

Литература

1. Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике. № 1. Январь–февраль 2006. // www.globalaffairs.ru/number/n_6319
2. Brzezinski Zb., Scowcroft B., Ignatius D. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. — N. Y.: Basic Books. 2008.
3. Chace J. Avoiding Empire. // The National Interest. № 69. Fall 2002.
4. Drezner D. The New “New World Order” // Foreign Affairs. Vol. 86. № 2. March–April. 2007.
5. Glennon M. J. Why the Security Council Failed? // Foreign Affairs. May–June 2003
6. Hassner P. Definitions, Doctrines and Divergences. // The National Interest. Fall 2002.
7. Hendrickson D. Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security. // The World Policy Journal. Vol. XIX. № 3. Fall 2002

8. Ikenberry J. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs vol. 81. № 5. September-October 2002.
9. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisted.// National Interest. — Winter 2003.
10. Kupchan Ch. Misreading September 11th. // The National Interest. Fall 2002.
11. Nye J. U. S. Power and Strategy After Iraq // Foreign Affairs. Vol.82.№ 4. July—August 2003.
12. Slaughter A.-M. Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform //American Journal of International Law.Vol.99. July 2005.
13. Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. — М.:РОССПЭН,2004.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ, 2004.
15. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004.

НОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТИЯ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ

Проблема выяснения специфики изучения связей и отношений между государствами была впервые сформулирована в 1771 г. профессором Императорского Московского университета Карлом Генрихом Лангером (род. во второй половине 1730-х гг. — умер после 1792 г.) и обнародована в торжественном слове «О пределах и важнейших представителях политической науки» по случаю празднования дня рождения Екатерины II [Лангер]. Представляя политику, как науку и искусство управления государством, он использовал гроцианский «принцип пользы» для разделения предметных полей политической науки и правоведения. По мнению создателя первой российской классификации общественных наук, право предоставляет готовые средства управления, а сутью политики как целеполагающей науки является формирование ключевых компетенций (*compete*, лат. — *добываю*) государства — создание архитектоники средств извлечения *общественной пользы*.

Основным методом преподавания нового класса наук ученый назвал *убеждение теорией и опытом*.

Академический список К. Лангера открывает статистика или *наука об отдельных монархиях и прочих государствах современности и их устройстве*. Ее предмет охватывает «происхождение общества, не только природу каждой области, но и нравы граждан, язык, численность населения, его благосостояние телесное и экономическое, а, кроме того, положение Церкви, высшей власти, государственное устройство, законы, суды, договоры, налоги, форма управления, титулы монархов, привилегии и почести, известные деятели гражданские и военные, ученые и путешественники» [с. 33]. За статистикой следует *гражданская история — вместилище, свидетель и судия всех вещей* — наука об изменениях человеческой жизни и примерах устройства *гражданского общества, в котором и происходят согласие и благосостояние, вражда и опасность*. При этом К. Лангер отмечает, что практическую ценность для государства его времени (XVIII в.) имеют события, возникшие в XVI столетии, поскольку древняя история имеет мало примеров политического утилитаризма. Это указание показывает, что ученый был

частью европейского мейнстрима о том, что XVI век был веком получения знаний опытным путем. Косвенным подтверждением этого предположения является то, что свою классификацию К. Лангер открывает статистикой, способной, на его взгляд, поставлять факты, фиксирующие трансформацию общественных отношений.

Статистика и следующая вслед за ней в лангеровской конструкции предметного поля политики гражданская история выясняют природу общества, поставляют знания о государственном строе, которые обрабатываются в *управлении — науке о связанном порядке*, который держится на силе гражданских судов, гражданском воспитании, комплексе образовательных учреждений и исследовательских обществ. Далее К. Лангер обращается к *экономике*, в которую включает торговлю, транспорт, сельское хозяйство, народонаселение. Предпоследними он называет *военную науку и общественную экономику*. Классификацию политических наук завершает *та, что занимается связями и отношениями Государства с другими странами, подразумевают ли эти отношения дружеские договоры или союзы, или обмен посольствам, или конфликты и войны* [Лангер, с. 56].

Иерархия наук методологически пронизана алгоритмом социального времени: *настоящее, постигаемое через ценности; будущее, выясняемое через цели настоящего; прошлое, рассмотренное с позиций значения для настоящего*.

Придерживаясь академической системы научного рассмотрения феноменов Христиана фон Вольфа и норм академического образования Императорского Московского университета, К. Лангер называет авторов, которые излагают не только ход события, но и указывают скрытые причины происходящего. В своем 30-страничном труде К. Лангер лапидарно комментирует работы почти 400 мыслителей, популярных в европейском университетском сообществе, выстраивая при этом собственные концептуальные рамки. Среди них Фукидид, который в исследовании и истолковании мотивов действия «проницателен и точен, чрезвычайно богат на сентенции, касающиеся войн и раздоров между народами, и весьма поучителен». Полибий назван Учителем гражданской мудрости, ценимый за «исключительную осведомленность в военном искусстве». Критически осмыслены труды современных К. Лангеру обществоведов. Так, нидерландский философ Юст Липсий, первым после Эразма Роттердамского получивший европейское признание, отмечен за *исключительно политический образ мыслей*, нацеленный на позитивное устроение жизни, в котором

внутренняя целесообразность предметов определяется их внешней пользой. Обращения московского профессора к трудам Жана Бодена и Пьера Гассенди показывают, что он не разделял их подхода к государственному устройству.

Методологическими критериями общественной пользы являются непосредственная пригодность функций государства человеку и обществу. В лангеровской конструкции комплекса общественных дисциплин, помогающих государству решать проблемы власти, изменять социальную организацию жизни своих граждан, определять способы ведения хозяйства для умножения общественного блага — это общественный порядок, который он изложил в значении постоянно модернизирующейся структуры человеческого опыта:

Таблица 1. Классификация общественных дисциплин К. Лангера, составляющих науку о политике

Порядок	Название дисциплин	Предметное поле
1	Статистика	Количественные показатели деятельности государственных институтов и качественные характеристики населения
2	Гражданская история	Воспроизводство и конструирование прошлого: ценностный анализ гражданского состояния общества
3	Управление	Институциональная инфраструктура социального порядка.
4	Экономика и ее направления: торговля, транспорт, банки, сельское хозяйство, народонаселение	Коллективные практики деятельности кооперации: качество использования естественных ресурсов развития.
5	Военная наука	Искусственные ресурсы развития: качество безопасности.
6	Общественная экономика	Искусственные ресурсы развития: качество условий жизни, образование.
7	Международные связи и отношения	Искусственные ресурсы развития: реализация внутренней программы развития общества во внешней среде.

Составлено: по тексту доклада К. Лангера.

Доклад К. Лангера является не только первой оригинальной отечественной научной публикацией по проблеме предмета общественных наук, он важен тем, что позволяет включить в научный оборот новые характеристики развития науки о международных отношениях в России, устанавливает ее место в иерархии дисциплин о создании социального порядка, проясняя тем самым и ее функции. Определив уровни взаимодействия — *связи и отношения* — государства с другими государствами, К. Лангер значительно расширяет поле анализа, методологически требуя уделять внимание факторам общественных преобразований: качественные характеристики населения, характер развития государственных институтов, качество безопасности, взаимовлияние внутренне и внешне политик и др.

Дата публикации сочинения К. Лангера (1771 г.) позволяет скорректировать дату рождения научного подхода и термина *международные отношения*, который, как считается, первым применил британский правовед Иеремия Бентам в своей наиболее известной работе *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* (Введение в принципы морали и законодательства, впервые опубликованной в 1789). Однако в этом издании содержится предложение кодифицировать политическое поведение подданных разных государств на территории конкретной страны в формате «внутренней юриспруденции». К предмету «международной юриспруденции» ученый отнес «взаимные дела между государями как таковыми» [Бентам, с. 390]. Свои представления о международной юриспруденции он развил в «Плане универсального и вечного мира» (*A Plan for an Universal and Perpetual Peace*, 1789), который после смерти автора опубликовал известный в свое время британский политик, близкий друг и литературный душеприказчик ученого Джон Боуринг.

Метод К. Лангера иной. Предлагая изучать *межгосударственные связи и межгосударственные отношения* (в терминологии К. Лангера — «наука о связях и отношениях Государства с другими государствами»), как часть социального порядка, он интерпретирует *отношения* через качественные понятия — *сотрудничество, война и конфликт*. Три категории знания образуют не только предметное поле, но и определяют направления деятельности государства в международной среде, объединяя необходимость знания истории практики и предвидения будущего.

Сопоставление обращений двух правоведов XVIII века к международным отношениям позволяет зафиксировать не только время появле-

ния в России связанной с ними дисциплины, но и существенные методологические дифференциации. Суждения И. Бентама о двусторонних связях *государства с государством* строго ограничены рамками взаимных дел между государями. К. Лангер рассматривает международные отношения как академическую дисциплину, специфицирует, но и не разрывает связи международной и внутренней практик. Международные отношения, выступая как совокупная часть стратегии достижения главной цели развития государства, вырабатывают знания о действиях государства во внешней среде, сцепленные с науками, сосредоточенными на решении внутренних проблем (см. таблицу).

Одна из причин того, что о классификации К. Лангера, как и о том, что преподавание курса политики велось в России в XVIII веке, стало известно только через 240 лет, несомненно, заключается в языке публикации. Он был латинским. В 2011 г. труд К. Лангера был переведен и снабжен комментариями специалистов Филологического факультета МГУ. Его научная ценность состоит не только в том, что получены новые знания о развитии науки о международных отношениях в России, но и как свидетельство того, что современные теоретико-методологические основания изучения международных отношений начали складываться в последней трети XVIII века.

Литература

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1998.
2. Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки. Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой. 1771 г. апреля 22 дня. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011.

Н. А. Самойловская

МОДИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ РЕЖИМОВ И СТАБИЛЬНОСТИ ДЛЯ АНАЛИЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА)

В 1987 г., после десятилетнего стихийного развития теорий международных режимов, С. Хаггард и Б.А. Симмонс в статье «Теории международных режимов»¹ сделали критический обзор накопленного материала. Литературу, посвященную исследованиям режимов, авторы подразделили на четыре группы: структурная, теоретико-игровая, функциональная и когнитивная².

Если на ранних стадиях зарождения интеллектуального дискурса можно было говорить о соперничестве концепций неолибералов, реалистов и когнитивистов, то к 2000-м гг. были предприняты попытки синтеза теорий. Так, на страницах британского журнала «Обзор международных исследований», коллектив авторов статьи под названием «Интегрируя теории международных режимов» указали на возможность «разделения труда» между тремя основными школами³. К этому времени исследования международных режимов достигли зрелости и заняли особое место в современной теории международных отношений.

Усиление региональной динамики в современных международных отношениях актуализировало необходимость обращения к истокам теории, способствующей анализу взаимосвязей между государствами и объясняющей работу принципов, норм, правил и процедур принятия решений государств на региональном уровне.

Рассмотреть вопросы региональной безопасности с позиции сотрудничества позволяет частный концепт теории международных режимов — «режимы безопасности». Самой теории международных режимов посвящено довольно много работ, основной массив которых приходится на публикации американского журнала «International Organization»⁴. Что касается исследований теоретических истоков «режимов безопасности», то в этой сфере можно столкнуться с определенными трудностями.

Наиболее часто упоминания о «режимах безопасности» в различных работах по данной теме связываются с именем американского исследователя Р. Джервиса. Хотя в своей основной статье 1982 г., которая так и называется «Режимы безопасности»⁵, автор ссылается еще на несколько более ранних работ американских коллег.

Под «режимом безопасности» Р. Джервис предложил понимать «те принципы, правила и нормы, которые позволяют нациям быть ограниченными в своем образе действий при уверенности, что остальные будут отвечать взаимностью»⁶. Автор обратил внимание на то, что концепт предполагает не столько нормы и ожидания, способствующие сотрудничеству, сколько саму форму сотрудничества, которая представляет собой нечто больше, чем удовлетворение краткосрочного интереса.

Последовательно Р. Джервис выделил наиболее благоприятные условия для формирования и сохранения режима безопасности, поясняя особенности на примерах с собственными комментариями⁷:

Великие державы должны хотеть установить этот режим. (Это значит, что все должны быть удовлетворены положением *statusquo* или любые изменения должны проходить без обращения к войне, которая является риском при менее ограниченной конкуренции).

Акторы должны верить, что для остальных участников взаимная безопасность и сотрудничество являются ценностью. (Данное простое утверждение на практике не так свободно реализуется. К примеру, возникновению режима может помешать восприятие: государство может и не быть агрессором, в то время как оно может некорректно восприниматься остальными как агрессор).

Режим безопасности невозможно создать в ситуации, когда один или несколько акторов считают, что наилучшее обеспечение безопасности — экспансия.

Война и индивидуалистические устремления в обеспечении безопасности должны считаться слишком высокой ценой.

Еще одним интересным моментом работы Р. Джервиса является раскрытие концепта «режимов безопасности» на примере «Европейского концерта». Используя вышеупомянутые критерии, автор на примере неформального режима попытался раскрыть их суть. Тем не менее, к возможности формирования режимов безопасности в поствоенную эру Р. Джервис отнесся довольно критично, объясняя это неготовностью двух держав — СССР и США, структурирующих мировую систему

во время «холодной войны», идти на уступки, самоограничение и сближение в сфере безопасности.

Уже в более поздних работах по режимам безопасности такие авторы как С. Линн-Джон, Дж. Най, бывший Госсекретарь США К. Райс отошли от категоричности Р. Джервиса и стали рассматривать возможность создания режимов в сфере ядерной безопасности на примере США и СССР⁸.

Такие противоположные оценки одного явления вызывают дополнительные вопросы. Более подробно разбирая работы Р. Джервиса и Дж. Най, можно обнаружить, что речь идет о разных режимах безопасности в силу различного понимания безопасности авторами. Если в первом случае Р. Джервис под безопасностью понимает определенное состояние, то во втором случае речь идет о мерах военно-стратегического характера. Это существенное расхождение, которое привело к противоположным выводам, позволяет предположить, что режим безопасности, упоминаемый Р. Джервисом представляет собой более сложное явление.

Если говорить об определении безопасности как состояния, то в силу своей природы оно довольно утопично. Ни одно государство не может достичь неугрожаемого состояния в реальности. В этом случае понятие «безопасность» является идеальной целью, к которой стремится каждое государство (государство, если мы говорим о международных отношениях). Поэтому при прикладном анализе более уместным видится употребление понятия «стабильность». Как подметил российский ученый А. Д. Богатуров, «если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность — тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью»⁹. Применяя понятие «стабильность», которое часто отождествляют с понятием «безопасность», можно уйти от идеалистичности термина «безопасность» или оставить его для режима безопасности при классическом определении военной безопасности. Это поможет избежать терминологических ошибок, существенно расширить применимость теории режимов для прикладного анализа региональной безопасности.

Второй существенный недостаток концепции режимов безопасности — отсутствие ответа на вопрос, насколько возможно относить к режимам безопасности режимы на основе экономики, играющие немалую роль в структуризации регионального пространства безопасности?

Данную проблему лишь углубили разработки «Копенгагенской школы» по теории секьюритизации. В этом случае также использование понятия стабильности может сыграть положительную роль.

К третьему недостатку можно отнести отсутствие проработанного понятийного аппарата по режимам безопасности, что скорее всего объясняется самой спецификой военной безопасности, и отсутствием достаточного количества эмпирических примеров режимов безопасности. В то время как накопленные региональные исследования востоковедческого характера ученых школы МГИМО—Университета указывает на эмпирическое подтверждение существования региональных режимов стабильности.

Разрешить вышеуказанные теоретические проблемы позволяет синтез российских и американских теоретических школ, занимающихся проблемами международных режимов и стабильности. Этот синтез позволяет расширить понятийный аппарат теории международных режимов и исключить проблемные вопросы теории при прикладном анализе региональной ситуации.

В силу особенности становления политической науки в России, американская школа интегрирована в российскую науку о международных отношениях и является во многом теоретической базой для различных исследований. Эта особенность характерна и для представленной работы, поэтому в осмыслении концептуальной части использовались как американские теории международных режимов и стабильности, так и российские исследования данных проблем, существенно пополнившие концепции иностранных коллег.

Переосмысление термина «стабильность» в российской науке привело к выделению динамического аспекта состояния, определяемого как «стабильность». Подробно проанализировав понимание стабильности в американской политической науке, российский эксперт А.Д. Богатуров выделил два определения стабильности, отошедшие от описательности — Л. Ричардсона и К. Уолтца. По мнению ученого, эти определения являются ценными по трем причинам¹⁰:

- видение межгосударственных отношений как саморегулирующейся системы,
- восприятие стабильности как системного состояния, а не набора конкретных условий,
- указание на наличие подлежащей формализации связи между выживаемостью системы и ее способностью адаптироваться к переменам.

По мнению А. Д. Богатурова, от зафиксированной Л. Ричардсоном и К. Уолтцем констатации «стабильность — состояние» было бы правильно сделать шаг к постановке вопроса в плоскость «стабильность — движение»¹¹.

Важные наблюдения, к которым пришел ученый А. Д. Богатуров, заключены в следующих тезисах. «Существует несколько видов стабильности и множество различных трактовок данного термина. Наиболее распространенное статическое понимание стабильности не является единственной формой обеспечения устойчивого развития международных отношений. В 70-е — 80-е годы в мире возникла новая модель стабильности — иная, чем статическая в ее конфронтационном варианте. Определяющим условием формирования динамической модели стабильности была тенденция к взаимозависимости как общемировое явление»¹².

Размышления представителя школы ИМЭМО РАН Н. А. Косолапова над вопросом, что же все-таки понимать под стабильностью, привели к анализу данной категории в рамках ассоциативного ряда «неизменность-изменчивость-эволюция». В процессе анализа автор приходит к двум определениям «стабильности».

Применительно к процессам, в которых человек не участвует, Н. А. Косолапов предлагает под стабильностью понимать «неизменность или ничтожно малую изменчивость основных характеристик протекания процесса существования данной системы во времени»¹³. Вторая модель — для процессов, в которых активно участвует человек. Здесь под стабильностью Н. А. Косолапов предлагает понимать:

- «— не статус-кво или неподвижность, но динамику всех и всяческих жизненных процессов, остановить которую не дано никому;
- причем динамику, не искажаемую экстремальностью внешних или внутренних условий жизни, особенно экстремальностью, которая создавалась или вызывалась бы искусственно;
- предсказуемость наиболее существенных, принципиальных параметров и состояний системы, направлений и тенденций ее эволюции и развития;
- возможность рационально, практически и эффективно реагировать на те перемены, что приносит жизнь, особенно, на потенциально угрожающие или нежелательные из них»¹⁴.

Судя по всему, явление, которое в науке обозначается категорией «стабильность» одновременно объединяет в себе как статику, так и дви-

жение. Если исходить из этой двуединой трактовки стабильности, то можно предположить, что в одной региональной системе допускается существование состояния стабильности, внутренние процессы которого могут проявляться как в форме режима равновесия, так и в форме режима изменений, при условии, что эти изменения не поменяют кардинально сам объект, т. е. саму систему.

Чтобы лучше разобраться в этих двух режимах, являющихся по сути двумя противоположными проявлениями режима стабильности, попробуем обратиться к региональной ситуации в Черноморском регионе. Что касается режима равновесия, то его явным выражением является Организация Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС). На протяжении двадцати лет эта организация способствует усилению взаимосвязей между странами региона посредством интенсивного экономического сотрудничества. С включением в ее компетенцию положений по борьбе с преступностью и терроризмом увеличился вклад Организации в региональную безопасность¹⁵. Ядром режима равновесия являются взаимоотношения двух региональных акторов России и Турции. Схожие подходы двух стран по вопросам региональной безопасности в Черноморском регионе придают региональной системе безопасности устойчивость, исключая существенные колебания при борьбе за явное лидерство. В этом смысле институционализация двухсторонних отношений в рамках Совместной группы стратегического планирования (СГСП) на уровне министров иностранных дел указывает на долгосрочные стратегические интересы двух стран по поддержанию региональной безопасности¹⁶.

Режимом изменений в Черноморском регионе является классический режим безопасности — Организация Североатлантического договора (НАТО). Ядром режима изменений являются США и ЕС. Активная политика расширения НАТО на Черноморский регион посредством включения в альянс Причерноморских государств и исключения из процесса принятия решений регионального актора России или минимизации его влияния приводит к дестабилизации ситуации и кризисным явлениям. Такая дестабилизация ослабляет сложившийся региональный режим равновесия и создает условия для его смены посредством постепенных шагов по укреплению лидирующих позиций альтернативного режима. Это влечет за собой усиление иной формы поддержания региональной безопасности и к последующей стабилизации ситуации после ключевых структурных изменений системы.

Использованная методика позволяет выявить особенности системы безопасности Черноморского региона. Прослеживается тенденция усиления сложившихся Евро-атлантических институтов с ведущей ролью США и «старой Европы» при минимизации роли России в процессе принятия решений по вопросам региональной безопасности. Это позволяет сделать вывод о бесперспективности российских предложений по созданию общеевропейского пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока на паритетных началах.

¹ Haggard S., Simmons B.A. Theories of international regimes // International Organization. Summer 1987. Vol. 41., № 3. pp. 491–517.

² Ibid. P. 498.

³ Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. Integrating theories of international regimes // Review of International Studies. 2000. № 26. P. 6.

⁴ Официальный сайт журнала International Organization см. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iojournal.com/>

⁵ Jervis R. Security Regimes // International Organization 36, 2, Spring 1982. P. 357.

⁶ Ibid.

⁷ Jervis R. Security Regimes // International Organization 36, 2, Spring 1982. Pp. 360–362.

⁸ Lynn-Jones S. A Quite Success for Arms Control: Preventing Incidents at Sea // International Security N. 9. 1985. Pp. 154–84; Nye J. S. Nuclear Learning and U. S.-Soviet Security Regimes // International Organization. N. 41.1987. Pp. 371–402; Rice C. SALT and the Search for a Security Regime, in Alexander George, Philip Farley and Alexander Dallin, eds., US-Soviet Security Cooperation, Achievements, Failures, Lessons, (New York: Oxford, 1988).

⁹ Богатуров А.Д. Динамическая стабильность в международной политике // Очерки теории и политического анализа международных отношений/ Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 153.

¹¹ Там же. С. 154.

¹² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане : история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). Ин-т США и Канады РАН. М. : Московский общественный научный фонд, 1997. С. 34, 35, 36.

¹³ Косолапов Н.А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях / Н.А. Косолапов // Очерки теории и политического анализа международных отношений/ Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 180.

¹⁴ Косолапов Н. А. Конфликт как инструмент стабильности в международных отношениях / Н. А. Косолапов // Очерки теории и политического анализа международных отношений / Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. С. 184.

¹⁵ Доклад Комитета по правовым и политическим вопросам ПА ЧЭС «Роль ПА-ЧЭС в укреплении сотрудничества в Черноморском регионе — задачи и перспективы». Док.: GA42/LC42/REP/13/r
[Электронный ресурс] — Режим доступа: [http://www.pabsec.org/pabsec/files/6\(1\)-GA42-LC42-Report%20RUS.doc](http://www.pabsec.org/pabsec/files/6(1)-GA42-LC42-Report%20RUS.doc)

¹⁶ Студнева Е. Россия и Турция — о совместном стратегическом планировании // Международная жизнь. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=11220>

А. С. Тетерюк, Я. А. Чижевский

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ В АФГАНИСТАНЕ И ЛИВИИ

Вооруженные конфликты как средство разрешения противоречий внутри государства и между государствами остаются одной из центральных составляющих международных отношений. Учитывая тот факт, что современная система международных отношений сегодня характеризуется значительным уровнем нестабильности, вероятность возникновения вооруженных конфликтов в различных регионах мира является как никогда высокой. Так как для любого государства это означает прямую угрозу национальной безопасности, на современном этапе развития общества центральными задачами любого государства становятся воспрепятствование появлению конфликта и, если конфликт уже имеет место, его эффективное урегулирование.

Многие авторитетные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты будут оставаться ключевым аспектом политики государств. Вместе с тем, конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Новейшие вооруженные конфликты последних лет (конфликты в Ираке, Афганистане, Ливии) во многом отличаются от традиционных, поскольку в них преобладает асимметричный характер боевых действий. Такой тип вооруженных конфликтов как асимметричные боевые действия становятся преобладающим типом конфликта в мире, в который вовлекается все большее количество стран. Асимметричные боевые действия в целом понимаются как конфликт между неравными противниками, в течение которого более слабый противник прибегает к использованию неконвенциональных методов ведения войны. Более того, поскольку такие факторы, такие как религия и технологии все сильнее влияют на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, большинство военных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа.

Понимание характера современных сложных конфликтов, потенциалов противоборствующих сторон и тактики ведения ими военных действий является ключевой задачей для современного государства.

По мнению авторов доклада, методы изучения вооруженных конфликтов и, в особенности, асимметричных конфликтов на текущий момент являются недостаточно эффективными. В большинстве случаев изучение конфликтов сводится к «традиционным» способам, предполагающим его описание, выявление противоборствующих сторон, перечисление их сильных и слабых сторон и т.д. Однако подобная методика исследования конфликтов не всегда ведет к появлению концептуально нового знания относительно таких конфликтов. На данный момент в современных исследованиях, как отечественных, так и западных, посвященных асимметричным конфликтам, все сильнее ощущается нехватка новых методов изучения. Таким образом, конфликты нового типа представляют собой определенный теоретико-методологической «вызов» науке о современных международных отношениях.

Ввиду этого авторы работы намерены продемонстрировать потенциал количественных методов анализа, которые могут быть успешно использованы в изучении таких явлений в международных отношениях как асимметричные конфликты.

На примерах казусов Афганистана и Ливии, авторы демонстрируют использование следующих методов: количественного ивент-анализа, регрессионного анализа. Ивент-анализ представляет собой количественный метод, который направлен на сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел.

Многомерный статистический (регрессионный) анализ дополняет другие классические методы ситуационного анализа международной проблематики, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Весьма часто в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов.

Авторы доклада считают, что с помощью количественных методов и методик анализа международных отношений на примере асимметричных конфликтов, станет возможным:

- выявить причинно-следственные связи между различными переменными, характеризующими конкретный конфликт, что позво-

- лит более системно описать военную ситуацию в стране, на территории которой ведутся боевые действия;
- оценить степень эффективности военной кампании сторон, участвующих в конфликтах асимметричного типа;
 - определить, какие факторы действительно влияют (не влияют) на выбор акторами той или иной тактики военных действий;
 - выявить, какая именно тактика военных действий оказалась наиболее результативной.

Применение количественных методов исследования

Использование ивент-анализа и регрессионного анализа обуславливает ход проведения исследования, которое разбивается на два этапа. На первом этапе с помощью ивент-анализа формируется база данных, которая включает в себя ряд параметров, релевантных к объекту исследования. Впервые тезис об использовании подобного рода методики для исследования асимметричных конфликтов с нелинейным характером взаимодействия внешних и внутренних сил был выдвинут И. Н. Тимофеевым в его статье «Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана». Ивент-анализ конфликта, как правило, проводится на основании информации из открытых источников.

В случае с Афганистаном и Ливией авторы использовали находящиеся в открытом доступе ресурсы: www.afghanistan.ru, www.globalsecurity.org, <http://warsonline.info/>, <http://www.icasualties.org/Iraq/index.aspx>. Несмотря на то, что подобные источники предоставляют значительный объем информации по текущим конфликтам, они не являются исчерпывающими и зачастую предоставляют суммарные данные о боевых действиях в виде отчетов или докладов об итогах и в меньшей степени о динамике (развитии ситуации). Картину дополняют крупные зарубежные ресурсы, как например: <http://www.sipri.org/> (сайт Стокгольмского университета проблем мира) и [https://www.iiss.org/](http://www.iiss.org/) (сайт Международного института стратегических исследований). Данные источники предоставляют глубокую аналитику и более детальную характеристику конфликтов.

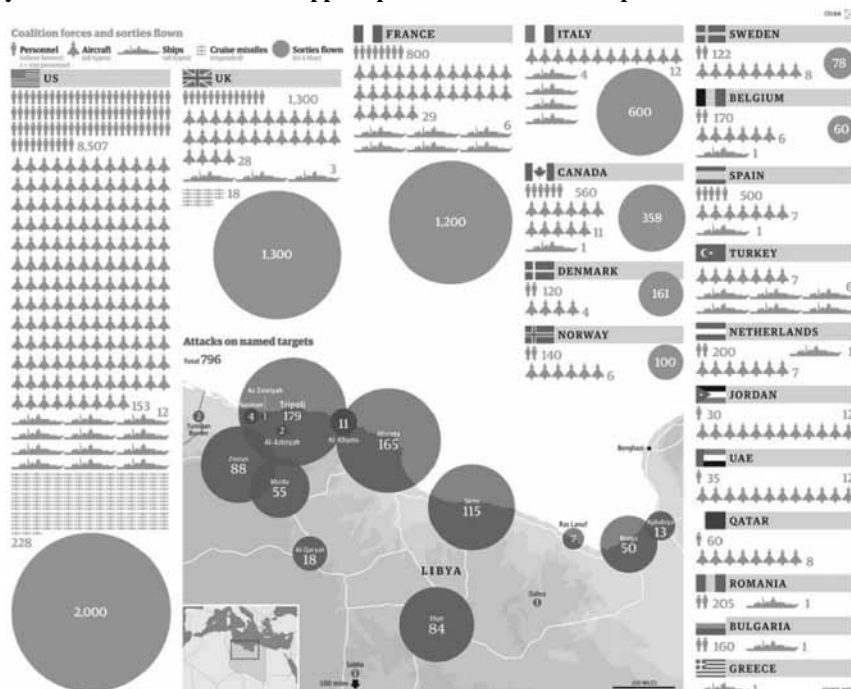
Традиционно при построении базы данных в рамках методики ивент-анализа, слева по вертикали обозначаются даты, когда произошло то или иное событие. По горизонтали отмечаются блоки с необходимыми для исследования параметрами, которые характеризуют

Таблица 1. Ивент-анализ Ливийского конфликта 2011 г.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	
	Country	Date they commenced forces	Number of personnel	Number of aircraft	Type of aircraft	Number of naval forces	Other	Number of sorties flown on first week of engagement	Number of sorties flown on second week commencing 5 May 2011	Total number of sorties flown, from beginning of engagement until 5 May 2011	Total number of cruise missiles expended	Total number of bombs dropped	Main air base used	NOTES
1	Belgium	2/18/2011	170	6	F-16 fighter aircraft	1 helicopter force		2		63			Arcen base in south-eastern Greece	
2	Bulgaria	3/23/2011	160	0	0-1 F16s On Ops			0	0	0				Enroute duties
3	Canada	2/28/2011	560	11	7x CF-188 hornet fighters, 2x CC-150 Boeing tankers, 2x C-17 Globemaster III, 1x F-16 plus two in 4 reserve	Frigate HMCS Charlottetown		44	54	358	-		Tripoli, Libya and Sigonella	
4	Denmark	3/18/2011	120					30	27	161	0	364	Sigonella, Sicily	
5	France	3/19/2011	300	15	15 F35 AIRACX	Carrier Strike Group (CSG) consists of aircraft carrier Charles de Gaulle, tanker Bataan, destroyer Duquesne and frigates Acron 123, Lamary and all the escorts	Furion and Aron Bert	113	230	1200			currently operating from French Air Bases of Arcen, Nancy, St Omer, Dijon and others, as well as Ermon and Orleans for planes engaged in operations	Conducting repair

Для описания боевых действий на территории Афганистана авторы зафиксировали несколько блоков характеристик следующих показателей:

Рисунок 2. Участники операции «Объединенных защитник», силы и средства в составе объединенной оперативной группы, количество уничтоженных целей на территории Ливии в ходе операции.

Источник: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2011/may/22/nato-libya-data-journalism-operations-country#data>.

1. атаки против сил коалиции;
2. атаки повстанцев против мирного населения;
3. атаки повстанцев против должностных лиц;
4. операции коалиционных и афганских сил.

В результате сбора данных, уже на первом этапе исследования был выявлен ряд тенденции для следующих показателей: *военные акции талибов против сил коалиции и АНА, операции коалиционных и афганских сил против талибов, потери коалиционных сил (убитыми), потери афганских сил безопасности, потери среди мирного населения, потери талибов (убитыми).*

В основе *методологии* второго этапа исследования лежит многомерный статистический (регрессионный) анализ. Многомерный статистический анализ — это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных, который позволяет ответить на вопрос о наличии тренда (траектории развития). В соответствии с целью авторы стремились выявить тренды в рамках афганского конфликта на основе статистических данных. Для работы с описанной базой данных количественные характеристики были кодифицированы следующим образом:

- TerAct(NATO) — атаки против НАТО;
- NATO_killed — потери коалиционных сил (убитыми);
- ANA_killed — потери афганских сил безопасности, включая охранников (убитыми);
- TerAct(Civ) — атаки повстанцев против мирного населения;
- Civ_killed — потери среди мирного населения (убитыми);
- NATO — операции коалиционных и афганских сил;
- Reb_killed — число ликвидированных повстанцев;
- Reb_arrested — число арестованных повстанцев;
- Reb_surrendered — число повстанцев, перешедших на сторону правительства

Результаты использования количественных методов

Эконометрическая модель отражает взаимосвязь между статистическими показателями.

Благодаря использованию методики многомерного статистического анализа стало возможным выявить ряд *трендов* в афганском конфликте. Статистическое понятие тренда вытекает из понятия стационарности временного ряда. Если результаты наблюдений конкретной величины колеблются около какого-либо значения, временной ряд называют стационарным. Наличие стационарности проверяется путем осуществления теста Дики-Фулера.

Приведем пример теста на стационарность для переменной «атаки против НАТО» (TerAct(NATO)). Нулевая гипотеза для данного теста: тренда нет, временной ряд стационарен.

Результаты теста свидетельствуют о том, что тренда для данной переменной нет, другими словами, войскам коалиции не удалось добиться *устойчивой тенденции снижения количества терактов*, осуществляемых талибскими боевиками, что негативно характеризует

Таблица 2. Тест Дики-Фуллера для переменной *TerAct(NATO)*

	Модель 1			Модель 2			Модель 3			Модель 4		
Переменные	Коэф	CO		Коэф	CO		Коэф	CO		Коэф	CO	
Const	3,39	1,75	*	4,47	1,69	**	5,13	1,83	***	4,52	2,28	**
Teract_ NATO_1	-0,20	0,10		-0,28	0,09	**	-0,31	0,10	**	-0,26	-2,32	
d_Teract_ NATO_1	-0,22	0,15		-0,19	0,14		-0,19	0,14		-0,23	-1,58	
d_Teract_ NATO_2	0,12	0,14		0,27	0,14	*	0,27	0,14	*	0,28	1,96	*
d_Teract_ NATO_3				0,42	0,14	***	0,47	0,15	***	0,48	3,12	***
d_Teract_ NATO_4							0,12	0,16		0,03	0,19	
d_Teract_ NATO_5										-0,20	-1,21	
Крит. Шварца	379,5			368,2			365,3			361,5		

эффективность военного аспекта стратегии, предложенной Обамой в 2009 г. в отношении войны в Афганистане.

Как уже было отмечено, количественные методы позволяют также выявить причинно-следственные связи между различными переменными. В качестве переменных были взяты контрповстанческие операции со стороны МССБ и АНА — с одной стороны и теракты, осуществляемые талибами, — с другой.

В ходе исследования было выявлено, что между переменными наблюдается сильная положительная связь. Для ответа на вопрос о первопричинности были использованы эконометрические модели с авторегрессией.

В соответствии с полученными результатами количественный прирост терактов, осуществляемых талибами, **не зависит от изменения числа операций**, проведенных МССБ и АНА в прошлые месяцы. Ины-

ми словами, действия коалиции не приводят к тому, что число терактов, совершенных талибами, сокращается. Остается предположить, что действия МССБ на территории Афганистана носят реакционный характер, то есть число проводимых операций зависит от количества терактов.

Построенные для анализа модели продемонстрировали наличие причинно-следственной связи между приростом количества операций со стороны МССБ и АНА и изменением количества терактов, осуществленных талибами ранее (с временным лагом). Результаты построенных моделей свидетельствуют о том, что количество терактов, совершенных в период трехмесячной давности, положительно влияет на количество текущих операций НАТО. Такая зависимость может быть проинтерпретирована следующим образом: 1) боевая активность коалиции *зависит от действий вооруженной оппозиции*; 2) по различным экспертным оценкам, именно три месяца необходимо войскам НАТО для того, чтобы собрать информацию о проведенном теракте, согласовать планы с руководством, подготовить операцию против организаторов теракта.

Открытым остается вопрос о том, чем объясняется изменение количества терактов, если не количеством проводимых операций. Результаты проведенных тестов свидетельствуют о том, что число терактов, совершенных вооруженной оппозицией, **положительно связано с числом уничтоженных боевиков**. Это означает, что члены движения Талибан мстят за смерть боевиков, уничтоженных силами НАТО в прошлых месяцах. Развивая подобный тезис, можно сделать вывод о бессмысленности текущих военных действий на территории Афганистана, который подтверждает асимметричный характер конфликта: НАТО ведет боевые действия не против другой армии, стремящейся уничтожить противника, но населения страны, которое реагирует на иностранное военное вмешательство. Следовательно, традиционные методы ведения боевых действий в условиях такого рода конфликтов оказываются нерезультативными.

Заключение

В данной работе авторы попытались дать представление о потенциале применения количественных методов исследований для изучения международных отношений на примере современных конфликтов в Афганистане и Ливии. Авторы считают, что применение количест-

венных методов в области военных конфликтов расширяет возможности получения совершенно новых нетривиальных выводов, которые могут дополнить существующие знания о вооруженных конфликтах, а также способствовать выработке новых методов контртеррористической борьбы. Количественные методы не являются самодостаточным подходом к исследованию теории международных отношений, но представляют собой эффективный инструментарий, дополняющий традиционные подходы к исследованию ТМО.

Литература

1. Бобкин Н. Будущее Афганистана. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/10/08/buduschee-afganistana-ii-23301.html> (дата обращения: 20.05.2014)
2. Боришполец К. П. Методы политических исследований: Учеб. пособие для студентов вузов. — 2-е изд., исп. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 230 с.
3. Войска НАТО покинули 90% баз. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/63494.html> (дата обращения: 20.02.2014)
4. К весне следующего года контингент США в Афганистане сократиться почти в 2 раза. URL: <http://afghanistan.ru/doc/65907.html> (дата обращения: 10.02.2014)
5. Казанцев А. А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центрально азиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года / А. Казанцев ; ИМИ МГИМО (У) МИД России, Аналитический центр. — М. : МГИМО-Университет, 2012. — 19 с. — (Аналитические доклады ; Вып. 2 (37), июль 2013)
6. Тимофеев И. Н. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И. Н. Тимофеев // Вестник МГИМО—Университета. — 2011. — № 5. — С. 27–36.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНФОРИСКИ В УСЛОВИЯХ INFOMODERNITY

Инфориски в открытом медиапространстве появляются на пересечении различных идеологических векторов, политических и экономических интересов и ценностных предпочтений, существующих, в том числе, и в поле геополитики. В рамках современной глобальной миросистемы ситуация infomodernity, определяемая как «пространство социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации» [1, С. 65]. Эгалитаристские декларации по поводу равноправия вступают в противоречие с социальной реальностью, отражаемой в инфопотоках, льющихся на структуры сознания со всех концов планеты, что приводит к риску потери идеологической легитимности как либерально-демократических, так и консервативно-традиционалистских ориентиров и распылению «фреймов» защищенности личности, общества и государства, активизации дискурса национализма, экстремизма и агрессии. А это, в свою очередь, провоцирует эскалацию тревоги, неуверенности в возможностях устойчивого социально-политического развития. Эти процессы могут приводить к деструктивным последствиям, особенно в сознании молодежи и провоцировать рост радикально-экстремистских настроений. По мнению Тёна ван Дейка, «использование специфической лексики может иметь самые различные «фреймовые» эффекты за счет активации различных политических установок и идеологий, а также конструирования моделей события. Следовательно, элиты могут использовать специфические термины в политическом и медиадискурсе с целью оказания влияния на общественное мнение» [2, С. 223]. Однако в новых социальных медиа приобрели популярность такие интерактивные средства коммуникации, которые могли бы обеспечить демократизацию общества, поскольку Интернет позволяет людям являться не только потребителями, но и производителями, а также и поставщиками информации, на основе их индивидуальной и групповой селективной деятельности. В то же время, наметилась тенденция возрастания влияния инфорисков, связанных с появлением та-

кого нового политического феномена как «интернет-толпа», ставшая «носителем особой власти, независимой от популярных СМИ, а сам Интернет представляет собой «пятое сословие», в любой момент способное бросить вызов укоренившейся власти», то есть эпоха infomodernity не приблизила общество к «новому глобальному порядку мира и справедливости» [3, С. 75–78], а дополнительно актуализировала исследовательскую проблематику психологии масс. Согласно мнению М. Кастельса, тенденции глобальных преобразований, проявляющиеся в тотальной информатизации, существенно меняют политико-идеологические процессы. Лидерство становится все более персонифицированным, а путь к власти лежит через создание имиджа средствами массовой информации. «Зависимость от языка средств массовой информации, имеющих под собой электронную основу, — отмечает ученый, — приводит к далеко идущим последствиям для характеристик, организации и целей политических процессов, политических деятелей и политических институтов. В конечном счете, власть, которой располагают сети средств массовой информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей» [4, С. 219].

Важно отметить, что в современных трактовках политико-идеологические феномены присутствуют в информационном пространстве не столько как классовое мировоззрение, сколько как разнообразные парадигмальные дискурсы, как своеобразные структуры коммуникации, как конфликты интерпретаций. И наличие в информационном пространстве т.н. «медиатизированных философов» является способом перевода общественного сознания из эмоционально-яростных состояний, переходящих в ненависть к «другому», к рационально обоснованным объяснительным моделям, цивилизующим коммуникативное пространство и преодолевающим его искажение. И даже если эти теоретики высказывают различные, несовпадающие или прямо противоположные точки зрения, просветительская функция infomodernity будет противодействовать информационному хаосу и господству «цифровой» (или «виртуальной») толпы. Информационная охлократия, на наш взгляд, одна из важнейших угроз информационной безопасности многосоставного общества на современном этапе.

В этой связи актуализируется проблема контроля над дискурсом и стратегиями управления дискурсивным воспроизводством. Как утверждает Тён ван Дейк, «одним из важных условий осуществления

социального контроля посредством дискурса является контроль самого дискурса и его производства. Таким образом, главным вопросом является „кто может сказать или написать что, кому и в какой ситуации?“ У кого есть доступ к различным формам и жанрам дискурса или средствам его воспроизводства? Чем менее влиятельными являются люди, тем более ограничен для них доступ к различным формам текстов и речи. В итоге безвластным буквально „нечего сказать“...» [2, С. 50]. Обращая внимание на то, что понятие идеологии является ключевым, в частности в убеждающем типе, и особенно в отношении масс-медийного дискурса, он ссылается на классический марксистский подход о том, что доминирующая идеология — это идеология тех, кто контролирует способы идеологического воспроизводства. Однако, если в современной России в соответствии со статьей 13 Конституции РФ, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной» [5, С. 8], властные институты формально лишаются способов дискурсивного доминирования, то есть, государство и все его элементы на общих основаниях конкурируют с различными группами интересов и, таким образом, групповое или «классовое» сознание, оформленное в конкретные социально-экономические, политические и культурные практики, существует в формате идеологического многообразия. Искаженные представления и «ложное сознание» в этих условиях действительно приобретают тотальный характер, государство теряет важнейшую часть своего суверенитета (легитимности доминирующей государственной дискурсивной власти), и таким образом инфориски проявляются в снижении возможностей осуществления национальной стратегии когнитивного управления и формирования ментальных основ единой государственности. Но, с другой стороны, возвращение легитимного государственного дискурсивного доминирования создает риски ограничения информационной свободы и тотального идеологического контроля правящего класса. Возможно, в этих координатах приходится констатировать наличие в современном информационном обществе перманентных рискогенных факторов разрушения различных форм социокультурной гегемонии. Основными агентами воспроизводства стратегического дискурса всегда являлись ученые, писатели, философы, ораторы, редакторы и конечно политики. В условиях, когда символические элиты уже не контролируют возможности воздействия на публичную сферу, может происходить ослабление или даже деградация социокультурных оснований общества, что является также

проявлением тенденции ослабления государственности как феномена институционального и ментального порядка. В целях обеспечения информационной безопасности необходимы новые подходы к формированию стратегий и технологий когнитивного управления и дискурсивному идеологическому воспроизводству в открытом информационном пространстве. В немалой степени эта проблема решается с помощью формирования цепочки социального контроля на принципах приоритетов тех лидеров общественного мнения, которые являются носителями нравственных ценностей и должны составлять костяк гражданского общества. Возрождение доминирования дискурса таких представителей символической власти, которые обеспечивают усиление позиций групп и институтов воспроизводящих взаимное доверие, (семья, религиозная община, муниципалитет, трудовой коллектив), будет способствовать совершенствованию социокультурных, ментальных оснований общества, при условии обеспечения эффективного воздействия на адресную аудиторию профессионально подготовленных агентов символической власти. К сожалению, культурная и образовательная политика на сегодняшний день очень фрагментарно учитывает эти угрозы и риски информационной безопасности современного Российского общества. Вновь в тематизации дискурса актуализируется проблема фальсификации исторического прошлого, что вызывает необходимость появления новых форм взаимодействия научной общественности в публичном пространстве.

Наиболее востребованной, на наш взгляд, в ситуации роста политических инфорисков в условиях Infomodernity является система «этики дискурса», предложенная Юргеном Хабермасом. С его точки зрения, в самой диалогической интенции дискурса заложен моральный принцип, ибо диалог всегда ориентирован на процедуру вовлечения и включения «Другого» в обсуждение. Сам по себе диалог уже предполагает признание права оппонента на инаковость, на собственное, отличное от других мнение. Важно также подчеркнуть, что диалог, переговорный процесс включает установку на преодоление конфликтности и деструктивных противоречий не с помощью силовых методов, а посредством риторического убеждения и риторического влияния. «Риторическое влияние индуцирует эмоциональное поле, через которое осуществляется «заражение» партнеров по диалогу определенными аргументами, склоняющими к принятию нормы, символизирующей общее решение» [6, С. 116]. Однако, различая межличностные отношения в малых соли-

дарных общностях и в сложносоставных обществах, Хабермас считает, что «сложные общества не могут сохранять свою целостность за счет одних только чувств, которые подобно чувствам симпатии или доверия, ориентированы на ближнюю сферу. Нравственное поведение по отношению к чужому требует «искусственных» добродетелей, прежде всего — настроенности на справедливость... [7]. Поскольку солидарность — обратная сторона справедливости, ничто не препятствует попытке объяснить *возникновение* моральных обязанностей тем, что лояльность, свойственная первичным группам, переносится на все более обширные группы (или тем, что личное доверие преобразуется в «системное доверие»)» [8, С. 68]. Отмечая, что Ролз подчеркивал *политический* характер справедливости, понимаемой как честность, на примере «завесы неведения», автор показывает, какое бремя доказательств принимает на себя теория справедливости. «Для обоснования двух высших принципов справедливости решающее значение имеют, скорее, не переговоры, проводимые в исходном состоянии, а интуиции и базовые понятия, руководящие конструированием такого состояния. Ролз вводит в процедуру обоснования нормативные содержания, прежде всего те, которые связываются им с понятием моральной личности — восприимчивость к честности и способность иметь собственное понимание блага» [8, С. 135]. Риск присутствия в дискурсе идеологического производства, формирующего и изменяющего сознание людей в он-лайн пространстве мировоззренческого плюрализма, личностей другого типа, отличного от «понятия моральной личности» в трактовке Ролза, создает принципиально новую ситуацию Infomodernity, в которой происходит распыление, дисперсия символической власти в примитивных и сложно организованных идеологиях. Но в целом в обществе, в том числе и в виртуальном пространстве, именно символическая элита стремится продуцировать и контролировать тематизацию дискурсов, однако правящий класс коррелирует содержание и объем информации, осуществляет корректировку аргументации и специфику риторических операций в соответствии с международными процессами и конфликтами в контексте защиты и реализации конкретных национально-государственных интересов российского общества. Конфликт идеологий и интерпретаций, а порой и настоящее информационное противоборство и война терминов приводит к кризисному обострению перманентно существующей социальной напряженности, что требует от власти поистине неисчерпаемых творческих, персуазивных меха-

низмов управления когнитивными процессами и конфликтами. Особо следует остановиться на проблемах экстремистского сознания и политического радикализма, которые в условиях Infomodernity усугубляются информационными возможностями эскалации и провоцирования деструктивных, силовых акций. В определенных условиях в общественной жизни возникают предпосылки, порождающие появление экстремистского сознания. Прежде всего, это социально-экономические кризисы, падение жизненного уровня значительной части населения, дискриминация и подавление некоторых социокультурных общностей, деформация и разрушение политических структур. «Экстремистскими те или иные мировоззрения делают их конфронтационные схемы представления мира, что, в свою очередь, может провоцировать крайности в поведении и в отношениях с другими людьми», — небезосновательно полагает В. И. Красиков [9, С. 77]. Исследование современных масс-медиа показывает, что информационные технологии являются неотъемлемой частью публичного пространства политики. Спрос и ожидания публики на определённый образ современного политика, который создают медиа-идеологи (идеологи «Коммерсант—TV», «ВВС», «Дождя», «Эхо Москвы» и др.), воспроизводится на теле- и радиоканалах в вариациях соответствующих политических ценностей, на которые ориентируется та или иная социальная группа, чьи интересы выражает данный канал.

Считается, что в традиционном поле политики масс-медиа осуществляют передачу информации без искажения смысла, однако восприятие её так или иначе редуцируется под влиянием интересов различных социальных групп и поэтому интерпретации смыслов могут представлять собой довольно сильный конфликтогенный фактор. Адепты, апологеты неких идей ощущают себя как сражающихся за идею значимого для них социального движения. По их убеждению линия их миропонимания оказывается единственно верной и достойной подражания и поддержки. Политическая картина мира такого типа сознания не подвержена сомнениям и доверчивости. Но, в то же время, подобные качества, не способствуют (в современном обществе постмодерна) успеху в социальной конкуренции, т.к. чувство обиды приводит, как правило, к различным проявлениям инфантилизма и несамостоятельности. Те, кто ощущает себя аутсайдерами, всегда склонны к идеям о несправедливости, несовершенстве социума, к гипертрофированному восприятию существующих в реальной жизни отношений

навязывания чужой воли. В этих условиях возникает состояние разбалансированности индивидуального и коллективного сознания. Взаимоподдержка в одних ситуациях и взаимоотрицание — в других может проявляться не только между группами, ведущими несхожий образ жизни, но и внутри этих групп, а порой даже и между людьми сходных и совместимых психологий. Особого научно-теоретического внимания требуют социально-психологическая природа, мотивация и острота нетерпимости, проявляющаяся в риторических и лингвистических форматах, «фигурах речи», метафорах, используемых с целью усиления персуазивности политических текстов. Необходимо междисциплинарное, комплексное изучение феноменов научного, художественного и философского радикализма, оказывающих влияние на политико-информационную среду и коммуникативное поле многосоставного общества. Исследование конфронтационных мировоззрений (конкурирующих с другими способами восприятия действительности) показывает, что данный ментальный феномен как стиль мышления и изложения своих взглядов достаточно часто претендует на эксцентричность. Проблема наличия в современном дискурсе разных онтологических приоритетов и разных сущностных объяснений мира является актуальной и требует постоянного и всестороннего изучения. Политология, изучающая властные отношения, всегда связана с анализом отношений, возникающих в результате разделения людей на «мы» и «они»: в данном случае политико-лингвистические структуры смысловых значений размыты и неопределенны.

Таким образом, политические информационные риски в современных условиях расширения масс-медийного, социально-сетевого и интернет пространства и усиления борьбы за него предопределяют характер и специфику политических взаимодействий как внутри страны, так и на международном уровне. Особую важность имеет адекватный учет рискогенности информационного поля политики и журналистики в процессе осуществления интеграционных стратегий на пространстве Евросоюза и Евразийского союза. «Евромайдан» на Украине, «евроскептики» в Европарламенте и кризис политики мультикультурализма в совокупности с экономическими проблемами в странах Евросоюза стали важнейшим социальным контекстом политического дискурса и основанием определения политического курса в современном Российском обществе, направленном на реализацию интеграционного потенциала на Евразийском пространстве. Итак, современный

контекстуальный план публичного дискурса связан с расширением смыслового поля на основе социокультурных, политико-идеологических, исторических и эмоционально окрашенных, консолидирующих значительную часть общества контекстах усиления позиций «Русского мира». Однако эта тенденция сопровождается угрозами социокультурного раскола многосоставного, полиэтнического общества, связанного с политическими информационными рисками нарушения динамического равновесия, основанного на согласии признания доминирования в языке и коммуникации той части символической элиты, которая обеспечивает стратегические позиции укрепления международного статуса России в мировом политико-информационном пространстве.

Литература

1. Лапкин В. В., Семененко И. С. «Человек политический» перед вызовами «info-modernity» // Полис. 2013. № 6. С. 65.
2. Тён ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2014. С. 223.
3. См.: Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. 2013. № 4. С. 75–87.
4. Кастельс М. Становление общества сетевых структур.— Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 219.
5. Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература. 1993. С. 8.
6. Русакова О. Ф., Москвин Д. Е. Дискурс публичной коммуникации как социальный капитал (структура и функции) // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Первой Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Дом «Дискурс-Пи». 2006. С. 116.
7. О теории справедливости Дж. Ролза см. работы Т. А. Алексеевой: напр. Алексеева Т. А. Джон Роулз и его теория справедливости // Вопросы философии. 1994. № 10 и др.
8. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Пер. с нем. СПб: Наука. 2001. С. 68.
9. Красиков В. И. Экстремизм: паттерны и формы. М.: Водолей, 2009. С. 77.

ЧАСТЬ II

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И МЕГАТРЕНДЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА

Интегративная природа пространства международных отношений XXI века находит свое воплощение в формировании макропространств (или ареалов), которые характеризуются, по мнению В. Страда [Страда, 1997, с.111], «не только пространственным, но и временным динамизмом...они связаны друг с другом отношением притяжения и отталкивания, в зависимости от специфических особенностей, составляющих неповторимый облик каждого такого ареала». Касаясь понятий «пространство международных отношений», «глобализация», «регионализация» и их взаимодействия, можно предположить, что если пространство можно рассматривать как некую среду или сферу, то глобализация и регионализация представляют собой процессы внутреннего структурирования этой среды.

Как справедливо замечает Н. Косолапов [Косолапов, 2005, с.10], в современных условиях «суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств».

Исходя из концептуальных подходов неофункционалистов [Е. В. Наас, 1968], процессы интеграции начинаются с той сферы, в которой меньше всего препятствий для взаимодействия. Происходит постепенное распространение («эффект переплескивания» — *spill-over*) взаимодействия на новые сферы, что формирует предпосылки для стабильности и обретения новых институциональных форм. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать на примере взаимодействия процессов глобализации и регионализации. Как замечает В. В. Фокина [Фокина, 2005], несмотря на различную природу данных двух процессов, в научном дискурсе появилось новое понятие — гло-

бальная регионализация (региональная глобализация) — суть которого в совмещении данных процессов, где локальное и глобальное сосуществуют не в качестве исключających друг друга процессов, а скорее, как глобальное в локальном.

Множество пространств, формирующихся в процессе глобализации и регионализации, делает неизбежными их соприкосновения и взаимодействия. Поэтому необходимо классифицировать пространства, типы их взаимовлияний, а также их внутреннюю реструктуризацию под воздействием процессов глобализации и регионализации. В последнее время особое значение для глобальной регионализации приобретает пространство Интернета, которое в наибольшей степени соответствует по своим характеристикам (скорость передачи информации, легкость установления связей, глобальность масштабов) интегративным трендам современного социума. Создание глобальной информационной сети, объединенной Интернетом, представляет собой новое глобальное пространство, определяющее, по мнению М. Кастельса [M. Castells, 2004], структурирование всех остальных пространств.

Не менее важным условием пространственного развития международных отношений является сетевой принцип организации пространственных взаимосвязей, благодаря которому политические, экономические и прочие системы мирового социума приобретают гибкость и способность к адаптации, т.е. те качества, без которых в условиях быстро меняющегося окружения им не сохраниться.

Таким образом, если свести воедино такие характеристики пространства международных отношений, как глобализацию, регионализацию, Интернет и сетевой принцип взаимодействия, то представляется логичным рассматривать процесс глобальной регионализации как внутреннюю структуризацию пространства международных отношений, где Интернет и сетевой принцип взаимодействия являют собой условия для наиболее оптимального развития глобальной регионализации, представляющей наиболее адекватный процесс мирополитического содержательного наполнения пространственной формы международных отношений XXI века.

В этой связи важно рассмотреть сквозь призму типологических характеристик, как теоретические подходы к анализу пространства международных отношений, так и практические действия основных акторов международных отношений в рамках процесса глобальной регионализации.

Цивилизационная регионализация. Данный концептуальный подход восходит к историософским концепциям О. Шпенглера (O. Spengler) и А. Тойнби (A. Toynbee). В современных условиях наиболее популярна теория С. Хантингтона [S. Huntington, 2003], в рамках которой обосновывается идея о том, что процесс цивилизационной регионализации может привести к «столкновению цивилизаций». В этой связи можно рассмотреть и процесс «вестернизации» как процесс глобального расширения региональной цивилизационной европейской структуры. В свою очередь процесс «модернизации» понимается как процесс адаптации других цивилизаций к западной цивилизации, а глобализация отождествляется с вестернизацией.

Геополитическая регионализация. Одна из важнейших идей американского геополитика начала XX века А. Мэхэна [A. Mahan, 2002] состояла в том, что противостояние морской и земной сил позволяет объединять государства в две глобальные геополитические зоны. В 50-е годы XX века процесс глобальной регионализации приобретает практическое воплощение в становлении различных мирополитических конструкторов. Так, например, французский демограф А. Сави (A. Sauvy) в статье, опубликованной в журнале «L'Observateur» 14 августа 1952 года, вводит в научный обиход термин «третий мир» для характеристики слаборазвитых стран Азии и Африки, не входивших ни в капиталистический, ни в социалистический мир. Предложенная французским ученым схема глобальной регионализации оказалась очень востребованной, что, в частности, нашло свое отражение в идеологии движения «неприсоединения», а также в маоистской мирополитической парадигме, где «первый мир» — СССР и США, «второй мир» — их явные союзники, «третий мир» — неприсоединившиеся государства (во главе с Китаем). По мнению Д. Н. Замятина [Замятин, 2001, с. 147], сами принципы развития и взаимодействия геополитических пространств ведут к появлению и активному функционированию различного рода *буферных и промежуточных территориальных зон* между сильными или соперничающими государствами, которые, по сути, могут быть и продуктивными геополитическими образами одновременно. Так, статус «территорий двойного подчинения» во многом соответствовал положению и стран «третьего мира», и стран «социалистического лагеря» в эпоху Холодной войны, когда геополитическая регионализация по принципу двух сверхдержав создавала для политико-экономических вассалов возможность политического торга-шантажа в условиях жесткой конкурентной борьбы СССР и США.

Мультиполярная регионализация. «Строительный материал» будущего многополярного мира [Н. Симония, 2010] представляют собой «новые растущие гиганты» — Китай, Индия, Бразилия. Несколько особняком стоит Россия, являющаяся важным региональным центром влияния, но стремящаяся восстановить утраченный глобальный уровень через активную дипломатическую «стимуляцию» институционализации БРИК как нового полюса мировой политики. Процесс формирования многополярного мира отличается неравномерностью, что сказывается на анархическом характере [Н. Булл, 1984] современной системы международных отношений. Европейский Союз, благодаря наднациональным формам управления, восстановил утраченный Европой в XX веке глобальный статус. Япония, используя фактор инноваций в технологическом развитии, стала важным постиндустриальным полюсом глобальной экономики. США продолжают оставаться важнейшим мирополитическим полюсом, хотя идея «PAXAMERICANA» утрачивает притягательную силу.

Макроэкономическая регионализация. В настоящее время в рамках Программы развития ООН утвердилась в качестве рабочей концепция «трех регионов» в соответствие с системой экономических и социально-политических индексов: появилось деление на развитые, развивающиеся и наименее развитые государства. Наибольшее внимание уделяется проблемам адаптации к глобализационным процессам. В этой связи важно упомянуть теоретические разработки латиноамериканских ученых, например, Ф. Кардозо [F. H. Cardoso, 2002], которые для объяснения негативных последствий вхождения развивающихся стран в глобальные процессы ввели понятие «зависимого» или «периферийного» капитализма. Концепция «зависимого развития» обосновывала принципиальное отличие глобальной регионализации развивающихся стран, поскольку периферийный капитализм имманентно запрограммирован на зависимое развитие, что приводит эти страны к отставанию.

Миросистемная регионализация. В эту классификационную форму представляется уместным включить известную концепцию И. Валлерстайна [I. Wallerstein, 2006], где формулируется идея глобальной регионализации по принципу «центр-периферия». Весьма образно данный тип регионализации комментирует А. Н. Бобровников [Бобровников, 1997, с. 20], делая акцент на политико-экономической идее выделения развитого Севера как центра и развивающегося Юга как периферии: «мир, разделенный на технологические центры и обширнейшую пери-

ферию и все более погружающийся в некую виртуальную экономическую среду... периферия, эшелонами уходящая к границам маргинализации в мировом хозяйственном пространстве, к модели «глубокого Юга», вырваться из пределов которого странам просто не представляется возможным». Типичной для 90-х годов XX века была и идея «униполярности», например, концепция А.Л. Страуса [A.L.Straus, 1997, с.34], где глобальная регионализация представлялась в виде сближения стран и регионов на основе универсальных (западных) стандартов. Мировая политика рассматривалась как инструмент для создания единого «мирового правительства», под руководством США и группы наиболее развитых стран.

Макрогеографическая регионализация. «Интегративность» как важнейшая характеристика мирополитических и мирохозяйственных тенденций развития представлена в макрогеографической схеме А.В. Бобровникова [Бобровников, 1997], где направления развития мировых интеграционных процессов будут определяться двум векторам: «северное полушарие» и «южное полушарие». В «северном полушарии» глобализация будет протекать по «западному» типу, приводя общественные структуры, входящих в него стран к большей унификации и универсализации. В «южном» же полушарии интеграционные тенденции будут проходить в соответствии с концепцией многополярности и с учетом особенностей социально-экономического и политического развития регионов, которые оно включает. Хотя на данном этапе развития «северное полушарие» характеризуется преобладанием дезинтеграционных тенденций, что обусловлено наличием в этом районе сразу трех сильнейших лидеров — США, Европейского Союза и Японии, которые не желают уступать своих позиций на мировой арене, однако, в перспективе А. Бобровников усматривает интегративные тенденции. В свою очередь «южное полушарие» демонстрирует явное «желание» объединиться, что, в частности, нашло отражение в стратегическом проекте ООН по взаимопомощи стран глобального Юга.

Наряду с типологизацией теоретических подходов к процессам глобальной регионализации представляется логичным проследить интегративную тенденцию и в рамках практического взаимодействия акторов международных отношений и мировой политики.

Глобальная регионализация в контексте глобального управления. По мысли Д. Замятина [Замятин, 2001, с. 148], любая власть или властные структуры по своей природе ориентированы как бы на формирование

своего собственного *приватного пространства* — *пространства власти*, которое может отнюдь не ограничиваться реальными государственными рубежами. «Большая восьмерка», «Большая двадцатка», НАТО, ВТО и другие структурные единицы глобального управления имманентно предрасположены к формированию наднационального, трансграничного пространства как важнейшего условия своей эффективности. При этом нельзя не согласиться с Н. Косолаповым [Косолапов, 2005], когда он пишет о фактической иерархии государств в международных отношениях при их формальном международно-правовом равенстве. Примерами тому могут служить системы институтов, регулирующих экономические процессы на глобальном уровне — МВФ и Группы Всемирного Банка.

Глобальная регионализация в контексте трансконтинентального взаимодействия государств. В современных условиях набирает скорость тенденция сближения и взаимодействия государств, которые находятся за тысячи километров друг от друга. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР (БРИКС), Бразилия, Индия, ЮАР (САТО), Иbero-Американские Саммиты, АТЭС и другие формы глобальной интегрированности свидетельствуют о новых трендах глобальной регионализации. Объяснением тому могут быть объективные потребности в эффективном развитии. Для развивающихся стран сотрудничество по линии «Юг — Юг» дает возможность максимально использовать собственные ресурсы роста и тем самым ответить на вызовы глобализации. Направление «Юг — Север» создает условия для оптимизации последствий миграционных процессов, для глобальной реализации достижений научно-технического прогресса. Кроме того, создаются условия для установления долгосрочных и стабильных партнерских отношений в интересах взаимной выгоды для решения основных глобальных проблем.

Глобальная регионализация в контексте развития «корпоративных империй». Процессы глобальных экономических взаимодействий в XXI веке достигли наибольшего развития в транснациональных корпорациях (ТНК), структура которых основывается на сети филиалов, расположенных в различных частях мира, и на штаб-квартире, находящейся в «материнском государстве». Таким образом, складываются независимые от границ и политических тенденций самостоятельные корпоративные сетевые империи, связанные с государством пребывания только формальными обязательствами. По сути, можно говорить о сетевой форме глобальной регионализации.

Глобальная регионализация в контексте гражданского общества. В послании Всемирному социальному форуму в Порту-Алегри (2002) 7-й Генеральный секретарь ООН К. Аннан (Kofi Atta Annan) довольно точно обозначил роль и место движения антиглобалистов, назвав его выражением глобального гражданского общества, призванного продемонстрировать готовность к совместным усилиям во имя перемен.

Участники антиглобалистских форумов и манифестаций называют себя движением за глобальную демократизацию. Фактически они ратуют за альтернативную глобализацию, подразумевая под этим глубокие социальные и экономические преобразования, результатом которых должен стать новый мировой порядок глобальной справедливости. Ежегодные встречи антиглобалистов носят название Социальных форумов. Первоначально главный лозунг антиглобализма — «Другой мир возможен», а главный путь его достижения — введение «налога Тобина» («James Tobin tax»), что означает налогообложение международных финансовых спекуляций (0,1% от сделки) с последующим расходованием полученных средств на глобальные социальные нужды.

Глобальная регионализация в контексте организованной преступности. Глобализация вызвала к жизни и ряд негативных явлений, что во многом сопряжено с существованием, по выражению Р. Купера (R. Cooper), «псевдогосударств» (Сомали и др.), где деградация властных структур выражается в неспособности сохранять монополию на насилие внутри государства и охранять его внешние границы. Судьба этих «псевдогосударств» (по терминологии ООН — «failedstates») незавидна, потому что постепенно они превращаются в **«великие экономические пустыни»** (Н. Симония), **успешно осваиваемые криминальным бизнесом.**

Бесспорно, что выделенные нами типологические характеристики глобальной регионализации, отнюдь не исчерпывают всех возможных трендов. Представлялось важным понять общие тенденции внутреннего реформирования глобального пространства международных отношений, а также формы интегративного взаимодействия основных акторов мирополитических процессов XXI века.

Литература

1. Бобровников А. Н. Интегративные тенденции и эпицентры развития XXI века. // «Латинская Америка», 1997, № 7
2. Бобровников А. Н. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М. ИЛА РАН. 2004

3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006
4. Замятин Д. Н. Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // Вопросы философии 2001. № 9. с. 144–153
5. Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. — М.: ИЛА РАН, 2002
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004
7. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // МЭиМО, 2005. № 6 С. 3–13
8. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. — М.: ООО “Издательство АСТ”; СПб.: Terra Fantastica, 2002
9. Симония Н. Многополярность в эпоху глобализма <http://www.mgimo.ru/news/experts/document157100.phtml>
10. Страус А. Л. Униполярность (Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России). // «Полис», 1997, № 2, с. 34.
11. Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. N 5–6 (26–27). С. 111
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003
13. Фокина В. В., Особенности процессов глобализации и регионализации в современном мире // Россия в глобальном мире (социально-теоретический альманах № 8), Санкт-Петербург, 2005
14. Bull H., Watson A. (eds). The Expansion of International Society. Oxford, 1984.
15. Haas E. B. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–57. Stanford, 1968

Ю. Г. Дунаева

ПРЕСНАЯ ВОДА ПЛАНЕТЫ В МИРОВОМ ДИСКУРСЕ: СТАНЕТ ЛИ XXI ВЕК ЭПОХОЙ БОРЬБЫ ЗА ВОДУ?

*Умение соединить широкий теоретический горизонт,
общую теорию и абстракцию со здоровым практицизмом —
это лучший и едва ли не единственный способ
помочь наукой своему народу.
С. И. Вавилов*

Дефицит воды — глобальный вызов XXI века, связанный с экономическим и демографическим ростом человечества. Организация Объединенных Наций сигнализирует о катастрофической ситуации с обеспечением питьевой водой населения Земли: Мировой океан объемом 1,5 млрд куб. км на 98% состоит из соленых вод, и только 28 млн куб. км — пресные воды (2,5%) [2]. Согласно данным ВОЗ, в современном мире более 80 государств с населением более 2 млрд человек не обеспечены чистой, безопасной для здоровья водой, всего 10 стран мира обладают более чем 60% мировых запасов пресной воды [8]. Пресную воду уже сейчас стали называть «нефтью будущего».

В данной работе автор ставит задачу оценить запасы пресной воды на планете, выполнив проблемную и региональную экспертизу, провести анализ международного сотрудничества в области водных ресурсов и сравнить эффективность решений о пресной воде по странам и регионам. В исследовании оцениваются риски, конфликты, трудности решения проблемы пресной воды на планете, а также передовые разработки и исследования, методы управления и практика применения эффективных в социально-экономическом отношении проектов.

Работа основана на международных документах ООН, ЮНЕП, ВОЗ, ЮНИСЕФ, Всемирного Банка, ВОИС [1–10; 13–20], на стратегиях и концепциях как отдельных государств, так и региональных объединений [22–27], среди которых важное место занимают труды Международного института менеджмента воды [11], Института мировых водных ресурсов [12] и российские законы, программы и проекты [28–37].

Проблема оценки природных ресурсов планеты, прежде всего водных, является важнейшей задачей современного развития. Мировые запасы пресных вод колеблются от 41 до 45 тыс. куб. км, а в экономике используется около 4–4,5 тыс. куб. км, что составляет 10% общего объема пресной воды на планете. Запасы пресной воды неравномерны: 75% «заморожено» в полярных ледниках Арктики и Антарктики, еще 24% находится в виде подземных грунтовых вод, а 0.5% «рассредоточено» в почве в виде влаги, поэтому на доступные и дешевые источники воды — реки, озера и водоемы — приходится всего 0.01% мировых запасов воды [2]. По словам Колин Чартрес, генерального директора Международного института менеджмента воды, «...вода — это больше не тема инженеров и ученых. Она стала более глубокой социальной и экономической проблемой» [11]. Институт мировых ресурсов США назвал 37 государств с максимальной нехваткой водных ресурсов. Результаты были получены после изучения бассейнов 100 рек и 181 государства, анализировались частота засушливых периодов и наводнений за несколько лет, сезонная и годовая разница уровня воды в реках. Уровень 5 присваивался тем странам, где недостает более 80 % необходимого количества воды — такими странами оказались Сахарская Арабская Демократическая республика, Тринидад и Тобаго, ОАЭ, Сингапур и Катар [14]. Самыми необеспеченными водой странами мира являются 13 государств, среди которых 4 республики на постсоветском пространстве — Туркмения, Молдова, Узбекистан и Азербайджан. 700 миллионов человек в 43 странах располагают водными ресурсами в объеме ниже минимальной потребности человека, а 39 стран мира получают большую часть необходимой воды из-за границы [8]. Три сотни китайских городов ежедневно сталкиваются с нехваткой воды.

Дефицит пресной воды усиливается процессом индустриализации и изменения климата. Лишь 8% запасов пресной воды на планете люди используют для утоления жажды, около 70% используется для орошения и 22% — в промышленных целях [5]. В XX столетии использование воды росло в два с лишним раза быстрее, чем население [12]. В современном мире темпы значительно ускорились: в 2007–2025 гг. расходы воды увеличатся на 50% в развивающихся странах и на 18% — в богатых государствах. К 2050 г. потребление воды для сельского хозяйства увеличится на 19% и составит почти 90% мировых ресурсов пресной воды. Климатические изменения станут причиной водного стресса в Средиземноморье, на Западе США, юге Африки, северо-востоке Брази-

лии. Эксперты ООН полагают, что без доступа к питьевой воде в мире остаются 1,9 млрд человек, то есть каждый четвертый житель земного шара [2]. Ценность для людей представляет не просто пресная вода, а чистая вода высокого качества. Каждый год от болезней, связанных с водой, погибают 5 млн человек, и в основном это дети. По данным ЮНИСЕФ, ежедневно более 3 тыс. детей умирают от желудочно-кишечных заболеваний [15], поэтому чистая вода имеет огромное значение для спасения детских жизней в наиболее уязвимых районах планеты. По заключению ученых, снижение количества осадков и загрязнение воды приведут к тому, что пострадают реки: Мюррей — Дарлинг (Австралия), Колорадо (США), Оранжевая (ЮАР, Ботсвана, Намибия, Лесото), Янцзы — Хуанхэ (КНР) [2]. Эксперты Всемирного Банка считают, что если сегодня не принять серьезных мер к исправлению ситуации, то уже к 2030 году спрос на чистую пресную воду в мире будет на 40% превышать предложение, и около трети населения мира будет иметь доступ лишь к половине необходимых им водных ресурсов [14]. Такова суть мировой проблемы пресной воды на планете.

Международное сотрудничество по проблеме воды вызвано возрастающей необходимостью координировать исследования водных и других природных ресурсов и их рационального использования. Поверхностные и подземные воды не признают политических границ, что определяет глобальный характер управления водными ресурсами мира. С ростом дефицита водных ресурсов эта проблема будет приобретать все более политический и даже военно-силовой характер. Ежегодно 22 марта в мире отмечается Всемирный день воды [16], напоминая нам о важности проблемы обеспечения пресной питьевой водой всех жителей Земли и регулировании использования и управления пресными водными ресурсами. Проблема доступа к питьевой воде признается одной из важнейших целей, сформулированных в Декларации тысячелетия ООН в 2000 году [1]. Напомним, «Цели развития тысячелетия» включали задание к 2015 г. вдвое уменьшить количество людей, не имеющих доступа к питьевой воде — этой цели удалось достигнуть уже к 2012 г. Объявленное ООН в 2005–2014 гг. Десятилетие Воды [6] призвано привлечь внимание жителей Земли к проблемам, связанным с водой. ООН создала механизм «Водные ресурсы» [6] и Консультативный совет по водным ресурсам и санитарии при Генеральном секретаре ООН [8]. Общемировая значимость темы чистой воды подтверждены Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции «Право человека на воду

и санитарии» 2010 г. [2]. Важность верховенства закона при защите окружающей среды была подчеркнута в Резолюции ООН «Будущее, которого мы хотим», итоговом документе конференции ООН по устойчивому развитию [3]. 2013 год провозглашен Генеральной Ассамблеей ООН «Международным годом водного сотрудничества» [2]. Вопросы о пользовании и сохранении водных ресурсов включены в повестку дня большого числа международных организаций и конференций [3]:

- Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2002 г. [3],
- Конференции ООН [1–8],
- Саммиты G7/G20 2008–2013 гг. [20],
- ЮНЕП [19], ЕС [13], ВОИС [17], ЮНИСЕФ [15], ЮНЕСКО [10], Всемирный Банк [14],
- Всемирный Водный Форум 1997–2012 гг. [7],
- Международная перспектива по водным ресурсам и окружающей среде. IPWE. 2013. Измир, Турция [25];
- IV Международная конференция по экологии и развитию ICESD. 2013. Дубай, Объединенные Арабские Эмираты [26].

Обеспечивая обязательные правила, международное сотрудничество стало платформой для реализации водной стратегии в таких документах, как «Укрепление партнерства между G8 и африканскими странами по водным ресурсам и санитарии» 2009 г. [20], «Международная перспектива по водным ресурсам и окружающей среде IPWE», 2013 г., Измир, Турция [25]; «Водоснабжение, санитарно-профилактические мероприятия и бедность» Всемирного банка [14]. ЮНЕСКО 12 марта 2009 г. распространила Доклад об освоении мировых водных ресурсов, в котором говорится, что резкое увеличение числа населения планеты, глобальные изменения климата и растущий спрос на развитие привели к повышенной напряженности в снабжении водными ресурсами, и к 2030 году 24–700 миллионам человек придется покинуть свои дома из-за дефицита воды [10]. Каждые три года собирается Всемирный водный форум [7], о его возрастающем значении говорит следующая статистика:

Первый Всемирный водный форум (Маракеш, Марроко — 1997 год) привлек 500 участников.

Второй Форум (Гаага, Нидерланды — 2000 год) посетило 6000 делегатов.

Третий Форум (Киото, Шига и Осака, Япония — 2003 год) и IV Форум (Мехико, Мексика — 2006 год) собрали по 20 000 участников.

Пятый (Стамбул, Турция — 2009 год) собрал более 30 000 участников.

Шестой (Франция, Марсель — 2012 год) стал крупнейшим Форумом в истории с более чем 35 000 участников, его посетили 15 глав государств, правительств, 173 государства, 103 министра, замминистра и госсекретаря, 170 национальных делегаций, более 750 выборных должностных лиц, среди которых 250 мэров и 250 парламентариев, 3500 представителей НПО и гражданского общества, более 2600 детей и молодежи. Приняты 1400 решений по вопросам водоснабжения, сотни конкретных обязательств, направленных на сохранение и рациональное использование важнейшего для жизни ресурса. [7].

Участники процесса нацелены на то, чтобы Седьмой Всемирный Водный Форум в Вене в 2015 году стал «Форумом решений».

Таким образом, международное сотрудничество включает в себя не только вопросы изучения, экспертизы, оценки водных ресурсов планеты, но, что наиболее важно, вопросы рационального использования и сохранения водных ресурсов, заботу об их восстановлении и эффективном развитии, проблему всеобщего доступа к чистой воде, независимо от региона проживания.

Цель человечества — рациональная система мирового водопользования. Рассмотрим глобальные международные решения гидродипломатии. Без всякого сомнения, основным способом урегулирования водного кризиса международная экспертиза считает экономичное использование воды. Однако экономия в международных документах не означает сокращения объемов потребления, речь идет об эффективном развитии водосберегающих технологий, которое включает: уменьшение водоемкости производственных процессов, создание водохранилищ талых вод, эскорт пресной воды, опреснение морской воды, использование ледниковых запасов Арктики и Антарктиды и т.д. [17]. Международные эксперты разрабатывают научно-методические принципы контроля за качеством воды на планете, теорию природной ренты, биологический кругооборот и т.д. Ученые подсчитали, что 45% территории земли приходится на аридные и экстремально аридные регионы, и еще 22% — на семиаридные, оставшиеся 33% нередко подвержены засухам и постепенно сокращаются вследствие процесса вырубki лесов и опустынивания [2]. Экологами доказано, что приблизительно за 2 млн лет вся вода на планете проходит через живые организмы, средняя продолжительность общего цикла обмена воды составляет 300–400 лет. Приблизительно 37 раз

на год (то есть каждые десять дней) изменяется вся влага в атмосфере [8]. Под рациональной системой водопользования понимается такая организация мирового водного хозяйства, при которой все население мира обеспечивается питьевой и хозяйственно-бытовой водой в необходимом количестве и должного качества, все образующиеся стоки проходят очистку до стандартов питьевой воды, на промышленных предприятиях внедряются маловодные и «сухие» технологии, бессточные системы отработанных вод с полной очисткой и регенерацией стоков и замкнутые системы водопользования [17]. Цель гидродипломатии — полное прекращение сброса отработанных вод в мировой океан.

Проблема уменьшения водоемкости водных процессов затрагивает, в первую очередь, сельское хозяйство — основной потребитель пресной воды, поглощающий 87% водных ресурсов. Продукция, производимая на орошаемых землях, в 2–5 раз дороже, чем выращиваемая за счет выпадения дождей, т. к. стоимость топлива и гидросооружений постоянно возрастает [20]. При ежегодной потребности на каждого человека в год, равной 400 000 литров, в США используется 1 700 000 литров. При минимальной потребности в воде 50 литров в день на человека, в США потребляется воды в 8 раз больше, т. е. 400 литров в день [12]. США начали политику сокращения потребления, приняв закон Американского конгресса 1992 года об уменьшении пользования воды почти на 70% на коммунальные нужды [11]. Из-за неверного использования грунтовых вод мира исчерпываются их запасы — скорость сокращения составляет от 0.1% до 0.3% в год [12]. В США скорость отбора подземных вод в среднем на 25% выше, чем скорость их восстановления. При сохранении таких темпов некоторые земледельческие районы уже через 30 лет станут непродуктивными.

Международные эксперты обеспокоены не только уменьшением количества водных ресурсов земли вследствие безрассудного использования, но и ухудшением качества питьевой воды. В развивающихся странах загрязнено примерно 95% источников [21]. В США в 37% озер вода непригодна для купания из-за различных видов загрязнения [11]. Загрязнение отходами и болезнетворными организмами, а также более чем 100 000 разного рода химикатов, используемых в мире, делает воду не только непригодной для питья, но также и для применения в сельском хозяйстве.

В современных условиях самыми популярными решениями преодоления дефицита воды является эскорт воды (покупка в водоизбы-

точных государствах), перехват талых вод водохранилищами и опреснение морской воды или соленой воды из подземных источников [17]. Эскорт воды развит среди стран Среднего Востока, в связи с их географическим положением. Опреснение морской воды для сельского хозяйства применяется на Дальнем Востоке и государствах Юго-Восточной Азии (Япония, Сингапур, Южная Корея) [20], поскольку это очень энергоемкий, дорогостоящий и поэтому экономически малоперспективный процесс во всемирном масштабе. Ученые мира разработали способ получения воды из выпариваемого Землей конденсата [17], но пока этот способ носит только теоретический характер. Заслуживает интереса перехват водохранилищами паводковых и талых вод, что резко увеличивает объем водных ресурсов. Для многих стран мира, особенно в Африке, Азии, Латинской Америке, перехват превратился в основное мероприятие по снижению дефицита пресных вод. В мире насчитывается более 16 тыс. водохранилищ с полезным суммарным объемом 6000 кубических км: Насер в Египте, Братское в России, Виктория в Кении и Танзании, Кариба в Замбии и Зимбабве, их эксплуатация увеличивает устойчивую составляющую полного мирового стока более чем на 25% [21]. Однако, создание искусственных водоемов — это достаточно сложный и затратный процесс, предполагающий, к тому же, фильтрацию малозагрязненных вод. Методы полной регенерации стоков еще очень дороги и применяются пока на стадии экспериментальных разработок, но в перспективе они будут внедряться и в промышленных масштабах.

Опасность дефицита воды приводит к политической напряженности между государствами и войнам за воду. Согласно ст. I Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 1992), «трансграничные воды — это любые поверхностные или подземные, которые обозначают, пересекают границы между двумя и более государствами или расположены в таких границах» [10]. В Конвенции определено, что страны принимают все соответствующие меры для «предотвращения, ограничения и сокращения любого трансграничного воздействия, то есть по возможности исключают любые значительные вредные последствия, возникающие в результате изменения состояния трансграничных вод, обусловленные деятельностью человека». Сравним эффективность гидросоглашений и конфликтогенность между регионами мира в связи с нехваткой пресной воды.

Самые крупные трансграничные реки находятся в **Африке**: Конго, Инкомати, Лимпопо, Нигер, Нил, Окаванго, Оранжевая, Сенегал, Вольта и Замбези [21]. Однако **лишь 4%** доступных водных ресурсов и менее 10% гидроэнергетического потенциала Африки **используется для людей** [8]. По данным ЮНИСЕФ и ВОЗ, в настоящий момент доступ к питьевой воде имеют 89% населения Земли, при этом 783 миллиона людей вынуждены пользоваться загрязненными источниками, около 40% из них проживают в Африке южнее Сахары — регионе с самыми высокими темпами роста населения [15]. Хотя использование вод многих трансграничных рек регулируется многосторонними соглашениями в рамках Сообщества развития Юга Африки (СРЮА) [21], сотрудничество в некоторых бассейнах трансграничных рек мало активно или зашло в тупик. Страны-участницы занимают различные позиции в отношении Совместного рамочного соглашения по бассейну реки Нил (СРС) и особенно его **ключевого положения «водная безопасность»**, которое трактуется как «права всех государств бассейна Нила на беспрепятственный доступ к водным ресурсам реки и их использование для целей здравоохранения, сельского хозяйства, получения средств существования, производства и поддержания окружающей среды» (Статья 14) [21]. На заседании консультативного совета министров стран бассейна Нила (Nile-COM), состоявшемся в 2012 г. в Кигали, Руанда, были утверждены увеличение размеров взносов стран в рамках Инициативы бассейна Нила (ИБН), начиная с 2013/2014 финансового года и Совместный стратегический план ИБН на ближайшие пять лет (2012–2016 гг.) [21]. Члены Nile-COM высоко оценили результаты инвестиционных проектов на сумму 1,1 млрд долл. США, которые реализуются в трех приоритетных областях для государств-членов, а именно в энергетике, сельском хозяйстве и управлении бассейном реки.

Трансграничные водотоки мира **Азии** включают реки бассейна Аральского моря в Центральной Азии (совместно используемые Афганистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном), речную систему Ганг-Брахмапутра, Инд и Меконг. Президент Узбекистана Ислам Каримов предсказал **будущие водные войны в регионе** [22]. **Во избежание конфликта Россия** предложила поддержку Кыргызстану в его спорах с Узбекистаном по распределению водных ресурсов в Центральной Азии. Почти 500 миллионов долларов США долга будут списаны в обмен на **пакет сделок, расши-**

ряющих влияние Москвы в регионе в энергетической, водохозяйственной и военной сферах [29].

Гидродипломатия Бангладеш, Индии, Непала и Пакистана запутана в результате деколонизации, в регионе существуют как межгосударственные разногласия по использованию вод, так и внешнее вмешательство. Республики Бангладеш и Индия свои споры по реке Ганг и дамбе Фаракка решают в духе взаимных уступок и интересов народов двух стран, вырабатывая справедливое решение, не затрагивающее прав и льгот каждой страны [22]. В других случаях споры частично регулируются суббассейновыми (соглашение о сотрудничестве по устойчивому развитию бассейна реки Меконг — Меконгское соглашение) или двухсторонними договорами, такими как договор по реке Инд между Индией и Пакистаном [23] и все соглашения, заключенные Китаем. Но трудности встречались непрерывно: и в ходе реализации Индийско-Пакистанского договора по реке Инд (1960 г.), и в ходе Индийско-Непальских договоров, касающихся рек Коси (1954 г.), Гандаки (1959 г.) и Махакали (1996 г.) [24], и Индийско-Бангладешского договора по реке Ганг (1996 г.) [24]. Однако гидродипломатия имеет большой потенциал для достижения компромиссов и может предотвратить возможные конфликты в интересах регионального сотрудничества, основанного на международном праве.

Межгосударственные отношения России Китая по реке Амур являются положительным примером межгосударственного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Река Амур — крупнейшая трансграничная река Евразии, в бассейне которой расположены шесть субъектов РФ, три провинции КНР, три аймака Монгольской Народной Республики, и небольшая часть территории КНДР. 20 сентября 1924 года было подписано первое соглашение между Россией и Китаем, определявшее режим судоходства между сторонами [30]. Российская Федерация, присоединившись к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 17 марта 1992 года (Постановление Правительства РФ № 331 от 13.04.1993 г.) [32], приняла на себя обязательства осуществлять сотрудничество с граничащими государствами в области охраны и использования трансграничных водотоков. Китай эту Конвенцию не подписал. В 1992 г. государственные комитеты охраны окружающей среды дальневосточных субъектов РФ объединились в Ассоциацию «Экологическая инициатива Восточной Сибири и Дальнего

Востока», и при содействии Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье» попытались привлечь китайскую сторону к природоохранному сотрудничеству в Приамурье (р. Амур, р. Аргунь, р. Уссури, р. Раздольное, озеро Ханка) [36]. В октябре 2006 года подписан договор о сотрудничестве между заповедниками «Бастак» и «Большехехцирский» с российской и «Трехречье» с китайской стороны, цель которого — охрана заповедных территорий России и КНР, расположенных по обоим берегам Амура и Уссури. Интерес к решению проблем Амура проявляют многие авторитетные международные организации и фонды. Так, в марте 2006 года стартовал финансируемый Глобальным Экологическим Фондом и Программой ООН по охране окружающей среды (ЮНЕП) проект «Комплексное управление бассейном реки Амур (Хейлонг)» [34]. 22 марта 2007 г., в Международный день воды, Дальневосточное отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) России и Ассоциация заповедников Дальнего Востока начали 2-х летнюю акцию «Зеленый щит Черного Дракона» [32], посвященной сохранению лесных и водно-болотных угодий реки Амур и ее притоков (Нанайское название реки Амур — Черный Дракон). Организаторами выступают Дальневосточное отделение WWF России, 18 заповедников Дальнего Востока, 1 национальный парк, 4 дружины по охране природы и другие некоммерческие организации регионов [32], которые призывают укреплять щит Дракона посадкой деревьев, очисткой ключей, ручьев, берегов рек и озер ради спасения Амура¹. Таким образом Дальневосточное отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) организует создание зеленого пояса Амура с системой особо охраняемых природных территорий.

Международное регулирование проблемы водных ресурсов Европы на современном этапе является образцовым. Здесь существует длительная практика государств по совместному управлению общими водными ресурсами. Ряд положений относительно судоходства и видах использования международных рек содержат Барселонская конвенция и Статут о режиме навигационных водных путей международного значения 1921 года, решения Хельсинкской конференции 1966 годах [17]. Европа является единственным географическим регионом, который имеет региональный правовой документ, охватывающий юрисдикцию трансграничных вод, — Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер Экономической ко-

миссии ООН для Европы (Водная конвенция ЕЭК ООН, 1992 г.) [10]. Соглашения Китая и Казахстана по охране качества водных ресурсов (2011 г.) [17] и Китая и России (2008 г.) [18] можно рассматривать как развитие конвенции. Интеграционные процессы в Европе привели к сближению правил судоходства по Рейну и по Дунаю, выработке единых стандартов требований к судам, квалификационным требованиям к экипажам, требованиям навигационных правил, правил перевозки грузов и др., а также взаимном признании судовых удостоверений. К несудоходному использованию международных рек относятся строительство плотин для гидроэлектростанций и ирригации, сброс промышленных вод, рыболовство, лесосплав и т. п. Хельсинкские правила 1966 года [18] содержат детально разработанные статьи по таким видам использования, как распределение вод, предотвращение загрязнения и др., основанные на принципе: использование вод международной реки одним государством не должно наносить ущерб водам той же реки, протекающим в пределах другого государства. Общие правила по строительству гидроэлектростанций на международных реках содержатся в Женевской конвенции о гидроэнергии водных потоков 1923 года [18], где детально разработан вопрос о количественном распределении вод между прибрежными государствами, принцип справедливого использования вод и предотвращение любых загрязнений водных ресурсов. Аналогичным образом решались вопросы управления водотоками в соглашениях СССР с Польшей и Финляндией о пограничных водных системах 1964 года [19]. По поручению Генеральной Ассамблеи ООН Комиссия международного права разрабатывает современный проект статей о несудоходном использовании международных рек, опираясь на принципы устойчивого развития [27]. **Дунайская комиссия** является одной из наиболее эффективных бассейновых организаций в мире, в которой участвуют большинство придунайских государств.

Водная рамочная директива Евросоюза (ВРД ЕС) охватывает своими нормами и правилами новых членов ЕС — государства Восточной и Юго-Восточной Европы [27], и новая инициатива Глобального Водного Партнерства также направлена на укрепление трансграничного сотрудничества в этом регионе. Однако, несмотря на постоянное внедрение новых режимов использования водотоков (например, новое соглашение по Днестру было заключено Республикой Молдова и Украиной в ноябре 2012 года под эгидой Водной конвенции ЕЭК ООН) [27],

недостаток скоординированного планирования, реализации и оценки воздействий в трансграничных бассейнах существует.

Россия — одна из самых богатых водными ресурсами стран, на нее приходится треть мировых запасов доступной к использованию воды. Озеро **Байкал** на территории Российской Федерации — уникальный источник пресной воды, в нем содержится столько же воды, сколько во всех пяти великих озерах Северной Америки, около 1/5 мировых запасов поверхностных вод Земли, исключая ледники, и более 4/5 запасов пресных вод России. По оценке экономистов, общий объем ресурсов Байкала составляет 23 тысячи куб. км — это 20% всех запасов пресной воды на земле [33]. Байкал — самое глубокое озеро в мире, его средняя глубина 730 м, максимальная глубина — 1637 м. Байкальская вода, особенно на больших глубинах, исключительно прозрачная и чистая. Прозрачность достигает 65 м по диску секки, что соответствует наивысшей прозрачности морской воды. Соленость байкальской воды составляет 120–130 мг/кг, что в два–три раза ниже, чем в большинстве рек и озер России, и ее можно считать мировым эталоном чистоты [34]. В 1996 году Байкал был включен в Список всемирного природного наследия ЮНЕСКО [10]. Кроме Байкала, Россия обладает крупными реками — сток российских рек составляет 4270 кубических километров в год (экологически безопасно изъятие не более 15 кубических километров в год) [33].

Механизмы реализации федеральных целевых программ, в том числе «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах», «Чистая вода» на 2011–2017 годы», «Основы экологической политики РФ на период до 2030 года» [34–36]; проблемы качества и безопасности питьевой воды; экономические и правовые механизмы для развития конкурентного бизнеса в водной отрасли, а также вопросы, связанные с гражданской ответственностью в реализации экологической политики, находятся постоянно в центре внимания политиков, ученых и практиков России.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 мая 2013 г. № 400 «О внесении изменений в федеральную целевую программу «Чистая вода» на 2011–2017 годы» [34] положения указанной федеральной целевой программы приведены в соответствие с требованиями Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» [35]. Постановление правительства РФ от 30 ноября 2013 года № 1104 «О внесении изменений в федеральную целе-

вую программу «Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012–2020 годах» [34] приводит программу в соответствие с федеральными законами «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» и «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» [34–35]. Российское законодательство четко разграничивает федеральные и региональные функции в сфере водных ресурсов: к полномочиям Правительства РФ относятся утверждение правил водоснабжения и водоотведения, транспортировки сточных вод, подключения к централизованным системам водоотведения; контроль качества питьевой и горячей воды; ценообразование и тарифы в сфере водоснабжения; стандарты раскрытия информации в сфере водоснабжения и водоотведения [38]. Правительство Российской Федерации утвердило государственную программу «Воспроизводство и использование природных ресурсов» [31], которая разработана с учётом приоритетов государственной политики в сфере природопользования, отражённых в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Водной стратегии Российской Федерации до 2020 года, Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, с учётом положений Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждённых Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 года [34–36]. Основными целями государственной программы являются устойчивое водопользование при сохранении водных экосистем и обеспечение защищённости населения и объектов экономики от негативного воздействия вод. Ключевые задачи заключаются в повышении геологической изученности территории России, Арктики и Антарктики, обеспечение социально-экономических потребностей в водных ресурсах, охране и восстановлении водных объектов; обеспечение безопасности водохозяйственных систем и гидротехнических сооружений [34–36].

Над проблемой количества и качества необходимой человеку воды в России работает Институт водных проблем РАН [41], Экспертный совет РАН по Водной стратегии РФ до 2020 года [28], Научно-образовательный центр «Ресурсы и качество вод суши: оценка, прогноз и управление» [38]. Дискуссия по проблемам пресной воды ведется на страницах журнала «Водные ресурсы» [28], а нормативные акты объединены в Водный кодекс Российской Федерации 2006 г. [28]. С 2011 г. в России реализуется Программа «Рациональное управление водными

ресурсами для устойчивого развития» [29], цель которой — совершенствовать систему управления водными ресурсами на федеральном, региональном и муниципальном уровне и изменить отношение населения к водным ресурсам. Программа является частью трехлетней глобальной программы Фонда Алкоа «Устойчивое развитие: инновационные партнерства в поисках практических решений», ее партнеры — Фонд «Устойчивое развитие», Институт Водных проблем РАН (ИВП РАН), преподаватели и студенты факультета Государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (ФГУ МГУ) [40]. 24–25 ноября 2009 года в Москве состоялся международный форум «Чистая вода 2009» [40], на котором тысяча участников форума из 47 стран мира обсудили актуальные вопросы настоящего и будущего водной отрасли. В ходе форума были выработаны рекомендации по дальнейшему развитию водной стратегии и мерам по обеспечению населения чистой водой. Несмотря на то, что Россия обладает самыми крупными запасами питьевой воды в мире, около 11 миллионов россиян не имеет доступа к чистой питьевой воде [39]. В России серьезно изношены водные трубы, что приводит к серьезным потерям водных ресурсов, а чистые реки остались только там, где проживает меньшая часть населения страны — в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако проблема нехватки пресной воды в мире дает нашей стране уникальный шанс, т. к. через 5–10 лет наша страна сможет стать экспортером водных ресурсов в другие страны.

Огромную работу по проблеме пресной воды ведет Институт водных и экономических проблем Сибирского отделения РАН, созданный в 1987 г. в Барнауле с отделениями в Горно-Алтайске, Кемерово, Новосибирске [41]. Исследования сибирских экологов сыграли важную роль в развитии экологической экспертизы, мониторинга окружающей среды, снижении риска и уменьшении последствий природных и техногенных катастроф и др. С 1987 года в институте совместно с Росавиакосмосом и МГУ им. М. В. Ломоносова исследуются особенности влияния ракетно-космической деятельности на окружающую среду на территории Алтайского края, Хакасии и Казахстана. Сотрудники лабораторий участвуют в нескольких международных проектах: проект «Золотая вода» (Golden Water) в рамках Ассоциации академий наук стран Азии (ААНА), Водный проект Международного института прикладного системного анализа (IIASA, Laxenburg, Австрия), проект «Транспорт наносов и морфологическая эволюция береговой зоны» (US NAVY

Office of Naval Research), российско-бельгийские экспедиции по комплексному лимнологическому исследованию Телецкого озера (Республика Алтай) и др. [41]

Проблему стремительного уменьшения пресных вод и наступления соленой воды можно продемонстрировать на примере Каспийского моря. Российские ученые зафиксировали резкое повышение уровня Каспия (в среднем на 14 см в год), с 1978 по 1995 г. уровень моря поднялся на 225 см, а затопление земель шло со скоростью 1–2 км/год, нагонные явления с амплитудой 2–3 м распространялись на 20 км и более вглубь побережья, переформирование берегов достигало 10 м/год [45]. Было затоплено и выведено из землепользования 320 тыс. га ценных земель. Трансгрессия Каспийского моря сопровождалась повышением уровня грунтовых вод, ростом сейсмической опасности и крайне негативно отразилась на условиях жизни населения, экологической обстановке: пострадали города Махачкала, Дербент, Каспийск, целый ряд сельских поселений и экономических объектов — оросительные системы, нефтепромыслы, дороги, линии электропередач, очистные сооружения. За счет нарастания биологического (микробного и паразитарного) и химического (неорганического и органического) загрязнения существенно ухудшилось качество питьевой воды, что позволило ученым назвать происходящее каспийской экологической катастрофой. В отличие от каспийского кризиса причины аральской экологической катастрофы имеют антропогенную природу: развитие здесь водоемкого сельскохозяйственного производства при фактической монокультуре хлопчатника привело к обмелению рек. С 1960-х до конца 1980-х годов приток воды в море сократился с 50–60 до 5 км³, уменьшение стока Амударьи и Сырдарьи явилось причиной снижения уровня Аральского моря на 14–15 м, сопровождавшегося неминуемым повышением солености (втрое) и деградацией экосистем моря и дельты [45]. Увеличение используемых удобрений и ядохимикатов в условиях обезвоживания вызвало пыльные бури. В большей степени пострадали прибрежные к морю районы Узбекистана (Кара-Калпакия), Туркмении (Ташаузская и Хорезмская области), Казахстана (Кзыл-Ординская область). Увеличение микробного загрязнения источников хозяйственно-питьевого водоснабжения и снижение качества питьевой воды, рост инфекционных заболеваний явилось логическим завершением экологической катастрофы. Так, на примере Каспийского региона можно проанализировать негативную медико-экологическую ситуацию, связанную

с питьевой водой: в кризисных зонах наблюдаются грубые нарушения санитарных условий жизни (водоснабжения, канализации), выраженный дефицит питания, низкий уровень медицинского обслуживания, миграция населения. Дефицит чистой воды ведет к экологическому кризису, кризис — к деградации населения, который характеризуется резкой потерей потенциалов жизнеобеспечения, нарастанием инфекционной (особенно кишечной), паразитарной патологии, генетических нарушений и в конечном счете снижением продолжительности жизни, ростом детской и взрослой смертности. В ближайшем будущем потепление климата приведет к изменению водного баланса, и экологический кризис Каспия и Аральского моря станет необратимым для планеты, что требует планирования целенаправленных крупномасштабных мероприятий, междисциплинарных исследований по разработке схем защиты населения в зонах с прогнозируемыми изменениями водности территорий. Генеральные схемы должны состоять из гидрологических, гидрогеологических, гидрохимических, экологических прогнозов, анализа санитарных условий жизни и водопользования, уровня и характера пищи, медицинского обслуживания, динамики медико-демографических характеристик, тенденций развития эпидемических инфекционных заболеваний, медико-генетической ситуации. Возможно, данная политика потребует переселения тех или иных групп населения, освоения новых территорий вне опасных зон. Следует подчеркнуть, что в отличие от наводнений, характеризующихся быстрым и подчас критическим, экстремальным развитием событий, гидрологические последствия глобальных изменений климата — процесс постепенный, растянутый во времени, что дает возможность ученым и политикам разработать методику оценки и предотвращения ущерба, наносимого здоровью людей. Самым важным фактором предотвращения экологической катастрофы является проведение эффективной политики по управлению водными ресурсами.

Достижения российских ученых в области пресной воды признаны мировым сообществом и получили высокую международную экспертную оценку. Наиболее значимыми успехами является прогресс в сфере биотехнологий и системах оборотного охлаждения [17]. В малых населенных пунктах, где по разным причинам невозможно применение очистных сооружений с подземной фильтрацией, довольно эффективным является использование сооружений блочно-комплектного типа на основе биотехнологий с иммобилизованным на инертном биопо-

сителе активным илом в биореакторах. Основными потребителями воды на большинстве промышленных предприятий являются системы оборотного охлаждения (СОО) и системы получения обессоленной воды для технологических нужд, которые работают автономно, увеличивая водопотребление и объемы сброса сточных вод. Повысить эффективность водопользования промпредприятий может применение установок обратноосмотического обессоливания и рациональное использование отработанных растворов. Пути оптимизации управления системой водоснабжения постоянно находятся в центре внимания российских ученых и практиков. Важным и перспективным направлением по совершенствованию работы централизованных систем коммунального водоснабжения является создание автоматизированных комплексов мониторинга, контроля и управления, особенно в системах подачи и распределения воды, где существует высокая вероятность возникновения нештатных ситуаций [17]. Активное внедрение измерительно-коммуникационных комплексов позволит достигнуть качественного и оперативного решения аварийных ситуаций. Технология мембранного биореактора (MBR) [37], совмещающая в себе процессы мембранной фильтрации с биологической очисткой, состоящая из трехзональной конструкции, осуществляет очистку сточных вод на биофильтрах с переменным кислородным режимом. Ярким научным открытием в сфере водопользования стало кондиционирование подземных вод с высоким содержанием железа. Как показали технологические испытания в г. Комсомольск-на-Амуре, обработка воды перекисью водорода, перманганатом калия и каустической содой обеспечивает получение стабильной питьевой воды высокого качества и соответствует требованиям СанПиН 2.1.4.1074—01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества» [38]. На основании полученных результатов разработаны технологические регламенты проектирования сооружений кондиционирования подземных вод.

Российские ученые внесли большой вклад в медико-экологические исследования водных проблем, в разработку научных основ и методологии комплексного прогнозирования глобальных гидроклиматических изменений и их влияния на медико-экологическую обстановку. Особые достижения российской науки в сфере водопользования следует отметить в предотвращении интенсификации негативных воздействий водного фактора для здоровья населения — имеются в виду

исследования крупномасштабных экологических кризисов с водным пусковым механизмом — аральского и каспийского.

Федеральные программы России дополняются серьезной теоретической практической работой регионов в сфере водных ресурсов. Ленинградское областное отделение ВООП представило Концепцию программы «Вода — бесценное наследие» [47]. В 2014 г. в Санкт-Петербурге прошел кинофестиваль фильмов о питьевой воде, на котором обсуждались вопросы: можем ли мы остаться без питьевой воды, как выживают на засушливых равнинах и что произойдет с климатом на Земле. Зрители увидели фильм «Жажда мира» знаменитого фотографа Янна Артюс-Бертрана, который забрался в самые отдаленные уголки мира, где за пресную воду разгораются вооруженные конфликты. О ежедневных тяготах тех, кто ведет быт на засушливых равнинах северо-западной Мексики, поведала картина Эверардо Гонсалес «Засуха». Геолог Саймон Лэм представил публике результат своей кропотливой работы — фильм «Тонкий лед». В июне 2014 г. в Санкт-Петербурге на площадке Ленэксо впервые прошел первый в городе фестиваль воды открытым небом, объединивший все то, что связано с водной стихией. В экспозиции действовали фонтаны, бассейны с аквапарками, сауны и SPA. Не обошлось без спортивных игр на воде, среди которых оригинальный «скользящий футбол» в рамках праздничной программы. На территории фестиваля была организована информация о ценности водных ресурсов и о том, как сохранить эти богатства в целостности и сохранности для потомков. Кинофестивали, водные праздники и конкурсы помогают осознать глубину водной проблемы земли, популяризируют экологические акции, воспитывают людей в духе устойчивого развития.

Однако целенаправленная деятельность международных структур и отечественных ведомств в области гидродипломатии не защищена от внезапно возникающих конфликтов и трудностей. Водоснабжение — к Российской Федерации Крыма. Потеряв Крым, Украина с 26 апреля 2014 года закрыла шлюзы Северо-Крымского канала Херсонской области, лишив население полуострова 80 процентов пресной воды [46] и ухудшив экологическую обстановку в акватории Черного моря. Интересно, что власти Старого Крыма были готовы платить за воду из Северо-Крымского канала, но решение украинской стороны об обезвоживании было чисто политическим. Построенный в 1961–1971 годах оросительно-обводнительный Северо-Крымский канал начинается

в Каховском водохранилище и доходит до Керчи, он перебрасывает в Крым воду из Днепра, которая на 80% используется для нужд сельского хозяйства, а конкретнее — для выращивания риса в Красноперекском районе. Северо-Крымский — самый длинный искусственный канал в Европе и третий по длине в мире, длиннее его Великий Китайский канал — 1782 километра, который китайцы строили почти 2000 лет, и Каракумский канал в Туркмении, разводящий воды Амударьи до предгорий Копетдага, длиной 1445 километров. Северо-Крымский канал имеет максимальную пропускную способность 294 кубометра (при этом для нормального полива сельскохозяйственных культур требуется подача 80 кубометров воды в секунду) [46]. Впервые за полвека с момента строительства главная водная артерия полуострова высохла. Российской Федерации пришлось решать вопрос пресной воды в Крыму различными путями: за счет исследованных в советские годы запасов грунтовых вод в восточной части полуострова, разработкой месторождений подземных вод на севере полуострова, и проектированием нового Крымского водохранилища на полуострове. Как заявил и.о. главы Республики Крым, председатель Совета министров Сергей Аксенов, города Крыма, испытывающих проблемы в связи с перекрытием украинской стороной северо-Крымского канала, обеспечат водой за счет перераспределения стока крымских рек. В столице Крыма городе Симферополь есть Симферопольское водохранилище, снабжающее городжан питьевой водой, которое питается из реки Салгир и почти не зависит от поставок воды из Северо-Крымского канала. Альтернативным вариантом может стать строительство водопровода по дну Керченского пролива с территории Кубани или разработка подземных месторождений пресных вод в Джанкойском и Нижнегорском районах. Минприроды России, проанализировав все варианты, разработало план по бесперебойному водоснабжению Крыма, включающий более 80 мероприятий со сроками реализации до 2017 года [46]. Разработки российских ученых в сфере водопользования оказались срочно востребованными и практически значимыми. Водохранилище из артезианских скважин и переброска гидромощностей из русла реки Салгир и Тайганского водохранилища в мае 2014 года позволили в экстренном порядке обеспечить полив сельхозполей в Красногвардейском и Первомайском районах Крыма. Самые проблемные крымские регионы — Феодосия, Судак и Керчь — с мая 2014 года получили питьевую воду с водозабора в предгорном Крыму. Запланирована реконструкция устаревших во-

допроводов в районе Феодосии, в которых терялось более 50% воды. Власти намерены сделать ставку на масштабное внедрение систем капельного орошения — оно означает дозированную подачу воды с помощью системы дождевания на определенный участок с растениями, что обеспечивает сельскохозяйственным культурам полноценную подпитку. Тем не менее сельхозпроизводителям, которые потеряют часть урожая из-за действий украинской стороны, будут компенсированы убытки. Проблемы поливного земледелия в принципе могут быть решены путем накопления снеговых и дождевых вод — таково мнение заместителя директора Всероссийского научно-исследовательского института гидрогеологии и инженерной геологии (ВСЕГИНГЕО) Валерия Лукьянчикова. Следующую задачу ВСЕГИНГЕО видит в том, чтобы «построить геофильтрационную и геомиграционную модель подземных вод Крыма, отслеживать все изменения и давать прогноз на будущее» [17]. Крым очень богат подземными водами и одновременно очень уязвим, поскольку рядом море. Кроме чистых подземных вод, в Крыму имеются богатые месторождения минеральных вод, горячих термальных источников, а также промышленных вод, из которых можно добывать иод и бром [46]. По данным правительства Крыма, из всех существующих на данный момент артезианских скважин, полуостров может получать около 1,3 миллионов кубометров питьевой воды в сутки при потреблении 400 тысяч кубометров воды [46]. В городе Старый Крым пробурена первая скважина в бассейне реки Чурюк-Су, которая способна выдать в сутки 1200 кубометров воды при потребности города 1100 кубов [46]. Власти Крыма провели консультации с группой Израильских компаний E. M. I. Technologies and Financing, оказывающей полный спектр услуг в сфере ирригационных и мелиоративных работ. В конце лета 2014 года в Крыму начнется масштабное строительство новых водоводов, водохранилищ, скважин, и республика больше не будет зависеть от энергетики Украины, а современная политическая ситуация. Важнейшая проблема современности — дефицит воды — имеет много аспектов, включая социально-экономический, геополитический, медико-экологический, цивилизационный, конфликтогенный. Проблема связана с недостатком водных ресурсов планеты, неблагоприятными тенденциями уменьшения и загрязнения запасов пресной воды, бесконтрольными заборами воды из трансграничных водотоков. Основные пути решения проблемы пресной воды на планете признаны всем международным сообществом: новая идеология потребления

воды, мониторинг, реализация наиболее эффективных в технологическом и коммерческом отношении проектов, использование передовых зарубежных и отечественных технологий. Специальные технические способы увеличения водных запасов включают: уменьшение водоемкости производственных процессов, создание водохранилищ, использование ледниковых запасов пресной воды, опреснение морской воды, откачку подземных вод, межбассейновые переброски стока, регулирование поверхностного стока, использование артезианских скважин и другие. В конечном счете, проблема заключается в научных и эффективных методах использования воды. Очевидно, что рациональное использование громадного ресурсного потенциала планеты невозможно без разумной экологической политики.

Сотрудничество между странами в области охраны и использования водных ресурсов должно осуществляться путем разработки соглашений между странами, координации совместных действий по предотвращению угроз загрязнения водных объектов и сохранению биоразнообразия. Документы ООН, ЕС, ЮНЕП, ВОЗ, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ представляет собой всеобъемлющую и постоянно развивающуюся правовую и юридическую базу, регулирующую межгосударственное сотрудничество по озерам и рекам. Созданные мировым сообществом Стратегии позволят обеспечить гарантированное водоснабжение населения и создать надёжные условия развития промышленности, энергетики, водного транспорта, рыбохозяйственной отрасли, сельского хозяйства за счёт эффективного использования водоресурсного потенциала планеты, повысить энергоэффективность экономики за счёт сокращения водоёмкости производства и снижения непроизводительных потерь водных ресурсов, обеспечить безопасность и надёжность эксплуатации существующих гидротехнических сооружений.

Однако, несмотря на большое количество международных документов (Водная стратегия ЕС, механизм ООН «Водные ресурсы», Водный кодекс РФ и др.), мировое сообщество не всегда обладает политической волей, необходимой для проведения политики, направленной на охрану окружающей среды и инвестирование в программы водосбережения и рационального использования воды. На сегодня только Европа имеет региональный правовой документ по юрисдикции трансграничных вод — Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Остальные регио-

ны планеты находятся в начале пути: подготовлена документальная база, есть воля и желание сотрудничать. Перед мировым сообществом стоит задача жесточайшей экономии расходования воды, т.е. применения принципиально иных — рациональных систем водопользования. В документах определены основные проблемы управления и охраны водных ресурсов, сформулированы основные пути их решения и перспективы устойчивого управления водными ресурсами. Сотрудничество в рамках азиатских бассейнов, где присутствуют различные политические и экономические интересы, остается реальной проблемой. Для управления водными ресурсами ряда важных азиатских водотоков, таких как Меконг и Ганг, не хватает правовых рамок. Для повышения эффективности обработки воды системами ультрафильтрации необходимо расширение теоретической базы и проведение экспериментальных исследований.

Глобальное изменение климата влияет на запасы пресной воды, в то время как растущее население и возросшая экономическая активность, особенно в сельском хозяйстве, увеличивают потребность в пресной воде практически во всех сценариях. Международное сотрудничество в управлении экологическими рисками в области пресной воды осуществляется при активном участии Российской Федерации, обладающей огромными запасами дефицитного ресурса. Поскольку уже известны технологии опреснения соленых морских вод, воды Мирового океана и соленых озер можно рассматривать, как потенциальные водные ресурсы, использование которых в будущем способно принести экономический успех.

¹ «Хвост» Черного Дракона находится в степях Монголии и Даурии, «туловище» лежит в четырех российских регионах и в одной китайской провинции, две левые «лапы» дотягиваются до самого Станового хребта, где берут начало притоки Амура Зея и Бурей, а две правые «лапы» — притоки Сунгари и Уссури — в Китае и в Приморье; «голова» Дракона упирается в Охотское море и он «пьет воду» Татарского пролива. Длина «тела» Черного Дракона от «хвоста» до «головы» — более 4500 км, а площадь бассейна Амура достигает 1,8 млн кв. км.

Литература

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 8 сентября 2000 года. 55/2 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

2. Право человека на воду и санитарию. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН, принятая на 64 сессии ГА ООН 28 июля 2010 года A/64/PV.108// <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N10/464/66/PDF/N1046466.pdf?OpenElement>
3. Доклад Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Йоханнесбург. Южная Африка. 26 августа — 4 сентября 2002 года// <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/636/95/PDF/N0263695.pdf?OpenElement>
4. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. 17 марта 1992 г.// http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/waterconr.pdf
5. Конвенция ООН по несудоходным видам использования международных водотоков. 21 мая 1997 г.// <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/09/198179.htm>
6. Механизм «ООН — водные ресурсы». Международное десятилетие действий «Вода для жизни», 2005–2015// <http://www.unwater.org/index.html>
7. Всемирный водный форум// <http://www.expoclub.ru/db/exhibition/view/8142/>
8. Консультативный совет по водным ресурсам и санитарии при Генсеке ООН// http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2004/water.shtml
9. Конвенция Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Европы по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Водная конвенция ЕЭК ООН), принятая в Хельсинки, Финляндия, 17 марта 1992 года// <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf>
10. ЮНЕСКО. Список Всемирного наследия// <http://whc.unesco.org/ru/list/>; World Water Assessment Programme. UNESCO. The 4th edition of the UN World Water Development Report (WWDR4)// <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/wwdr4-2012/>
11. IWMI. Вода на обеспечение продовольствия, общих условий жизни и окружающей среды. Международный институт менеджмента воды. Доклад. 24 ноября 2009 г. // http://www.iwmi.cgiar.org/Publications/Other/PDF/IWMI_Corporate_Brochure-Russian.pdf
12. WRI. Институт мировых ресурсов США// <http://www.wri.org>
13. Рамочная водная директива ЕС. Директива Европейского Парламента и Совета от 23 октября 2000 года. 2000/60/EC (OJ L 327, 22.12.2000 г.)// <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2000:327:0001:0072:EN:PDF>
14. «Группа по водным ресурсам 2030 г.» Всемирного банка // http://health.mail.ru/news/nehvatka_presnoy_vody_sereznaya_no/; <http://siteresources.worldbank.org/>

- org/INTPRS1/Resources/383606–1205334112622/4768783–1205337114531/wat0321.pdf
15. Millennium Development Goal drinking water target met// http://www.unicef.org/media/media_61922.html
 16. Всемирный день водных ресурсов. Вода и ресурсы. 2014// <http://www.un.org/ru/events/waterday/>
 17. WIPO. Отчет Гендиректора о ходе реализации повестки дня в области развития. ВОИС. Комитет по развитию и интеллектуальной собственности (КРИС). 13 сессия. Женева, 19–23 мая 2014 г.// http://www.wipo.int/meetings/en/details.jsp?meeting_id=28542
 18. Глобальное водное партнерство. Стратегия ГВП на 2009–2013 гг. // http://www.gwp.org/Global/GWP-CACENA/Images/News/gwp_tec_17_ru.pdf
 19. НП «ЮНЕПКОМ» Российский национальный комитет содействия программе ООН по окружающей среде// <http://www.unepcom.ru/globenv/water-news/181-water-news2009.html>
 20. Официальный сайт саммита G8 в Германии в 2007 г. // www.g-8.de; Официальный сайт саммита G8 в Японии в 2008 г. // <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2008hokkaido/index.html>; Официальный сайт саммита G8 в Италии 2009 г.// <http://www.g8italia2009.it>; Декларация G8 по энергетике и климату, принятая в Италии на саммите в Аквиле в 2009 г. // http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2009/G8–2009-declaration; France’s Official G8-G20 Website// <http://www.g20-g8.com/g8-g20/g20/francais/accueil.1.html>
 21. Укрепление организаций для управления трансграничными водами в Африке. ГВП// <http://www.gwp.org/Ourapproach/Special-Programmes/Strengthening-institutions-for-transboundary-waters-in-Africa1/>
 22. Договор между правительством Народной Республики Бангладеш и правительством Республики Индии о совместном использовании реки Ганг/водных ресурсов реки Ганг (Фаракка, 1996 г.)// <http://www.worldwater.org/ganges.htm>
 23. Договор по водным ресурсам реки Инд. 1960 г. <http://siteresources.worldbank.org/INTSOUTHASIA/Resources/223497–1105737253588/IndusWatersTreaty1960.pdf>
 24. Упрети, Кишор. Управление трансграничными водными ресурсами: уроки стран Южной Азии. Юридический департамент Всемирного Банка. 3 сентября 2012 года// <http://www.globalwaterforum.org/2012/09/03/transboundary-water-governance-lessons-for-south-asia>
 25. Международная перспектива по водным ресурсам и окружающей среде. IPWE. 2013. Измир, Турция. — http://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&ei=3VzUUI7OC6774QT3y1GQAw&hl=ru&langpair=en%7Cru&r

- url=translate.google.ru&u=http://content.asce.org/conferences/ipwe2013/index.html&usg=ALkJrhB-c3u_tHkmNrHC-z_dli2OzXQ-w
26. IV Международная конференция по экологии и развитию ICESD. 2013. Дубай, Объединенные Арабские Эмираты// http://translate.googleusercontent.com/translate_c?depth=1&ei=3VzUUI7OC6774QT3yIGQAw&hl=ru&langpair=en%7Cru&rurl=translate.google.ru&u=http://www.icesd.org/&usg=ALkJrhjr74LSsJqXh3CM4gkyCM0mhKqfPA
 27. Инструменты для улучшения трансграничного сотрудничества в странах Центральной и Восточной Европы. Глобальное Водное партнерство// <http://www.gwp.org/en/gwp-in-action/Central-and-Eastern-Europe/News-and-Activities-GWP-Central-and-Eastern-Europe/GWP-CEE-launches-a-new-project/> См. также: «Уроки управления трансграничными водами реки Днестр». <http://www.gwp.org/en/GWP-CEE/gwp-cee-in-action/news-and-activities/Lessons-from-transboundary-management-of-the-Dniester-River> <http://www.gwp.org/en/gwp-in-action/Central-and-Eastern-Europe/News-and->
 28. Водный кодекс Российской Федерации. ФЗ № 167-ФЗ от 16 ноября 1995 г. В редакции от 3 июня 2006 г. N 74// <http://www.rg.ru/2006/06/08/voda-kodeks.html>
 29. «Путин подписывает соглашения по плотинам в Кыргызстане, расширяет военное присутствие, списывает полмиллиарда долларов долгов», 21 сентября 2012 года, OOSKA-News// <http://www.ooskanews.com/dailywater-briefing/putin-signs-kyrgyzstan-dam-agreements-extends-military-presence-writes-half-bil>
 30. О принятии конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Постановление Правительства РФ от 13 апреля 1993 г. N 331(в ред. от 22.04.2009 N 351)// <http://new.meteor.ru/documents/8/70/>
 31. Воспроизводство и использование природных ресурсов. Госпрограмма Министерства природных ресурсов и экологии РФ. 17.09.2012 г.// <http://www.mnr.gov.ru/activities/list.php?part=1333>
 32. «Зеленый щит Черного Дракона». Дальневосточное отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) России и Ассоциация заповедников Дальнего Востока. Акция по сохранению реки Амур и ее притоков. 2014–2016 гг.// <http://pda.regnum.ru/news/425103.html>
 33. Об охране озера Байкал. ФЗ № 94-ФЗ от 1 мая 1999 г (в ред.от 21.11.2011 N 331-ФЗ)// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121962/
 34. О внесении изменений в федеральную целевую программу «Чистая вода» на 2011–2017 годы, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2010 г. № 1092. Постановление от 2 мая 2013 г. № 400// Собрание законодательства Российской Федерации, 2011, № 4, ст. 603; 2012, № 27, ст. 3749

35. О водоснабжении и водоотведении. ФЗ № 416-ФЗ от 7 декабря 2011 года// <http://www.rg.ru/2011/12/08/voda-site-dok.html>
36. Материалы Экспертного совета РАН для оценки хода реализации Водной стратегии РФ до 2020 г. /<http://www.iwp.ru/content/ekspertnyi-sovet-ran-dlya-otsenki-khoda-realizatsii-vodnoi-strategii-rf-do-2020-goda>
37. Научно-исследовательский проект «Исследования пространственно-временных закономерностей формирования водных ресурсов и качества вод с учетом изменений климата и антропогенной нагрузки на водные объекты и их водосборы» (Госконтракт № 02.740.11.0336 с Роснаукой). Научно-образовательный центр «Ресурсы и качество вод суши: оценка, прогноз и управление»// <http://www.iwp.ru/content/nauchno-obrazovatelnyi-tsentr-resursy-i-kachestvo-vod-sushi-otsenka-prognoz-i-upravlenie>
38. Водные ресурсы. Журнал ИВП РАН. ISSN 0321—0596// www.iwp.ru/watres/watres.html
39. Вода. Magazine. Водопользование. Водоснабжение. Водоотведение. Журнал// <http://www.watermagazine.ru/>
40. Рациональное управление водными ресурсами в целях устойчивого развития». Программа Фонда Алкола // <http://acqua.municipal-sd.ru/taxonomy/term/8?page=1>
41. Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения — РАН ИВЭП СО РАН//<http://www.iwep.ru/ru/>
42. Развитие водохозяйственного комплекса Российской Федерации в 2012—2020 годах. ФЦП Мин-ва природных ресурсов и экологии РФ//<http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=127630>
43. О федеральной целевой программе «Чистая вода» на 2011—2017 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2010 г. N 1092 г. Москва//<http://rg.ru/2011/01/24/chistaya-voda-site-dok.html>
44. Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 года. // <http://kremlin.ru/acts/15177>
45. Эльпинер, Л. И., проф. Водные ресурсы, здоровье и экология//Экология и жизнь. № 1 (86). 2009
46. Почему Крым столкнулся с водной блокадой и какие пути выхода из кризиса видят местные власти <http://www.kommersant.ru/gallery/2463019#id=1018731>, <http://www.rg.ru/2014/05/07/damba-anons.html>, Взгляд.Деловая газета <http://www.vz.ru/news/2014/5/7/685651.html>
47. Вода — бесценное наследие. Концепция программы. Ленинградское отделение ВООП. СПб, 13—15 июня 2012 г.// <http://www.fund-sd.ru/events/17-05-2012>.

ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Возросшее внимание к роли нематериальных факторов в мировом и национальном развитии исходит от расширения информационных пластов бытия. Всё это подогревает интерес к исследованию роли идентичностей¹. В докладе ставится цель показать операционализацию понятия идентичности в контексте мировой политики.

Для таких исследований важное значение имеют конструктивизм, теория идентификации². Современные реалии создают благоприятные условия для этого. Растет число народов и регионов, связывающих этно-национальную идентификацию с достижением той или иной формы самоопределения. Только на территории СНГ на июнь 2014 г. остаются в статусе непризнанных или полупризнанных государств 6 территориальных образований, причём 4 из них в течение более 20 лет. Более 100 народов на разных территориях стремятся к самоопределению³. В условиях глобализации все это ведет к подвижке территориальных, конфессиональных, этнических, национально-государственных идентичностей в других регионах и государствах. Государства трансформируются, стремясь занять свое место в той или иной конфигурации акторов, определить референтного Другого, что сопровождается изменением сочетания идентичностей. «Фактическое воздействие глобализации глубоко трансформирует национальные государства, их функции и власть перекраиваются и вновь встраиваются в комплекс транснациональных, региональных и локальных сетей»⁴.

В качестве операционализируемых понятий рассмотрены «космополитическая идентификация», «мягкая сила», «глобальное управление». В понятии «космополитическая идентификация» выделим несколько значений.

1. «Номадический космополитизм» (греч. *nomas* — кочующий), как у профессионалов, надеющихся во многих странах найти применение своим компетенциям, приобретая массовый характер, он обретает вес политического фактора.
2. «Космополитизм поневоле» — мироощущение, принимающее массовый характер в силу роста международной миграции, когда

люди готовы ехать куда угодно, хотя бы за временным источником доходов.

3. Глобально-демократический космополитизм, источники которого или политико-правовой идеализм, воспитанный на вере в принципы международного права, демократии и прав человека, или, наоборот, разочарование в институтах своего государства в силу массовых нарушений прав человека. В последнем случае недоверие к несостоятельному (в идентификационном плане) государству влечет апелляции к международным институтам.
4. Неоимперский глобализм, отражающий стремление одних акторов «быть покровителем», а других «искать покровителя», т. е. ориентироваться на государство, задающее образцы сильной мировой политики и патронирующее более слабым странам.

Последний тип отражает идентификацию с великой державой, в образ которой вносились коррективы. В биполярном мире построение идентификаций шло по линии США — СССР. После развала СССР установилась гегемония США. Ее отражением выступил неоимперский глобализм: США стал «маяком» такого космополитизма, что усиливало политику идентичности, поддерживающую взаимные ожидания, как для элит и граждан государства-гегемона, так и оставшихся без выбора элит и граждан «ведомых» государств. Победа в «холодной войне» придавала международной политике США окраску «силового мессианизма»⁵. В полной мере это стало оправдываться после события 11 сентября 2001 г. и сохранялось долгое время, что отмечено Т. Н. Шаклеиной: «Реакция американцев на события весны 2011 г. в Северной Африке показала, что идеи «незаменимости Америки» для остального мира, её ответственности за будущее других стран сохраняют мощную притягательность для американских граждан разных возрастов»⁶.

В качестве космополитической идентификации традиционно воспринималось стремление разных слоев, особенно после распада СССР, встать под «зонтик» западной («западноевропейской» или «североамериканской») идентичности. Так актуализируется мировоззренческое позиционирование, ориентированное на стандарты потребления качественных товаров, услуг социальной защиты, прав человека. Космополитизация нередко соотносится с европеизацией — распространением европейских ценностей и норм среди зарубежных, в том числе, и неевропейских партнеров, взаимодействием национального и наднационального уровня ценностей и норм⁷.

При этом космополитизация в когнитивном плане сопровождается глобализацией, отражая все сложности последней, противодействие модернизации и традиционализации, локализация и транснационализации. В конце XX — начале XXI века в массиве «заманчивых» благ глобализации возросло влияние виртуализации: кибер-услуг, игр, всевозможной рекламы и дизайна, средств копирования, наблюдения, связи. Обществоведы обозначили растущее влияние знаков и символов на деятельность в различных предметных сферах, начиная от внедрения образа с помощью упаковки товара, системы образов на праздниках и презентациях до сопровождения выбора народом системы правления и конфигурации союзников.

Так или иначе, космополитическая идентификация все больше принимает характер совокупности информационно-культурных образов и стереотипов, вызывающих и поддерживающих ожидания позитивных масштабных эффектов. Эти ожидания связываются с применением демократических принципов государственного и корпоративного управления, гарантий универсальных прав человека, высоких стандартов потребления, что выходит на уровень глобального управления.

Всё это сопровождается соответствующим взаимовлиянием космополитической, этно-национальной и национально-государственной идентичностей. Это необходимо, чтобы выстроить исторически обоснованную ценностно-нормативную базу легитимации власти. Как свидетельствует, например, опыт европеизации стран, не входящих в ЕС, в том числе неевропейских стран (политика соседства, восточное партнерство ЕС), этот путь может вести к разрастанию социальных, этнических, религиозных конфликтов, в том числе в вооружённой форме. Как правило, актуализируется обращение к традиционным ценностям. За «арабской весной» 2011–2012 в странах Северной Африки произошли «откаты» в виде религиозной фундаментализации, анти-демократизации, разрастания конфликтов, усиления роли военных. В ходе наступления Майдана и после государственного переворота на Украине (февраль 2014 г.) произошел фактический демонтаж государства, совершен ряд деяний, попадающих в разряд преступлений против человечности.

Не прекращаются попытки выстроить политику идентичности новых государств путем переоценки истории, в том числе, Первой и Второй мировых войн. Один из примеров — Украина, пытающаяся с конца 1980-х годов и по сегодняшний день осу ществить эту задачу.

События 2014 г., показали, что Украина не приблизилась к разрешению проблемы национально-государственной идентичности; только глубже обнажился трагизм идентификационного выбора.

Как правило, укрепление космополитической идентичности коррелирует с маргинализацией национально-государственной идентичности. Космополитизация встречает сильное сопротивление ряда государств. Формирование общеевропейской идентичности испытывает трудности, о чем свидетельствовал провал общей Конституции ЕС. Сопротивление внутренних политических сил в европейских государствах наглядно проявилось в изменении состава депутатов после выборов в Европейский парламент в мае 2014 г.⁸ Не случайно, в ЕС начали разрабатывать концепты «внешнего измерения» интеграции, выяснения возможностей единой внешней политики стран ЕС, в частности миграционной политики, политики безопасности⁹.

Складывается противостояние и перекрещивание национальной (и цивилизационной) идентичности, с одной стороны, и космополитической идентичностью, с другой. В этот процесс противостояния втягиваются территориальные этнические, конфессиональные, профессиональные, гражданские идентичности. Этот процесс является зоной приложения «мягкой силы», рассматриваемой как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия¹⁰. «Soft power» переводится в ЕС как «собранная, скоординированная сила»; в Китае говорят о «мудрой силе»¹¹. В. В. Путин, выступая на совещании с российскими послами и постоянными представителями при международных организациях 9 июля 2012 г. обозначил «мягкую силу» как дополнение к традиционным дипломатическим средствам.

К компонентам «мягкой силы» относят долговременные позитивные и негативные стереотипы, имиджи, бренды, репутацию страны¹². К ним следует добавить идентичности. В качестве параметров ведущих мировых держав приводится также состояние образования, традиции, культура думать и действовать глобально¹³.

Разные индексы применяются для измерения «мягкой силы» и космополитической идентификации, в том числе, косвенно, индекс глобализации, *индекс состоятельности государства*, включающем показатель «отчётливости идентификации граждан с государством»¹⁴, а также *индекс внешних и внутренних угроз* (переменные: «присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских или антиправительственных движений», «легальные сепессионистские движения»,

«избыточная миграция»), *индекс потенциала международного влияния, индекс государственности* (переменные «время существования суверенной государственности», «доля доминирующего этноса в структуре населения страны»). Рассчитывается и специальный глобальный рейтинг фактора «мягкой силы» (5 факторов — политические ценности и управление, культура, дипломатия, образование, бизнес и инновации). Сейчас рассчитывают рейтинг эффективности государств в сфере использования Интернет-сервиса для продвижения внешнеполитических взглядов и влияния на общественное мнение (Россия на 14 месте, США на 1-м)¹⁵.

«Мягкая сила» неизбежно предполагает взаимодействие разных идентичностей: индивидуальных, коллективных, национально-этнических, конфессиональных, гражданских, национально-государственных, цивилизационных, космополитических, включаемых в политику в качестве средств и объектов глобального управления. Космополитическая идентичность имеет особое значение для применения «мягкой силы» и глобального управления, т.к. показывает превосходство западных цивилизаций («центра» перед периферией и полупериферией), способствует расслоению обществ незападных стран («периферии»), элиты которых «активно втягиваются пылесосом глобализации в так называемую Давосскую цивилизацию в качестве младших партнеров космополитического истеблишмента, претендующего на манипулирование всем мировым сообществом»¹⁶.

Космополитическая идентичность как компонент *softpower* изменяет сочетание идентификаций граждан, отесняя на второй план цивилизационную и национально-государственную идентификацию. При этом за счет внедрения «общечеловеческих ценностей» (права человека, свобода, демократия, толерантность) космополитическая идентичность образует сочетания с индивидуальными, гражданскими, этническими идентичностями, даже может усиливать националистическую идентичность, становится важной переменной в механизме «мягкой силы», влиянии государств друг на друга. Это выводит ее в число важнейших инструментов глобального управления¹⁷.

Разрабатывается и глобальное управление идентификациями, воздействующее на противостояние цивилизационной и космополитической идентичностей, которое может «против воли его участников прибрать форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремле-

нием огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но, не позволяя ему полностью разрушиться»¹⁸. Сопротивление космополитизму исходит от таких ценностей как религия, идеология, порядок, сплоченность, т. е. ядра цивилизационной и национально-государственной идентификаций, благодаря чему государство видится как преемственное сочетание власти, ценностей и как суверенный субъект, играющий главную роль в формировании образов лояльности, смыслов консолидации.

Ранее в блоках и союзах доминировало взаимовлияние суверенитета государств, опирающегося на военную и экономическую мощь. К середине XX в. помимо государств усилилось влияние других акторов, что способствовало развитию методов «мягкой силы». В связи с этим выделяются разные составляющие (состояния) суверенитета: международно-правовой, вестфальский, внутренний, суверенитет взаимозависимости. Каждая из составляющих имеет собственную логику власти, легитимности, контроля, может вызывать, как взаимное усиление, так и ослабление этих компонентов¹⁹. Возросшую взаимозависимость этих составляющих отражает переменная «суверенитет взаимодействия» (субъектность, формирующаяся, в том числе, под воздействием конфигурации идентичностей). Подобные изменения в трактовке суверенитета соответствуют логике усиления НПО во внутренней политике и одновременно движения к универсальному глобальному обществу с его «арочной конструкцией законов и власти, набором космополитических институций, отделяющими легитимную политическую власть от традиционно фиксированных территорий»²⁰.

Важная функция «мягкой силы» — стирание грани между внешней и внутренней политикой, что изменяет динамику конфигураций субъектностей во внутриполитических и международных отношениях²¹. При этом субъектность государств, включаемых в конфигурации, растворяется при отсутствии четких обязательствами и ответственности других элементов конфигурации. Это обеспечивается инкорпорированием «естественные» права индивидов и прав народов в субъектность государств. Космополитические идентичности вытесняют национально-государственные и цивилизационные символы. Это чрезвычайно осложняет и маргинализирует положение национально-государственных (патриотических) элит, и стоящих за ними сил, стремящихся подерживать суверенитет государства.

Политика США, ЕС и НАТО затрудняет включение в конфигурации субъектностей, повышающие российское влияние. Но эти конфигурации подвижны и изменчивы, что стремится использовать Россия. Неудачи в Ираке и Афганистане, мировой кризис 2008–2009 гг. снизил неоимперскую идентификацию США. Удачная политика России по сирийскому вопросу, успехи в проведении Универсиады в Казани, Олимпиады и Параолимпиады в Сочи, возвращение Крыма в 2014 г., заключение 30-летнего контракта на поставки газа в КНР усилили национально-государственную идентичность россиян. В этих условиях рельефно проявилась также специфичная идентичность южных и восточных регионов Украины как проявление «русского мира».

Космополитический компонент «мягкой силы» функционален особенно в условиях транзитных обществ. Происходит деление на общества с «сильной» (самостоятельной) и «слабой» (управляемой извне) национальной идентичностью. Первые консолидированы, не допускают усиления космополитических контр-идентичностей, интегрируют граждан и этносы в национально-государственной идентичности, противостоят глобальному управлению идентичностями. Вторые подвоятся к активизации космополитических идентичностей и внутренних контр-идентичностей (этнических, конфессиональных, региональных), а соответственно к деkonsolidации общества. Глобальное управление идентификациями может в XXI в. в «непокорных» государствах формировать «слабые» идентичности, ослаблять однородность и способность к консолидации общества.

России необходимо расширять свое участие в СНГ, ШОС, ЕвразЭС, ОДКБ, БРИК, Организации Исламская конференция. Новые возможности возникают с образованием Евразийского экономического союза. Россия активно формирует выгодные для неё и привлекательные для партнеров конфигурации субъектностей и «зонтичные» идентичности, чтобы избежать изоляции, нейтрализовать «мягкую силу» США, НАТО, ЕС, консолидировать Россию на основе базовых ценностей. Восстановление уважения к народу России, русскому языку и русской культуре необходимо для укрепления образа сильного, но миролюбивого, чуткого к проявлениям несправедливости государства с богатым опытом международного сотрудничества и консолидации культур, что является базой усиления собственной «мягкой силы».

- ¹ Дегтерев Д. А. Российская Федерация как международный донор: проблема идентичности // Международные организации. — 2013. — № 2 (41). — С. 699–77; Громыко Ю. В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. — М.: АРКТИ, 2006. — 400 с.
- ² Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review, 1994. N. 2. pp. 384–396; Keeley J. F. To the Pacific? Alexander Wendt as Explorer // St. Guzzini, A. Leander (Eds.) Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and his Critics. — London: Routledge, 2006 — 246 p.
- ³ Уточнено по данным фундаментального труда: Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник / Под ред. А. В. Торкунова. В 4-х т. — М.: Аспект-Пресс, 2012.
- ⁴ Мартинелли А. От мировой системы к мировому сообществу? // СОЦИС. — 2009. — № 1. — С. 13.
- ⁵ Баталов Э. Я. Русская идея и Американская мечта // США. Канада: экономика — политика — культура. — 2000. — № 12. — С. 33–34.
- ⁶ Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы подсистемы [Электронный ресурс] // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 2(26). — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>
- ⁷ Лыткина В. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях // Международные процессы. — 2013. — Том 11. — № 1 (32). — С. 50.
- ⁸ Значительно увеличилось число депутатов от правых партий, поддерживающих политику национальной идентичности. Если они смогут объединиться в группу и взаимодействовать с другими правыми и левыми, то будут набирать от 140 до 200 голосов (Власова О., Кокшаров А., Мирзоян Г. Успели не на тот поезд [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. № 23(902). — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2014/23/>).
- ⁹ Monar J. External Dimension of the EU's Area of Freedom, Security and Justice. Progress, Potential and Limitation after the Treaty of Lisbon. — Stockholm: SIEPS, 2012. p. 13–17.
- ¹⁰ Най Дж. Softpower, или «мягкая сила» государства [Электронный ресурс] // // Альманах Восток: сайт. — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.
- ¹¹ Чихарев И. А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 25. — С. 93–98.
- ¹² Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. — 2008. — № 2. — С. 122–135.
- ¹³ Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы [Электронный ресурс] // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 2(26). — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/004.htm>

- ¹⁴ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; L., 1996. — 504 p.
- ¹⁵ Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. — М.: Национальный институт использования национальной безопасности, 2012. С. 25–33.
- ¹⁶ Хорос В. Г. От глобализации нельзя отгородиться // Глобализм и цивилизационная идентичность России. — М.: Научный эксперт, 2008. С. 36.
- ¹⁷ Мартыянов В. С. Политический проект Модерна. — М.: РОССПЭН, 2010 — 359 с.
- ¹⁸ Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление [Электронный ресурс] // Международные процессы. — 2009. — Т. 7. — № 1 (19). — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/002.htm>.
- ¹⁹ Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, N. Y.: Princeton University Press, 1999. — 280 p.
- ²⁰ Held D. Law of States, Law of People. Three Models of Sovereignty // Legal Theory. — 2002. — Vol. 8. — pp. 1–44.
- ²¹ Keohane R. O. Power and Governance in a Partially Globalized World. London: Routledge. 2002. — 298 p.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ «СТАРЫХ» МЕХАНИЗМОВ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОЦЕССА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Сложившаяся международная политическая обстановка позволяет предполагать, что в долгосрочной перспективе (после 2050 г.) Большой Ближний Восток останется непревзойденным (в сравнении с другими регионами) средоточием конфликтогенности и нестабильности. Об этом свидетельствуют продолжающийся арабо-израильский конфликт, военно-политическая обстановка в Ираке и Афганистане, ситуация вокруг Ирана, роль Турции и Пакистана в региональной политике, влияние США, Великобритании и их союзников на меняющееся геополитическое положение, активизация дипломатических усилий Российской Федерации в зоне традиционных интересов Запада в целом. Качество реализации властных полномочий последнего осуществляется в пределах сложно организованного ближневосточного политического пространства и при таких обстоятельствах, как:

- взаимосвязь с внешней средой, оказывающей одновременно и консолидирующее и фрагментирующее влияние на структуру региона;
- этноконфессиональное, культурное, политическое единство стран региона, определяющие его внутреннюю целостность, которая принципиально не позволяет свести основные параметры функционирования системы к системе атрибутов составляющих ее элементов;
- гомеостаз, или сохранение некоего динамического равновесия, определяющего поддержание параметров внутри системы, так и по отношению к факторам внерегиональной среды;
- информативность, т.е. лингвистические и знаковые методы консолидации региона при реализации информационного обмена между народами, общество будет иным. В рамках глобального управления с учетом особой напряженности действий основных

актеров мировой политики в ближневосточной региональной системе кризисного реагирования не следует воспринимать моментно, а главное, вне циклического измерения.

«Сейчас все продолжают играть в линейную революцию, — пишет по этому поводу профессор социологии университета Париж-Нантер Ж. Бодрийар, — тогда как она уже захлестнулась вокруг себя, чтобы породить свой симулякр, подобно лепным ангелам, конечности которых соединяются в кривом зеркале. Все вещи обретают конец в их удвоенной симуляции, и это знак, что цикл завершен. Когда эффект реальности, словно бесполезный мессия, который приходит на следующий день, начинает без пользы удваивать ход вещей, то это значит, что цикл заканчивается в игре симулякров, где все проигрывается заново перед тем, как умереть, и где все пропадает за горизонтом истины. Бесполезно поэтому гоняться за властью или говорить о ней до бесконечности, ибо отныне она тоже стала частью сакрального горизонта кажимостей, она здесь только затем, чтобы скрыть, что ее больше не существует, или, скорее, что после апогея политики начинается спад, другая фаза цикла, обращение власти в собственный симулякр. Завладеть властью можно не больше, чем завладеть тайной. Ибо тайна власти — в том же, в чем и тайна тайны: она в том, что ее нет. В другой фазе цикла, фазе упадка реального, операциональной является только мизансцена тайны или власти, но это знак того, что субстанция власти после своей беспрерывной; экспансии на протяжении нескольких веков внезапно взрывается изнутри, и что сфера — власти сжимается, превращаясь из звезды первой величины в красного карлика, а затем в черную дыру, которая поглощает всю субстанцию реального, все окружающие энергии, разом преобразившиеся в чистый знак, знак социального, плотность которого нас подавляет. Не инстанция, не структура, не субстанция и на самом деле не отношение сил: власть — это вызов. От идола власти примитивных обществ, который говорит, чтобы нечего не сказать, до актуальной власти, которая существует только для того, чтобы заклинать отсутствие власти, был пройден весь цикл, цикл двойного вызова. Вызова, который власть бросает всему обществу. И вызова, который брошен тем, кто имеет власть. Это и есть тайная история власти и ее катастрофы». Следовательно, для Запада в целом на Большом Ближнем Востоке в обозримом будущем наиболее важным окажется концептуальное обоснование и обеспечение качественно иных, чем прежде, функций, прежде всего в рамках коллективного миротворчества.

Особые надежды «сильных мира сего» в этой связи закономерно должны быть связанными и возлагаться на ООН, успешно реализующую миротворческие механизмы как совокупность политико-дипломатических, военных/силовых/превентивных и /или принудительных и иных форм и методов коллективных международных усилий по восстановлению международного мира и стабильности в зонах кризиса посредством скоординированных мер по предотвращению, снижению остроты, разрешению, ликвидации международных и межнациональных конфликтов.

В отдаленной (после 2050 г.) перспективе ООН окажется вполне способной существенным образом усовершенствовать механизм обеспечения международного мира и безопасности, методы и меры превентивного и/или принудительного характера, систему мер реализации ответственности, а также инструментов миростроительства применительно к ближневосточному территориальному пространству, прежде всего, поскольку последнее включает в себя прежде всего зону англосаксонского стратегического эллипса. Следует быть последовательно готовыми к тому, что, в первую очередь, Великобритания и США настойчиво потребуют от данной влиятельной универсальной организации проведения эффективных совместных действий принудительного или даже карательного характера для того, чтобы подчинить себе неудобных, представляющих и старых и новых участников ближневосточного регионального политического процесса.

Во избежание развития подобного сценария, разумнее всего представляется рассмотреть возможность создания оперативного военного штаба или реабилитации деятельности ВШК (военно-штабного комитета ООН), подчиненного непосредственно Совету Безопасности для регулярного проведения всевозможных командно-штабных учений с участием офицеров генеральных штабов государств с тем, чтобы знакомить их с основными тактическими и стратегическими концепциями и тем самым облегчить и минимизировать риски проведения любых совместных коллективных превентивных и принудительных действий (в том числе с применением вооруженных сил), поскольку такая структура будет руководить действиями всех сил ООН на Большом Ближнем Востоке при оперативном взаимодействии с ЕС, ЛАГ, другими влиятельными международными организациями, а также соответствующими миротворческими усилиями отдельных государств, таких как Франция, Германия, Турция в особенности. В противном случае,

военное измерение еще не свершившегося крупномасштабного вооруженного конфликта международного характера на Большом Ближнем Востоке возобладает, международное военное вмешательство увеличится в масштабах, пресечение актов агрессии приобретет новые нежелательные формы, а проблемы региональной безопасности, в увязке с борьбой против международного терроризма, получат напряженное императивное назначение применительно к Ираку, Ирану, Афганистану, государствам зоны Персидского залива, палестино-израильскому противостоянию и т.д. Хаотичное и зачастую неправомерное коллективное обеспечение стабильности непременно приведет к повышению уровня ближневосточной взрывоопасности, концепция «управляемого хаоса», именно из-за противоречивых политических процессов на Большом Ближнем Востоке окажется трудно регулируемым или вовсе не будет реализована, лишь усугубив сложившиеся проблемы. Смена лидеров текущего поколения, неспособность региональных общественных структур к позитивной самоорганизации, разновекторная (Восток—Запад, Север—Юг) экспансия политического ислама, деструктивно воздействующего на другие территориальные пространства, не создадут каких-либо новых весомых предпосылок для синергетического обустройства системы кризисного регулирования, что может пагубно повлиять на все глобальное управление, лишив последнее реальных возможностей координации всех процессов мирового развития без исключения, поскольку природа хаоса как своеобразного варианта сложной геометрии власти по меньшей мере двойственна. Известный российский исследователь Д. Темников следующим образом комментирует данное важное обстоятельство: «Хаос нередко трактуется как деструктивное начало, ведущее к свержению старого порядка и замене его на новый посредством разрушения старых и выстраивания новых связей, что не отражает всех образов и путей формирования порядка и хаоса, в том числе разработанных в рамках теории самоорганизации. Хаос не являет собой только лишь деструктивное начало, он может быть и конструктивным, т.е. выступающим в качестве условия для организации (порядка). Хаос конструктивен через разрушительность (порядок возникает благодаря хаосу и из него, хаос лежит в основе выхода на одну из тенденций самоструктурирования сложной системы) и разрушителен через конструктивность (возникшие сложные упорядоченные структуры метастабильны, вблизи момента обострения становятся неустойчивыми). Хаос, таким образом, амбивалентен по отношению

к структурам порядка, выступая и в разрушительной, и в созидательной роли. Хаос никогда не исчезает и присутствует в порядке. Теория самоорганизации говорит о сосуществовании в системе, а также в подсистемах различного уровня сложности макроскопической упорядоченности и микроскопической разупорядоченности хаоса». Им же подмечено, что хаос разрушающий заявляет себя как тенденция распада системы, хаос созидующий связан с конструктивной ролью процессов синхронизации, т.е. сглаживания неоднородностей, упорядочивания элементов, ведущих к гармонизации процессов развития системы. Можно согласиться и с тем утверждением автора, что в большей степени хаос разрушающий выступает как сила, создающая неоднородности в системе, как тенденция к максимальной дифференциации ее элементов. То есть, хаос конструктивный необходим для выхода системы на одну из траекторий ее возможного движения, он лежит в основе механизма объединения простых структур в сложные, механизма согласования темпов их эволюции, он может выступать как механизм перехода от одной относительно устойчивой структуры к другой. Следовательно, согласно Д. Темникову понятие хаоса освобождается в теории самоорганизации от негативного оттенка, а отклонение от кривой траектории развития системы перестает познаваться в качестве патологии, требующей рационального вмешательства для исправления ситуации и с этим утверждением стоит согласиться. Процессы саморегулирования определяют сложное взаимодействие хаоса и порядка при тех бифуркациях, которые имеют непосредственное отношение к исходной симметрии в системе, так как делают определенный набор состояний более предпочтительными по сравнению с другими при таких признаках как:

- направление траектории развития системы взаи— содержание приоритетов основных субъектов мировой политики;
- способы реализации национальных интересов;
- направление развития международного сотрудничества.

«Совершенно очевидно, — признает в этой связи Д. Темников, — что распад СССР может рассматриваться как бифуркация: изменилось направление развития системы международных отношений (от bipolarности к иному состоянию), изменилось содержание приоритетов США и России, способы реализации их национальных интересов, изменился характер сотрудничества как между двумя государствами, так и между другими странами. К бифуркации в полной мере можно отнести и террористические акты в США в сентябре 2001 г., оказавшие

значительное влияние на развитие международных отношений в последующий период. Военная операция в Афганистане, война в Ираке, дальнейшее укрепление НАТО как организации с глобальными целями, институционализация независимости Косово стали отчасти следствием реакции США на эти события. Однозначность трактовки влияния событий 11 сентября 2001 года на развитие системы международных отношений не привела автоматически к одновекторности ее дальнейшего развития, напротив, указанные события оказали немаловажное влияние на содержание системной бифуркации, вылившейся в увеличение степени хаотичности системы международных отношений и, как следствие, в инициацию процессов самоорганизации, которые привели в дальнейшем к контрбалансированию однополярности путем нарастания недовольства действиями США в мире. С одной стороны, реакция (политическая, экономическая, военная) США на события 11 сентября 2001 года позволила некоторым исследователям указать на факт усиления влияния и расширения присутствия Америки в мире, установления нового мирового порядка, появления у США права предпринять «полномасштабный» пересмотр существующих правил и норм поведения в мире с целью противодействия угрозам новой природы. Действия США по борьбе с международным терроризмом стали рассматриваться как оправданные, т.е. отвечающие принципам обороны в ответ на нападение. С другой стороны, события 11 сентября показали уязвимость США перед угрозами нового типа. Неспособность США выявить, а тем более противопоставить что-либо этим угрозам ставит под сомнение предопределенность глобального лидерства Америки и возможности «рационального» (в смысле целенаправленного) регулирования международных отношений.

Таким образом, новая архитектура безопасности, с учетом возможностей эффективного кризисного реагирования в обстановке «управляемого хаоса», конечно же, окажется более комплексной, чем старая, тем более что всевозможные неразрешенные проблемы и угрозы оказались взаимно зависимыми по сложным правилам. Именно в связи с этим мировому сообществу необходимы гибкость дипломатии и концептуально правильная расстановка приоритетов согласованного глобального управления (Global Governance) даже при очевидной опасности рисков. «Россия, — отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008, — заинтересована в стабильном системе международных отношений, основанной на принципах рав-

ноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества государств и опирающейся на международное право. Такая система призвана обеспечить надежную и равную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, информационной, гуманитарной и иных областях. Ее главный инструмент — многосторонняя дипломатия. Центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке должна оставаться ООН, которая доказала свою безальтернативность и наделена уникальной легитимностью. Россия поддерживает усилия по укреплению ее центральной и координирующей роли. Это предполагает: неуклонное соблюдение целей и принципов, зафиксированных в Уставе ООН; рациональное реформирование ООП в целях ее планомерной адаптации к меняющимся политическим и экономическим реалиям в мире; дальнейшее повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание этому органу к процессу реформирования большей представительности при обеспечении должной оперативности в его работе. Любые решения по созданию дополнительных мест в Совете Безопасности ООН должны приниматься на основе самого широкого согласия государств — членов ООН. Статус пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН должен быть сохранен. Россия придает большое значение повышению управляемости мирового развития, созданию саморегулирующейся международной системы, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которые должны быть представленными в географическом и цивилизационном отношении и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН. В этих целях Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как «группа восьми» и ее диалог с традиционными партнерами, «тройка» (Россия, Индия и Китай), «четверка» (Бразилия, Россия, Индия и Китай), а также с использованием других неформальных структур и диалога (полилога). Вышеизложенное свидетельствует об исключительных позитивных намерениях Российской Федерации в рамках глобальной и региональной динамики. Они, конечно же, способны повлиять на сложившуюся систему коллективного (западного в целом, но англосаксонского в особенности) кризисного реагирования на Большом Ближнем Востоке и во всем мире. Сохраняется вероятность риска несбыточности внешнеполитических устремлений России примени-

тельно ко всем опасным зонам риска, так как в обозримом будущем (после 2050 г., а разворачивающиеся недавние события корректируют прогноз в сторону смещения сроков к более раннему времени) именно многосторонние коллективные специальные действия (военные преимущественно), с элементами «мягкой» силы (непрерывно, включая финансовые и экономические рычаги и механизмы), представленные в основном США, Великобританией со всеми их союзниками, но без всякого тактического взаимодействия с Россией на Большом Ближнем Востоке при максимальной (коллективной и автономной) поддержке влиятельных международных организаций составят наиболее серьезную угрозу для сложившегося мирового порядка, концептуально определенному во время и после проведения широкомасштабной операции «Буря в пустыне» по отношению к Ираку. Следовательно, «управляемый хаос» мгновенно превратится в лишенную всякой гармонии деградирующую по сути и неуправляемую систему реализации властных амбиций Запада в целом (1).

Примечания

1. Подробнее см. например, Хохлышева О.О. Миротворчество и международная безопасность: некоторые прогнозные оценки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского серия (Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение») № 1, Издательство ННГУ, 2004 г. — с. 52–77 (<http://www.unn.ru/e-library/vestnik.html?jnum=33>)

Ю. М. Кукушкина

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ: СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ И ФЕНОМЕН «ВТО ПЛЮС»

Процессы регионализации сами по себе не подвергаются сомнению, вместе с тем дискуссии вызывают их масштабы, скорость, а также сочетание глобализации и регионализма. Однако современный регионализм отличается от исходной теории. Даже такая организация, как ВТО, которая, казалось бы, и создана для многостороннего регулирования торговли, вынуждена признать право на региональную интеграцию и преференциальную торговлю между отдельными странами. Более того, на сегодняшний день ВТО является важнейшей структурой, которая эффективно содействует дальнейшей либерализации торговли на региональном уровне.

Региональное торговое соглашение не противоречит правилам ВТО (ст. XXIV.5 ГАТТ-1994), если страны-члены ВТО создают региональную экономическую группировку в форме зоны свободной торговли (ЗСТ) или таможенного союза (ТС) при условии, что пошлины и другие меры регулирования торговли в отношении третьих стран-членов ВТО не станут более высокими или более ограничительными в целом, чем они были до этого. При этом, создавая торговый союз, государства должны проинформировать об этом Секретариат ВТО¹.

По информации на 25 апреля 2014 г. ВТО признает 379 РТС по количеству нотификаций (в ВТО учитывают нотификации, а не реальное число соглашений, то есть соглашения о торговле товарами, соглашения о торговле услугами, соглашения, содержащие оба аспекта, а также соглашения о присоединениях новых членов считаются отдельно, даже если фактически это одно соглашение). Из них 249 — фактическое число действующих РТС в мире. 135 РТС регулируют исключительно торговлю товарами, лишь одно соглашение полностью посвящено торговле услугами и в 113 одновременно с правилами торговли товарами включены вопросы регулирования торговли услугами (примерно 45% от общего числа РТС)². Стоит отметить, что правила ВТО не регули-

руют общие рынки, экономические союзы, единые экономические пространства. Резкий всплеск регионализма приходится на 1990-е гг., когда страны с переходной экономикой стремились минимизировать издержки рыночной трансформации³, а на 2000-е гг. приходится пик активности в подписании региональных соглашений. Спад в этой сфере произошел в 1980-е гг.

Экономическая интеграция становится многовекторной, то есть страны не ограничиваются одним РТС для того, чтобы достичь наибольшего положительного экономического эффекта от либерализации торговли. Лидерами по числу торговых соглашений являются ЕС, 4 страны-участницы ЕАСТ: Швейцария, Исландия, Норвегия, Лихтенштейн (они заключали РТС как отдельно, так и единым блоком), Сингапур, Турция, Чили. Интересно, что Чили при этом играет своеобразную роль посредника между азиатскими странами, расположенными на побережье Тихого океана, с одной стороны, и атлантическими государствами Латинской Америки — Бразилией и Аргентиной, с другой, благодаря особому режиму либерализации. Таким образом, многие государства, придерживаясь стратегии конкурентной либерализации торговли, развивают глобальную сеть РТС по всему миру.

В случае с региональной экономической интеграцией можно выделять этапы ее развития. Однако классическая схема Б. Балассы уже во многих интеграционных группировках не работает⁴. Например, появился весьма размытый термин — «экономическое пространство». В призыве российского президента к западным коллегам и партнерам с постсоветского пространства о сопряжении европейского и евразийского интеграционных процессов путем создания общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока речь идет как раз о таком понятии. Однако что это? Например, в Концепции Общего европейского экономического пространства (ОЭП) России-ЕС 2003 г.⁵ ОЭП включает в себя элементы зоны свободной торговли и некоторые черты общего рынка, а также экономического союза, но в полной мере не соответствует ни одной из ступеней интеграции Б. Балассы⁶.

Интересным примером является НАФТА, ведь Канада, США и Мексика никогда не преследовали такую цель, как создание таможенного союза, однако это и не зона свободной торговли в чистом виде, так как в Соглашении содержатся положения, посвященные помимо торговли товарами, торговле услугами, обмену инвестициями и рабочей силой, вопросам охраны интеллектуальной собственности, гармо-

низации конкурентной политики и технического регулирования и др.⁷. Исследователи относят данный тип РТС к категории «ЗСТ плюс»⁸.

Современные тенденции таковы, что географическое соседство уже не стало обязательным для подписания РТС. Примерами этого являются ЗСТ между ЕС и Мексикой, ЕС и Южной Кореей, переговоры о ЗСТ ЕС с США, ТС РФ, Беларуси и Казахстана с Вьетнамом. В этой связи, важно отметить, что термин РТС уже не всегда отражает суть явления, но его продолжают использовать в экспертной среде применительно ко всем либерализационным и интеграционным соглашениям. На ряду с этим широко стала использоваться и другая аббревиатура — ССТ — соглашение о свободной торговле.

К новым формам региональных объединений вместо классической поэтапности Б. Балассы⁹ помимо ЗСТ плюс и экономических пространств можно отнести так называемые соглашения «ВТО плюс».

При соблюдении правил ВТО участниками торгового союза по отношению к третьим странам режим наибольшего благоприятствования не отменяется, а РТС является соглашением ВТО плюс.

Единого понимания, что такое ВТО плюс нет. Сам термин употребляется в разных контекстах.

1. Он может употребляться для обозначения дополнительных обязательств вступающего в ВТО государства. Больше всего обязательств, выходящих за рамки ВТО, но, фиксирующихся в протоколе о присоединении нового государства к ВТО, взял на себя Китай, которому «навязали такого рода условия по 16 параметрам»¹⁰. Существуют некоторые сложности в интерпретации обязательств ВТО плюс, когда происходит процедура урегулирования торговых споров в рамках специального механизма ВТО. Дело в том, что поскольку они выходят за рамки стандартного пакета обязательств членов ВТО и находят свое отражение лишь в документах о присоединении к ВТО новых стран, прецедентные решения третейской группы ВТО по такого рода спорам должны определять и постепенно уточнять, каким образом обязательства категории ВТО плюс, оформленные в докладе Рабочей группы о присоединении страны к ВТО, соотносятся с нормами базовых соглашений данной организации, и прежде всего, ГАТТ. Россия взяла на себя довольно мало таких дополнительных обязательств, однако в особенности ЕС настоял, например, на неповышении экспортных пошлин на лес (ВТО регулирует только импортные

пошлины¹¹⁾ и начале переговоров о доступе в будущем к сфере российских госзакупок.

2. ВТО плюс может называться и соглашением, которое направлено на дальнейшее снижение барьеров в торговле между двумя или более партнерами. Безусловно, главный критерий «разрешенного» ВТО регионализма — недискриминация по отношению к третьим государствам — в таких ССТ, по крайней мере, на бумаге соблюдается.
3. Страны или региональные группировки, ведущие переговоры о торговой либерализации, преследуют в качестве цели не только упрощение доступа на рынок партнера, но и повышение прозрачности условий экономического сотрудничества. Тогда под ВТО плюс понимают либерализацию в спектре областей, частично или полностью выходящих за рамки переговорного процесса ВТО. Некоторые специалисты различают положения ВТО плюс и ВТО экстра¹²⁾. Первые подпадают под текущий мандат ВТО, но РТС предполагает более глубокую либерализацию. Вторые полностью находятся за пределами сферы компетенции ВТО.

К положениям соглашения ВТО плюс могут относиться вопросы торговли услугами, инвестиций, госзакупок, конкуренции и др. Положения ВТО экстра — это, по сути межправительственная координация различных направлений политики, от антикоррупционной до политики в области ядерной безопасности, и различные формы сотрудничества (см. табл. 1). Все большее число РТС включает в себя обязательства по гармонизации внутреннего хозяйственного регулирования. Такие договоренности необходимы для большей предсказуемости отношений стран-партнеров.

С темой ВТО плюс тесно связаны так называемые Сингапурские вопросы. Это новые направления, которые планировалось включить в компетенцию ВТО. Их четыре:

- торговля и конкурентная политика;
- торговля и инвестиции;
- прозрачность в госзакупках;
- упрощение процедур торговли.

Лишь вопросы упрощения процедур торговли удалось вынести на всеобщее обсуждение в рамках ВТО с середины 2004 г. В то же время остальные три вопроса и вовсе решено было в итоге не рассматривать, и они были исключены из повестки дня переговоров ВТО. С этого времени и до 2009 г. разрабатываются предложения относительно текста

Таблица 1. Положения РТС, характеризующиеся как ВТО плюс и ВТО экстра¹³

ВТО плюс	ВТО экстра	
Промышленные товары	Антикоррупционные меры	Энергетика
Сельскохозяйственные товары	Конкурентная политика	Финансовая помощь
Таможенное администрирование	Защита прав потребителя	Здравоохранение
Экспортные пошлины	Защита данных	Права человека
Фитосанитарные меры	Законодательство в области окружающей среды	Нелегальная иммиграция
Государственные предприятия	Меры по привлечению инвестиций	Производственное кооперирование
Антидемпинг	Регулирование рынка труда	Наркотрафик
Государственные дотации	Защита интеллектуальной собственности	Информационное общество
Госзакупки	Сельское хозяйство	Отмывание денег
ТРИМС	Сближение законодательства	Ядерная безопасность
ТРИПС	Аудиовизуальное законодательство	Политический диалог
ГАТС	Инновационная политика	Государственное управление
	Гражданская защита	Региональное сотрудничество
	Сотрудничество в сфере культуры и образования	Научное и технологическое сотрудничество
	Экономическая политика	Малые и средние предприятия
	Статистика	Налогообложение
	Социальная политика	Терроризм
	Визовые вопросы	

будущего соглашения по упрощению процедур торговли, после чего был согласован первый проект Соглашения по упрощению процедур торговли. А в 2011 г. он был опубликован с некоторыми дополнениями по сравнению с версией 2009 г. В 2012–2013 гг. появляются точки соприкосновения в переговорах по «раннему урожаю» для упрощения процедур торговли и по другим вопросам дохийского раунда¹⁴. В ВТО в отношении результатов переговоров действует принцип единого пакета, который означает, что несколько самостоятельных соглашений, рассматриваются как единый общий результат переговоров (единый пакет). Этот пакет должен быть принят каждым участником переговоров без каких-либо оговорок, изъятий и исключений — как единое целое¹⁵. Этому принципу противопоставляется принцип раннего урожая, когда в право ВТО внедряется только та часть соглашений, которые не вызывают противоречий.

На девятую Министерскую конференцию ВТО, состоявшуюся в декабре 2013 г. на Бали, возлагались большие надежды в отношении вопросов упрощения процедур торговли. Согласно исследованиям авторитетных международных организаций, международная торговля и страны-члены ВТО ощутят на себе положительные эффекты многостороннего упрощения процедур торговли: экономический рост, снижение торговых издержек на 10%¹⁶, решение проблем задержек в поставках грузов, что важно для современного производства, которое опирается на систему планирования материальных запасов «точно в срок» (just-in-time inventory), которая преследует цель получить доход от капиталовложений путем сокращения транспортных расходов, возможности вовлечения малого бизнеса в международную торговлю, рост объема мировой торговли продукцией обрабатывающей промышленности¹⁷.

Так, одним из важнейших результатов встречи на Бали стало заключение Соглашения по упрощению процедур торговли, положения которого включают следующие меры и обязательства:

- Публикация и доступ к информации
- Предварительное опубликование и консультирование
- Предварительные решения
- Процедуры обжалования или пересмотра решений
- Иные меры, направленные на обеспечение беспристрастности, устранение дискриминации и повышение прозрачности
- Меры регулирования в области импортно-экспортных пошлин и сборов

- Выпуск и таможенная очистка товаров
- Координирование деятельности пограничных ведомств
- Движение импортируемых товаров под таможенным контролем
- Специальные процедуры, связанные с импортом, экспортом и транзитом
- Свобода транзита
- Сотрудничество таможенных органов¹⁸.

Поскольку у отдельных стран по-прежнему остаются более широкие интересы, регионализм для них может оказаться эффективнее многосторонних переговоров в данной сфере. Все чаще эти вопросы включаются в РТС. Именно с 2004 г., когда начались переговоры в ВТО по вопросам упрощения процедур торговли, наблюдается значительный рост региональных соглашений, охватывающих этот аспект.

Вопросы упрощения торговых процедур играют все большую роль в региональной торговле. Об этом свидетельствует их значительная доля в общем объеме подписываемых региональных соглашений.

Положения, направленные на упрощение процедур торговли в РТС охватывают большой круг вопросов. Наиболее частыми вопросами в обобщенном виде, включенными в РТС являются сотрудничество таможенных органов, в т. ч. обмен информацией между ними, обеспечение формальностей и упрощение процедур, меры по повышению прозрачности (нормы, касающиеся публикации нормативных правовых актов, доступ к информации, предварительные публикации), процедуры обжалования решений, меры регулирования в области импортно-экспортных пошлин и сборов и др. Наоборот довольно редкими, но все же встречающимися в текстах региональных соглашений, являются консультирование, разделение процедур таможенной очистки от выпуска товара и др.

Ряд экспертов предполагают, что в перспективе многочисленные региональные торговые объединения, созданные на основе соглашений ВТО плюс приведут к формированию новой многосторонней системы регулирования международной торговли, которая также будет регулировать вопросы, остающиеся пока за рамками ВТО из-за сложности найти компромисс между разными группами стран¹⁹. Таким образом, регионализм как процесс способствует совершенствованию глобального регулятора, а не станет причиной его неэффективности, как считалось ранее. В контексте взаимодополняемости мультилатерализма и регионализма в мировой торговле ряд авторов рассматрива-

ют региональные соглашения на предмет юридического соответствия нормам и правилам ВТО²⁰. Значительная часть РТС, идущая существенно дальше соглашений ВТО, не ухудшает условия торговли для третьих стран, то есть придерживается основополагающего принципа ВТО о недискриминационности.

В своей внешнеэкономической политике президент РФ В. В. Путин фактически взял курс на глобализм через регионализм, то есть тот самый новый регионализм. Хотя создание евразийского Таможенного союза/Единого экономического пространства являет собой пример классического пространственного регионализма, по крайней мере, до тех пор, пока все члены данного союза не вступят в ВТО, в то же время анонсированная российским президентом весьма утопичная на данный момент, но столь важная в контексте долгосрочной стратегии идея создания общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока говорит об отказе от изоляции евразийского интеграционного процесса.

Если подвести итог всему вышесказанному, то на сегодняшний день глобализм и регионализм не являются безоговорочно конкурирующими концепциями. В пользу данного тезиса говорит такой феномен, как ВТО плюс в контексте заключения либерализационных соглашений. России же важно грамотно формировать свою внешнеэкономическую стратегию с учетом новейших тенденций в мировой торговле.

События на Украине уже внесли свои коррективы. Скорее всего, российские власти будут стремиться переориентировать более тесные внешнеэкономические связи с европейского на азиатское направление, что поможет снизить зависимость от торговли с ЕС. Однако у РФ пока лишь один достаточно перспективный проект торговой либерализации в Азии — ЗСТ ЕЭП с Вьетнамом, потенциальные положительные экономические эффекты которого в силу меньшего объема взаимной торговли значительно уступают тем выгодам, что можно получить от режима ВТО плюс и более тесного экономического сотрудничества с ЕС. В частности, таможенное сотрудничество России и ЕС, включая дополнительные меры по упрощению процедур взаимной торговли, поможет разделить планы ЕС по созданию трансконтинентальных коридоров с выходом на Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Без нового соглашения такого рода проекты не могут быть реализованы, да и рост взаимной торговли будет затруднен. По этой причине, на наш взгляд, дипломатические усилия должны быть на-

правлены на нормализацию отношений с Европой и возобновление переговоров о новом базовом соглашении, поскольку оно фактически должно стать РТС категории ВТО плюс и содержать разделы ВТО экстра. В то же время, эффективная реализация модели многовекторной экономической интеграции России (за счет привлечения новых участников не только с постсоветского пространства в евразийский проект) выгодна в условиях неопределенности в отношениях с Европой и необходимости диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

¹ Генеральное соглашение о тарифах и торговле 1994 г. <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13>

² WTO's RTA database http://wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm

³ Исаченко Т. М. Региональные торговые соглашения и их роль в мировой торговле // Материалы 4 Конвента РАМИ <http://www.mgimo.ru/filesserver/books/rami4konvent/t5-isachenko.pdf>

⁴ Balassa B. The Theory of Economic Integration. L., 1961. P. 1–2.

⁵ Концепция Общего европейского экономического пространства (ОЕЭП) России-ЕС, Италия, Рим, 6 ноября 2003 года <http://www.mid.ru/bdcomp/nsdos.nsf/162979df2beeb9880432569e70041fd1e/432569d800223f3443256ddc0046e815!OpenDocument>

⁶ Balassa B. The Theory of Economic Integration. L., 1961. P. 1–2.

⁷ North American Free Trade Agreement (NAFTA) <https://www.nafta-sec-alena.org/Default.aspx?tabid=97&language=en-US>

⁸ Спартак А. Современный регионализм // Мировая экономика и международные отношения, № 1, Январь 2011, с. 5.

⁹ Balassa B. The Theory of Economic Integration. L., 1961. P. 1–2.

¹⁰ Медведков М. Ю. Россия и Всемирная торговая организация: Диалог с ЕС <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2001/11.htm>

¹¹ Сутырин С. Ф., Трофименко О. Ю. Влияние присоединения к ВТО на развитие российской налоговой системы http://spb.hk24.ru/uploaded/%D0%9D%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8-%D0%92%D0%A2%D0%9E%20_2_.pdf

¹² Horn H., Mavroidis P. C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements // Bruegel Blueprint Series, Vol. 7, 2009, pp. 14–15.

¹³ Horn H., Mavroidis P. C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements // Bruegel Blueprint Series, Vol. 7, 2009, pp. 14–15.

¹⁴ Руководство по вопросам предложенного Балийского пакета // Мосты Обзор переговоров, декабрь 2013 http://ictsd.org/downloads/bridgesrussian/bridges_ru_6-7.pdf

¹⁵ Терминологический справочник по ВТО <http://www.vavt.ru/wto/wto/SingleUndertakingRule>

¹⁶ Moïsé E., Orliac T., Minor P. Trade Facilitation Indicators//OECD Trade Policy Working Papers No. 118 http://www.wto.org/english/tratop_e/tradfa_e/case_studies_e/oecd_paper_e.pdf

¹⁷ Исаченко Т. М. Соглашение по упрощению процедур торговли открывает новые возможности http://ictsd.org/i/news/bridgesrussian/185126/#_edn2

¹⁸ Соглашение ВТО об упрощении процедур торговли. Деловое руководство для развивающихся стран, 2013 http://www.intracen.org/uploadedFiles/intracenorg/Content/Publications/AssetPDF/WTO%20Trade%20Facilitation%20Agreement_Russian.pdf

¹⁹ Спартак А. Современный регионализм//Мировая экономика и международные отношения, № 1, Январь 2011, с. 9.

²⁰ Horn H., Mavroidis P. C., Sapir A. Beyond the WTO? An anatomy of EU and US preferential trade agreements// Bruegel Blueprint Series, Vol.7, 2009, pp.14–15.

М. Л. Лагутина

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЕГИОН КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ XXI ВЕКА

Одной из ведущих тенденций современного развития является трансформация пространственных координат мировой политики, изменение геополитического ландшафта мировой системы XXI века в результате двух процессов — глобализации и регионализации. Результатом взаимосвязи глобализации и регионализации стал феномен «глобальной регионализации», под которым понимается «регионализация пространства глобального мира, который на практике представляет собой трехуровневую структуру — совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие «регион» выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира» [7].

В рамках процессов глобальной регионализации интеграционные взаимосвязи подвергаются качественной трансформации. В этой связи важно принять во внимание *идею смены поколений форм региональной интеграции*. Фактически на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. В XXI веке наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами и географической близостью, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы и пространственные факторы.

В условиях глобализации государства более не могут удерживать монополию на управление. Одной из первых в 1990-х гг. на это указала С. Стрендж, которая писала о том, что все государства, независимо от территории, размеров, мощи, слабеют перед лицом происходящих технологических и финансовых изменений, а также ускоряющейся интеграции национальных экономик в единый мировой рынок [10]. Часть управленческих функций переходит на наднациональный уро-

вень. В этом контексте важно отметить, что процесс регионализации в условиях глобализации включает в себя серьезную «неформальную компоненту», а именно структуры гражданского общества, социальных институтов, бизнеса. Другими словами, в случае глобальной регионализации важен процесс интеграции «снизу». Эффективность глобальной регионализации зависит во многом от участия негосударственных акторов, а не только от воли и желания национальных государств.

Понятие «регион» является ключевой категорией при анализе глобальной регионализации. Смысл термина «регион» претерпел существенную трансформацию, что выразилось в переходе его от территориального измерения к пространственному. Некоторые эксперты заговорили о «конце географии». Согласно классическому подходу «регион» определяется через понятие территориальных связей и ряд общих специфических характеристик. Таким образом, классическая интеграция национальных государств в международные регионы происходит на основе наличия неких общих интересов в области торговли, экономики и безопасности. Согласно современной теории «нового регионализма» важную роль начали играть несколько иные критерии при образовании регионов. Географическое единство не является определяющим признаком. Например, регион может быть определен как политический союз, не принимающий во внимание географические факторы [9]. Фактически «новый» регионализм стремится выйти за границы картографического метода и учета географического фактора формирования регионов. Вводится понятие «мультиразмерности», что означает формирование регионов на основе функционального подхода.

В итоге при определении региона новаторски звучит понятие «пространство», которое в данном прочтении не имеет ярко выраженных территориальных констант и может вбирать в себя новые характеристики региона, не привязанные к географической карте. Пространство есть структура, наполняющая регион в процессе регионализации (что особенно актуально при формировании «глобальных регионов»), но пространство может превосходить территориальную основу региона, и нельзя не учитывать эту возможность, рассматривая понятие «глобальный регион». Исходя из этого, на наш взгляд, регион можно определить как некую целостность без жесткой замкнутости в территориальные рамки.

Таким образом, глобальная регионализация ведет к созданию новых элементов мировой политической системы — *глобальных регионов*,

которые представляют собой структурированное *пространство*, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (экономический, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т.д.). В качестве характеристик глобального региона можно выделить: наличие общих пространств; наднациональная природа; наличие транснациональных сетей.

Формирование глобальных регионов находится на начальном этапе, однако представляется возможным назвать уже существующие модели глобальной регионализации. Так, исходя из указанных выше критериев глобального региона, можно таким образом охарактеризовать Европейский союз (ЕС), представляющий, на наш взгляд, современную *«европейскую» модель глобальной регионализации*. Характерными чертами данной модели являются:

- ЕС — это общее экономическое, социальное, культурное, информационное и т.д. пространства;
- ЕС обладает уникальным статусом: это ни государство, ни международная организация;
- ЕС функционирует как посредством межгосударственных, так и наднациональных органов (система многоуровневого управления);
- в рамках политики ЕС существует ряд транснациональных программ, которые придают региональному европейскому развитию трансграничный характер (например, Baltic Sea Region Programme — Программа региона Балтийского моря (РБМ) на 2007–2013 гг. разработана в рамках цели Европейского Союза по развитию территориального сотрудничества, интегрируя цели приграничного сотрудничества Европейского Инструмента Соседства и Партнерства (ЕИСП ПГС) — Россия и Беларусь).

Однако ко второму десятилетию XXI века становится очевидным явный кризис «европейской» модели глобальной регионализации, которая до недавнего времени рассматривалась как универсальная. Данная модель демонстрировала стабильные успехи вплоть до недавнего времени, когда над экономическими мотивами европейской интеграции и объективными тенденциями мирового развития в руководстве ЕС стали превалировать политические амбиции. 2004 год — год крупнейшего разового расширения состава участников ЕС, — сыграл роковую роль в развитии европейской интеграции. Данное расширение

было продиктовано не внутренними потребностями эволюции ЕС, а политической конъюнктурой того времени, как отголосок геополитических изменений 90-х гг. XX века на евразийском пространстве. Парадокс заключается в том, что европейские лидеры в своем амбициозном решении по включению в состав ЕС практически всех европейских стран фактически повторили «имперские» ошибки СССР [11]. Данное расширение усугубило общую миграционную ситуацию внутри ЕС и вместо ожидаемой единой европейской нации, стали возникать новые точки этнических противостояний и сепаратистских настроений (провал политики мультикультурализма). Кроме того, уровень экономического развития новых членов Союза (в основном страны Восточной Европы) значительно уступал западноевропейским участникам. Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов обнажил новые болевые точки Европейского союза и впервые поставил под угрозу единство объединения (речь идет о кризисе в Греции, на Кипре, в Испании, Португалии и т. д.). Фактически перед ЕС встала дилемма: или переходить на качественно новую ступень интеграции в сфере финансов и контроля за государственным управлением экономикой со стороны европейских институтов, или вывести за рамки ЕС ряд экономически слабых участников. Таким образом, Мировой финансовый кризис также поспособствовал разобщению европейских государств, разделив их на экономически сильных и слабых игроков.

Еще одним важным фактором, приведшим «европейскую» модель глобальной регионализации к кризису, стало изменение мировой геополитической и геоэкономической ситуации во втором десятилетии XXI века. В частности, это нашло свое выражение в образовании новой конкурентной среды. В число мировых экономических лидеров кроме США, Японии и ЕС вошли так называемые растущие экономические гиганты — Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР (БРИКС). В этих условиях ЕС требуется усиление внутренней консолидации, однако вышеперечисленные обстоятельства этому препятствуют. Кроме того, намерения Белоруссии, Казахстана и России преобразовать Таможенный союз ЕврАзЭС в аналогичный формат глобального региона — Евразийский экономический союз (ЕАЭС), — вызвало крайнее недовольство и серьезные опасения со стороны европейских соседей. Результатом стал украинский кризис конца 2013–2014 года, когда Европейский союз фактически поставил Украину перед жестким выбором: европей-

ская интеграция или евразийская. Это привело к внутреннему расколу украинского общества, потери части территории и политической катастрофе.

Азиатско-Тихоокеанская модель. Выделение глобального региона АТР как обособленного геополитического пространства основано на океанической (морской) концепции, поскольку именно значимость Тихого океана определяет возникновение определенной общности или, хотя бы, общего интереса у государств, зависящих от его ресурсов. В этом состоит главное его отличие от европейского региона: если в случае с последним в основном идут споры о включении или невключении в его состав отдельных государств, но реальность самого региона не вызывает сомнений, то в случае с АТР возникает вопрос об искусственности выделения самого региона, так как слишком разнороден состав его участников.

Форум Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества представляет собой уникальное явление в современной мировой политике. Во-первых, необычным является принцип объединения — географическое расположение в бассейне Тихого океана (единственным относительно похожим примером является проект создания Средиземноморского Союза, предложенный Францией), что обуславливает включение в состав Форума государств, находящихся на четырех разных континентах. Этим же объясняется другое обстоятельство — в АТЭС входит целая совокупность стран, претендующих на значительную роль в процессе глобального управления (США, Россия, КНР, Япония и т. д.).

АТЭС — нетипичная международная региональная организация, это фактически форум «экономик» региона, кроме того, ведущая роль в интеграционных процессах принадлежит ТНК — развитие экономических связей за счет внутрифирменной торговли ТНК. Политика «открытого регионализма» составляет суть региональной интеграции, подразумевая отсутствие дискриминации в отношении своих членов, т. е. члены АТЭС могут участвовать в различных интеграционных проектах.

«Открытый» азиатский регионализм, в отличие от «закрытых» моделей интеграции (по типу Евросоюза), рассматривается как этап на пути интеграции в глобальную экономику. При этом политика «открытого» регионализма позволяет государствам-членам одновременно участвовать в нескольких интеграционных группировках [4], что создает осно-

ву для мировых интеграционных процессов и придает экономическим взаимодействиям государств сетевой характер. Важно подчеркнуть еще одно отличие азиатско-тихоокеанской модели от европейской — если для ЕС конечной целью интеграции является создание наднациональных политических структур, то пример АТЭС демонстрирует альтернативный вариант, где на первый план ставятся экономические интересы и цели интеграции, а сам процесс интеграции происходит не между национальными государствами, а между национальными экономиками. Именно поэтому среди участников АТЭС наряду с Китаем присутствуют Тайвань и Гонконг. Важной характеристикой стратегии развития АТЭС является ключевая роль бизнес-структур, которые фактически определяют строительство интеграционного здания АТЭС (интеграция «снизу»).

Евразийская модель? Современное евразийское пространство (учитывая сосредоточение экономической мощи, демографических ресурсов, углеводородных запасов, а также военно-политических потенциалов государств) становится в условиях XXI века одним из главных центров мировой и региональной политики, где разворачивается активная конкурентная борьба между США, Россией, Евросоюзом и Китаем за доминирующую роль в управлении интеграционными трендами на этом пространстве [6].

В отличие от Европы в условиях новой геополитической и геоэкономической глобальной ситуации на евразийском пространстве наметилась противоположная тенденция: «шок от глобальной нестабильности (нанесший болезненный удар и по Казахстану, первым на постсоветском пространстве ощутившему волну кризиса уже в 2007 г., и по Белоруссии, двумя годами позже вынужденной пойти на масштабную девальвацию своей валюты, и по России) сблизиł постсоветские страны» [1], что стало первым серьезным толчком к интенсификации неоевразийской интеграции. Другими словами Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. поспособствовал активизации интеграционных процессов на постсоветском/неоевразийском пространстве и подтолкнул к необходимости выработки новой модели интеграции.

Объективными условиями, способствующими формированию Евразийского экономического союза (ЕАЭС, 2015), можно считать следующие факторы:

- Толчком к созданию Евразийского союза стал противоречивый *опыт двадцатилетней дезинтеграции на постсоветском простран-*

стве. Если ЕС создавался на базе давно сложившихся и реально функционирующих национальных государств, то государства, которые возникли на «обломках» СССР нуждались в определении своей новой независимой от советской национальной идентичности. Поэтому им понадобилось два десятилетия и смена поколений для того, чтобы подойти к интеграции на постсоветском пространстве с прагматических позиций, в основу которых легли принципы экономической выгоды.

- Причиной создания Евразийского экономического союза стала *необходимость эффективного включения в мировое экономическое пространство*, но не в качестве сырьевых придатков и периферийных государств, а как элементов единого глобального региона, обладающего большим экономическим и технологическим потенциалами в условиях информационного общества.
- Создатели ЕАЭС стремятся также *выработать особую мировоззренческую модель*, учитывающую демократические процедуры, уважение прав народов, скрупулезный учет культурных, языковых и этнических особенностей всех участников интеграции на евразийском пространстве. Идея евразийства в этом контексте рассматривается как «философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе, без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы» [3].
- В основе неоевразийской интеграции лежит *идея о построении многополярного мира*, с чем и согласуется геополитический проект — Евразийский экономический союз. Фактически современный многополярный мир представляет собой систему глобальных регионов, что, означает «формирование региональных центров экономического, политического и культурно-цивилизационного характера» [5]. В этом отношении пространство, на котором создается Евразийский экономический союз, всегда было центром сложно структурированной взаимосвязи и взаимодействия многочисленных народов евразийского континента. Последние десятилетия XX века и нулевые годы XXI века отмечены центробежными тенденциями, что негативно сказывается на политическом и экономическом состоянии государств, возникших именно в результате дезинтеграции СССР. Поэтому в современных условиях второго десятилетия XXI века необхо-

димо сделать соответствующие шаги навстречу друг другу, чтобы не лишиться акторности в мирополитических и мироэкономических процессах.

Согласно проекту договора о ЕАЭС, на территории трех стран поэтапно устанавливается режим свободного передвижения товаров, капиталов, рабочей силы, услуг, а также равный доступ к транспортной и энергетической инфраструктуре и общие правила таможенно-тарифного регулирования. Предполагается также передача отдельных полномочий наднациональным органам Союза, что, по словам создателей, не наносит абсолютно никакого ущерба суверенитету трех стран [2].

Создатели ЕАЭС ориентируются главным образом на модель Европейского союза (как структурно, так и концептуально). Однако, с учетом современного состояния «европейской» модели сложно говорить о ее универсальности и вневременной эффективности. Кардинальная трансформация политической карты Евразии в начале XXI века отмечена процессами поиска оптимальной модели развития всеми странами (от стран Балтии до Монголии), которые на очередном витке истории оказались в состоянии модернизационного прессинга: или влиться в интеграционное русло вестернизации, или выстраивать евразийскую интеграционную стратегию. Поэтому, учитывая вышеописанное кризисное состояние «европейской» модели интеграции, для формирующегося Евразийского экономического союза, на наш взгляд, важно разработать собственную модель интеграции, где будут учтены как плюсы, так и минусы «европейской», а также «азиатско-тихоокеанской» моделей.

Таким образом, второе десятилетие XXI века отмечено большим динамизмом в реализации глобальных проектов интеграционной направленности в различных регионах мира. Многозначность региональных трансформаций находит отражение в появлении наднациональных структур, развитии принципа трансграничности и транснациональности, стремлении создать многовекторные основания для интеграции. Указанные тенденции находят свое воплощение в появлении новых мирополитических феноменов — *глобальных регионов* и, как результат, наблюдается выход региональной политики на общемировой уровень. Следовательно, справедливо утверждать, что современной тенденцией мирового развития является укрепление новых центров силы, в том числе глобальных регионов, которые постепенно превращаются в ключевые элементы мировой системы XXI века.

Литература

1. Винокуров Е. Ю. Постсоветский интеграционный прорыв. Почему Таможенный союз имеет больше шансов, чем его предшественники. / Винокуров Е. Ю., Либман А. М. // Россия в глобальной политике. — 2012. — Том 10. — № 2. — С. 33–42.
2. Досье на проект Договора о Евразийском Экономическом Союзе (май 2014 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступ: <http://online.zakon.kz>
3. Дугин А. Евразийская миссия Н. Назарбаева / А. Дугин. [Электронный ресурс]. — Режим доступ: http://evrazia.org/FTP/1–288_polosi.pdf
4. Единое экономическое пространство: Возможности интеграции со стороны бизнеса и «открытого регионализма» [Электронный ресурс]. — Режим доступ: <http://www.alebedev.ru/media/593.html?print=1>
5. Зеленева И. В. Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики Российской Федерации. / И. В. Зеленева, Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. — СПб, 2009. — С. 56.
6. Ирхин А. Реинтеграция постсоветского пространства: условия, теоретическое осмысление, возможные сценарии. / А. Ирхин. [Электронный ресурс]. — Режим доступ: <http://rusprostranstvo.com/article/view/337>
7. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / Леонова О. Г. // Век глобализации. — 2013. — № 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступ: <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/gl–2013/18822-globalnaya-regionalizaciya-kak-fenomen-razvitiya-globalnogo-mira.html>
8. Bogor Declaration — *APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve*. — 1994. [Электронный ресурс]. — Режим доступ: http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm.aspx
9. Hemmer Ch. Why Is There No NATO in Asia: Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism / Hemmer Ch., Katzenstein P. // International Organization. — 1995.
10. Strange S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. / S. Strange. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
11. Zielonka J. Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union. / Zielonka J. [Электронный ресурс]. — Режим доступ: <http://www.wilsoncenter.org/publication/326-europe-empire-the-nature-the-enlarged-european-union>

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «НОВЫЙ СЕВЕР» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

С момента распада СССР Российской Федерации пришлось достаточно не просто завоевывать позицию ведущего игрока на мировой политической арене. Новый этап развития международных отношений продемонстрировал, что Россия обрела силу, а также умение предотвращать, локализовать и парировать угрозы жизненно важным интересам страны. Сегодня Российская Федерация активно участвует в политических процессах, как на международном, так и внутрирегиональном уровнях.

Среди приоритетных направлений внешнеполитической деятельности России в последнее время можно с уверенностью говорить о важности северного вектора политики. Одним из составляющих успеха в этом направлении российской политики оказалась трансформация концептуальных идей политики Северной Европы. Поэтому отмечая важность развития конкурентоспособности России и её субъектов Федерации в мире, следует обратить внимание на концепцию «Новый Север», обосновывающую принципы построения единого северного социально-политического пространства, включающего пять традиционных стран Северной Европы, страны Балтии, Северо-Западный федеральный округ. Следует также осознать, что проводником интересов России на Севере в первую очередь является регионы Северо-Западного федерального округа РФ.

«Новый Север» не является однородным и устоявшимся регионом с едиными интересами. Поэтому России необходимо зафиксировать свои позиции на Севере за счет четкой реалистической политики, принимающей во внимание все изменения на международной арене и сложность политической ситуации. Впервые идею «Нового Севера» представил исландский президент Олафур Гримссон¹ в 2003 году на Шестой Генеральной ассамблее Северного форума, как стратегия Северных стран в мировой политике, включающей в себя ключевые вопросы северной политики.

Также следует отметить, что концепция Гримссона не являлась закреплённой политической инициативой. Тем не менее, она была

первая по сути западная концепция, представляющая идею развития Севера Европы, приемлемую для Российской Федерации. Усиление страны в мировой арене, диктует необходимость с одной стороны использовать весь свой потенциал, с другой стороны обратить внимание на перспективы, открывающиеся в мире. Для России это означает возможность заявить о себе как Северной державе, так и сказать весомое слово в значимых для российской политики вопросах — от климатических изменений до Арктики.

Адоптированная для России концепция включает в себя такую проблематику, как региональное сотрудничество, мягкую безопасность, работу северных правительственных и неправительственных организаций, совместные программы (в частности «Северного Измерения»)². Конечно следует учитывать, что идеи, положенные в основу концепции «Нового Севера», связаны, в первую очередь, с переменами, изменившими геополитическую карту Европы в последнее десятилетие и речь идет об Арктическом, Североевропейском и Балтийском направлениях российской политики. Эти геополитические изменения существенно меняют место России и её субъектов на политической и экономической карте Северной Европы. Открываются новые перспективы для регионального и межрегионального сотрудничества.

Так благодаря концептуальному понятию «Новый Север», Россия получила пропуск в достаточно закрытый Северный регион. Это был отход от геополитической концепции, согласно которой странами Северной Европы считались пять стран — Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания и Исландия. Добавлялись «новые государства» Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и Северо-Запад России. Все это демонстрировало, что традиционные страны Северной Европы были поставлены в достаточно сложные условия. Речь шла об изменении сильной политической традиции, согласно которой регион Северной Европы внутренне был скреплён ощущением общей идентичности. До сих пор на повестке дня стоит вопрос, от которого зависит, будут ли реализованы интересы и планы России на Севере. Это дилемма — пойдут ли традиционные северные страны на создание единой конфедерации северных стран³ или будут представлены полностью независимыми национальными государствами, не связанные между собою особыми условиями? Последнее носит также определенные риски — поиска партнеров помимо России. Так, например, «традиционная пятерка» готова в вопросах Арктики к сотрудничеству с Великобританией, Францией, Монако, Польшей,

Германией, Китаем, возможно гораздо охотнее, чем с Россией. Нельзя не учитывать и интересы США и Канады в данном направлении. Хотя можно говорить и о положительных тенденциях для России. Исследование аспектов взаимоотношений в рамках концепции «Новый Север» уже сегодня показывают северным партнерам правильный путь для развития отношений. Честное партнерство, основанное на взаимном уважении — это именно то, чего ждут стороны от сотрудничества в Арктическом, Баренцевом и Балтийском направлении. Следует отметить, что ценностные ориентиры стран Северной Европы базируются на вопросах «мягкой безопасности» и заботе о человеческой личности. Политика строится на поисках общего понимания вопросов сохранения экологии, культуры, поддержки здравоохранения. Следовательно, у России возникает необходимость также выстраивать свою политику по этим правилам игры, которая соответствует современным реалиям и национальным интересам государства. В. В. Путин, заявил, что «Мир меняется, средства защиты национальных интересов меняются и нужно уметь этим пользоваться»⁴. Но также очевидно, по мнению российских экспертов, и то, что «поиск путей регионального взаимодействия по проблемам мягкой безопасности высвечивает конфликт интересов, существующий, например, между различными проектами экономического развития стран региона и мерами по снижению экологических рисков»⁵.

Однако в настоящее время Россию в мире воспринимают, в основном, как энергетическую и военную державу. Глубоко укоренился в сознании мировой общественности образ России, как правопреемницы СССР, унаследовавшей от него такие негативные, в западном понимании, черты, как стремление к мировому господству, использование военных и энергетических рычагов давления для реализации своих национальных интересов. Нельзя не учитывать, что, несмотря на всё более налаживающиеся деловые контакты за страной твёрдо стоит призрак ее тоталитарного прошлого⁶, в свете которого последние события в России приобретают другое освещение. События на Украине только усилили антироссийские настроения. В частности, Министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт заявил, что Россия сошла с «пути к лучшему будущему»⁷.

Поэтому для Российской Федерации в концепции «Новый Север», (учитывая возможные изменения в российско-европейских взаимоотношениях) важно не только не потерять налаженные взаимосвязи, но

и изучить механизм уже действующих программ. Именно развитие совместных инициатив в регионе «Новый Север» может служить главным критерием её эффективности. Анализ ситуации демонстрирует, что инструментами подобного взаимодействия может стать сотрудничество в рамках региональных организаций, а также Равноправное партнёрство Северного Измерения (дающего необходимые инструменты для сотрудничества, правда, до конца не реализованные). И здесь Россия готова расширить круг участников за счет участия Беларуси, что не всегда поддерживается Европейским Союзом. Хотя и было официально заявлено, что этой стране может быть потенциально предложено участие на экспертном уровне в СИ⁸.

Следует учитывать, что форпостом российской политики на Севере является Северо-Западный федеральный округ Российской Федерации. Его внешнеполитическому потенциалу отводится особая роль и нельзя не считаться с его значением для развития сотрудничества между Россией и странами Северной Европы. Это важно, поскольку следует отметить, что регионализм послужил важным средством изменения самой природы российской внешней политики. Складывается конструктивное мнение, что центр уже больше не может игнорировать мнение субъектов Федерации при разработке и реализации важнейших направлений внешней и военной политики страны. Регионы стали активными участниками внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности. Если приводить конкретные примеры, то можно говорить об успешном сотрудничестве регионов Российской Федерации с северными региональными организациями. К категории межправительственных международных организаций с участием субъектов Северо-Западного федерального округа относятся Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцев/Евроарктического региона, Арктический Совет, а также старейший Совет министров Северных стран, которые известны под общим названием «четыре Совета». К категории неправительственных международных организаций относится только Северный Форум (созданный в 1991 году). Несомненно, своеобразие сотрудничеству России в Северных региональных организациях придает тот факт, что Россия не является членом ни Европейского Союза, ни Организации Североатлантического договора. Поэтому нужно учитывать любые нюансы в изменении политики этих организаций, особенно на данном этапе, в контексте развития непростой ситуации с Украиной, когда и вовсе было сокращено практическое сотрудни-

чество с НАТО, а ЕС грозит санкциями. Для Российской Федерации, необходимо учитывать становление институтов региональных международных организаций, с конкретными краткосрочными и долгосрочными проектами в качестве «своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации»⁹. И если Россия рассчитывает занимать лидирующие позиции в мировой политике, ей следует закрепить себя и на региональном уровне. Однако не стоит забывать, что вопросы «жесткой» безопасности сохраняют свою актуальность и на Севере. Это проявляется в рамках взаимодействия с Организацией Североатлантического договора. Благодаря длительному партнёрскому участию Исландии, Норвегии и Дании в НАТО, эти страны проявляют стремление получить гарантии безопасности в первую очередь от НАТО. Наблюдается постепенный отход от традиционного нейтралитета Финляндии и Швеции. Это объясняется набирающей мощью ЕС и его политики безопасности, а также усилением влияния ЕС на страны Северной Европы.

Достаточно неприятным моментом для Российской политики стало появление идеи северного мини-НАТО. 19 и 20 января 2011 произошла встреча британского Премьер-министра Дэвида Камерона со своими коллегами из Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии, Швеции, Эстонии, Латвии и Литвы. На первом Североевропейском саммите на высшем уровне была предложена идея объединения и укрепления сотрудничества.

Инициатива Камерона, состояла в создании Североевропейской военной структуры, простирающейся от Баренцева моря до Норвегии на север и к Балтийским морям, тем более что идея создания скандинавского мини-НАТО давно стояла на повестке дня¹⁰. Подразделение Организации Североатлантического договора должно включать своих союзников: Данию и Норвегию, партнеров Финляндию и Швецию, и заставы, состоящие из нескольких не смежных участков Гренландия (Дания), Фарерские острова (Дания) и Аландские острова (Финляндия)¹¹. Эта идея, в какой-то мере была продолжением Проекта Нордического военного пакта, предложенного Торвальд Столтенберг и предусматривающее создание мини-НАТО для Скандинавии и Арктики¹².

По мнению Российских экспертов: «Европейцы решили наблюдать за Россией в Арктике. Согласно аналитикам, усиленная деятельность Северной Европы объяснена усилившимся интересом к Арктике и к ее природными ресурсами»¹³. Более жесткое мнение высказал по-

стоянный представитель РФ при НАТО Д. Рогозин, заявив, что мини-НАТО необходимо, чтобы: «Во-первых, тихой сапой подтянуть к НАТО европейских нейтралов — это Швецию и Финляндию. Плюс создать некую натовскую экспедицию для борьбы за Арктику»¹⁴. Хотя среди отдельных российских экспертов есть и достаточно нереалистическая точка зрения, что «несмотря на распространенное мнение об антироссийской направленности подобного блока, все может обернуться хорошо для России и плохо для НАТО. Практически все скандинавские страны осуществляют успешное сотрудничество с Россией и выделяют его в качестве приоритетного направления в своих арктических стратегиях»¹⁵.

Таким образом, для России, несмотря на многие положительные факторы, возникшие за последнее время, на севере продолжают сохраняться элементы нестабильности и неопределенности, в частности в вопросах экологической и энергетической безопасности. Для национальной безопасности страны Север Европы сохраняет статус стратегически важной зоны¹⁶. Но и Российская Федерация, которая остаётся в списке «поставщиков» угроз (от военной до экологической), тем не менее, представляет интерес для европейского севера.

Конечно, это не может не отразиться на формировании северного вектора российской политики. И в данном контексте возможно два сценария. Первый — когда на пути реализации российских стратегических целей на Севере и в Арктике будет учитываться роль стран Северной Европы, которые могут стать нашими надежными партнерами и союзниками. Это является наиболее оптимистичным сценарием развития северного сотрудничества. Второй — пессимистический сценарий возможен, если Россия окажется перед дверьми закрытого клуба североευропейских стран. В данном случае Российская Федерация станет более уязвимой в вопросах взаимодействия, как с международными институтами (НАТО, ЕС), так и с государствами (США, Канадой, Китаем). Все это говорит, что усиление роли России в Северном регионе с учетом возможной трансформации концепции «Новый Север» должно существенно помочь России в формировании результативной политики в этом направлении. Следует отметить, что изучая механизм воздействия региональных институтов, а также, понимая механизмы формирования этих институтов, мы получаем возможность организации управления в системе. Это касается и анализа геополитических и социополитических изменений в регионе.

- ¹ Гримссон О. Р. Новый Север: Инновации и возможности в 21-ом веке// Официальный сайт международной организации «Северный Форум» http://www.northernforum.org/peter_ga03.html
- ² Для обозначения своей концепции автор использовал термин «Новый Север», поскольку он уже стал политической терминологией и сопряжен с пониманием западного научного сообщества, в том числе и Европейского Союза.
- ³ Wetterberg Gunnar. The United Nordic Federation. Copenhagen. 2010. P. 3
- ⁴ Путин призвал применять «мягкую силу» в отстаивании интересов РФ//URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1123281/>
- ⁵ Троицкий М. «Мягкая безопасность»: российско-балтийский подход//Международные процессы/URL:<http://www.intertrends.ru/one/018.htm>
- ⁶ Информация предоставлена Арианофф А. А., Генеральный советник Бельгийско-Люксембургской Торговой Палаты для России и Беларуси.
- ⁷ Швеция назвала события в Украине «черным днем» Европы//URL:<http://korrespondent.net/ukraine/politics/3307915-shvetsyia-nazvala-sobytyia-v-ukrayne-chernym-dnem-evropy>
- ⁸ Рамочный документ по политике «Северного измерения», 24 ноября 2006 // Президент России/ URL:http://archive.kremlin.ru/interdocs/2006/11/24/2122_type72067_114467.shtml
- ⁹ Воскресенский А. Д. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002// URL: <http://vse-uchebniki.com/politologii-sovremennoy-problemyi/vostok-zapad-regionalnyie-podsistemyi.html>
- ¹⁰ Ananyan A. «Mini-NATO» — Dream in Polar fog. Voice of Russia, January 19, 2011// URL: <http://english.ruvr.ru/2011/01/19/40383377.html>
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Rozoff R. Britain Spearheads «Mini-NATO» In Arctic Ocean, Baltic Sea// URL: <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=22919>
- ¹³ Ananyan Artyom, «Mini-NATO» — Dream in Polar fog. Voice of Russia, January 19, 2011// URL: <http://english.ruvr.ru/2011/01/19/40383377.html>
- ¹⁴ Мини-НАТО будет присматривать за русскими в Арктике // Вести.ру/ URL: <http://news.mail.ru/politics/5141688/?frommail=1>
- ¹⁵ Баранникова А. Скандинавский блок: «мини-НАТО» или «антиНАТО»?//Служу отечеству.
- ¹⁶ Зеленков М. Ю. Военно-политическая обстановкa в начале XXI века: тенденции, проблемы и перспективы. Роль гражданского общества в обеспечении военной безопасности Российской Федерации. М. 2008. С. 29

ВОСТОК И ЮГ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КООРДИНАТ¹

1. Мир переживает важный поворотный момент. Скорость многих происходящих в нем процессов, как геополитических, так и экономических, завораживает. Глобализация и информационная революция резко активизировали механизмы взаимодействия и конкуренции в мировой экономике, интенсифицировав вытеснение ее менее конкурентоспособных сегментов более конкурентоспособными. Значительное дерегулирование и финансиализация мирового хозяйства, происходившие в последние три-четыре десятилетия, которые, как известно, вызвали дестабилизацию и кризисные явления во многих развивающихся странах (РС)², весьма серьезный урон нанесли развитым государствам (РГ). Эти факторы затормозили развитие реального сектора их экономики, в т. ч. вследствие ускорения процесса ее деиндустриализации и перемещения производственных мощностей и рабочих мест в страны с более низкими трудовыми, экологическими и социальными издержками.

В этих условиях весьма быстрый рост обнаружился в ряде азиатских новоиндустриальных и крупных РС с немалыми сравнительными и динамическими конкурентными преимуществами (КНР, Индия, Индонезия), (а) достаточно интенсивно включенных в международные цепочки создания стоимости, (б) с относительно сильным прорыночным государством, (в) проводящим в целом взвешенную макроэкономическую политику, (г) опирающимся на продвинутые бизнес-ориентированные элиты, (д) огромные массы сравнительно дешевой, дееспособной рабочей силы.

2. Если в РГ *среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП* сократились вдвое — с 3.6% в 1950–1980 гг. до 1.7% в 1980–2013 гг. (2.5% в 1980-е гг., 1.8% в 1990-е гг. и 1.1% в 2000–2013 гг.), то *в целом по РС* они, напротив, выросли соответственно с 2.6% до 3.1%, в т. ч. с 1.5% в 1980-е гг. до 2.5% в 1990-е и 4.9% в 2000–2013 гг. (см. граф. 1 и 2). В результате доля РС, в которых сосредоточено свыше 4/5 (вместе с переходными экономиками — почти 9/10) численности населения планеты, повысилась *в приросте глобального ВВП с 1/3 в 1980-е гг. до 2/5 в 1990-е и ¾ в 2000–2013 гг.*, что представляет собой феноменальное событие.

За последние три с небольшим десятилетия *доля РС в создании глобального ВВП, рассчитанная в неизменных ценах на базе ППС*, выросла в полтора раза (в т. ч. РС Азии — втрое), превывсив в 2013 г. показатель по РГ на 1/5—1/4 (см. табл. 1). *Доля РС в мировом экспорте* увеличилась почти на три пятых — примерно до половины в 2013 г., в т. ч. азиатских РС (включая НИС) — более чем вдвое (до 1/3). Активизация экспорториентированного развития в странах Востока и Юга в немалой мере базировалась на *притоке в их экономику прямых иностранных инвестиций (ПИИ)*, доля которого от его общемирового притока выросла в последние тридцать с лишним лет в 3—4 раза (до 58—59%), причем на две трети за счет азиатских РС и НИС.

Инвестиционная привлекательность РС, которая, как представляется, не вполне адекватно отражается такими показателями как легкость ведения бизнеса, экономическая свобода и др., состоит, помимо прочего, в огромном, далеко не исчерпанном потенциале природных ресурсов, в весьма выгодном соотношении дешевизны и качества их рабочей силы (ее цена в среднем в 10—20 раз ниже, чем в РГ, а ее возросшая квалификация, измеренная, в частности, по среднему числу лет обучения, лишь вдвое-втрое ниже, чем у последних), увеличившихся масштабах и относительно большей стабильности роста их экономики, и в целом возросшей (в результате, в частности, повышения уровня управления экономикой) *эффективности капиталовложений*, которая в среднем по РС в 1.5—2 раза выше, чем в РГ³.

Ныне на развивающиеся, новоиндустриальные и переходные экономики приходится половина мирового экспорта высокотехнологичных товаров и 3/5 — промышленного производства, 2/3 глобальных инвестиций в основной капитал, а также около 2/5 мировых расходов на НИОКР и свыше 2/5 поданных в мире заявок на патенты⁴. При этом на азиатские РС и НИС, составляющие примерно две трети численности населения всей группы РС (включая и переходные экономики), приходится 85—90% отмеченных достижений РС. Это свидетельствует о немалой *конкурентоспособности и эффективности их экономик*.

КНР, об экономических успехах трудолюбивого народа которой говорится очень много, стремительно наращивает *конкурентные преимущества* самого что ни на есть высокого, *инновационного порядка*. Если в 2005—2009 гг. *доля расходов на НИОКР в ВВП страны* составляла 1.4—1.5%, то в 2013 г. она достигла уже 1.9%, превывсив показатель по Испании, Италии, Бразилии, Португалии, РФ, Норвегию и Велико-

британию. В 2013 г. в Китае *абсолютные расходы на НИОКР, рассчитанные в ППС*, оказались в 5–6 раз больше, чем в РФ и даже выше, чем в Японии и Германии, вместе взятых, составив немногим менее 3/5 от уровня США, который, по прогнозам, КНР, при прочих равных условиях, достигнет в 2022 г.⁵

3. Для РС, проводивших в целом взвешенную макроэкономическую политику, сумевших повысить норму расширенного накопления, диверсифицировать экспорт, характерно, что их *рейтинги международной конкурентоспособности* (по версии Всемирного экономического форума) оказались на десятки (в 2013 г. в Малайзии, Таиланде, Индии — на 18–32, в Китае, Индонезии, Вьетнаме — на 40–50) позиций выше тренда, сгенерированного по логарифму их подушевого дохода (см. граф. 3). Если в 2001 г. *на долю РС и НИС* приходилось лишь одна пятая из тридцати наиболее конкурентоспособных стран мира, то в 2013 г. — уже более трети. *Все это говорит о немалом потенциале и в известной мере — эффективности развития быстро растущих стран Востока и Юга.*

Рассчитанная нами за 2000-е годы модель по 37 крупным и средним странам мира, сосредоточившим примерно 90% численности населения и стоимости его ВВП, позволяет сделать вывод о том, что *опережение по темпам роста подушевого дохода развитых государств быстрорастущими развивающимися странами* вызвано примерно на 2/3 более *высокой ценовой конкурентоспособностью* последних и на 1/3 более высокими показателями их нормы капиталовложений и темпов роста экспорта.

$$YPGR_i = 3.480 - 0.0001 * YP_{i0} - 0.817 * PGR_i + 0.0049 * M_i + 0.1300 * XGR_i, \\ (0.0006) \quad (0.0000) \quad (0.0006) \quad (0.1077) \quad (0.0012)$$

где $YPGR_i$, PGR_i , XGR_i — соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП, численности населения, экспорта; YP_{i0} — исходный уровень подушевого дохода в ППС, долл. 2010 г.; M_i — средняя за период доля капиталовложений в ВВП. Скорректированный коэффициент детерминации ($R^2 \text{Adjusted} = 0.74$) свидетельствует о том, что модель способна объяснить до 3/4 вариаций в темпах прироста подушевого ВВП. Коэффициенты значимы на достаточно высоком (1 и 10%) уровне.

Детализируя сказанное, подчеркнем, что, согласно одной из ранее рассчитанных нами моделей, в последние три с небольшим десятиле-

тия от трети до двух пятых разницы в темпах роста ВВП между более динамичным Китаем и Индией можно отнести на счет большего у первой страны *вклада экспорта в экономический рост*⁶. Трудно также переоценить *роль накопления в экономическом развитии*. По нашим расчетам и оценкам, доля в ВВП вложений в основной капитал в целом по группе РС выросла с 6–8% в 1800–1950 гг. до 22–24% в 1950–1980 гг. и 27–29% в 1980–2013 гг., превысив показатель в среднем по РГ примерно на треть (наполовину в 2000–2013 гг.). С учетом инвестиций на развитие человеческого фактора (в образование, здравоохранение и науку) *общие расходы на развитие в ВВП* увеличились в РС с 8–9% в 1800–1950 гг. до 29–30% в 1950–1980 гг. и 36–38% в 1980–2013 гг., что представляется огромным успехом. Правда, во-первых, далеко не во всех РС наблюдались такие достижения (есть огромная разница внутри РС, в частности, между Восточной и отчасти Южной Азией, с одной стороны, и Африкой и Латинской Америкой — с другой). Во-вторых, по совокупному показателю нормы вложений в развитие в целом РГ по-прежнему лидируют, несмотря на испытываемые ими серьезные экономические проблемы. За соответствующие периоды рассматриваемый по ним показатель оказался равен 13–15%, 39–41 и 42–45%. В-третьих, доля инвестиций в человеческий капитал в совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) выросла в среднем по странам Запада и Японии с $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ в 1800–1950 гг. до $\frac{2}{5}$ — $\frac{1}{2}$ в 1950–1980 гг. и почти $\frac{3}{5}$ в последние три с небольшим десятилетия, в то время как в целом по РС он тоже увеличился, но скромнее — соответственно с менее $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ и менее $\frac{1}{3}$ ⁷.

За последние десятилетия, при всех имеющихся сбоях, попятных движениях и существенной среди РС дифференциации успехов (и неудач), они *в целом* достигли немалого прогресса не *только в ускорении среднегодовых темпов прироста капиталовооруженности труда* (в 1950–2013 гг. примерно в 5–6 раз по сравнению с 1900–1938 гг.), но и в развитии их человеческого фактора. В 1950–2010/2012 гг. средняя продолжительность предстоящей жизни от рождения увеличилась в целом почти вдвое (с 35–37 до 68–70 лет), а среднее число редуцированных лет обучения взрослого населения — более чем в пять раз⁸. При этом *средний возраст населения* в РС ныне примерно в полтора раза ниже, чем в РГ (соответственно 28 лет и 43 года), что говорит о том, что ряд РС уже имеет, а в ближайшие два-три десятилетия подавляющее большинство из них (за исключением, в частности, Китая, в котором уже сейчас

36 лет) будет иметь *сильное конкурентное преимущество, определяемое демографическим дивидендом*.

Весомым показателем макроэкономической и социально-культурной результативности РС можно считать то, что по *индексу человеческого развития* эта группа в целом устойчиво подтягивалась к РГ — с одной пятой в 1950 г. до трети в 1980 г. и свыше двух пятых — к 2013 г. Ряд азиатских НИС и наиболее передовых регионов Китая обгоняют в целом страны Запада по показателям IQ и уровню математической подготовки учащихся⁹.

Если в странах Запада и Японии *среднегодовой темп прироста изменения абсолютной величины сдвигов в отраслевой структуре занятости* эволюционировал в целом достаточно плавно — с 0.4% в 1800–1950 гг. до 0.9% в 1950–80 гг. и 1.0% в 1980–2010 гг., то в целом по РС рассматриваемый показатель, характеризующий в определенной мере динамику их модернизации, двигался вперед спуртообразно: соответственно с 0.1% до 0.5% и 1.2%. В РГ, в которых, в отличие от РС, разрыв между макроотраслями в капиталовооруженности и производительности меньше, чем в прошлом, *вклад эффекта межотраслевого перемещения занятости в прирост производительности труда* сократился более чем втрое (с 10–12% в 1950–1980 гг. до 3–4% в 1980–2010 гг.), в то время как в целом по РС он оказался (а) существенно выше, чем в среднем по РГ; (б) увеличился более чем в полтора раза — соответственно с 16–18 до 28–30%.

4. Однако, превосходя в целом РГ в последние три с небольшим десятилетия по *среднегодовым темпам прироста совокупной факторной производительности (СФП)* примерно вдвое, РС, вследствие в целом более низкого качества их институтов и технологий, *в среднем* втрое отставали от РГ по вкладу СФП в прирост ВВП и в 3–7 раз по ее уровню¹⁰. Хотя после начала глобального кризиса (в 2008–2013 гг.) среднегодовые темпы прироста ВВП в целом по РГ оказались в 8–9 раз (!) ниже, чем в среднем по РС (соответственно 0.6 и 5%) и втрое — по темпам прироста СФП (0.5–0.6% и 1.6%), *вклад СФП в прирост ВВП* в странах экономического авангарда достигал примерно 9/10, а по РС — трети (см. граф. 4).

КНР в 2013 г. по ВВП в ППС 2005 г. достигла 4/5, а в ППС 2011 г. — уже свыше 9/10 уровня США. Тем не менее, Китай все еще примерно втрое отстает от США (а Индия от Японии — вдвое) *по размеру производительного богатства*¹¹. Хотя, как уже отмечалось, в целом по группе РС среднегодовые темпы прироста их ВВП выше, чем по РГ, они

с середины 2000-х годов обнаружили тенденцию к снижению, которая может, по крайней мере, в среднесрочном плане продолжиться в силу ряда обстоятельств.

Обозначившееся с прошлого года ужесточение американскими денежными властями политики т. н. «количественного смягчения» вызвало *отток капитала из РС*, спровоцировав в ряде из них (Индия, Турция, Таиланд и др.) *усугубление макроэкономических дисбалансов*. В КНР, которая в течение последнего пятилетия пыталась преодолеть ряд кризисных явлений в своей экономике, в т. ч. путем кредитной накачки, *общий долг к ВВП* вырос почти вдвое — до 230%¹². Вследствие относительного *удорожания рабочей силы в Китае* и некоторых других РС и, напротив, ее относительного удешевления в РГ, а также замедления роста цен на энергоресурсы, повышения в ряде стран Запада степени самообеспеченности в них, появилась тенденция к *возвращению ряда производств в РГ и реиндустриализации их экономики на более высокой технологической основе*.

Существенное продвижение по пути догоняющего развития обнаружилось в последние десятилетия лишь в нескольких десятках РС. При этом три—четыре десятка стран Юга — это т. н. «*несостоявшиеся государства*», имеющие особо острые проблемы и неразвитые социально-политические институты. К тому же *абсолютный разрыв в уровне подушевого ВВП по отношению к РГ* за последние три—четыре десятилетия увеличился в целом для всей группы РС, в т. ч. для Китая и Индии.

К числу *негативных экстерналий современного экономического роста* можно отнести (а) потери, связанные с истощением природных ресурсов и загрязнением среды обитания, относительный размер которых в 2000-е годы в РС (8—10% их ВВП) был в среднем в 5—7 раз больше, чем в РГ (1—2%), (б) социальные проблемы. Экономический рост в РС, происходящий в обстановке высокого и во многих из них — *растущего уровня неравенства доходов*, препятствует быстрой ликвидации бедности. Хотя численность *критически бедных людей, правда, по сильно заниженным критериям*, в целом по РС в 1981—2010 гг. сократилась на две пятых (преимущественно за счет КНР), в Африке южнее Сахары она практически удвоилась. Доля нищих среди жителей РС за этот период сократилась в два с половиной раза (с 52—53 до 20—21%), но общее число нищих все еще сопоставимо с населением Индии (1.2 млрд).

5. В целом же, несмотря на отмеченные экономические, экологические, социальные и политические проблемы, переживаемые РС

График 1.

График 2.

Графики 1 и 2 рассчитаны по: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, 2003. P. 232, 236; IMF. World Economic Outlook, 2013, October. Washington, D. C., 2013. P. 153; The World Bank. Global Economic Prospects, 2014. Washington, D. C., 2014. P. 18.

(включая восстания масс против коррумпированных режимов), складывается впечатление, что немалое число этих стран, в которых сконцентрирована большая часть населения стран Востока и Юга, достаточно решительно, проводя реформы и улучшая институты, вступило на путь современного экономического роста, демонстрируя темпы роста производительности и показатели международной конкурентоспособности, находящиеся выше линии тренда, определяемой уровнем их подушевых доходов. Поэтому, если не в близкой перспективе сохранит свой смысл

и «работоспособность» такой показатель как ВВП, не исключено, что, согласно недавно сделанным прогнозам, в его общемировом объеме доля современных РС может повыситься до 3/5 к началу/в первой половине 2020-х годов и до $\frac{3}{4}$ к середине нынешнего столетия¹³.

Таблица 1. Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в мировом ВВП (расчет в ППС 2005 г.), %

	1000 г.	1800 г.	1950 г.	1980 г.	2013 г. ³
Запад	11.3	28	63.8	54.6	40.6
Япония	2.7	3.0	3.2	8.4	5.4
РГ	14	31	67	63	46
РС ¹	86	69	33	37	54
РС Азии ²	60	51	11	12.6	34
Африка	11.4	4.5	3.8	3.6	4.4
Лат. Америка	3.8	2.1	8	10	8.6

Примечания. 1. Включая (будущие) переходные экономики. 2. Включение в эту группу новых индустриальных стран (НИС) Азии важно при изучении динамических особенностей мирового хозяйства, т. к. еще пару десятилетий тому назад некоторые из них не имели достаточного набора черт, присущих развитым экономикам. 3. Сделанные нами расчеты, учитывающие опубликованные в конце апреля 2014 г. предварительные результаты последнего раунда международных сравнений доходов стран мира в ППС 2011 г. и доведенные по индексам роста ВВП до 2013 г., показывают, что доля РГ сокращается на 2 проц. пункта — до 44%, а среди РС, доля которых увеличивается до 56%, заметно повышается удельный вес РС Азии — до 41%.

Рассчитано по источникам к граф. 2, а также: The World Bank. Purchasing Power Parities and Real Expenditures of World Economies. Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program. Washington, D. C., 2014. P. 34–38.

График 3.

Составлено и рассчитано по: The World Economic Forum. Global Competitiveness Report, 2013–2014. Geneva, 2013. P. 15; The World Bank. World Development Report, 2014. Washington, D. C., 2013. P. 296–297.

График 4.

Примечание. 1. Y, L, K, R означают соответственно среднегодовые темпы прироста ВВП, численности занятого населения, основного капитала и совокупной факторной производительности (СФП). 2. Расчет темпа прироста СФП исчислен по формуле:

$R = Y - \alpha \cdot L - (1 - \alpha) \cdot K$. Эластичности роста ВВП по труду (α) и капиталу ($1 - \alpha$) взяты равными по РГ 0.7 и 0.3, по РС 0.6 и 0.4.

Рассчитано по источникам к граф. 2 и 3, а также: ILO. Global Employment Trends, 2014. Geneva, 2014. P. 93, 97.

¹ Расчеты и выводы доклада основаны на материалах международной статистики и ряде авторских публикаций: Мельянцеv В. А. Анализ важнейших трендов глобального экономического роста. М., ИД «Ключ-С», 2013; он же, Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. Части 1 и 2 // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 2 (С. 3–26); № 3 (С. 3–20).

² Если специально не оговорено в тексте, то эта совокупность стран, как это сейчас все чаще практикуется рядом международных организаций, включает и переходные экономики.

³ См. Мельянцеv В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., ИД «Ключ-С», 2009. С. 204, 206. Он же. Анализ важнейших трендов. С. 20–21.

⁴ Рассчитано по источникам к табл. 1.

⁵ Составлено и рассчитано по: 2014 GLOBAL R&D FUNDING FORECAST. December 2013. URL: www.rdmag.com. P. 7; Global R&D Spending to Grow 3.8 Percent in 2014 // The Burrill Report. 2013. December 13. URL: http://www.burrillreport.com/article-global_rd_spending_to_grow_3_8_percent_in_2014.html).

⁶ См. Мельянцеv В. А. Развитые и развивающиеся страны. С. 104–105, 204.

⁷ Составлено и рассчитано по: Мельянцеv В. А. Анализ важнейших трендов. С. 19–21, источникам к табл. 1.

⁸ Рассчитано по: Мельянцеv В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 145. Он же. Развитые и развивающиеся страны. С. 130; The World Bank. World Development Report, 2014. P. 296–297.

⁹ См.: The WEF. The Human Capital Report, 2013. Geneva, 2013. P. 141, 209, 285, 453, 517, 521.

¹⁰ См. Мельянцеv В. А. Развитые и развивающиеся страны. С. 144. Он же. Анализ важнейших трендов. С. 25–26.

¹¹ См.: Мельянцеv В. А. Страны Запада, Востока и Россия: долгосрочные тенденции, факторы и противоречия экономического развития. Часть 2. С. 10.

¹² См.: Scharma R. China's Debt-Fuelled Boom Is in Danger of Turning to Bust // The Financial Times. 2014. January 27. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cfcb0568-8749-11e3-9c5c-00144feab7de.html#axzz2rdKiTVJv>).

¹³ См.: ADB. Asia 2050. Realizing the Asian Century. Singapore, 2011; OECD. Looking to 2060: Long-term Global Prospects. Paris, 2012; The World Bank. China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. Washington, D. C., 2012.

Е. Г. Никитенко, Н. А. Сергеев

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И КОНЦЕПЦИЯ БУДУЩЕГО МИРОПОРЯДКА (ПРОГНОЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ВЛАСТИ В XX ВЕКЕ)

*«Я не всегда разделяю свои взгляды»
Поль Амбруаз Валерии (1871–1945),
французский поэт, эссеист, искусствовед*

Появление в конце XX века глобальных информационных сетей поставило в повестку дня две новые, ранее не стоявшие перед Человечеством проблемы крупномасштабной социальной инженерии. Во-первых, с появлением глобальной сети Интернет возникла проблема формирования электронных национальных гражданских обществ и объединяющего их в единое планетарное целое транснационального «сверхобщества». Во-вторых, начал набирать силу процесс формирования электронных национальных правительств и возвышающегося над ними новой электронной системы мировой институциональной власти — привычно называемого Мировым Правительством. В частности, под эгидой ООН и других международных институтов уже созданы и функционируют органы наднациональной мировой законодательной и исполнительной власти, международная судебная и валютная система. Проводятся миротворческие операции с привлечением международных вооруженных контингентов. Возникли и успешно осуществляют свою экономическую деятельность большое число транснациональных компании. Предпринимаются настоятельные попытки различных межконфессиональных объединений и др.

Актуальность указанных проблем обусловлена тем, что глобальные интеграционные процессы сопровождаются ужесточением планетарного межкультурного противоборства. Генезис этого процесса описал выдающийся отечественный математик, социолог, бывший советский диссидент А. А. Зиновьев [1,2]. По его мнению, в середине XX века в мире произошел «грандиозный эволюционный перелом, равного которому еще не было в истории Человечества». Перелом характеризуется тем, что в планетарном масштабе началось формирование

«сверхобщества» — «единого всечеловеческого сообщества», элементами которого рано или поздно станут все без исключения национальные сообщества и государства. Как утверждает А. А. Зиновьев, чтобы при формировании планетарного «сверхобщества», элементами которого являются отдельные народы и целые национальных государств — носители различных цивилизационных кодов, Человечество не уничтожило себя в беспощадной борьбе всех против всех, оно неизбежно сформирует Мировое правительство. Это Правительство придет на смену ООН и другим созданным правительствами национальных государств международным институтам. Окончательное формирование глобального «сверхобщества» и Мирового правительства, считает А. А. Зиновьев, — вопрос времени.

По мнению А. А. Зиновьева, цивилизационное противостояние, результат которого определит облик нового глобального миропорядка в XXI веке, началось задолго до появления новых информационных и коммуникационных технологий. Они лишь ускорили этот процесс и придали ему новое содержание. Появилась возможность поверх государственных границ самым радикальным образом влиять на индивидуальное и общественное сознание, а через него на общепланетарную мораль и нравственность и, наконец, на всю систему миропорядка в целом.

Запад под эгидой США после Второй мировой войны начал формировать планетарное «сверхобщество» по своим цивилизационным лекалам, а СССР — по своим. По этой причине, «холодная война» из простой войны за передел сфер влияния превратилась в так называемую *«эволюционную войну»* — войну за право определять ход мирового исторического развития на многие десятилетия и даже столетия вперед. Именно это обстоятельство предопределяло чрезвычайно жесткое и бескомпромиссное отношение Запада к своему «эволюционному конкуренту» — СССР. Жесткое цивилизационное противостояние не закончилось, как ожидалось, с крушением СССР. Не смотря на заверения Запада о своей лояльности и готовности к «перезагрузке», его отношение к России не изменилось. Россия только сейчас, после двадцати лет полной «деидеологизации», в полной мере начинает понимать, какой цивилизационный «приз» может получить в этом противостоянии ее оппонент, и какой катастрофой для нее обернется собственное поражение. В настоящее время в бескомпромиссную «эволюционную» войну за будущее Человечества на правах самостоятельных влиятельных

участников начинает включаться Восток в лице, прежде всего, Китая. Робкие попытки делает Индия и Япония. Активность начинает проявлять и «большой» Юг, в лице отдельных арабских государств и неевразийских государств БРИКС.

Чтобы придать эволюционным процессам, происходящим в планетарном «сверхобществе» и формируемом наднациональном «сверхгосударстве», контролируемый и управляемый характер, необходимо определить основные направления, по которым будут происходить изменения, вызванные бескомпромиссным глобальным цивилизационным противостоянием, прежде всего, Запада и России.

Учитывая тот факт, что механизмы как мировой общественной, так и наднациональной государственной власти представляет собой регулятор, содержащий два функциональных компонента: «ЗНАНИЕ» (контроль) и «ВЛАСТЬ» (действие), то прогнозирование направлений его возможных изменений, должно состоять в определении того, как будет меняться роль и значение каждой из них в обозримом будущем в предположении взрывного характера развития и максимально широкого использования в системе мировой власти и управления передовых информационных и коммуникационных технологий.

Прогнозирование направлений изменений в грядущем миропорядке, следует начать с поиска ответа на вопрос о том, как будет меняться содержание первой составляющей глобального регулятора. — «ЗНАНИЯ». С учетом того, что «ЗНАНИЕ» в широком смысле затрагивает также и сферу человеческого мировоззрения и мотивации, то прогноз происходящих в нем изменений даст возможность раскрыть и содержание второго компонента глобального регулятора — «ВЛАСТИ». Получаемые с помощью «ЗНАНИЯ» сведения о человеческой природе и природе человеческого общества позволят «попечителям» нового миропорядка осуществлять точные, адресные санкционирующие действия («ВЛАСТЬ»), позволяющие с минимальными издержками формировать и длительное время поддерживать новый отвечающий их цивилизационным интересам желательный образ будущего мирового порядка [3].

Поскольку в основе любой мировой цивилизации лежит та или иная идеологическая доктрина, определяющая связанные с ней высшие смыслы, нормы и ценности, то анализ первой составляющей формирующегося механизма глобальной власти — «ЗНАНИЯ» следует начать с анализа направлений генезиса доминирующих в мире идеологических доктрин.

1. Анализ направлений развития первой составляющей механизма глобальной власти — «ЗНАНИЯ»

Диагноз современному миру еще в первой половине XX века поставил основатель американской социологической школы, наш соотечественник П. А. Сорокин [4]. С помощью своего метода социокультурной динамики П. А. Сорокин сумел дать ответ на самый животрепещущий для всех ныне живущих народов планеты вопрос: *«Почему XX век был отмечен столь небывалым взрывом войн, революций, анархий, социальным, моральным и интеллектуальным хаосом, невероятной массовой жестокостью, нищетой и страданиями миллионов людей?»*. Более того, в его работе можно найти прогноз, что новый XXI век может стать не менее, а может быть и более жестоким и кровопролитным, чем ушедший XX век.

Проанализировав огромное множество культурных артефактов, П. А. Сорокин пришел к выводу, что человечество живет и действует в один из поворотных моментов своей великой истории, когда одна форма культуры и общества, просуществовавшая многие сотни лет, исчерпав себя, исчезает, а другая, новая лишь нарождается. Масштаб, динамизм, напряженность и глубина происходящих социальных катаклизмов указывают на то, что кризис носит экстраординарный характер. Он затрагивает всю западную культуру и общество. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов и, что особенно важно, это кризис форм социальной, политической и экономической организации общественной жизни.

Как утверждает П. А. Сорокин, в основе длящегося более века, не имеющего аналогов планетарного кризиса, лежит не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, национализма и интернационализма, они лишь побочные продукты другого главного кризиса эпохи. Суть его состоит в борьбе, с одной стороны, полностью исчерпавшей себя *прагматично-чувственной культуры* Запада и связанного с ней образа жизни, а, с другой, новой только нарождающейся формой культуры и новыми связанными с ней образцами социальной жизни.

В своих теоретических воззрениях П. А. Сорокин исходит из того, что человеческая история знала три сменяющие друг друга великие формы культуры: *идеоциональную, идеалистическую и рационально-чувственную*. Каждая из них была органическим целым, части которого

несли отпечаток некоторой высшей ценности, которая составляла соответствующий ей цивилизационный фундамент [4].

Краткое содержание трех открытых П. А. Сорокиным великих типов культур приведено в таблице 1.

Таблица 1. Содержание великих типов культур П. А. Сорокина

	Идеоциональная культура	Идеалистическая культура	Рационально-чувственная культура
Время	Средние века (до XII века)	Новое время (с XII по XVI век)	Новейшее время (с XVI века)
Основная доминанта	Доминирование сверхчувственного (божественного) начала над чувственным (эмпирическим) началом	Равновеликость чувственного (эмпирического) и сверхчувственного (божественного) начала	Доминирование чувственного (эмпирического) начала над сверхчувственным (божественным) началом
Главная ценность	сверхчувственность, сверхразумность, всемогущество Бога	Разум человека, познающего Замысел Божий, участие в его реализации	Человек, его чувственность, сенсорность, прагматизм, комфорт, утилитаризм

Согласно учению П. А. Сорокина, главной ценностью *идеоциональной культуры*, образцом которой служила культура средневековой Европы, был Бог. Поскольку основными оценочными характеристиками любых культурных феноменов на протяжении всей человеческой истории являются такие универсальные понятия, как красота, истина, польза, нравственное добро и др., то содержание каждого из них было отражением соответствующей ипостаси этой Высшей Божественной сущности. Поэтому архитектура и скульптура средних веков представляли собой не что иное, как «Библию в камне». Литература была насквозь пропитана христианскими нравоучениями и верой. Музыка и живопись носили исключительно религиозный характер. Философия, как основа познания объективной истины, была принципиально теологична. Науке отводилась роль прислужницы христианской религии. Этика и право представляли собой интерпретацию заповедей христианства. Политическая организация и власть базировались исключи-

тельно на авторитете Бога и Церкви. Экономическая жизнь полностью контролировалась религией, налагавшей жесткие запреты на многие формы экономических отношений. Нравы, обычаи, образ жизни, общественное мышление были ориентированы на единение с Богом. Отношение к земному чувственному миру с его богатством плотских удовольствий и земных радостей было отрицательным. Он рассматривался как временное прибежище, где человек — лишь заблудившийся странник, стремящийся, пройдя через горе и страдание, найти путь к Богу.

Закат идеациональной культуры, начавшийся в Европе в конце XII века, по мнению П. А. Сорокина, означал начало возникновения нового основополагающего социокультурного принципа, суть которого состояла в утверждении, что феноменальный мир не только имеет идеальную природу, но наряду с этим и рационально-чувственен. По мере становления *идеалистической* культуры, первый — идеальный компонент бытия постепенно стал все больше вытесняться вторым — рационально-чувственным компонентом. Именно эта медленно набирающая вес новая *прагматично-чувственная социокультурная составляющая* на рубеже XIII—XIV веков, дала начало возникновению новому целостному мировоззрению — *идеалистической* культуре. В ее основе лежала идея сбалансированного сочетания двух начал: идеального и рационально-чувственного начала. Согласно этой идее, реальность, в которой живет человек, двойственна. Она одновременно и сверхчувственна (Божественна), и рационально-чувственна (эмпирична).

Уже, начиная с XVI века, *идеалистическая* культура стала постепенно приходить в упадок. Рационально-чувственный принцип все больше стал вытеснять сверхчувственный. В результате, к концу XIX века возник тот феномен, который, в настоящее время принято обозначать термином современная «западная культура». Особенность современной западной чувственно-прагматической культуры, считает П. А. Сорокин, состоит в том, что из нее был окончательно вытеснен принцип Божественного Мессианства, а с ним похоронена христианская идея о том, что мир — живое, единое органическое целое, пронизанное Божественной Сверхчувственностью, Сверхразумностью и Сверхдобротой.

Следствием стало то, что в глазах людей западной цивилизации окружающий их мир полностью утратил всякую духовную привлекательность. Всякий смысл, основанный на вере в высший Божественный Замысел, ради которого стоило жить и страдать в надежде на

спасение, был полностью утрачен. В результате западная культура по своему характеру стала механистичной, сенсорной, светской, утилитарной, утверждающей в качестве единственной ценности окружающей «посюсторонний», рационально-чувственный феноменальный мир, который для удовлетворения своих потребностей можно безжалостно эксплуатировать и поработать.

Начиная с XIX века, возобладавший чувственно-прагматический принцип стал проникать во все основные компоненты западной позитивистской культуры: искусство, науку, философию, религию, этику, право и, что очень важно, в экономическую, социальную и политическую сферы жизни общества и государства.

Наиболее точно логику утраты духовно-нравственного начала в современной культуре Запада в своей последней, незаконченной работе «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей» [5], вышедшей в 1888 году, описал Ф. Ницше. В ней он со всей беспощадностью поставил свой диагноз духовному состоянию Европы конца XIX — начала XX века. Для его обозначения он использовал термин «нигилизм». *«Нигилизм стоит за дверями: ...этот самый жуткий из всех гостей»* [5]. Термин «нигилизм» у Ф. Ницше означает, что для человека западной цивилизации *«высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем»? [5]. «Радикальный нигилизм, — пишет Ф. Ницше, — есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется сознание, что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которые были бы «божественным» воплощением в мораль».*

По мнению Ф. Ницше, возникновение нигилизма не было случайностью. Сама западная христианская вера содержала в себе его предпосылки. Долгие годы господства христианской морали приучили людей к честности перед своей совестью и к правдивости. После того, как вера в Бога была подвергнута рефлексии человеческим сознанием, оно взбунтовалось против принятых на веру религиозных догм. Именно этот бунт человеческого рационального сознания против наивной веры в Бога, считает Ф. Ницше, и стал причиной возникновения радикального нигилизма в идеологии западной христианской цивилизации [6].

Возникший, как раковая опухоль, нигилизм привел к разочарованию западного человека в высших духовных ценностях.

Во-первых, разочарование коснулось осознания западным человеком тщетности своих тысячелетних попыток поиска смысла и промисла Божьего во всем сущем в окружающем его мире, которых, как оказалось, в нем никогда не было.

Во-вторых, разочарование стало причиной того, что западный человек перестал ощущать себя частью «некоторого, бесконечно превышающего его целого», по отношению к которому его «душа испытывала восхищение и благоговение, упивалась общим представлением, как о некой высшей власти» [5].

В христианской традиции, отмечает Ф. Ницше, *«благо целого требовало самопожертвования отдельного» ... и вдруг — такого целого нет!»* [5]. Поскольку, исчезла высшая ценность, ради которой человек был бы готов сознательно пожертвовать своей жизнью, он заменяет ее ценностью, дарящей ему плотское наслаждение, позволяющее в полной мере ощутить напряжение, но уже не духовной, а плотской жизни. В результате, из человека *дарящего* себя миру, человек западной культуры превращается в эгоиста и паразита, безжалостно *берущего* от мира все, что может служить удовлетворению его прихотей.

В-третьих, естественным следствием первых двух разочарований стало возникновение у западного человека чувства презрения к этому не имеющему ни целостности, ни цели, никогда ничего не достигающего, хаотично развивающегося мира. В результате человек полностью утратил веру в абсолютную Истину, а с ней и в те категории разума, которые были способны ее получать. Презрение к реальному миру привело к замене его множеством фиктивных не связанных между собой виртуальных миров, не имеющих с реальным миром мало общего. В каждом из них западный человек стал видеть свой, сиюминутный смысл и свою прагматическую целесообразность.

В-четвертых, нигилизм обрушил веру человека в базовые ценности, на которых держалось западноевропейское *право* и христианская *мораль* [6], в частности:

- в *идею человека, как абсолютной ценности мира* («образа и подобия Божьего»), который вопреки своей малости и хрупкости, способен «утверждать свое Я в потоке вечных становлений и изменений»;
- в *идею теодицеи*, оправдывающей наличие зла в мире, которая состояла в том, что, мир, созданный Богом, совершенен, а зло в нем есть результат «омраченности» сознания и наличия свободной «слепой» воли у самого человека; теперь мир — само зло, с кото-

- рым человек вынужден вести изнурительную борьбу за свое существование;
- в идею *априорного* знания человеком абсолютных моральных ценностей, данных ему Богом для «адекватного познания» им окружающего его мира и совершения действий в соответствии с его божественным предназначением.

По мнению Ф. Ницше, именно, христианская мораль «*была великим средством противодействия практическому и теоретическому нигилизму*». И она же и стала объектом его самого разрушительного воздействия [5]. Чтобы социальные ценности стали безусловной нормой жизни человека, они должны восприниматься как прямое повеление Бога. После того, как рефлекслирующее сознание человека убедило себя в его отсутствии, реальность предстала перед ним, как череда калейдоскопических, непознаваемых в своей глубинной сущности явлений, которые не имеют ни начала, ни конца, ни цели, ни смысла. Самым ярким подтверждением этому может служить концепция эволюционного развития Мира, ядром которой является естественный отбор.

«*Кто расстаётся с Богом, тот крепче держится за веру в светскую мораль*», — пишет Ф. Ницше. «*Стремление обойтись одним морализмом без религиозной основы — неизбежный путь к еще более жестокому нигилизму*». По мере того, как цикл нигилизма начинает все больше раскручиваться, человек все больше перестает верить в высший Божественный авторитет действующих правовых и нравственных норм. Взамен этого, он пытается найти опору, либо в общественном инстинкте, но тогда он полностью растворяет свое Я в толпе, либо обращается к «*авторитету своего рассудка*». При этом, чем более свободна обыденная нравственность и мораль от Божественного авторитета, «*тем она более повелительна*» [5].

Рост повелительности обыденной морали и нравственности, может вызвать у человека один из двух типов нигилизма [6]. Первый тип, названный Ф. Ницше «активным нигилизмом», характеризуется невероятным возрастанием жизненной силы. Второй тип, названный им «пассивным или усталым нигилизмом», напротив, сопровождается ее упадком.

В основе «активного нигилизма», вызывающего у его носителей невероятный прилив жизненных сил, по мнению Ф. Ницше, лежит «воля к власти». «Воля к власти», в отличие от «воли к Богу», которая в христианской традиции имела трансцендентный характер, носит по-

сюсторонний и чисто прагматический характер. Благодаря победе над религиозной иллюзией, западный человек, освобожденный от обязанности следовать высшим трансцендентным ценностям и идеалам. Это позволило ему направить всю освободившуюся жизненную энергию на достижение новой главной, но уже «земной» цели — власти над «посюсторонним» миром. Именно «воля к власти», считает Ф. Ницше, основанная, с одной стороны, на страхе оказаться удобрением (гумусом) для других людей, а, с другой, на страстном желании самому паразитировать на них, является тем единственным мощным побудительным мотивом, который способен в максимальной степени мобилизовать жизненные силы восставшего против авторитета Бога западного человека. «Воля к власти» неизбежно формирует у западного человека *садистский инстинкт*, позволяющий ему выживать в условиях безжалостной «борьбы всех против всех». Очевидно, что разбуженный рационально-чувственной культурой Запада садистский инстинкт рано или поздно поставит мир на грань глобальной катастрофы.

В свою очередь, «усталый нигилизм», по мнению Ф. Ницше, возникает вследствие истощения жизненных сил. Все существовавшие ранее ценности, после утраты веры человека в Бога, перестают вызывать у нигилиста какие-либо мощные побудительные мотивы. Вновь формируемые рациональные смыслы, нормы и ценности при их синтезе, в силу отсутствия единой, объединяющей трансцендентной идеи, «встают друг на друга». Вопрос «Зачем?» без апелляции к авторитету Бога, начинает всплывать в сознании человека перед началом любого конфликта, после каждой одержанной им победы, утверждает Ф. Ницше. Неспособность или нежелание честно ответить на фундаментальный вопрос «Зачем?», вызывает у него навязчивое беспокойство, торопливость и суету. Возникает неумолимое желание испытывать страдание, которое в условиях отсутствия сильных позитивных переживаний, начинает доставлять мазохистское удовольствие. Испытывая мазохистское удовольствие и осознавая при этом его пагубность, человек приходит в состояние пессимизма, уныния, разочарования, покорности и пассивности. Наряду с мазохистской реакцией, «пассивный, или усталый нигилизм» может вызываться неумолимое стремление всепоглощающему гедонизму. Требующий постоянного насыщения и не находящий его при избыточности возможностей принимает утонченную всепоглощающую форму, которая по своим последствиям не менее патологична, чем самый жесткий мазохизм.

Навязчивое желание испытывать сильные возбуждения, вызванные либо мазохистскими, либо гедоническими мотивами является симптомами декаданса и вырождения. По З. Фрейду возникновение декаданса у западного человека есть ни что иное, как включение инстинкта «мортидо» — «воли к смерти» [7]. Декаданс считает Ф. Ницше, — признак либо психологической старости, либо запущенной психической болезни. Любая помощь здесь контрпродуктивна. Бороться следует, прежде всего, с занесением «заразы» в еще здоровые органы человеческого общества. Требование гуманного отношения к человеку, зараженному декадансом, не служит его спасению. Напротив, оно является предпосылкой распространения заболевания на все здоровое общество. Поэтому сострадание для общества более пагубно, чем порок. Лечение зараженного декадансом общества должно быть основано не на гуманизме, а на «гигиене слабых». Радикальным средством «гигиены слабых», по мнению Ф. Ницше, является война. *«Война — рок, говорящий слабому — «погибни!»* [5]. А потому, война — атрибут современной прагматично-чувственной цивилизации Запада, способ ее естественного существования и источник внутреннего развития. Как показывает опыт последнего столетия, этот феномен особенно ярко проявляется на последнем этапе заката рационально-чувственной культуры Запада. Именно об этой особенности современного этапа человеческого развития пишет П. А. Сорокин.

Вместе с тем, по мнению П. А. Сорокина, в период своего становления и расцвета, чувственно-прагматическая культура Запада, сумела создать выдающиеся образцы во всех сферах человеческой деятельности, вписала наиболее яркие страницы в историю человеческой цивилизации. Однако к началу XX века она полностью исчерпала свой созидательный потенциал и стала тормозом на пути ее развития [4]. Это предопределяет неизбежную замену рационально-чувственной культуры другой, способной дать новый импульс развития Человечеству. Смена социокультурной парадигмы, утверждает П. А. Сорокин, не раз происходила за многотысячелетнюю историю человечества. Она всегда сопровождалась мощнейшими социальными катаклизмами и войнами. Однако, такого планетарного по масштабам и разрушительного по последствиям кризиса, который наблюдается в настоящее время, человеческая история еще не знала.

В соответствии с этим, его прогноз развития человеческой цивилизации достаточно оптимистичен: *«Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходя-*

щего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи, но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего» [4].

Следует отметить, что каждому из введенных П. А. Сорокиным типов соответствует свой тип философской доктрины. Изменение типа культуры неизбежно сопровождается сменой доминирующего типа философской доктрины. И, наоборот, смена типа философской (мировоззренческой) доктрины, влечет за собой смену социокультурной парадигмы в обществе.

Наиболее полную и корректную классификацию известных философских доктрин предложил великий русский философ и религиозный мыслитель Н. О. Лосский [8]. В своем философском учении, Н. О. Лосский опирается на так называемый метафизический подход. Под которым он понимал научное направление, включающее в себя три раздела:

- *онтологию* — науку о первоэлементах, из которых строиться мир;
- *космологию* — науку о связях и отношениях, устанавливаемых между онтологическими элементами, придающих миру свойство связности, единства и целостности;
- *теологию* — науку о смысле и предназначении мира в целом, о смыслах и ценностях преследуемых входящими в его состав онтологическими элементами, о содержании и форме поддерживаемых ими связей и отношений.

Не трудно заметить, что использованный Н. О. Лосским метафизический подход отличается от традиционного системного подхода тем, что в нем присутствует третий — теологический компонент, которого нет в системном подходе. В традиционном системном подходе — акцент делается на составе элементов и поддерживаемых ими связях и отношениях, которые создают новое внешнее потребительское качество, отсутствующее у отдельных онтологических элементов, и обеспечивают внутреннее единство и целостность. Теологические вопросы в традиционном системном подходе выносятся за рамки исследования и являются субъективной прерогативой самого исследователя. В метафизическом подходе, напротив, третий — теологический компонент, является важнейшим и самостоятельным объектом исследования.

В своем метафизическом учении Н. О. Лосский все известные философские доктрины различает по их онтологической, космологической и теологической оснастке. Такое разделение позволило ему выделить три большие группы философских учений, названных им, соответственно, *актуализмом, субстанционализмом и идеал-реализмом* [8].

Краткое содержание основных типов философских доктрин Н. О. Лосского приведено в таблице 2.

Таблица 2. Краткое содержание основных типов философских доктрин Н. О. Лосского

	Актуализм	Субстанционализм	Идеал-реализм
Образ мира	Объективным является лишь эмпирические бытие, т. е. всякое явление, наблюдаемое с помощью органов чувств	Признает, что, наряду с эмпирическим бытием, существует и идеальное бытие, носителем которого является душа; что означает объективную «аниматичность» мира	Наряду с эмпирическим бытием существует и идеальное бытие, носителем которого является душа; что означает объективную «аниматичность» мира
Бытие	Эмпирическое пространство и время	«Надвременность», идеального бытия, т. е. существование идеального бытия за границами физической жизни	«Надвременность», идеального бытия, т. е. существование идеального бытия за границами физической жизни
Онтология	Онтологическое бытие — непрерывное, хаотичное чередование физических и психических событий, не успев возникнуть, исчезает (калейдоскоп)	«Субстанция» — устойчивое, существование на основе некоторой сущностной первопричины (идеи); «субстанциональный деятель» характеризуется наличием индивидуального «для-себя-сущего» бытия.	Мир, как субстанция и каждый элемент мира субстанция, существующий на основе некоторой своей сущностной первопричины (идеи); Мир в целом — активная личность, характеризующаяся наличием не только индивидуального, но и коллективного «для-себя-сущего» бытия

	Актуализм	Субстанционализм	Идеал-реализм
Космо- логия	Космол- гический порядок, связывающий онтологиче- ские элемен- ты в систем- ное целое отсутствует, наблюдае- мый порядок привносится самим наблю- дателем	Признается чрез- вычайно тесная «объединенность» всего, что отно- сится к каждой отдельной субстан- ции (субстанцио- нальному деятелю), и, обособленность субстанциональных деятелей друг от друга	Мир строиться не на <i>при- нудительной воле</i> субстан- ционального деятеля более высокого иерархического уровня и не на воле Надми- рового Божественного Аб- солюта, а на их свободной воле к единению; в основе органического единства мира лежит «сращенность» субстанциональных дея- телей через их « <i>единосущ- ность</i> »
Теоло- гия	Теологиче- ские вопросы, связанные с поняти- ем смысла существова- ния, морали и права, теряют смысл, смыслы в эм- пирический мир вносятся самим наблю- дателем.	Признается, что, наряду с индиви- дуальной свободой воли у субстанцио- нальных деятелей в мире действует также и свободная воля Надмирового Божественного Абсолюта, кото- рая компенсирует обособленность субстанциональных деятелей между собой.	Способность субстанцио- нальных деятелей пости- гать смысл бытия и свою миссию в Божественном Промысле, обусловленная наличием у них «умозре- ния», обеспечивающего наряду с тесной <i>внешней</i> психической и физической связью, также взаимное проникновение во внут- реннюю духовную жизнь друг друга, и устанавливать внутреннюю <i>сознательную</i> трансцендентную связь с самим Надмировым Боже- ственным Абсолютом
Приме- ры учений	Философ- ские системы Гераклита, А. Юма, Э. Маха, А. Бергсона и др.	Философские системы Демокрита, Лейбница, Т. Гоббса и др.	Философские системы Пла- тона, Аристотеля, Плотина, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Вл. Соловьева и др.

1. *Актуализм* — первый тип мировоззрения в классификации Н.О. Лосского, в котором объективными (т.е. существующими вне того, что о них думает наблюдатель) признаются лишь *эмпирические события и процессы*. Термин «*эмпирическое событие*» обозначает всякое явление, наблюдаемое с помощью органов чувств. Эмпирическое событие характеризуется тем, что оно существует в пространстве и времени. После возникновения, через определенный интервал времени, оно исчезает, т.е. отходит в область прошлого. Важной чертой актуализма является то, что он признает в качестве эмпирического бытия не только *материальные*, но и *психические* события и процессы. Философские доктрины актуалистического типа исходят из того, что эмпирический мир — непрерывное хаотическое, не связанное ни каким смыслом или общим замыслом чередование физических и психических событий и процессов.

В *актуалистическом* мировоззрении понятие *организованности* («порядка»), лежащее в основе *космологической* картины Мира, и, более того, *теологические* вопросы, связанные с понятием смысла существования, а, значит, морали и права, теряют всякий смысл. По этой же причине снимается вопрос о познаваемости или непознаваемости мира человеком. Актуалистические доктрины исходят из того, что, все образующие Мир «первокирпичики» (онтологические элементы), так и устанавливаемые ими космологические связи и отношения, имеют крайне неустойчивый, калейдоскопичный и хаотичный характер. Любая физическая или психическая сущность, не успев возникнуть, вновь распадается, превращаясь в прах. Такой процесс непрерывных спонтанных хаотических превращений в *актуалистическом* типе мировоззрения не имеет ни конца, ни начала, ни цели, ни смысла.

К философским доктринам актуалистического типа Н.О. Лосский относит философские учения Гераклита, А. Юма, Э. Маха, А. Бергсона и др. [8].

Очевидно, что актуализм составляет мировоззренческую основу чувственно-прагматического типа культуры.

2. *Субстанционализм* — второй тип мировоззрения в классификации Н.О. Лосского, признает за онтологическими элементами не только способность производить материальные и психические процессы, но и наличие у них *идеального бытия*. Понятие «*субстанция*» (от латинского слова *substare* — существовать, быть устойчивым) обозначает глубинную сущностную первопричину (программу, инвариант, идею

и др.), в соответствии с которой возникают, развиваются и исчезают вызванные этой субстанциональной *первопричиной* события и процессы физической и психической природы. «Все переживания, — пишет Н. О. Лосский, — суть события: они возникают и исчезают во времени, но сам я не возникаю и не исчезаю во времени, я есмь тоже самое Я; я стою выше времени, не имею временной формы, и только жизнь свою я творю в виде событий, сменяющих друг друга во времени» [8].

Согласно учению Н. О. Лосского, носителем идеального бытия является бессмертная душа. Субстанционализм признает за человеческой душой не только свойство «сверхвременности», но и «надвременности», которая означает способность ее существования вне рамок *физической жизни* человека. Из этого следует, что субстанциональность — идеальность, выходящая за рамки посюстороннего феноменального мира. В соответствии с этим, главный постулат субстанционализма — *аниматичность* Мира. Аниматичность Мира означает, что все онтологические элементы, независимо от их природы, обладают душой. При этом отмечается, что неорганические онтологические элементы Мира обладают лишь зачатками душевности. Зачатки душевности у неорганических онтологических элементов Мира Н. О. Лосский обозначает термином «психоидность». По мнению философа, если бы психоидных свойств не было у «первокирпичиков» мира (электронов, атомов и др.), душа у образуемых из них более сложных материальных образований просто не могла бы возникнуть.

Чтобы подчеркнуть *свободный, активный и творческий характер* производимых онтологических элементов физических и психических процессов, Н. О. Лосский использует термин «субстанциональный деятель». Признание за отдельными онтологическими элементами свойств субстанционального деятеля имеет чрезвычайно важное методологическое значение. Понятие субстанционального деятеля, считает Н. О. Лосский, включает в себя *органическое триединство*: психосматику (тело), стоящую над психосматикой душевность (психику) и возвышающуюся над психосматикой и душевностью, рефлексирующий и свободно волящий духа. Психическое триединство позволяет говорить о наличии у субстанционального деятеля «для-себя-сущего» бытия, которое превращает его в «живое существо». Термин «для-себя-сущее» бытие указывает на то, что психическая и физическая реальность не просто существуют, а существуют для субстанционального деятеля, т. е. переживаются им, как нечто несущее ему положительную или отрицательную ценность.

Благодаря сверхвременности идеального бытия, субстанциональный деятель не отделен от своего прошлого и будущего никаким промежуток времени. Все пережитое им когда-либо остается в его памяти навсегда. Потому он может в любой момент отвлечься от потока текущих физических и психических событий и направить свое внимание, на любой отрезок прошлого, вспоминая и повторно переживая его содержание [8]. Более того, идеальное бытие позволяет ему с помощью фантазии заглянуть в и будущее [9].

Дополнительно к этому, наличие у субстанционального деятеля идеального бытия превращает в личность. Личность субстанционального деятеля Н. О. Лосский раскрывает следующим образом: *«Никакой предмет, находящийся вне субстанционального деятеля, не может вторгнуться в сферу его индивидуальности и породить перемену в нем: всякая перемена в субстанциональном деятеле, например, в человеческом «Я», всегда есть его собственное действие, собственное проявление»* [8].

Признание за субстанциональным деятелем личности во многом совпадает с определением «личности», данным Н. А. Бердяевым: *«...личность есть независимость от природы, независимость от общества и государства. Она противится всякой детерминации извне, она есть детерминация изнутри. Личность не может быть детерминирована изнутри и Богом. Отношения между личностью и Богом не есть каузальное отношение, оно находится вне царства детерминации, оно внутри царства свободы»* [10].

Следует отметить, что именно на эту акаузальную особенность отношения между человеком и Богом указывал Ф. Ницше, когда рассматривал генезис возникновения нигилизма у человека западной цивилизации. Вместе с тем, умирая, он пришел к выводу, что рефлексия человеческого сознания, приведшая к отделению человека от Бога, не завершается Его полным отрицанием, а предполагает возврат к Богу, но уже на новом уровне осознания своего места в мире и нового понимания «царства свободы» [6].

Вместе с тем, между представителями философских доктрин, субстанционального типа, нет единства в отношении того, какой онтологический элемент в полной мере обладает свойствами субстанционального деятеля. По мнению Н. О. Лосского, существует две крайние точки зрения на эту проблему [8], названные им, соответственно, *«субстанциональным центризмом»* и *«иерархическим персонализмом»*.

Представители *«субстанционального центризма»* исходят из того, что единственным субстанциональным деятелем, который в полной мере обладает реальной, *«неотчужденной» активностью* во всех ее проявлениях, является Надмировой Божественный Абсолют (Бог). Все другие онтологические элементы являются носителями *«отчужденной» субстанциональности*. Другими словами, не обладают свободой воли в полном смысле этого слова, а творят физические, психические и духовные процессы в строгом соответствии с Замыслом и Волей мирового Абсолюта. Это позволяет представителям *«субстанционального центризма»* считать, что ни один субстанциональный элемент посюстороннего эмпирического мира в полной мере личностью не являются [8]. Эта точка зрения, считает Н. О. Лосский, лежит в основе учения великого нидерландского философа Б. Спинозы, который считал, что весь мир жестко детерминирован Божьим Промыслом, а человеческая субстанциональность является производной Божественной Воли. В силу этого человек не может усилиями своей воли нарушить волю Абсолюта и изменить ход мировой истории. Поскольку онтологические элементы не могут совершать свободный выбор, то с них полностью снимается ответственность за решение таких нравственных проблем, как «добро», «зло», «справедливость», «ценность» [11]. Другими словами, все нравственные понятия даны человеку Богом и любое их нарушение, как это имеет место в Ветхом завете, жестоко Им карается.

Эта же точка зрения, по мнению Н. О. Лосского, составляет основу протестантской этики, которая негласно исходит из того, что в бизнесе «дозволено все, что не запрещено законом». Даже преступление, если оно не было раскрыто правоохранительными органами, не является в полном смысле преступлением. Принцип «не пойман не вор» означает, что если правоохранительная система не привлекла его к ответственности, то это означает, что на это была Воля Бога. Следовательно, преступник, нарушая формальный закон, в нравственном плане не грешит, поскольку сам Бог ему покровительствует. Аналогичным образом к проблеме ответственности и вины, по мнению Н. О. Лосского, подходило и средневековое западное христианство, которое снимало всякую ответственность с крестоносцев за пролитую человеческую кровь в ходе крестовых походов. Считалось, что поскольку именно Бог вкладывал «карающий меч» в их руки, то они не только не несут за свои действия нравственной ответственности, и, более того, за свое усердие получают от него право на спасение души.

В свою очередь, философские учения «иерархического персонализма», исходя из того, что на онтологическом уровне в Мире, помимо Надмирового Абсолюта, существует огромное число субстанциональных деятелей, которые также обладают неотчужденной свободой воли. Вступая в те или отношения, они совместно творят события и процессы, которые носят не случайный, что имеет место в актуализме, и не жестко детерминированный Надмировым Божественным Абсолютом, что имеет место в «субстанциональном централизме», а обусловленный их идеальным бытием характер. Признание за отдельными субстанциональными деятелями свойств личности ставит чрезвычайно важный мировоззренческий вопрос о том, обладают ли свойствами личности, образуемые ими социальные общности.

У философов нет единого ответа на этот вопрос, считает Н. О. Лосский. Одни философы, в частности, Н. А. Бердяев [10], дают на него отрицательный ответ. Другие, в том числе и сам Н. О. Лосский, напротив, считают, что коллективная Душа у сообществ, при определенных обстоятельствах может, как возникать, так и исчезать [8].

В основе процесса формирования общей Души из элементарных душ лежит сформулированный Н. О. Лосским механизм «иерархического персонализма», который состоит в том, что наиболее сильные и развитые в душевном отношении субстанциональные деятели, создают социальные общности, состоящие из других, менее сильных, развитых и активных. В результате возникает коллективная сущность, которая из множества разрозненных индивидуальных душ создает единую социальную общность, являющуюся носителем коллективной Души.

Независимо от того, «субстанциональный центризм» или «иерархический персонализм», лежит в основе философских доктрин субстанционализма, их важнейшим положением является то, что, признавая «чрезвычайно тесную «объединенность» всего того, что относится к каждой отдельной субстанции, но в тоже время, они исходят из высокой обособленности, изолированности субстанциональных деятелей в отношениях друг к другу» [8].

Важной особенностью субстанциональных учений является то, что оба типа воли — *индивидуальная организующая воля* более развитых субстанциональных деятелей по отношению к менее развитым субстанциональным деятелям, и *воля* Надмирового Божественного Абсолюта, имеют по отношению к последним, не свободный, а *принуждающий* их к единству характер.

Примерами философских учений, относящихся к субстанциональному типу, по мнению Н. О. Лосского, могут служить философские системы Демокрита, Г. Лейбница, Т. Гоббса и др. [8].

Проведенный анализ философских доктрин субстанционального типа позволяет сделать вывод о том, что они являются мировоззренческой основой *идеалистической культуры*. При этом в наличии двух типов воли — индивидуальной воли онтологических элементов и воли Надмирового Божественного Абсолюта — отражается двойственность этого типа культуры, в которой действуют два фундаментальных принципа: религиозно-идеалистический и чувственно-прагматический.

3. *Идеал-реализм* — третье направление в классификации философских доктрин Н. О. Лосского. В его основе лежит стремление преодолеть ограниченность субстанционального подхода и придать миру свойство не принудительного, а органического единства. Органическое единство Мира достигается не за счет принудительной воли субстанционального деятеля, находящегося на более высоком уровне организационной иерархии, что имеет место в «иерархическом персонализме», и не на принудительной воле трансцендентного по отношению к Миру Божественного Абсолюта, что присуще «субстанциональному центризму». Идеал реализм исходит из того, что органическое единство мира возникает как результат свободной воли самих субстанциональных деятелей.

Идеал-реализм не отрицает того, что Мир состоит из множества иерархически организованных субстанциональных деятелей — социальных общностей. Однако, признавая, что онтологические элементы независимы друг от друга и способны свободно действовать в соответствии со своей уникальной нормативно-ценностной идеей, он исходит из того, что они все некоторой частью своего физического и психического бытия неразрывно «сращены» друг с другом. «Сращенность» субстанциональных деятелей указывает на наличие между ними чрезвычайно тесной внутренней связи, достигаемой за счет «*взаимовключенности всего во все*» [8]. Именно внутренняя духовная и психическая «сращенность» субстанциональных между собой является необходимым условием того, что жизнь («для-себя-сущее бытие») одного онтологического элемента становится продолжением жизни («для-себя-сущее бытие») другого.

Идеал-реализм исходит из того, что основу «сращенности» субстанциональных деятелей составляет такое свойство, как «единосущ-

ность». «Единосущность» субстанциональных деятелей, основана на способности субстанциональных деятелей к «умозрению». Именно «умозрение» обеспечивает не только тесную внешнюю (принудительную) психическую и духовную связь онтологических элементов, но и, самое главное, свободное беспрепятственное взаимное проникновение субстанциональных деятелей в психическую и духовную жизнь друг друга. Более того, «умозрение» также позволяет установить внутреннюю имманентную связь субстанциональных деятелей с Надмировым Божественным Абсолютом.

В этой связи «умозрение» по Н. О. Лосскому — не чисто интеллектуальный акт познания, а живое, эмоционально-рассудочное и мистически-интуитивное восприятие и переживание субстанциональным деятелем себя, Мира и Бога в целом. Способность к «умозрению» обеспечивает возможность *«взаимпроникновения внеположных частей целого и возможность трансцендирования каждой части субстанционального деятеля за пределы себя»* [8].

Для осуществления «умозрения», у субстанциональных деятелей должна существовать единая форма *идеального когнитивно-аффективного бытия*, названная Н. О. Лосским «предзнанием».

Наличие у субстанциональных деятелей единого по форме идеального бытия, делает «умозрение» — «единосущным». Благодаря свойству *«единосущности умозрения»*, субстанциональные деятели срачиваются идеальной стороной своего бытия в единое органическое системное (ноосферное) целое, что позволяет им с помощью взаимных познавательных актов проникать и понимать мысли, чувства, настроения и желания других онтологических элементов, ощущать исходящие от них акты воления и стоящие за ними намерения и повеления.

В этой связи главный тезис идеал-реализма — *«все имманентно всему!»* [8]. Имманентность состоит в том, что любой субстанциональный деятель, независимо от его места в социальной иерархии, потенциально способен воспринимать весь макро- и микромир мгновенно и во всем его безграничном пространственно-временной континууме, включая самое отдаленное прошлое, текущее настоящее и грядущее будущее. В этом смысле развитый субстанциональный деятель по своим возможностям приближается к возможностям Божественного Творца, создавшего этот феноменальный Мир.

Однако, свойство *«единосущности»* субстанциональных деятелей, считает Н. О. Лосский, является лишь *необходимым*, но не достаточным

условием возникновения органического единства мира. Достаточным условием, обеспечивающим превращение потенции органического субстанционального единства в реальность, по его мнению, служит факт установления между субстанциональными деятелями *особого ин-терпсихического состояния*, названного им «*состоянием единодушия*», или другими словами «душевного единства без слияния», где ни одна онтологическая сущность, стремящаяся к единению, не растворяется в целом [8].

Состояние единодушия субстанциональных деятелей, возникает в результате действия единого механизма «аффективно-когнитивной-волевой-поведенческой координации». Единый механизм «аффективно-когнитивной-волевой-поведенческой координации» включает в себя четыре частных координационных механизма: механизм «*когнитивной координации*», в результате которого происходит возникновение единой точки зрения на суть происходящих процессов; механизм *эмоциональной (аффективной) координации*, в результате которого возникает разделяемое всеми членами единство ценностных ориентиров, эмоциональных переживаний, притязаний, побуждений и желаний; *механизм поведенческой координации*, в результате которого члены социальной общности приходят к пониманию необходимости совершения одобряемого всеми способа коллективных действий; *механизм волевой координации*, в результате которого возникает состояния волевого единства, сплачивающего воли отдельных субстанциональных деятелей для преодоления трудностей возникающих при выработке и реализации коллективных действий.

Идеал реализм признает, что активным участником процесса «аффективно-когнитивно-волевой-поведенческой координации», является Надмировой Божественный Абсолют. В этой связи следует подчеркнуть, что в русской религиозной философской традиции состояние *единодушия*, возникающее в социуме на почве любви ее представителей к Богу, а через нее, к своим *ближним*, получило название «*соборности*» [12].

По мнению Н. О. Лосского, примерами философских доктрин *идеал-реалистического типа* могут служить учения Платона, Аристотеля, Плотина, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Вл. Соловьева и др. [8].

Поведенный анализ философских доктрин *идеал-реалистического типа* позволяет сделать вывод, что они составляют мировоззренческую основу идеоциональной культуры.

Принимая во внимание вывод, сделанный П. А. Сорокиным относительно того, что к началу XX века рационально-чувственная культура Запада исчерпала свой созидательный потенциал и стала тормозом на пути человеческого развития, а также соглашаясь с его гипотезой о том, что ей на смену должна прийти, сначала новая идеалистическая, а затем и новая идеациональная культура, следует предположить, что это движение начнется с утраты в мировоззрении Запада доминирующего положения философии актуализма. Ей на смену придет новый мировоззренческий субстанционализм. А его место в впоследствии займет и новый идеал-реализм и т. д.

Такая трансформация идеологических доктрин станет основой революционного изменения первого компонента механизма глобальной власти — «ЗНАНИЯ». Революционное изменение коснется не только описательной (дескриптивной) модели Мира — так называемого «чистого ЗНАНИЯ», но и оценочного описания — прескриптивной (предписательной) модели Мира, которая содержит в себе нравственные категории «ДОБРА» и «ЗЛА».

Следует отметить, что в метафизической концепции Н. О. Лосского изменения, происходящие в первой, дескриптивной составляющей новой модели Мира, будут соответствовать изменениям, касающимся его онтологического и космологического уровней описания. В свою очередь, изменения, происходящие во второй, прескриптивной составляющей новой модели Мира, будут соответствовать изменениям, касающимся его теологического уровня описания.

Указание на то, современная западная наука («ЗНАНИЕ») «бегущая» грандиозными революционными изменениями, и на то каков будет их характер, указал наш современник, известный американский психотерапевт, основатель нового направления в психологии, чех по национальности С. Гроф. Его точка зрения на характер революционных изменений, которые должны произойти в западной науке, формулируется следующим образом: *«Западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных размеров, из-за которого изменятся наши представления о реальности и человеческой природе, которые соединят, наконец, концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирят восточную духовность с западным прагматизмом»* [13].

В свою очередь, известный западный мыслитель, социолог и археолог Пьер Тейяр де Шарден еще в середине прошлого века указал

два основных направления парадигмальных сдвигов, которые должны произойти в современной западной науке в обозримом будущем.

Первое направление, по которому должно идти развитие современной позитивистской науки, по его мнению, состоит «в ее радикальном повороте к человеку». *«Если мы идем к человеческой эре в науке, — пишет ученый, — то эта эра в высшей степени будет эрой науки о человеке — познающий человек, заметит, наконец, что человек как «предмет познания» — это ключ ко всей науке о природе»* [14]. *«Чем больше мы делаем усилий, чтобы уйти от человека в наших теориях, тем больше суживаются круги вокруг него, как будто мы втянуты в его круговорот. Человек внизу; человек сверху и в особенности человек в центре — тот самый, который живет, распространяется, так ужасно борется в нас и вокруг нас. В конце концов, надо им заняться»* [14].

Второе направление развития современной позитивистской науки Пьера Тейяр де Шардена связывает с ее радикальным поворотом к религии. Указывая на важность этого направления, он пишет: *«После почти двухвековой страстной борьбы ни наука, ни вера не сумели ослабить одна другую. Но совсем даже напротив, становится очевидным, что они не могут развиваться нормально одна без другой по простой причине, что обе одушевлены одной и той же жизнью. В самом деле, ни в своем порыве, ни в своих толкованиях наука не может выйти за пределы самой себя, не окрашиваясь мистикой и не заряжаясь верой»* [14].

Эти положения в полной мере соответствуют древней восточной традиции, которая описывает развитие мира, с помощью известной метафоры «колеса истории». Оно отрицает западное восприятие хода исторического развития, как стрелы, пушенной из туго натянутого лука, а воспринимает его как колесо которое, наряду с поступательным движением вперед в будущее, обязательно совершает циклическое движение назад, в прошлое.

2. Анализ направлений развития второй составляющей механизма глобальной власти — собственно «ВЛАСТИ» (действия)

Для анализа направлений развития второй составляющей механизма глобальной власти — «ВЛАСТИ» (действия), следует обратиться к работе одного из влиятельных представителей европейской политической элиты конца XX века, французского политического деятеля Ж. Аттали. В своей работе «На пороге XXI века» [15] Ж. Аттали утверждает, что новый глобализирующийся мир будет создаваться по лекалам западной цивилизации, которая основывается на следующих основных положениях:

- изменение — единственная константа в потрясаемом катаклизмами мире;
- история человечества — история насилия;
- насилие — первопричина и главное средство всех социальных изменений в мире;
- невозможно ни объяснить, ни предсказать развитие общества без решения проблемы насилия;
- все когда-либо создаваемые народами социально-политические порядки отражали тот или иной способ контроля над насилием;
- смена социально-экономического порядка означает смену средств контроля над насилием.
- старый геополитический порядок сходит со сцены, рождается новый, который со временем окончательно придёт на смену старому;
- на смену старым средствам контроля над насилием придут новые средства контроля над насилием.

Таблица 3. Краткое содержание трех публичных механизмов контроля над насилием Ж. Аттали

	Религия	Сила	Деньги
Негативное чувство	<i>Страх</i> верующего «кары Божья» или «мук вечных» за совершение греха	<i>Страх</i> насильника перед истязаниями и смертью за совершенное преступление	<i>Страх</i> преступника лишиться средств существования
Позитивное чувство	<i>Радость</i> верующего от божественной благодати за праведные поступки	<i>Радость</i> члена общества от ощущения своей физической безопасности	<i>Радость</i> члена общества, совершившего преступление, избежавшего наказания
Главный тип потребности	Духовно-нравственные	Социально-политические	Материально-физические
Подрываемый авторитет	Авторитет Бога	Авторитет Цезаря	Авторитет собственника

В своих теоретических исследованиях Ж. Аттали исходит из того, что история знала три публичных способа контроля над насилием: религиозное чувство, сила и деньги.

Краткое содержание трех публичных механизмов контроля над насилием Ж. Аттали приведено в таблице 3.

Исторически первым был механизм власти, основанный на религиозном чувстве. Ему на смену пришел механизм власти, основанный на силе. Несколько столетий спустя, этот механизм был заменен механизмом власти, основанным на деньгах. В настоящее время мир ожидает очередная смена способов контроля над насилием.

Первый механизм власти основывался на страхе насильника перед авторитетом Божественного Абсолюта («кара Божья», «муки вечные» и др.). Второй на его страхе перед применением карающей силы закона — страхе истязания и плахи. Третий — на страхе перед угрозой лишиться средств к физическому существованию («в мире есть царь, этот царь беспощаден — голод названье ему») [15].

Отмечается, что существовавшие ранее социально-политические порядки использовали все три механизма контроля над насилием, но один из них всегда занимал доминирующие позиции. В частности в средние века (идеациональный тип культуры), где доминировал механизм государственной власти, основанный на религиозном чувстве, церковь не только назначала царствующих особ, но и безраздельно контролировала всю сферу товарно-денежных отношений. В новое время (идеалистический тип культуры) уже светская власть (сила) выбирала удобную для себя религиозную доктрину и соответствующий ей тип товарно-денежных отношений. В новейшее время (чувственно-прагматический тип культуры), в котором доминирует механизм контроля над насилием, основанный на деньгах, финансовый интернационал покупает отвечающую ее интересам политическую элиту и назначает приобретаемую для себя идеологическую доктрину.

По мнению Ж. Аттали, последние пятьдесят лет мировой порядок представлял собой пирамиду, опирающуюся лишь на два столпа: *первый столп* — порядок, основанный на авторитете силы; *второй столп* — либерально-рыночный порядок, основанный на деньгах. Третий столп, по мнению Ж. Аттали, представлял собой следы рудиментарного, давно отжившего порядка, основанного на духовно-нравственном чувстве, который исчез по причине массового «оскудения» веры в Бога.

Следуя концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина, следует предположить, что новый грядущий мировой порядок, в условиях роста кризисных явлений и попыток разрешения их силовыми методами, будет, либо во все большей степени опираться на силу. Наряду с этим, он может начать использовать и новые непубличные средства и методы контроля над насилием.

В частности, к ним относятся механизмы психологического зомбирования, основанные на скрытых, суггестивных воздействиях на индивидуальное и массовое сознание. Последнее означает, радикальный и стремительный поворот, минуя идеалистическую фазу, к идеоциональной культуре, в которой контроль над насилием достигается уже не на авторитет Бога, а на ценности, внедренные в подсознание с помощью вполне «земных» подконтрольных элитарным группировкам мировой власти СМИ.

Вместе с тем, классификация механизмов мировой власти, предложенная Ж. Аттали, в основе которых лежал тот или иной способ борьбы с насилием, не полна. Ее следует дополнить классификацией механизмов мировой власти, основанной на способах реализации в них прав, обязанностях и ответственности ее участников.

Согласно концепции [16], история знает три формы власти, отличающиеся по типу реализуемых в них прав, обязанностей и ответственности. Их название совпадает с названием трех великих древних еврейских сект: *саддукейской, фарисейской и есеейской*. Их краткое содержание приведено в таблице 4.

Саддукейский механизм мировой власти, характеризуется тем, что в нем лицо, несущее ответственность за принятые решения (Правитель), и лицо, реально принимающее решение (Властитель), совпадают. По этой причине, в этом механизме власти весь негатив (ненависть) и весь позитив (любовь), подданных проецируется на этом одном лице, которое является одновременно и Правителем (Исполнителем) и Сувереном (Властителем). Данный механизм власти используются всеми формами деспотий. Он предполагает прямое применение *силы* принуждения в отношении нарушивших закон подданных.

Фарисейский механизм мировой власти, характеризуется тем, что лицо, реально несущее ответственность (Правитель), и лицо, реально принимающее решение (Властитель) не совпадают. При этом второе лицо находится в тени первого. В таком механизме власти лицо, реально принимающее решение, не несет за них ни какой ответственности.

Таблица 4. Краткое содержание основных форм мировой власти

	Саддукейская,	Фарисейская	Ессейская
Лицо, принимающее решение	Светский публичный правитель	Теневая структура	Публичный правитель — Помазанник Божий,
Лицо, несущее ответственность за принятые решения	Светский публичный правитель, несущий ответственность только перед собой	Светский публичный правитель, назначенный теневой структурой, перед своим ставленником	Правитель — Помазанник Божий перед Творцом мира — Богом
Реакция подданных	Весь негатив (ненависть) и весь позитив (любовь) подданных проецируется на публичном правителе, разрушая или поддерживая его авторитет	Весь негатив (ненависть) и весь позитив (любовь) подданных, проецируется на публичном правителе, теневая структура свободна от ответственности	Весь негатив, связанный с нарушением религиозных догматов, и весь позитив, связанный их выполнением проецируется на публичном правителе — Помазаннике Божиим
Результат правления	Смена публичного правителя	Замена одного публичного правителя, другим, при этом теневая структура остается у власти	Смена публичного правителя возможна только в результате утраты им качеств Помазанника Божиего
Условия существования	Светская мораль и нравственность	Законопослушность	Вера
Примеры	Тирания	Хазарский каганат, современная демократия	Религиозная монархия

Тогда как, вся ответственность ложится на Правителя, кем реализовывалось принятое Властителем решение. Примерами фарисейского механизма власти может служить хазарский каганат, а также все формы современных либеральных демократий, где публичный Правитель (глава государства) приводится к власти с помощью денег реального Властителя (Закулисы). В фарисейском механизме мировой власти Правителю — Суверену отводится роль Правителя — Сюзерена — публичного исполнителя воли стоящего за ним Суверена [16].

3. *Ессейский* механизм мировой власти, характеризуется тем, что в нем нет ни постоянного Суверена, ни постоянного Правителя. Ессейский механизм власти основан на народном самоуправлении. По своему содержанию он представляет собой «народную анархию», которую считал образцом народовластия известный русский теоретик анархизма П.А. Кропоткин [17]. В ессейском механизме мировой власти каждый член мирового общества, в зависимости от обстоятельств, может стать как мировым Правителем, так и мировым Властителем. Через определенное время их роли могут начать исполнять другие члены мирового сообщества. В этом механизме мировой власти само понятие Государство теряет смысл. Его функции передаются высоко сознательному и нравственно воспитанному гражданскому обществу. Примером ессейского механизма власти, основанного на самоуправлении, может служить русская община [17].

Не трудно заметить, что между двумя рассмотренными классификациями механизмов власти существует однозначное соответствие. Так, *саддукейский* механизм власти опирается на силу, которая используется для физического наказания непокорных членов мирового сообщества. В свою очередь, *фарисейский* механизм глобальной власти опирается на деньги, служащие средством удовлетворения материальных потребностей. Наконец, в основе ессейского механизма глобальной власти лежит религиозное чувство. Первые два механизма принуждают (стимулируют) к *соединению* частей в единой социальное целое, третий механизм власти — мотивирует их к *объединению*.

Механизм мировой власти, независимо от того, опирается ли он на религиозное чувство, силу или деньги, а также носит ессейский, саддукейский или фарисейский характер, представляет собой регулятор, позволяющий использовать «ЗНАНИЕ» для осуществления регламентирующего воздействия — «ВЛАСТИ» в отношении лиц, нарушивших норму права или морали [16].

Предлагается для анализа трендов, наблюдаемых в диаде «ЗНАНИЕ — ВЛАСТЬ», которые предположительно могут произойти в новом формируемом механизме мировой власти, использовать положения, содержащиеся в работе известного французского социолога середины прошлого века М. Фуко «Надзирать и наказывать» (1975 г.) [18]. В ней он раскрыл особенности превращения западной средневековой системы правопорядка в современную систему правопорядка капиталистического общества.

Основной тезис, состоит в том, что изменения, описанные в работе М. Фуко «Надзирать и наказывать», происходившие в сфере права в национальных средневековых государствах Западной Европы при переходе их к капиталистической системе права, с задержкой более 300 лет с определенными оговорками будут происходить в системе мировой международной власти сегодня. В главе II «Взрыв мучений», посвященной «самой мрачной стороне средневекового правосудия», М. Фуко дает следующую характеристику основным компонентам механизма средневековой власти, основанной на саддужейской тирании и контроле над насилием с помощью силы [18]:

«ВЛАСТЬ»:

- настойчивость, с которой средневековая Фемида терзает тело обвиняемого даже после его смерти и жестокость производимой над его телом экзекуции поражает воображение;
- кара носит символический и наглядный характер, наказание по форме строго соответствует преступлению: богохульникам отрезают язык, убийцам руку, поджигателей сжигают на костре;
- процедура исполнения приговора, которая является одновременно и процедурой продолжающегося дознания, насквозь театрализована, а вся система правосудия представляет собой аналог мук, переживаемых грешником на Страшном суде на «том свете»; обвинение, судья, палач — исполнители власти Бога на земле;
- каждая деталь в поведении казнимого имеет значение: кто переносит страдания со смирением — мученик, который не будет после смерти отвергнут Богом; кто с яростью — преступник, заслуживающий еще более жестокой экзекуции, сравнимой с муками ада;
- все крики, движения тела, продолжительность агонии имеют свой особый символический смысл; истина проявляет себя в самом характере страдания: легкий конец — невиновен, поскольку ему об-

легчает страдание Бог; тяжелый — подтверждение злодейства и одновременно кара Божья за совершенное преступление;

- каждая жертва правосудия — камень в фундамент государства: не имеет значения, виновен или нет на самом деле истязуемый, важна демонстрация ВЛАСТИ монарха над своими подданными и написание всем грешным на земле, что Бог знает об их грехах всё и в любой момент руками монархического правосудия они получают за них свою кару.

«ЗНАНИЕ»:

- суд не стремится наказать злодея по справедливости, ему важно сломить волю (гордыню) обвиняемого и получить от него самого признание; по этой причине дознание продолжается, даже тогда, когда оно располагает всеми необходимыми доказательствами о невиновности обвиняемого;
- дознание и суд исходят из того, что подозреваемый вообще не может быть невиновным: если бы это было так, Бог не допустил бы, чтобы он попал на скамью подсудимых; а, поскольку безгрешных перед Богом людей нет, то презумпция невиновности теряет всякий смысл;
- признание невиновного, сделанное им под пыткой, интерпретируется как кара Бога за еще несовершенные, но вполне возможные преступления;
- средневековая правоохранительная система рассматривает государство, как семью, а любое преступление — как мятеж против ее отца; самым большим преступниками считаются: убийцы, присвоившие себе право Бога лишать жизни других людей, лица, покусившиеся на авторитет церкви, и бунтари, позволившие себе бросить вызов освященной Богом монархической власти.

Не трудно за приведенными выше особенностями правоохранительной системы средневекового государства, увидеть черты, основанной на силе нынешней системе глобальной власти. В основе ныне действующего механизма мировой власти лежит демонстративная экзекуция над непокорными народами и государствами, осуществляемая с помощью, как правило, коалиционных вооруженных сил, с публичной демонстрацией осуществляемой «порки» по всем СМИ с целью доказательства полной несостоятельности попыток сопротивления воле единственного мирового «Суверена» в лице США. При этом со-

вершенно неважно виновно в чем-либо или невиновно обвиняемое государство, важно только то, что оно либо покусилось на право США навязывать свою волю всем другим государствам мира, либо подвергло сомнению саму систему ценностей, на которых построена западная система миропорядка. А потому любая агрессия коалиционных сил НАТО и США с множеством человеческих жертв — «камень в фундамент действующей системы мировой власти».

По мнению М. Фуко, изменения, происходившие в системе государственной власти при переходе его от феодализма к капитализму, были направлены на повышение эффективности управления деятельности правоохранительного аппарата. Они были направлены, с одной стороны, на совершенствование системы надзор за деятельностью подданных («ЗНАНИЯ»), а, с другой, обеспечить своевременное и точно выверенное правовое воздействие в отношении подданных, совершивших или пытающихся совершить то или иное правонарушение («ВЛАСТИ»).

Старая правоохранительная система, отождествляемая с волей монарха, считает М. Фуко, была крайне неэффективна, громоздка, раздута, раздроблена. Неразбериха усугублялась вмешательством в работу правосудия со стороны элитарных слоев. При всем своем показательном зверстве, отмечает М. Фуко, она была «удивительно беспомощна перед массовым разгулом преступности», что являлось условием существования целых деклассированных социальных слоев, прежде всего, городского населения, названного им *«пространством терпимого беззакония»* [18]. Неэффективность и дороговизна аппарата средневекового правосудия не способного справиться с растущим «пространством терпимого беззакония», требовали его замены новым — надежным и экономичным. Наиболее заинтересованным в создании новой правоохранительной системы, считает М. Фуко, была нарождающаяся буржуазия. Ее заинтересованность в создании новой правоохранительной системы была обусловлена тем, что с развитием товарно-денежных отношений меняется состав и структура преступлений. Становится значительно меньше грабежей, убийств, серьезных посягательств на теряющую авторитет церковь и монархическую власть, но наблюдается значительный рост финансовых махинаций и других посягательств на частную собственность. Традиционная средневековая правоохранительная система с массовыми имущественными правоотношениями справиться была не способна.

По аналогичным причинам и современная международная правоохранительная система мировой власти в условиях набирающей силу глобализации начинает во все меньшей справляться с растущим потоком правонарушений в сфере международной собственности. Наиболее заинтересованным субъектом процесса трансформации механизма мировой власти является крупный транснациональный капитал, стремящийся максимальной степени оградить свой бизнес от посягательств со стороны правительств национальных государств и конкурентов национального бизнеса.

Следуя взглядам М. Фуко, изменению прежней системы мировой власти, будет предшествовать изменение модели глобального общественного устройства. Новая модель глобальной власти в отличие от прежней традиционной «средневековой» саддукейской модели власти, опиравшейся на метафору семьи в лице главы централизованного наднационального государства, будет опираться на фарисейскую модель власти, основанную на так называемом «общественном договоре». Общественный договор исключает апелляцию к высшему моральному авторитету в семье — главе Мирового правительства. Основу новая фарисейской модели власти будет составлять модель социального обмена (рынка), в котором его участники для поддержания общественного единства, должны будут что-то отдавать мировому сообществу, и взамен будут что-то от него получать. В новой системе мировой власти преступлением будет все, что нарушает установленные теневыми структурами реальных Властителей Мира правила социального обмена. Магия и мистика планетарного целого, основанные на религиозном чувстве любви к Богу, с одной стороны, и уважение и авторитет к саддукейской мировой централизованной власти, в лице его главного нынешнего светского попечителя — США, с другой, окончательно исчезнут. Останется только рациональный подсчет полученных от сделок с мировым обществом доходов и трат. При этом, предположительно, после того, как в результате своих агрессивных деструктивных действий, США ввергнут Мир в повсеместно тлеющий, регулярно вспыхивающий хаос, они начнут стремительно терять свою военную и экономическую мощь. Окончательная утрата США своего морального авторитет приведет к тому, что они прекратят свое существование в прежних государственных границах. В результате центр мировой власти изменит свою территориальную привязку [15, 19].

В свою очередь, неизбежный рост массовой экономической преступности, вызванной нищетой тех народов и государств, которые

не вошли в «золотой миллиард», а потому будут подвергнуты целенаправленной насильственной хаотизации, вызовет волну организованного международного криминала. Это потребует от будущей системы мировой власти, с одной стороны, большей терпимости к отдельным международным правонарушениям, но при этом меньшей терпимости к международной преступности. Наряду с этим, это потребует от нее также большей систематичности и регулярности [18].

Большая терпимость системы будущей международной власти к отдельным международным правонарушениям означает, прежде всего, смягчение каждого отдельного акта наказания. Смягчение наказания в новой мировой системе власти, следуя М. Фуко, будет идти по двум направлениям.

Первое направление, состоит в том, что из наказания непокорных народов и государств постепенно будет устраняться момент военно-силового мучительства, вызывающего к ним жалость и сострадание у мирового сообщества, с одной стороны, и ненависть к власти, осуществляющей правосудие и исполняющей наказание, с другой. Инструментом истязания и казни в этом случае, будет все больше становиться не аналог палача, в лице контингента регулярных войск, а аналог гильотины, в лице иррегулярных карательных воинских формирований, вооруженных криминальных структур, действующих неангажированно, профессионально и оперативно, а также геофизического, климатического, организационного, психологического и иного оружия массового поражения, работающего на новых физических принципах. Использование такой наднациональной «гильотины», обеспечивает не только необходимый «воспитательный» эффект, но при этом не позволяет однозначно идентифицировать ее с действиями того или иного органа мировой власти.

Второе направление связано с «обесцвечиванием» проводимой экзекуции. «Обесцвечивание» проводимой в отношении народов и стран карающей экзекуции направлено на то, чтобы с помощью международных СМИ превратить ее из драматического спектакля, в часть тривиальной юридической процедуры. Снятие драматизма проводимой экзекуции с помощью международных СМИ состоит в представлении ими подвергаемых экзекуции народов в виде недочеловеков, грязных животных, мешающих нормально жить и процветать цивилизованным народам, а потому не имеющих права на жизнь. В результате экзекуция утрачивает сцену, избавляется от участливых зрителей, а мировое сообщество

шество из лучших побуждений начинает поддерживать правосудие не только посредством любования в СМИ видом страдания преступника, получающего по заслугам, но и посредством морального осуждения в Интернете и других публичных СМИ совершенного жертвой экзекуции преступления.

Меньшая терпимость к преступности, будет выражаться в том, что мировая власть будет использовать все имеющиеся у нее средства надзора («ЗНАНИЯ») и совершаемого правосудия («ВЛАСТИ») для достижения неотвратимости наказания и обеспечения его безусловной действенности. Неотвратимость наказания и его безусловная действенность позволит в полной мере устранить так называемую «область терпимого беззакония». Понимание того, что любое преступление будет раскрыто, а преступник получит достойное наказание, станет существенным фактором профилактики всех типов массовых преступлений, даже тех которые будут совершаться по причине безысходности своего существования.

В свою очередь, большая систематичность и регулярность применения мировой власти в борьбе с глобальным «пространством терпимого беззакония», возникшим в результате глобальной хаотизации мира, проводимого с целью переформатизации глобальной власти, следуя аналогии М. Фуко, будет достигаться в результате реализации следующих основных принципов [18]:

- *принципа минимальной выгоды*, состоящего в том, что если преступление в системе мировой власти, основанной на деньгах, совершается из-за выгоды, то его надо сделать невыгодным; этот тезис в полной мере подтверждает «война санкций», которую в настоящее время проводят в отношении России США и их «вассалы» [19] после присоединения к ей Крыма и украинского кризиса;
- *принципа идеальности*, состоящего в том, что для предотвращения преступления достаточно яркого представления о следующем за преступление наказании; решению этой задачи будет служить вся мощь международных СМИ, которые с помощью, прежде всего, кино и Интернета будут будить фантазию и осуществлять скрытое внушение запретов той или иной деятельности;
- *принципа точной калькуляции*, состоящего в том, что каждое назначаемое за преступление наказание должно быть точно выверено скалькулировано по финансовым затратам и социальным последствиям;

- *принципа обоснованности вины и наказания*, согласно которому юридическое доказательство не должно апеллировать к эмоциям и морали, должно строиться на универсальных законах логики и разума;
- *принципа рациональной классификации*, состоящего в том, что все преступления и типы преступников должны быть строго классифицированы и точно описаны;
- *принципа смещения объекта воздействия с «физического тела» в сферу индивидуального и коллективного психического*, где особое место займут «ментальные знаки-предупреждения», внедренные в психику и сознание человека, которые заменят «пыточные отметены» на физическом теле, которые должны стать объектами систематического надзора и своевременной целенаправленной коррекции;
- *принципа превентивности и коррекционности*, который означает, что будущая система мировой власти должна, во-первых, воздействовать на индивидуальное и массовое сознание народов и государств, задолго до того, как у кого-либо из них возникнет мысль или побуждение совершить преступление, а, во-вторых, формируемое ею превентивное воздействие должно носить эффективный действенный характер.

По мнению М. Фуко, формирование новой государственной власти началось на рубеже XIV—XV веков. Этот период характеризовался расцветом эпохи Возрождения. Перед государствами Европы возникла возможность выбора одного из двух типов механизма государственной власти: первый тип власти М. Фуко назвал «*превентивно-коррекционно-просветительским*», а, второй, соответственно, «*превентивно-коррекционно-утилитарным*».

Особенность «*превентивно-коррекционно-просветительского*» механизма государственной власти состоит в том, что он ориентирован на всестороннее развитие и актуализацию всех потенциальных возможностей человека. «*Превентивно-коррекционно-просветительский*» механизм государственной власти мог быть двух типов. Первый тип «*превентивно-коррекционно-просветительский*» механизм государственной власти был ориентирован на развитие духовно-нравственной сферы человеческой личности, второй тип, соответственно, на развитие ее ментальной сферы. В свою очередь, особенность «*превентивно-коррекционно-утилитарного*» механизма власти основывалась на дрессуре, осуществляемой с помощью системы «тренировочных упражнений»,

сопровожаемых «ударами хлыста», с помощью которых достигается формирование психических автоматизмов, обеспечивающих немедленное, беспрекословное бессознательное подчинение и точное исполнение поставленных перед человеком, подвергаемым дрессуре, практических задач.

Анализируя совершенный Европой выбор, М. Фуко пишет: «Перед нами три технологии власти. Одна отмирает. Другая не прижилась. Третья оказывается в русле социально-экономического развития европейской цивилизации» [18].

Понятно, что, говоря об «отмирающей технологии власти», М. Фуко имеет в виду «*превентивно-коррекционно-просветительский*» механизм государственной власти, ориентированный на развитие духовно-нравственной сферы человека, связанный с развитием у него чувственной и сверхчувственной интуиции [19]. Под механизмом государственной власти, который «не прижился», он понимает «*превентивно-коррекционно-просветительский*» механизм власти, ориентированный на развитие ментальной сферы человека, связанный с развитием у него мышления, аналитических способностей и памяти. Наконец, механизм государственной власти, который «оказался в русле социально-экономического развития европейской цивилизации», он отождествляет с «*превентивно-коррекционно-утилитарным*» механизмом государственной власти, ориентированным на развитие психофизической сферы человека.

Выбор западной цивилизацией на рубеже XIV—XV веков «превентивно-коррекционно-утилитарного» механизма власти, требовал создания соответствующей инфраструктуры. По мнению М. Фуко, главным элементом такой инфраструктуры стала тюрьма. На ранних этапах развития «превентивно-коррекционно-утилитарного» механизма государственной власти в Западной Европе лишение свободы, универсальным средством наказания не являлось. Уже в начале XIX века тюрьма стала главным и по существу единственным наказанием за все уголовные преступления, не предусматривавшие смертной казни. Первоначально, она соединяла в себе суровую дисциплину и наставления в духе протестантской морали. Позже из «аппарата коррекции» были исключены обязательные нравственные наставления. В итоге осталась одна система жесткой нормировки и дрессуры, с помощью которой заключенный с помощью психологического насилия принуждался к навыкам, которые заучивались им до автоматизма.

Тюрьма, по мнению М. Фуко, стала подлинной лабораторией знаний о человеке в новое время. Тюрьма позволяла создавать условия для сбора информации и проведения экспериментов с человеческой психикой. В тюрьме человек искусственно изолируется, прежде всего, от связей *по горизонтали*, которые в естественных условиях его обитания не поддаются контролю и изучению. Вместо этого резко усиливаются вертикальные, собственно властные и дисциплинирующие отношения. Поскольку в тюрьме главное — принудительная нормализация поведения, то труд в ней не имеет экономического характера, то он полностью подчинен дисциплинарной задаче (дрессуре). Пребывание осужденного в исправительном учреждении и подвержение его интенсивной дрессуре, перестает рассматриваться как наказание за злодеяние. Оно превращается в инструмент интенсивной корректировки его личности.

М. Фуко, рассматривает инфраструктуру механизма «превентивно-коррекционно-утилитарной» власти достаточно широко. К ней, помимо тюрьмы, он относит все институты государственной власти, которые тем или иным способом осуществляют систематическую регламентацию поведения людей. Целью превентивно-коррекционно-утилитарного механизма государственной власти, считает М. Фуко, является реализация известного антропологического проекта Ламетри, разработанного совместными усилиями власти и позитивной науки, направленного на превращение человека в придаток машины. В соответствии с этим, механизм «превентивно-коррекционно-утилитарной» власти используется для решения задачи механистической редукции души с помощью систематической и целенаправленной дрессуры человеческого тела. В результате целенаправленной дрессуры тела, происходит механистическая редукция души человека. Редукция души связана с формированием у подвергаемого дрессуре свойства «послушания» и «дисциплины». Под «послушанием» М. Фуко понимает готовность человека беспрекословно, по первому требованию выполнить обращенное к нему требование начальствующей особы. В свою очередь, дисциплину он рассматривает, как способность человека без дополнительного контроля самостоятельно и систематически решать поставленные ему задачи. Послушание и дисциплина проникают во все элементы культуры. Они внедряются в сознание человека с помощью таких институтов государства, как армия, школа, больница, мануфактура, тюрьма и др. Дисциплина проникает на бессознательном уровне в индивида столь глубоко, что становится основой его личности.

В свою очередь, проникая в экономику, в государственное управление, армию, в воспитание в другие сферы жизни государства и общества, *дисциплина* вытесняет оттуда старую технологию власти, основанную на страхе применения в отношении его силы. По причине своей универсальности, эффективности и дешевизны она становится ее атрибутом жизни западного общества и государства. Выступая в роли «мягкого», гуманного воздействия, послушание и дисциплина устраняют расточительные повадки прежней системы власти в обращении с «человеческим материалом». И в тоже время, благодаря ей, удастся включить огромные массы людей в эффективное совместное производство и необходимые государственной власти социальные связи и отношения.

К элементам дрессуры, используемым в *«превентивно-коррекционно-утилитарном»* механизме государственной власти, М. Фуко относит его три базовых элемента: *«надзор»*, *«нормализующую санкцию»* и *«изучение»*. В новом механизме государственной власти *надзор* должен осуществляться постоянно, везде и всеми. Постоянный и тотальный надзор должен действовать на предприятии, в школе, в армии, в больнице, дома, в общественных местах и др. Могущество государства определяться тем, насколько оно все видит и знает! Для тотального надзора в *«превентивно-коррекционно-утилитарном»* механизме государственной власти создается всеохватывающая анонимная сеть осведомителей, которая инициативно и работает как хорошо отлаженная машина тотального доносительства, которое всячески поощряется. В ее интересах создается и действует глобальная система контроля над поведением людей с помощью контроля всех телефонных переговоров, почты и социальных сетей в Интернет, тотального подслушивания и подглядывания др., о чем год назад поведал бывший агент специальных служб США Сноуден.

Вторым основным элементом дрессуры является наказание. Действуя, с помощью силы, денег или, апеллируя к совести, наказание в новом механизме власти осуществляет ликвидацию отклонений и сбой в деятельности *личности, общества или государства*. Благодаря корректирующей функции наказание приобретает характер нормализующих санкций. *Нормализующая санкция* отличается от других санкций тем, что, во-первых, носит постоянный, систематический характер. Вторая отличительная черта *нормализующей санкции* состоит в том, что она реализуется с помощью непрерывных микропорциций за опоздания,

промедления, небрежность и др. Все санкции строго калькулируются и имеют точный эквивалент, выраженный в премиальных деньгах и штрафах. Нормализующая санкция действует в самой толще социальной ткани и воспринимается как естественное проявление человеческого общежития, осуществляемого в форме взаимного контроля и доносительства.

Третьим обязательным элементом дрессуры в *новом «превентивно-коррекционно-утилитарном» механизме власти является «изучение»*. «Изучение» М. Фуко рассматривает, как функцию сопоставления результатов надзора с нормативными требованиями и выработку необходимых нормализующих санкций. Изучение принимает форму постоянного экзамена («examen»). Экзамен, в составе дрессуры, имеет несколько предназначений. С помощью экзамена, государственная власть объективирует себя для индивида, показывая, что тот находится под ее постоянным надзором. Экзамен переводит экзаменуемого в мир документации и классификации, описывая его по определенным правилам. С помощью экзамена личная жизнь человека превращается в информацию о человеке, помещаемую в его личное дело. В архиве, куда попадают данные проводимых экзаменов, кипит постоянная работа по кодификации и формализации индивида. Архив состоит из «досье». В них «летопись» жизни всех государственных служащих, всех преступников, всех сумасшедших и др. «Летопись» жизни каждого смертного будет вестись в архиве так же тщательно, как раньше велись исторические хроники королей и аристократии. В них будет содержаться перечень поступков, описание допущенных правонарушений, интересов, страстей, пороков, а также предпринятых в отношении человека санкций и поощрений, которые будут перемежаться с научными характеристиками его психики, параметрами организма, физическими и психическими патологиями, психическими травмами и др. Досье позволяют шантажировать и манипулировать поведением всех несогласных. Хранимые в индивидуальном досье данные дадут огромный материал для исследований, проводимых гуманитарными науками, позволят исследовать генеалогию развития личности каждого человека, общества и государства в целом. Вместе с тем, знания, добытые с помощью тотального надзора, могут использоваться не только для повышения качества дрессуры и превращения человека в придаток машины, но и для развития его духовно-нравственных и ментальных качеств.

Возвращаясь к сформулированному ранее тезису о существующей аналогии между процессами, происходившими более 300 лет назад в системе власти национальных государств Западной Европы при переходе от феодализма к капитализму, и процессами, которые будут происходить в механизме мировой власти в XXI веке, можно утверждать, что находящийся у рычагов мировой власти Запад будет всеми силами, в том числе и военными, стремиться навязать Миру свой *«превентивно-коррекционно-утилитарный»* миропорядок. Если это произойдет, Человечество ждет планетарная катастрофа, связанная, либо с безжалостным садизмом, направленным на уничтожение «всех всеми», либо с превращением Человечества в придаток машины, что станет причиной его гибели от уже мазохистского отношения к самому себе.

В том случае, если Человечество сумеет понять, какая судьба уготовлена ему в случае навязывания ему *«превентивно-коррекционно-утилитарного»* механизма мировой власти, то борьба развернется за установление сначала *«превентивно-коррекционно-просветительского»* механизма мировой власти, ориентированного на развитие ментальной сферы человека, а затем и *«превентивно-коррекционно-просветительского»* механизма мировой власти, ориентированного на развитие его духовно-нравственной сферы. Этот новый механизм мировой власти будет, но уже на новом уровне возвратом также к религиозному чувству, позволяющему с помощью мистической интуиции познавать Мир и на этой основе участвовать в реализации в нем своей исторической миссии.

Не вызывает сомнения, что каждый из указанных механизмов мировой власти, между которыми будет происходить борьба за планетарное будущее в XXI веке, будет покоиться на своем социокультурном фундаменте, своей метафизической доктрине, своем типе контроля над насилием, а также на своей саддукейской, фарисейской или есеейской форме управления.

Понимание этих особенностей этой борьбы, а также учет факторов, способных повлиять на ее ход и исход, прежде всего, использование глобальной властью передовых информационных и коммуникационных технологий, позволит военно-политическому руководству России стать влиятельным субъектом мировой истории, участвовать в становлении *«превентивно-коррекционно-просветительского»* механизма мировой власти, ориентированного на развитие духовно-нравственной сферы человека.

Литература

1. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. — М.: Центрополиграф, 1995. — 461 с.
2. Россия и Запад: Что разделяет? Материалы научного семинара. Выпуск № 7. М.: Научный эксперт, 2009. — 160 с.
3. Сергеев Н.А. Моделирование и оценка эффективности технического обеспечения. Ч. I. Концептуальные основы разработки системы военной безопасности Российской Федерации в новых военно-политических условиях: Учебное пособие. — М.: ВА РВСН им Петра Великого, 2004. — 367 с.
4. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. — М.: Политиздат, 1992 — 543 с.
5. Ницше Ф. ВОЛЯ К ВЛАСТИ. Опыт переоценки всех ценностей / под ред. Г. Рачинского, Я. Бермана. — М.: ИПЧ «Жанна», 1994. — 363 с.
6. Ясперс К. Ницше и христианство/ перевод с нем. Г.Ю. Бородай. — М.: Московский философский фонд, Медиум, 1994. — 113 с.
7. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. — М.: Прогресс, 1992. — 405 с.
8. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М.: Республика, 1995. — 400 с.
9. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: Академический проект; Трикта, 2010. — 564 с.
10. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. — М.: Республика, 1995. — 383 с.
11. Ильин И. А. Основы христианской культуры. — Мюнхен, 1990. — 123 с.
12. Соловьев В. С. Россия и Вселенская церковь. — Фабула, 1991. — 448 с.
13. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психологии. — М.: ООО «Изд-во АСТ» и др., 2001. — 504 с.
14. ПьерТейяр де Шарден. Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
15. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. — М.: Международные отношения, 1993. — 273 с.
16. Шабанов А.А., Соколов К.Н. Сивков К.В. Духовная борьба. — М.: МГУ, 1997. — 318 с.
17. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — 496 с.
18. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — <http://slovari.yandex.ru/dict/postmodernism/article/pm1/pm1-0292.htm>
19. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы. — М.: Международные отношения, 1998. — 256 с.

ЮАР В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США В XXI ВЕКЕ

ЮАР — стратегический партнер США преимущественно в области безопасности и торговли. Обе страны делятся результатами своих достижений, и ЮАР, являясь одной из передовых стран, играет ключевую политическую и экономическую роль во всей Африке. Соединенные Штаты ищут возможности для развития двусторонней кооперации для решения региональных и международных вопросов. Южная Африка уже на протяжении нескольких десятилетий представляет особый интерес для многих стран мира, прежде всего, благодаря наличию огромных запасов минеральных ресурсов и полезных ископаемых. Соединенные Штаты стремятся укрепить свое военно-политическое влияние в ЮАР и реализовать амбициозные экономические цели главным образом ради получения энергоресурсов и минерального сырья, проявляя при этом наибольшую активность.

В текущем десятилетии позиции Соединенных Штатов в Африканском континенте, в том числе и в Южной Африке ущемляются отдельными азиатскими конкурентами — государствами с быстро развивающейся экономикой. Прежде всего, это Китай и Индия. Несмотря на то, что на данный момент США занимает лидирующее место в товарообороте с ЮАР, их доля постепенно сокращается ввиду увеличения торгового оборота африканских стран с Китаем. Кроме того, существует соперничество США и других новых игроков в Южной Африке, в Латинской Америке и с партнерами стран ЕС. Американские транснациональные корпорации непрерывно продолжают наращивать усилия с целью завладения новыми нефтяными месторождениями и другими источниками различных видов сырья по всему миру.

С 1960 года Правительство ЮАР преследовало политику доминирования белых над черными и политику расовой сегрегации (апартеид). После отмены апартеида и проведения демократических выборов в 1994 году, у обеих сторон возникла возможность для укрепления двусторонних отношений, и, начиная с этого года, ЮАР сделала огромные

шаги на пути преодоления кризиса ради процветания и демократии, встретив на своем пути множество трудностей, включая безработицу, СПИД, криминал и коррупцию.

Поддержка Соединенных Штатов Америки Южной Африке в основном заключалась в совершенствовании системы здравоохранения, росте образовательных стандартов и уровня квалификации преподавателей, поддержке систем сельского хозяйства для гарантии безопасности питания, развитии дополнительных источников энергии для их применения в условиях преодоления глобального изменения климата, усилении малого и среднего предпринимательства, развитии учебных и рабочих навыков, продвижении основного образования, борьбе с дискриминацией, и поощрении борьбы со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями и т. д.

Несомненно, особое уважение и признание американской ответственности и политики вызывает деятельность всемирно известного южноафриканского героя Нельсона Манделы. Во время судебного процесса в 1964 году Н. Мандела закончил свою речь следующим высказыванием «Я боролся против доминирования белых, и я боролся против доминирования чернокожих. Я питал надежды демократии и свободного общества, где все люди смогли бы жить в гармонии и обладали бы равными возможностями. Это и есть совершенство, которого я надеюсь достичь и воплотить в жизнь. Но если понадобится, я готов умереть ради этого». И совсем недавно, в декабре 2013 года, мир потерял одного из самых храбрых и ярких личностей, повлиявших на ход человеческой истории.

В июне 2012 года президент США Барак Обама выступил с заявлением об утверждении президентской политической директивы (Presidential Policy Directive — PAD), в которой намечены планы США в реализации своего внешнеполитического курса в Южноафриканском регионе. Цель директивы направлена на усиление безопасности и обороноспособности США благодаря систематической подготовке для противодействия угрозам, которые наносят огромный риск народу Америки, в том числе террористические атаки, кибератаки, пандемия, и природные катастрофы. Наша национальная готовность является ответственностью Правительства, частного и некоммерческого секторов и отдельных граждан. Каждый способен внести свой вклад в спасение нации от угроз.

С 2012 года США и ЮАР начали применять формализованный механизм для обсуждения вопросов сотрудничества, включая нераспро-

странение ядерного оружия, изменение климата, защита прав человека, помощь Ирану и Сирии, а также Зимбабве, Сомали, Судану и Южному Судану. Диалог под руководством рабочей группы по вопросам Африки является знаком общей приверженности в развитии двустороннего взаимодействия на межнациональном уровне. Так, например, доказательством этому могут служить Африканский Союз, Совет Безопасности ООН, Совет по правам человека ООН, Группа поставщиков ядерного оружия, Большая двадцатка и другие международные форумы и группы¹.

21 января 2014 пресс службой Белого дома было опубликовано сообщение о том, что США станет площадкой проведения саммита лидеров глав государств США и Африки, проведение которого планируется на 5 и 6 августа 2014 года в Вашингтоне. В сообщении говорилось о том, что президент Б. Обама «с позитивными видением будущего между двумя континентами приветствует всех лидеров всего африканского континента в «столице всех наций», с целью обсуждения назревших вопросов и укрепления отношений с одним из наиболее динамичных и быстроразвивающихся континентов»².

Барак Обама в своем выступлении в Кейптауне от 30 июня 2013 года подчеркнул его намерение пригласить глав государств южнее Сахары для того, чтобы «начать новый этап в американо-южноафриканских отношениях». В тот же момент из его уст прозвучало заявление о намерении провести саммит молодых африканских лидеров, которые в последующем смогут принять участие в инаугурационной корпоративной программе.

США и ЮАР являются членами таких международных организаций, как ООН, МВФ, МБ, Большая двадцатка и ВТО. Кроме того, ЮАР является ключевым партнером в Организации экономического сотрудничества и БРИК Вступление ЮАР в группу БРИКС в 2010 году не означает уменьшения роли США для неё. Об этом заявила на брифинге глава южноафриканского МИД Маите Нкоана-Машабане в преддверии визита президента США Барака Обамы. «БРИКС не работает в ущерб отношений с другими странами. Внешняя политика ЮАР — это открытая книга. Мы все время отстаиваем ее независимость», — сказала министр³.

Обе стороны осуществляют совместную деятельность по ряду вопросов регионального и мирового масштаба. Хотя страны и не всегда способны прийти к согласию по методам решения проблем, все же, они преследуют одинаковые цели.

Власти США и ЮАР в течение нескольких лет сотрудничали в борьбе с терроризмом, включая поиск на территории ЮАР убежищ, в которых могут скрываться исламистские военные и террористы, прибывшие из других стран африканских стран. В 1999 году южноафриканские власти арестовали Хальфана Хамиса Мохамеда, осужденного за подрыв здания американского посольства в Дар Эль Салааме и отправленного в США. По сообщениям г-н Хальфан в ЮАР нашел прикрытие в сообществе мусульман Кейптауна после того, как он сбежал из Танзании. Позже один из подозреваемых в подрыве здания в Лондоне — Харун Рашид Асват, который был арестован в Замбии, на протяжении некоторого времени скрывался на территории ЮАР. Эти факты свидетельствуют о том, что в ЮАР скрывается не одна банда террористов.

Дипломатическая миссия США в ЮАР тесно взаимодействует с южноафриканским правительством, гражданской общественностью и неправительственными организациями, также непосредственно с каждым гражданином в отдельности. По итогам двухнедельной акции по борьбе с жестокостью против женщин и детей, североамериканская миссия поддерживает следующие инициативы:

- Участие ЮАР в сотрудничестве с дипмиссией США над проектом «Африканский проект дочери» (FOTAD). Цель и будущее проекта состоит в предоставлении бесплатного образования для девушек, достигших возраста 12–19 лет, и прибывших из неразвитых районов, окраин и поселков.
- Волонтеры корпуса мира вели двухнедельную акцию борьбы с жестокостью против женщин и международный день борьбы со СПИДом, которые ежегодно проводятся в период с 25 ноября по 10 декабря для стимулирование мер социального, научного, медицинского, санитарно-гигиенического, противоэпидемического и культурного характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека. Для осуществления этих мер создаются специальные акции и кампании и др.

Несмотря на столь очевидную и многолетнюю взаимозависимость и полное взаимопонимание, немыслимо, но ЮАР возглавила антиамериканское сопротивление южноафриканских стран. Резкое обострение отношений между Южноафриканской республикой и Соединенными Штатами стало протестом против размещения Америкой своего Африканского военного командования на южноафриканском континенте.

Министр обороны ЮАР, господин Мосиуа Лекота во время выступления в Кейптауне заявил, что иностранным войскам не место на Черном континенте, особенно войскам США. Подобная смелость — открыто указать американцам их место — заслуживает несомненного уважения. США оправдывает свое присутствие на континенте тем, что оно будет ограничено лишь штабом АФРИКОМа. Однако это не сыграло никакой роли на мнение южноафриканского министра, воспитанного в духе демократии и в условиях апартеида.

Мосиуа Лекота заявил: «Большой приток американских войск в одну из стран континента может осложнить отношения между ними и не улучшит положение с безопасностью»⁴. При этом государства-участники Сообщества развития Юга Африки не намерены принимать американские войска на своей территории. И поэтому Пентагон вынужден был основать свою штаб-квартиру АФРИКОМа в Штутгарте.

Известно, что страны Африки южнее Сахары представляют собой богатый людскими и природными ресурсами регион, что нашло подтверждение в документе Конгресса, а южноафриканский континент обладает колоссальным экономическим потенциалом, и поэтому представляет немаловажное значение для США. Власти США и сами американские производители стремятся выйти на путь устранения тарифных барьеров, способствуют созданию зон свободной торговли, заполненную американскими товарами. Отмечается, что увеличение объема торговли и приток иностранных капиталов создают благоприятный деловой климат, который позволяет устранить любые существующие барьеры между США и ЮАР. Несмотря на то, что ЮАР не занимает лидирующей позиции во внешнеэкономических отношениях США со странами мира (исключение составляют энергоресурсы), американское руководство держит южноафриканский регион в поле зрения, руководствуясь лишь долгосрочными перспективными соображениями.

С 2009 год ЮАР приняла неоднократные визиты президента США Барака Обамы, тогдашнего премьер-министра Джона Байдена, первой леди Мишель Обамы и госсекретаря США Хиллари Клинтон. Тем самым отражая важность и взаимозависимость двух сторон в развитии и укреплении отношений. В 2010 году секретарь США Х. Клинтон и премьер-министр ЮАР Нкоана Машабане приступили к диалогу для улучшения взаимодействия в вопросах общей важности. В течение последних четырех лет были проведены многочисленные министер-

ские встречи и четыре ежегодных международных форума, в которых 14 функционировавших в них рабочих групп гарантировали уверенный прогресс в вопросах образования, энергетической политики, охраны окружающей среды.

К 2005 году США потребляли приблизительно четвертую часть мирового объёма нефтедобычи, и, подойдя к критическому уровню зависимости от импорта нефти, снизили свою долю в общемировой зависимости до 6,5 %. Что же вызывает наибольший интерес для Соединенных Штатов в ЮАР? Наибольший интерес представляют полезные ископаемые Африки, и, главное, запасы углеводородов. По прогнозам экспертов, мировой спрос на сырую нефть к 2030 году может вырасти до 99–115 млн баррелей в сутки по сравнению с 83,39 баррелей в сутки, зафиксированным в начале 2009 года, поэтому, несмотря на то, что США на 20% уменьшили нефтеёмкость, контроль над жидкими углеводородами для них крайне необходим. Последствия террористических актов 11 сентября 2001 года показали уязвимость США в энергетической сфере, и, кроме того, не застрахованность от возможных приостановок в импорте нефти и сжиженного природного газа из регионов Персидского залива и Ближнего Востока, которые до сих пор являются политически нестабильными⁵.

Американские транснациональные корпорации непрерывно продолжают наращивать усилия с целью завладения новыми нефтяными месторождениями и другими источниками различных видов сырья по всему миру. Финансирование геологоразведочных работ производится за счет госбюджета, несмотря на это, Правительство США в 2012 году увеличило ассигнования на 60–70%. В 2000 г. Конгресс США принял Закон о содействии Африканскому развитию (African Growth & Opportunity Act — АГОА), решением которого стало создание «Форума торгово-экономического сотрудничества США со странами Африки южнее Сахары». Американская администрация открыла в ЮАР региональный центр содействия повышению конкурентоспособности южноафриканских товаров на рынках США и на рынках других стран мира. Действия американского частного бизнеса в Южной Африке координируется Корпоративным советом по Африке, штаб-квартира которой находится в Вашингтоне. Она была создана в 1992 году и объединяет более чем 170 компании, то есть около 85% всех американских фирм, функционирующих в Африке. Американским инвесторам и экспортерам непосредственно оказывают поддержку следующие органы:

Министерство торговли, Министерство транспорта, Агентство по торговле и развитию, Министерство энергетики, Министерство сельского хозяйства.

После принятия первого Закона АГОА более 1600 новых наименований различных товаров и изделий из стран Южной Африки получили доступ на рынки США. По официальным данным, если в 2000 г. (до начала действия Закона АГОА) экспорт США в страны Южной Африки был равен приблизительно 5,6 млрд долл. (32,1% приходилось на транспортное оборудование, 12,9% — на продукцию электронной промышленности, 13,5% — на продовольствие и 12,6% — на химические препараты), а импорт — 23,2 млрд долл. (66% — нефть и нефтепродукты и 14,5% — минеральное сырье и металлы), то в 2001 г., когда Закон АГОА уже начал работать, экспорт США в страны Африки составил более 7 млрд долл., а импорт возрос до 25 млрд долл. (главным образом, за счет ввоза нефти и нефтепродуктов)⁶.

Если привести к сравнению данные, полученные за первую четверть 2013 года, то общий товарооборот США (экспорт и импорт) с ЮАР составил 16, 47 млрд долларов, что на 24% меньше, чем в 2012 году. По сравнению с незначительным ростом американского мирового экспорта (0,4%), экспорт США в Южную Африку увеличился на 27,8%, достигнув 6,39 миллиардов, при этом едва его значение достигло 0,02% от общего мирового экспорта США. За январь—февраль 2013 года АГОА импортировала в общем 6,93 млрд долларов, что на 21% меньше, чем за рассматриваемый период предыдущего года, в основном из-за 25% падения уровня импорта нефти⁷.

Закон АГОА и заложенные в него принципы, механизмы и процедуры создали благоприятные условия для товарообмена и обмена услугами США и ЮАР. По некоторым видам неэнергетического сырья (хром, марганец, платина, кобальт) на страны Африки приходится от 60 до почти 100% американского импорта. По хрому стопроцентная зависимость США от импорта существует с 1961 г., причем 98% сырья поступает из двух стран — ЮАР и Зимбабве.

В последнее десятилетие на африканском континенте было обнаружено более трети всех новых мировых нефтяных месторождений, добыча которых увеличилась в разы, основная концентрация которых приходится на Южную Африку. Кроме того, в начале 2006 года Африка поставляла США более 50 млн тонн сжиженного природного газа (СПГ) в год из 173 млн тонн, производимых в мире. Несмотря на то, что

ведущими поставщиками являлись Ангола и Нигерия, ЮАР продолжает вносить свой вклад в общее дело.

Зависимость США от южноафриканских энергоносителей, если сравнивать со странами ЕС, нельзя назвать критической. Так, например, к ним можно отнести, кобальт, хром, марганец. Первое США обеспечивает себе с 1971 года за счет импорта. А импортируемый южноафриканский марганец покрывает нехватку американских ресурсов и истощение его месторождений. На Южно-Африканскую Республику приходится приблизительно 39% всего американского импорта, при том, что общее африканское обеспечение США этим материалом равняется 50%. Хром также почти полностью импортируется США из Южной Африки еще с 1961 года. ЮАР и Зимбабве обеспечивают 98% потребностей США в хроме⁸.

Основа американской модели сотрудничества с Африкой — частное предпринимательство. Его координирует в странах континента Корпоративный совет по Африке (штаб-квартира в Вашингтоне), созданный в 1992 году Организация объединяет свыше 160 компаний. В неё входят такие гиганты как «Шеврон-Тексако», «Даймлер», «Крайслер», «Экссон-Мобил», «Лазар-Каплан», «Кока-Кола», «Боинг», «Нортроп-Грумман» и др.

Американский аппарат открыл в Африке четыре центра под названием «Центры содействия повышению конкурентоспособности товаров из африканских стран на рынках США и других стран мира», функционирующие под эгидой американского Агентства международного развития. Они были созданы для стимулирования двусторонней торговли и изучения потенциальных рынков сбыта продукции в рамках реализации АГОА. Деятельность центров финансируется в рамках программы американского президента для африканского развития и предпринимательства, которая действует с 2001 года. Для расширения торгово-экономического двустороннего сотрудничества США с ЮАР особую поддержку оказывают такие государственные учреждения, как Министерство торговли, Экспортно-импортный банк, Отделение торгового представителя США, Корпорация частных зарубежных инвестиций, а также Агентство по торговле и развитию.

Для тридцати восьми африканских государств, расположенных южнее Сахары, согласно закону «Об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки» предусматривается отмена ввозных пошлин в Соединенные Штаты по более чем 600 тыс. товарных позиций в торговле.

Африканские страны, получатели льгот АГОА, должны руководствоваться принципом соблюдения закона, защиты интеллектуальной собственности и участия в борьбе с коррупцией. Кроме того, необходимо следовать духу трудового законодательства, соблюдать человеческие права, а также проводить курс на искоренение бедности. США оказались единственной страной западного мира, которая ежегодно продолжает увеличивать импорт товаров из стран Африки примерно на 5–6 % благодаря существованию АГОА. Закон дает возможность президенту США оказывать странам Африки содействие в развитии торговли и предоставлять техническую помощь.

Общая торговая номенклатура экспорта и импорта товаров и услуг между США и всеми странами африканского континента за истекшее десятилетие почти не изменилась. США экспортировали в африканский континент продукцию с высокой добавленной стоимостью (двигатели, комплектующие, нефтепродукты, оборудование и электронику), а импортировали в основном сырьё. Заметно увеличился уровень импорта товаров из ЮАР в США, и в целом общий товарооборот.

За прошедшее десятилетие импорт не нефтяной продукции в США из ЮАР также увеличился в два с лишним раза — 3 млн долл. В 2009 г. было зафиксировано значительное увеличение поставок на американский рынок одежды, овощей, орехов, обуви, срезанных цветов и другой продукции. Таким образом, за последние десять лет наметилась определенная диверсификация структуры американского импорта из Южной Африки, осуществляемого беспопылинно. Расширяющимися статьями американского импорта становятся также различные виды южноафриканской сельскохозяйственной продукции. Кроме этого, благодаря принятию АГОА и его реализации на практике, африканцы смогли диверсифицировать свой аграрный экспорт и существенно увеличить число рабочих мест.

Южно-Африканская Республика является одним из ключевых торговых партнеров Соединенных Штатов. В прошлом 2013 году двусторонний товарооборот достиг 21,8 млрд долл., что на 18 % выше по сравнению с показателем 2010 г. США является самым значимым и надежным партнером ЮАР и третьим по величине источником прямых зарубежных инвестиций (в 2013 году размер инвестиций достиг 8,56 млрд долл.)⁹.

В настоящее время две трети общего импорта аграрной продукции из Африки в США в большей степени поступает из трёх стран — ЮАР,

Республики Мадагаскар и Кот-Д'Ивуара. Импорт из двух последних стран заключается именно в наличии какао-бобов и тростника. Номенклатура экспорта из ЮАР более разнообразна, являясь основным поставщиком апельсинов в США, и кроме вышеперечисленного, включает вино, цитрусовые и другую продукцию.

Можно сделать вывод, что 10-летний период реализации Закона АГОА был достаточно успешным. Произошла определенная диверсификация структуры африканского экспорта, в результате которого ассортимент товаров обогатился за счёт ранее не экспортировавшейся в США из ЮАР продукции. Южно-Африканская Республика получила возможность производить промышленную продукцию в партнерстве с американскими транснациональными корпорациями и затем поставлять её беспошлинно в США.

Сильный удар по торговле США и ЮАР и другими южноафриканскими странами нанес глобальный экономический кризис. Однако даже без учёта влияния кризиса существуют другие проблемы на пути развития двусторонних торговых отношений.

Проблемы гуманитарных вопросов, в частности, в области здравоохранения имеют особое место в двусторонних отношениях США и ЮАР. Соединенные Штаты играют в этом вопросе непосредственную и весьма значимую роль. США обладает непоколебимой приверженностью проблемам южноафриканских жителей, страдающих ВИЧ/СПИД. ЮАР благодаря поддержке США и Чрезвычайной программы президента США по борьбе со СПИДом (PEPFAR) принимает меры для спасения более чем 2,4 млн человек от антиретровирусных болезней (СПИД) и спасения множества человеческих жизней, а также для увеличения общих экономических показателей.

С 2004 года благодаря Президентской программе президента США по борьбе со СПИДом было выделено более 4,2 млрд долларов для поддержки развития сферы обслуживания больных ВИЧ и СПИДом, включая 500 тысяч долл. только за 2012 г. Программа PEPFAR осуществила прямую финансовую поддержку существенной части медицинских учреждений ЮАР для улучшения качества медицинского обслуживания. В последние годы, в ходе существенного роста южноафриканской экономики благодаря политической приверженности общим идеям и проблемам, ЮАР возложила на себя огромную управленческую и финансовую функцию для решения данной проблемы, ежегодно инвестируя около 1,5 млрд долл. для борьбы с ВИЧ/СПИД¹⁰.

В 2009–2010 гг. Правительство США выделило 120 млн долл. для предотвращения оттока запасов антиретровирусных препаратов, а также для содействия сохранению их цен, поскольку выпуск жизненно необходимых препаратов был сокращен из-за введения новых условий поставок ресурсов, необходимых для их изготовления.

Благодаря усилиям двух стран были спасены сотни тысяч жизней, 6,8 млн лиц получили бесплатную консультацию и тестирование на наличие болезни, 720 тысяч беременных женщин имеют доступ к неотложной помощи, 1,7 млн граждан ЮАР получили помощь в лечении. Дальнейшая реализация плана в рамках партнерства усиливает обязательство двух сторон, в большей степени ЮАР, в продолжении борьбы со СПИДом, которая занимает одну из лидирующих позиций по количеству населения, страдающей этой болезнью.

США стремятся оказывать сильную поддержку в постепенном решении этой проблемы в течение последующих пяти лет. США и ЮАР основали Всемирный центр по раннему выявлению серьезных болезней совместно с Центром по контролю заболеваний и национальным институтом коммуникативных болезней, что является признаком глубокого и плодотворного взаимодействия в области здравоохранения. В большей степени благодаря увеличению доступа к получению медицинской помощи Южная Африка пережила заметное увеличение среднего уровня жизни за 6 лет — с 54 по показателям 2005 года до 60 лет в 2011 году¹¹.

Тесное партнерство с различными заинтересованными сторонами и посредниками является жизненно важным в достижении поставленных целей. Поэтому президентская программа по борьбе со СПИДом реализуется в партнерстве с национальными, региональными и местными правительствами, академическими институтами, неправительственными организациями, гражданским обществом и частным сектором Южной Африки и другими странами.

В 2009 году руководство, осуществляющее реализацию президентской программы помощи больным СПИДом, ввела в действие строгий план расходов (финансовый мониторинг) средств. Эти анализы показывают детальную информацию поступления средств, их начисления, стоимость медицинских услуг и регионы.

Кроме того, США имеет довольно прочные связи с ЮАР и в других сферах, деятельность и результаты которых имеют долгосрочные перспективы. Так например, в Йоханнесбурге действует Африканский

региональный медиа-центр, который является одним из филиалов Департамента США по связям с общественностью и функционирует с целью сохранения связей двух политиков и медиа экспертов со всего южноафриканского региона. Международный медиа-центр обязан работать в сотрудничестве со всеми медиа агентствами посольств США, которые расположены по всей Африке.

В компетенции южноафриканского медиа-центра входят организация и проведение интервью и медиа брифингов с официальными лицами США по вопросам региональной и многосторонней политики Южноафриканский медиа-центр также имеет возможность организации интервью с официальными лицами в Вашингтоне и с теми, кто находится с официальным визитом на территории ЮАР¹².

Несмотря на общую технологическую, экономическую развитость ЮАР и южноафриканской экономики, перед ней стоит огромная задача по борьбе с наркотиками и наркотрафиком, как часть осуществления национального плана 2012—2017 гг. Проект плана включает в себя данные потребления наркотических средств, темпы его распространения, а также показатели смертности.

Пограничный контроль имеет общую границу с шестью странами общей протяженностью 4,862 км, 10 международных аэропортов и восемь морских портов с хорошо развитой коммуникационной системой. Все эти факторы являются основными в определении ЮАР как страны с высокоразвитой инфраструктурой. Несмотря на все усилия для усиления таможенного контроля и безопасности, Южная Африка является центром нелегальных поставок героина, кокаина, химических препаратов, угрожающих здоровью, конопли и др.

ЮАР является непосредственным членом Конвенции объединенных наций по борьбе с наркотиками, а также аналогичного протокола о 1972 г. ЮАР также подписала конвенцию ООН по борьбе с коррупцией и конвенцию против транснациональной организованной преступности. У США и ЮАР также существует Соглашение о совместных действиях и усилиях по борьбе с наркоторговлей. Отдел по борьбе с международной наркоторговлей США поддерживает все усилия для реализации программы для женского населения ЮАР в партнерстве с Госсоветом ЮАР по борьбе с алкоголизмом и наркотиками (SANCA).

Нельзя обойти еще одну особенность Южной Африки, которая является проблемой глобального масштаба и которую США не мо-

гут обойти без внимания — ЮАР является поставщиком, транзитным пунктом и страной назначения для женщин, мужчин и детей, продаваемых в сексуальное рабство и для насильственного труда. В большинстве случаев, детей из бедной сельской местности в огромном количестве продают в развитые города, например, Дурбан, Кейптаун, Йоханнесбург.

Организации, которые участвуют в работорговле, отправляют своих так называемых «рекрутеров», являющихся обычно членами семьи, знакомыми, соседями, которым доверяют, в сельские районы. Представляясь в качестве агентства по найму персонала, скрытые работорговцы, заинтересованные в принудительном труде, размещают объявления о работе в местных средствах массовых информации, чтобы привлечь своих будущих жертв. Можно сделать вывод, что Правительство Южной Африки не выполняет минимум своих обязательств для предотвращения работорговли. Государственный законопроект против работорговли после долгих дискуссий так и не был принят, хотя правительство обещало принять соответствующий закон с 2008 года, чтобы он мог возыметь силу еще до проведения Кубка Мира по футболу в июне 2010.

В июне 2013 года госсекретарь США сообщил в своем выступлении в Белом Доме: «Когда мы оказываем помощь странам в поиске и преследовании торговцев людьми, мы усиливаем законные правила. Если же мы спасаем людей от эксплуатации, мы способствуем созданию стабильного и продуктивного общества. Если мы остановим это с самого начала, мы предотвратим злоупотребление насилием над теми, кто уже является жертвой столь жестокого и бесчеловечного преступления. Мы все заинтересованы в прекращении торговли людьми»¹³. Правительство США намерено в дальнейшем сотрудничать со своими южноафриканскими коллегами на правительственном и мировом уровнях для решения данного вопроса, которому не место в XXI веке. Что касается южноафриканского направления Соединенных Штатов в сфере образования, то оно занимает особое место в двусторонних отношениях, имея положительную динамику и, тем, самым, доказывая надежное партнерство США и ЮАР.

Приводя статистические данные, следует указать, что в 2012 году США выделили 7,5 млн долл. в программу инвестиционных возможностей, применяемых в школьном учебном процессе (School Capacity Innovation Program — SCIP), чтобы улучшить качество преподавания¹⁴.

Кроме того, Бюро по делам образования и культуры Государствен-

ного Департамента США предоставляет возможность преподавателям из Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, ЮАР, Ганы, Бразилии, Боливии, Эквадора и Сенегала пройти одну из лучших практик в США в области применения новейших технологий в классе общеобразовательной школы. Хотя и эта программа рассчитана на различные виды предметов, южноафриканская система образования нацелена на целенаправленную подготовку по таким предметам, как математика, естественные науки, социальные науки и преподавание английского языка. Эта программа практики преподавателей в США предусматривает в себе шестимесячный курс профессионального развития в одном из университетов США, включая курсовую работу и интенсивные тренинги на тему педагогических методов ведения занятий.

Исходя из всего вышеперечисленного, следует предположить, что администрация действующего президента США Б. Обамы намерена уделять больше внимания политике в отношении ЮАР. США имеют хорошо разработанную программу действий, и это сделано вполне сознательно, поскольку всевозрастающая мировая конкуренция за источники сырья и сферы приложения капитала заставляет американскую правящую элиту все чаще обращать свой взор на перспективные запасы сырья на Африканском континенте. Насколько администрация Обамы сумеет найти необходимые средства для финансирования продолжающихся обязательств, не говоря уже о новых, которые находятся на стадии планирования, покажет недалекое будущее.

¹ Danielle Langton U.S. Trade and Investment Relationship with Sub-Saharan Africa: The African Growth and Opportunity Act and Beyond [Electronic resource] // Congressional Research Service, October 2008 — Mode of access : <http://fpc.state.gov/documents/organization/112461.pdf>

² Interview with new US ambassador in South Africa Patrick Gaspard [Electronic resource]// US Embassy South Africa, Jan 2013 — Mode of access: URL: <http://southafrica.usembassy.gov/newsarchive/new-ambassador-keeps-eye-on-us-assets.html>

³ Вишневский М.Л.// Планы президента Обамы в отношении африканских стран /Вишневский М.Л.// США и Канада. — № 6, 2009 год. — С. 71

⁴ Балмасов ЮАР против США: чья возьмет? [Электронный ресурс]// RussiaintheWorld, март, 2014 — Режим доступа : <http://www.rlw.ru/theme19322.html>

⁵ Lauren Ploch Annual Report “South Africa: Current Issues and U.S. Relations Analyst in African Affairs” [Electronic resource] // White House Washington, May 20, 2009 — Mode of access: <http://www.state.gov/s/ct/rls/crt/2009/140883.htm>

- ⁶ Fact Sheet: Advancing U.S. — South African Cooperation [Electronic resource] // US Embassy South Africa, August 2013 — Mode of access: http://photos.state.gov/libraries/southafrica/231771/PDFs/fact-sheet_ussacooperation_20121109_rev2_001.pdf
- ⁷ U.J. Loucif U.S. Trade with sub-Saharan Africa [Electronic resource] // U.S. Department of Commerce International Trade Administration, Market Access & Compliance/Office of Africa, January-March 2013 — Mode of access: <http://trade.gov/agoa/pdf/Jan-Mar2013-US-SSA-Trade.pdf>
- ⁸ Lauren Ploch Africa Command: U.S. Strategic Interests and the Role of the U.S. Military in Africa [Electronic resource] // Congressional Research Service, Analyst in African Affairs January 5, 2009 — Mode of access: <https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/RL34003.pdf>
- ⁹ U.S. Secretary of Commerce Penny Pritzker Announces Energy Business Development Mission to South Africa [Electronic resource] // U.S. Department of Commerce, Office of the Secretary, January 22, 2014 — Mode of access: http://export.gov/southafrica/static/Africa%20Mission%20Press%20Release_Latest_eg_za_069343.pdf
- ¹⁰ Tenth Annual Report to Congress on PEPFAR [Electronic resource] // U.S. Diplomatic Mission to South Africa, January 2014 — Mode of access: <http://www.pepfar.gov/press/c61873.htm>
- ¹¹ Tenth Annual Report to Congress on PEPFAR [Electronic resource] // U.S. Diplomatic Mission to South Africa, January 2014 — Mode of access: <http://www.pepfar.gov/press/c61873.htm>
- ¹² African Growth and Opportunity Act (AGOA) Forum [Electronic resource] // United States Diplomatic Mission to South Africa/Addis Ababa, Ethiopia, August 9–13, 2013 — Mode of access: <http://southafrica.usembassy.gov/mediahub/africa-growth-and-opportunity-act-forum-2013.html>
- ¹³ John Kerry Remarks at the Annual Trafficking in Persons Report (TIP) Release [Electronic resource] / U.S. Department of State. Diplomacy in Action// Benjamin Franklin Room, Washington, DC, June 19, 2013 — Mode of access: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2013/06/210911.htm>
- ¹⁴ Teaching Excellence and Achievement Program [Electronic resource] // Educational Exchanges// United States Diplomatic Mission in South Africa — Mode of access: southafrica.usembassy.gov/ed_exchange_tea.html

В. И. Сегуру-Зайцев

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА — ПИК МОГУЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ ?

*К вопросу о проекте Большого Севера —
(кон)федерации трёх континентов: РФ—ЕС—США*

Стоящая перед нами задача заключается в том, чтобы посмотреть на события сегодняшнего и особенно завтрашнего дня в контексте глобального развития человечества.

Россия — это великая держава по следующим параметрам:

- территория,
- природные ресурсы,
- ядерное оружие,
- развитие человеческого потенциала — образование,
- пятый, свежий критерий — политическая воля лидеров.

Но, есть и антипараметр — это, разумеется, «экономика трубы». За исключением советского периода — из России продолжают вывозить ее природные ресурсы. Если 500 лет назад — это была пенька и мёд, то теперь — это нефть и газ.

Тем не менее, в Россию ее соседи верят: этим и объясняется создающийся вокруг неё Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), договор о котором подписан главами государств Белоруссии, Казахстана и РФ в Астане 29.05.2014. Однако в завтрашнем мире двух сверхдержав, США и Китая, и, особенно, послезавтра в мире с глобальной гегемонией Китая — одного Евразийского Союза нам не хватит. На фоне великого китайского соседа Россия одна не самодостаточна. Взять хотя бы десятикратную разницу в народонаселении. Плюс огромная в 4.209,3 км совместная граница. Это, безусловно, объективным образом отнимает ресурсы страны от экономического развития в пользу обороны.

Наше экономическое и технологическое отставание от Запада и от Китая заставляет подумать: мы, т.е. Евразийский Союз, за изоляционизм или мы интегрируемся с другими мировыми центрами силы. Речь идёт о близких нам цивилизационно, христианских и демократических, Европе и Северной Америке. Им придётся идти нам

навстречу по тем же причинам: глубокий спад и затяжной экономический кризис.

Особенность современной геополитики в том, что единая Европа, ведомая в первую очередь Германией, а также, Францией и отчасти Великобританией, — балансирующей между ЕС и США, — также стремится стать великой державой, как США и РФ. Хотя, до сих пор в решающих вопросах Евросоюз не выходит из-под опеки Соединённых Штатов. Вашингтон всё ещё старший брат для Брюсселя.

Таким образом, можно отметить, что недавно начавшееся третье тысячелетие и, особенно, XXI век характеризуются, на наш взгляд, главной тенденцией-трендом: континентальная, а затем и трансконтинентальная кристаллизация и консолидация мирового геополитического пространства.

Прекрасной иллюстрацией к этому служат союзы: Европейский, Евразийский, Африканский, арабо-мусульманские организации, НАФТА.

Этот тренд будет иметь следствием переход от нынешнего волатильно-однополярного мира, — с одной главной валютой: USD и одним международным языком: global English («глобальным» английским), — к супер-крупным взаимно конкурирующим блокам:

1. демократическая христианская (кон)федерация Большого Севера на базе трех континентов: ЕС, России и США,
2. Восточно-азиатский китайский блок,
3. Южно-азиатский индийский союз,
4. арабо-мусульманский мир,
5. Латинская Америка.

На сегодняшний день задача России — умелое балансирование между Западом и Китаем, имеющее целью понизить «акции» Запада для занятия лучших позиций в будущем Союзе трёх континентов, если считать Россию (Евразийский Союз) как целый континент, а Канаду как младшего собрата США в Северной Америке. Задача ЕС и США — это выживание в затяжном экономическом кризисе, особенно на фоне лучших позиций Китая, что в случае Евросоюза достижимо только в углублении интеграции вокруг франко-германского лидерства.

Умелое балансирование в нашем понимании как раз и допускает и, может быть, даже предполагает некоторое первоначальное сближение с Китаем. Найти бы только ту грань, перешагнув которую от сближения перейдём к простой зависимости, а затем и к необратимой зависимости от «великого и могучего» соседа.

Вот такую необратимую нашу зависимость от ЕС или даже от США представить себе трудно. Не те у них масштабы ...

Отрешение от авторитарных властных структур в последние два десятка лет происходит широким фронтом от Восточной Европы до арабского мира. Свободные народы, — близкие этнически, лингвистически и в целом цивилизационно, — еще охотнее пойдут на взаимное сближение. Тем более Россия и Европа, Европа и Северная Америка.

Неоценима в деле интеграции мирового геополитического пространства роль гражданского общества, общественности. В качестве весьма выразительного примера можно привести почти полтора века развивающееся в мире Движение за использование языка эсперанто, который единственный на сегодняшний день, кроме английского, может претендовать на звание «международного», даже если и **«миноритарного»** по отношению к **«мажоритарному»** коллеге. Пользователи языка эсперанто, эсперантисты, вносят реальный вклад в **создание взаимно солидарного глобального сообщества**.

Вот только не понятно, почему российское государство тратит многие миллионы на продвижение в нашей стране английского языка, как одного из ведущих инструментов глобальной гегемонии Соединённых Штатов, наряду с американским долларом и ядерным оружием? В то время как на развитие созданного в XIX веке нашим соотечественником Лазарем Марковичем Заменгофом международного языка эсперанто государство не тратит вообще ни копейки. Даже память основателя языка и выдающегося гуманиста Заменгофа в Москве, где он учился в Московском императорском университете, никак не увековечена!

А какой вклад в интеграционный тренд могут уже сейчас сделать элиты правящие и интеллектуальные? Зададимся конкретным вопросом: смогут ли Владимир Путин, Херман Ван Ромпей и Барак Обама стать новыми триумфирами-объединителями XXI века? Способны ли они пойти на этот выдающийся шаг?

Наш прогноз и сценарий движения к будущему — это отнюдь не «столкновение цивилизаций» по Сэмюэлю Хантингтону, а естественная в рыночной среде «конкуренция и сотрудничество цивилизаций». Что и закономерно. Никто ещё не смог опровергнуть того факта, что люди, в великом большинстве своём, сближаются по национальному признаку, а не вопреки ему.

Великий русский поэт Фёдор Тютчев, безусловно, прав, когда писал, что у России «особенная статья». Он именно поэтому прав потому, что он великий поэт.

Но вот с политологическим термином, с идеей об **«особом пути России»** можно бы и поспорить, если подразумевать при этом что только Россия имеет особый путь. А если ещё кто-то ?

Вот, что сказал, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, президент США Барак Обама 24.09.2013:

«I believe America is exceptional». Its ability to stand up for the interests of all is special¹. (**«Я верю, что Америка исключительна»**. Её способность стоять за интересы всех — особенна.)

Таким образом, можно сделать казалось бы, парадоксальный вывод, что Россия и Америка одинаково исключительны. И мы также готовы стоять за интересы других, порой даже в ущерб своим собственным интересам. Т.е. и мы, и Америка **одинаково заряжены мессианством**, что, видимо, можно понимать как один из признаков величия нации. И мы, и они готовы самоотверженно нести слово божие, слово партии, идеи коммунизма, революции, демократии и т.д. Т.е. мы «одной кровью».

Почему же при этом между нами порой всё ещё вражда ? Видимо старые представления о конкуренции двух сверхдержав, двух сверх-идеологий оказались значительно более живучи, нежели можно было предположить.

Если каждый народ имеет свой язык, свою культуру — то конечно у него и свой путь развития. И уж тем более свой путь есть у каждой великой нации. Т.е. можно смело сказать, что любая великая держава «исключительна».

Кроме того, как считает Александр Лукин (МГИМО), «...американским и европейским чиновникам ... необходимо научиться ставить себя на место Москвы»². От себя добавим, что и Москве необходимо периодически ставить себя на место Брюсселя и Вашингтона. Это азы психологии межличностной коммуникации. А межгосударственные отношения, как известно, копируют межличностные.

Pax Americana, т.е. мир по-американски, успешно вознёсшийся с распадом Советского Союза в 1991 г., спустя четверть века дал трещину.

Пятидневная война России за освобождение Южной Осетии и Абхазии от режима грузинского президента Михаила Саакашвили

8–12 августа 2008 г. ознаменовала начало конца однополярного мира. В свою очередь, всего три мирных дня в марте 2014 г., — когда 16-го числа состоялся Референдум о статусе Крыма, а 18-го числа — подписание Договора о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя, — ознаменовали завершение эпохи однополярного мира.

1991-й год — распад СССР, а 2014-й год — распад однополярного мира. Четверть века американского глобального лидерства идут к завершению. Выходит заря нового глобального лидера — Китая. Сейчас роль России заключается в уравнивании двух сверх-великих, занимая свою собственную позицию по многим мировым вопросам.

Да, абсолютная мощь США вроде бы не уменьшилась. Но зато мощь современной России находится на своей вершине. Власти США и ЕС вынуждены реагировать на почти первый случай со времени Второй мировой войны перехода какого-либо региона от одной страны к другой, формальное нарушение принципа «нерушимости границ». Они вводят санкции против РФ, которые не могут быть чрезмерными ввиду взаимосвязанности и взаимозависимости современной мировой экономики. Это ещё раз высвечивает силу сегодняшней России.

Вот именно сейчас, когда наши «акции» на максимуме и пришла пора осмотреться и подняться над текущими дрызгами с Западом. Вспомнить, что перспективный глобальный конкурент, как Запада, так и России — это поднимающийся Китай. Именно сейчас, когда мы сильны, и настал самый, что ни есть «момент истины». Момент, когда можно протянуть Западу руку партнёрства, когда можно предложить сближение и консолидацию в рамках Большого Севера: ЕАЭС/ЕАС—Европы—Северной Америки, т. е. главным образом РФ—ЕС—США, начиная с общей таможенной и визовой политики. В том числе мы можем заявить и вступление России в НАТО, что сразу ведёт к трансформации этой военно-политической структуры преимущественно в сторону борьбы с мировым и региональным терроризмом и с распространением ядерного оружия, что полезно как для России, так и для альянса.

Это и есть ответ на сакраментальный вопрос НАТО-скептиков: «Дружить против кого?», т. к. такая постановка вопроса не должна вызывать отторжения у наших великих соседей: Китая и Индии. К тому же, членство в НАТО для стран ЕС не мешает им иметь прекрасные отношения с КНР. Непонятно, почему Россия, вступив в НАТО, не сможет сохранить традиционно добрососедские, дружественные связи

с Китаем? Озвучить все эти предложения к Западу можно и нужно уже в этом 2014 г. Поскольку Вашингтон все еще является «старшим братом» Брюсселя, — понимаемого как столицы, как ЕС, так и НАТО, — то главные вопросы сотрудничества решаются между Москвой и Вашингтоном.

Post scriptum

Начавшаяся в конце апреля локальная гражданская война на Юго-Востоке Украины за счет нашествия в регион Национальной гвардии, — созданной, главным образом, из боевиков шовинистического «Право-го сектора», — и армейских частей украинского Минобороны показала крайне идеологизированное противостояние Киевско-Львовского режима с Юго-Востоком. Пророссийские сторонники федерализации Украины из Донецкой, Луганской и других областей Юго-Востока Украины («федералисты») противостоят крайне правым прозападным ультранационалистическим настроенным сторонникам унитарного централизованного государства («централисты») в борьбе за своё право полноценного официального использования родного русского языка как второго государственного и за своё право без Киева решать свои внутренние региональные вопросы.

Трагедия в Одессе 02.05.2014, — когда национал-экстремисты сожгли около полусотни одесситов, укрывшихся в Доме профсоюзов, — а также обстрелы и гибель многих мирных жителей в Славянске, Мариуполе и др. городах добавили ещё большей решимости Юго-Восточным регионам в борьбе за свои права. Кульминацией этого стали референдумы 11.05.2014 в Донецкой и Луганской областях, провозглашение в результате воли великого большинства населения их независимости и объединение этих двух регионов в новое государство Новороссия 24.05.2014.

Просьба этих регионов и Новороссии о принятии их в состав России пока не осуществима в силу целого ряда причин, но не исключается в будущем после утверждения конституции и демократически избранных органов власти Новороссии и, главное, стабилизации международного положения самой России.

В контексте сказанного можно отметить, что международное право претерпевает сейчас серьёзные пертурбации.

Первоначально оно предполагало взаимно пересекающиеся постулаты: право нации на самоопределение и одновременно суверени-

тет государства. Из второго пункта вытекают принципы территориальной целостности государства и нерушимости границ, которые были провозглашены, в частности, Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки 01.08.1975, подписанным главами 35 государств Европы, Северной Америки и Турции.

В последние годы XX столетия и в начале XXI от некоторых государств, в том числе от республик бывшего СССР, откололись территории, провозгласившие себя самостоятельными. Этот процесс получил сильный импульс после того как независимость провозгласил сербский край Косово, что было признано многими государствами Северной Америки, Евросоюза и др. Это было как мифологическое открытие ящика Пандоры. Все рассуждения Запада о том, что Косово — это особый, уникальный и неповторимый случай ничего не стоят, т. к. отсюда следовало бы, что косовские албанцы — это особая нация, имеющая право на особые привилегии. Такая постановка вопроса априори абсурдна, поэтому ясно, что и другие нации имеют право провозгласить независимость и суверенитет и, соответственно, быть признанными международным сообществом. В том числе Приднестровье, Крым, Новороссия и т. д. Признать или не признать новое независимое государство каждая страна решает самостоятельно.

В сложившихся международных обстоятельствах Россия имеет полное моральное право признавать любые новые независимые государства и уж тем более на просторах бывшего Советского Союза. Принимать или не принимать их в свой состав и когда это делать — это уже другой вопрос. Альтернативным вопросом повестки может быть не вступление в состав РФ, но вступление в Таможенный, а в будущем и в Евразийский экономический союз. Правда на это потребуются согласие остальных государств-членов этих международных организаций.

Т. к. Киевский Евро-майдановский режим плотно курируется американскими спецслужбами и покровительствуется официальным Вашингтоном и Брюсселем, то можно сделать вывод, что Запад всё ещё в плену иллюзий, что Россию и, в целом, русский мир можно тем или иным образом поставить на место. А именно, на место, в лучшем случае, младшего партнёра.

Эти надежды западной элиты никак не осуществимы. Да и сами рядовые жители Америки и Европы все меньше доверяют своим политикам, очерняющим Россию, чему способствует Российское информационное контрнаступление в виде телеканала «Russia Today» (RT) пр.

Поэтому, объективно, историческое примирение России с Западом никак не отменяется, хотя с учетом украинских реалий 2014 года, безусловно, откладывается на несколько лет. Дискуссию в обществе об этом, тем не менее, можно и нужно вести уже сейчас.

Неизбежным представляется, при любом исходе войны за Новороссию, попытки Киева вернуть себе Крым любым путем, даже вооружённым.

Тем более, что ситуация на Украине, наверняка, стабилизируется в ближайшие месяцы, пусть даже не в пользу Киевского режима, в том смысле, что новое государство Новороссия, вероятно, укрепитя. Правда в таком случае новоизбранный 25.05.2014 украинский президент Петр Алексеевич Порошенко, помимо сепаратизма, столкнется и с усилением позиций ультра-националистов. При этом ему придется быть «святей папы римского», т. е. правее правых.

Таинственное крушение Малазийского пассажирского Боинга 17.07.2014 только подлило горячего в пожар гражданской войны на Юго-Востоке Украины.

¹ EILPERIN Juliet. Obama tells other world leaders: 'I believe America is exceptional' — The Washington Post 2013—09—24. — <http://www.washingtonpost.com/blogs/post-politics/wp/2013/09/24/obama-tells-other-world-leaders-i-believe-america-is-exceptional/>

² LUKIN Alexander. What the Kremlin Is Thinking. Putin's Vision for Eurasia. — Foreign Affairs, США — 2014—07/08, pp.85...93, p 85. — <http://www.foreignaffairs.com/articles/141538/alexander-lukin/what-the-kremlin-is-thinking>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Итоги выборов в Верховную Раду подтвердили достоверность большинства опросов общественного мнения накануне голосования. Кроме того, выборы мэра Киева обозначили устойчивое влияние лидера партии «Удар» в столице страны. В то же время, оказалось минимальным влияние руководителей «Свободы» и «Правого сектора», которые неудачно сыграли на электоральном поле Украины. Между тем, не следует недооценивать всплеска ультраправых настроений и тенденций, которые подвижно перетекают от одного националистического лидера к другому. Роль собирателя всегда расколотого ультраправого дискурса на этот раз сыграл депутат Ляшко.

Традиционный украинский центризм приобрел ультраправый оттенок, сконструированный, в основном, зарубежными политтехнологами с устойчивыми антироссийскими предубеждениями.

Политический анализ накануне выборов дал неоднозначные результаты. Политические процессы в условиях нарастающих кризисных явлений привели к некоторой «перестройке» украинского политического мира. Недоучет объективных экономических изменений и субъективный фактор отсутствия политической воли привели к временному устранению части элиты «Партии регионов» из политического процесса. В итоге, во главе рейтинговых списков (по выборам Президента) были В. Кличко (19,6%), П. Порошенко (18,2%), С. Тигипко (13,5%)¹. С учетом роли Ю. Тимошенко первая тройка выглядела так: Ю. Тимошенко (15,5%), В. Кличко (14,2%), П. Порошенко (13,7%).

Стагнирующий политический процесс в соседнем государстве не привел к ожидаемому электоральному усилению экстремистов. «Правый сектор» во главе с Д. Ярошем по весенним рейтингам набирал 1,5% голосов, ВО «Свобода» О. Тягнибока — 4,8%. Экстремистские силы, появившись на первом плане в ходе уличных и баррикадных боев, были сильно дискредитированы применением насилия против гражданского населения и профашистскими лозунгами. Характерно, что ультра-

правые силы в первой пятерке символических политиков — лидеров Украины, так и не были представлены.

Картину устойчивых предпочтений на фоне развивающегося кризиса дает опрос июня 2011 г. в сравнении с мартом 2014 года². Тогда ситуация была следующая: В. Янукович — 15%, Ю. Тимошенко — 11%, А. Яценюк — 9%, С. Тигипко — 6%, пятое место делили П. Симоненко и В. Кличко — 4%. Ныне (речь идет о весне 2014 года) ситуация в первой пятерке лидеров такая: Ю. Тимошенко — 15,5%, В. Кличко — 14,2%, П. Порошенко — гуры олигарха на фоне исчезновения Януковича и рост популярности некоторых традиционных политиков выглядит как заполнение политического вакуума. Тем не менее, на Украине продолжает действовать неопопулистский тренд традиционной украинской политики, несколько разбавленный ультраправым революционаризмом.

Неопопулистская политика В. Януковича, которая на практике означала «отказ от политики в пользу технократических авторитарных программ»³ привела к взрыву политических страстей и к «новой революции». Необходимой гибкой стратегии «последовательного лавирования между Соединенными Штатами, Европейским Союзом и Россией»⁴ проведено не было. Начался новый этап поиска эффективности государственных институтов.

Одной из причин отставания Ю. Тимошенко в избирательном процессе является усталость электората от образа «принцессы Майдана», которая, тем не менее, не внесла никаких элементов в протестную политику, кроме твердого противостояния на площади. В итоге, олигархические группы поддержки, находившиеся в тени, стали выходить в первый ряд украинской политики. Петр Порошенко — самый политизированный украинский олигарх, на фоне усталости электората решил использовать свой шанс и получил рейтинговую поддержку избирателей, достаточную для претензии на победу.

Однако особенностью современного политического процесса на Украине стал его «прерывистый», взрывной характер. Правый фон украинской политики имеет тенденцию к перманентному бунту, но он сильно расколот и для него П. Порошенко является некоторой гарантией, поскольку сам связан с февральским переворотом. Левоцентристский тренд, долгое время представлявшийся Партией регионов и коммунистами, сейчас парализован, но его не надо сбрасывать со счетов. Проблема здесь в нелегитимности власти режима Яценюка—Турчинского, который организовал выборы и выдвинул П. Порошенко. Возникает проблема вы-

явления организатора нелегитимного государственного переворота, при этом и прямые, и косвенные данные говорят о причастности П. Порошенко к провоцированию неофашистского бунта. И в этом случае возникает задача найти людей, не причастных к захвату власти в феврале 2014 года. Такими кандидатами оказываются С. Тигипко и Ю. Тимошенко, которая находилась в заключении и осталась за скобками процесса.

Внутренние политические процессы и внешний фон событий на Украине формируют три сценария.

Украина единая и неделимая.

Украина — федеративное государство.

Распад Украины.

Первый сценарий «идеален» для нынешнего киевского режима, но он не учитывает фактор отсутствия в стране общенационального лидера. Этот сценарий заставляет элиты поддерживать П. Порошенко, который национальный идеал подменяет экономическим и обещает процветание всем украинцам. Недостаток связи с массами олигарх восполняет ультраправой конструкцией, «смонтированной» западными политтехнологами. Другим слабым моментом этого прогноза является отсутствие глубинной поддержки олигарха в регионах. Он просто стал «свежим» кандидатом в президенты, а безальтернативность могла и не сработать: он участвовал в политических играх и интригах всех предыдущих режимов и являлся одним из творцов застоя, обернувшегося неонацистским мятежом. Этот сценарий не учитывал интересов населения юго-востока Украины и консервировал ситуацию «кануна гражданской войны».

Определенное успокоение в политическую жизнь может внести федерализация Украины, но тогда выборы надо проводить заново, с новым раскладом сил и с новыми политиками. Однако в большой политике остались только олигархи, а выбор между ними — путь к «конкурентной» анархии и распаду государства.

Что касается распада Украины, то этот сценарий может быть вызван преследованием русскоязычного большинства в юго-восточной Украине и возможным возвращением легитимного президента В. Януковича в эти регионы. При этом, возможно, на правом берегу Днепра утвердятся не О. Тягнибок и Д. Ярош, а, скорее всего, Ю. Тимошенко с новым экстремистским политическим имиджем, сформировавшимся после тюремного заключения и февральского мятежа. В целом, последний сценарий нельзя исключать как по причине геополитических трудностей США и Запада на Ближнем Востоке, так и по причине продол-

жающейся рецессии в Европе, где обозначился политический тупик и стали очевидны пределы евроинтеграции.

Между тем, «нулевой вариант» легитимного урегулирования кризиса состоял в отмене выборов 25 мая, ликвидации неофашистского лагеря на Майдане, возвращении к власти легитимного президента В. Януковича (в духе соглашений 21 февраля) при сохранении на посту премьера одного из лидеров оппозиции как гаранта компромисса, и, наконец, проведение президентских выборов в предусмотренные конституцией сроки. В случае развития такого сценария возможно было формирование двух региональных коалиций (правоцентристской — главная составляющая — запад Украины и левоцентристской — главная составляющая — юго-восток страны). При этом, формирование органов власти после выборов должно было создать традицию политического равновесия — никаких экспериментов с продвижением чуждых тому или иному региону ценностей и численное равновесие региональных кадров на всех уровнях общеукраинской власти. Нулевой вариант маловероятен, поскольку сам феномен Майдана изначально был связан не с идеей демократии и политического равновесия, а с концептом несправедливого подчинения востока страны западу.

Проблемы Украины осложняются тем, что в стране стал развиваться ориентальный сценарий, напоминающий политические процессы в Египте, Ливии и Таиланде. К сожалению, в ряде регионов прослеживаются модели криминальной войны и феномен «отсутствующего» государства. Социальное расслоение, усугубленное кризисом региональных элит, в условиях ослабления центральной власти, накладывается на всемирный тренд агрессивных «демократизаций», по сути своей означающий в условиях Украины провоцирование классического «конфликта цивилизаций» как самой тяжелой формы современного конфликта. Забывшись в себе, олигархизированные элиты Украины стали напоминать своеобразные касты игроков, которые без изменения сути и смысла отыгрывали повторяющийся сценарий «политических качелей».

Не желая реального развития Украины и гражданского общества, западные агенты влияния навязали стране вместо гражданского общества квазисистему альтернативной власти путем мобилизации региональных ультраправых и неофашистов. Цель — превратить Украину в недееспособную обузу для российской экономики, в своеобразную «черную дыру», которая неспешно будет сводить к нулю известный экономический рост, наметившийся в современной России.

Для предотвращения превращения Украины в несостоявшееся государство необходимо прекратить «диалог глухих» и создать площадку для взаимодействия России с Западом по проблеме Украины. Может быть, диалог следует развивать в рамках G-20, ШОС и ООН, а также на двусторонней основе. Идеальный вариант — формирование новой системы регионального диалога, в которой ни одна страна не сможет навязать другой изначально несправедливые решения. При этом, Западу следует осознать, что отрезок истории, начавшийся в 1999 году бомбардировками Югославии, закончился, в международных отношениях перестает задавать тон идеология «превентивного удара» и односторонних уступок. Национальные интересы независимых государств должны быть защищены международным правом.

К сожалению, ныне разыгрывается самый негативный сценарий раскола страны. Олигархическая система, не сумев институализировать свою власть, последовательно втягивает свою страну в ситуацию бесконечного режима чрезвычайного положения. Под знаком ситуации гражданской войны или ее кануна легитимизируется власть олигархии, которая выходит из тени и создает свою систему периферийного капитализма, зависимого от американской метрополии. Проблема состоит в том, что в Европейском Союзе, куда стремится «новая Украина», возникает самый серьезный вакуум власти после его возникновения: евроскептики отказываются следовать традиционным курсом на укрепление наднациональных институтов. Возникает угроза полного подчинения европейской политики американским интересам, причем украинский кризисный тренд выступает катализатором усиления американского влияния в Европе.

¹ Украинская весна. Мониторинг общественного мнения населения Украины. Результаты мониторинговых опросов населения Украины, которые проводились Центром «Социальный мониторинг» и Украинским институтом социальных исследований им. А. Яременко совместно с отделом социально-экономических трансформаций Института экономики и прогнозирования НАН Украины. Последний всеукраинский опрос населения проведен с 1 по 6 марта 2014 года во всех областях Украины.

² Опрос проведен Киевским Институтом социологии 10–20 июня 2011 г.

³ Maestre A. *El Vertigo de la Democracia*. Madrid, 1997, p.179.

⁴ Слинько А. А., Слинько Е. А. Украина: особенности становления политической системы. Воронеж: Научная книга, 2011. — С. 101.

УПРАВЛЕНИЕ ЕС НА ВЫХОДЕ ИЗ КРИЗИСА: СОХРАНИТСЯ ЛИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ ТАНДЕМ?

Пятидесятилетний юбилей Елисейского договора, отмеченный в 2013 г. с помпой во Франции и Германии, стал поводом к осмыслению дальнейшего сотрудничества. Общий настрой, доминировавший в праздничных выступлениях, сводился к лозунгам «за сильную, солидарную и справедливую Европу»¹. Но что в реальности происходит с франко-германским «мотором» евроинтеграции? Можно ли сказать, выражаясь метафорически, что «мотор» работает, но европейский автомобиль не едет?² Для получения ответа на этот вопрос было предпринято исследование, в ходе которого автор попытался решить следующие задачи: 1) понять, в чем проявляется дисбаланс в тандеме; 2) увидеть ключевые точки расхождения между двумя странами и выяснить их важность для судьбы «локомотива» и ЕС; 3) выяснить отношение французов к этим процессам и 4) понять логику поведения Франции в этих условиях. Представленные ниже размышления базируются на изучении французских источников — материалов СМИ, результатов соцопросов, документов, находящихся в открытом доступе.

Изменения в тандеме

Кризис в ЕС, ярко проявившийся с 2008 г., сыграл важную роль в изменении баланса сил внутри ключевой европейской организации. Если ранее неформальное лидерство в ЕЭС/ЕС осуществлял тандем Франция и ФРГ (при значительном влиянии ряда других членов Союза), то кризис, обнаживший серьёзные экономические проблемы Франции в финансовой и других сферах, выдвинул Германию на первое место в тандеме, превратив в ведущую страну Европы. Работающая без сбоев экономическая модель как была так и осталась главным инструментом германского влияния в Европе, в то время как политический фактор — ключевой козырь французского воздействия на ЕЭС/ЕС, с течением времени и в ходе международных пертурбаций в Европе (окончание «холодной войны», расширения ЕС) оказался более уязви-

мым. С учетом того, что ФРГ еще до своего объединения с ГДР была экономическим лидером «локомотива», опережая свою западную соседку как по численности населения, так и по объему экспорта³, политическими факторами, определявшими лидирующее положение Франции в тандеме, были: итоги Второй Мировой войны, закрепившие роль Франции в Европе и «комплекс вины» немцев, стремившихся доказать в течении всей 2 половины XX в., что отныне они идут по одному пути с «европейской семьей». Однако крах биполярной системы, объединение Германии и рост числа стран ЕС серьезно изменили расклад сил в тандеме. Это проявилось в следующем.

Прежде всего, объединенная Германия значительно усилила свой статус как демографического, так и экономического лидера Европы. Если в 1986 г. ФРГ опережала Францию на 3,7 млн чел, то в 2003 г. — на 20,7 млн человек⁴. Немецкие дипломаты не преминули закрепить это преимущество на институциональном уровне в ЕС: по условиям Ниццкого договора 2001 г. Германия получила 99 мест в Европарламенте, тогда как Франция — лишь 72 (ранее франко-германский паритет по числу мест в органах Союза неизменно соблюдался). На внешнеторговом уровне ФРГ продолжала укреплять свои позиции в ЕС, опережая Францию: за 2002—2011 гг. доля немецкого экспорта в ЕС вырос примерно на 192 млн евро (+1%), а французского — лишь на 44 млн евро (–3%). В 2012 г. торговый дефицит Франции составлял минус 67 млрд евро, а торговый профицит ФРГ — плюс 188 млрд евро⁵. Уже одно это не могло не поколебать баланс сил в тандеме.

Время также сыграло на руку немцам: с течением времени к власти в ФРГ пришло новое поколение немецких политиков, таких как экс-канцлер Г. Шредер, родившихся после 1945 г. Они уже не испытывают комплекса вины за трагедию Второй мировой войны и отстаивают немецкие интересы не только на экономическом, но и на внешнеполитическом уровне, даже если это идёт вразрез с позициями Франции и других стран ЕС. Если до 1989 г. любое предложение о какой-либо реформе в ЕЭС начиналось с переговоров между Бонном и Парижем, а затем они подключали к процессу остальные страны, то новая Германия, имеющая мощную экономику, уже не чувствует необходимости координироваться с Францией. Новые немецкие лидеры могут действовать самостоятельно и продавливать выгодные им решения ЕС⁶.

Наконец, рост числа государств в «Единой Европе» объективно снижал возможности влияния на ЕЭС/ЕС двух стран-лидеров.

Но в более выигрышном положении оказалась ФРГ, поскольку страны Северной и Восточной Европы традиционными были её торговыми партнерами. Сейчас в совокупности голосами своих представителей в Совете ЕС Париж и Берлин даже не могут заблокировать решения большинства: по условиям Лиссабонского договора для этого требуется наличие как минимум четырех государств ЕС⁷. Таким образом, хотя в политическом отношении в контексте ЕС сегодня их вес относительно, в лучших условиях при этом оказывается ФРГ (как раз благодаря своим экономическим позициям и лидерству по числу евродепутатов).

Уменьшение влияния Франции в ЕС осознавалась в Париже болезненно. Отсюда время от времени вытекали намеки на германский экспансионизм (сравнение нынешних немецких лидеров с Бисмарком, вождями Третьего рейха и пр.). Другой вид реакции продемонстрировал президент Н. Саркози, стремившийся компенсировать утрату политических позиций гиперактивностью инициатив, даже в то время, когда в ЕС председательствовала Берлин⁸. Немцы же, наоборот, видя постепенное уменьшение роли Франции в Европе, были возмущены политическими амбициями соседки (стремление играть «первую скрипку» благодаря «Союзу для Средиземноморья» в 2008 г. или вторжением в Ливию в 2011 г.). Все это усиливало разногласия в «локомотиве» ЕС, где ФРГ, используя экономический рычаг, активно добивается политического, что не может не раздражать Париж, неспособный обойтись сегодня без немецкой экономики⁹.

Суть разногласий

Если убрать за скобки естественное соперничество за пальму первенства в Европе, то ключевые проблемы во франко-германских отношениях можно свести к двум моментам. Первый из них — это различия в видении двумя странами конечных целей европейского строительства: федерацией, идею которой в начале 2000-х гг. активно лоббировал глава МИД ФРГ Й. Фишер, или конфедерацией/«федерацией национальных государств», о которых тогда же говорили президент Франции Ж. Ширак и её премьер Л. Жоспен. В настоящее время, с учетом более насущных задач, стоящих перед ЕС (в первую очередь, кризисом и ситуацией на Украине) дискуссия о целях ЕС представляется не совсем своевременной, однако время от времени различия в подходах двух стран напоминают о себе, оставляя вопрос открытым. Так, французский проект «Союза для Средиземноморья», объединяющего юж-

ные страны ЕС и государства Магриба и Леванта, был раскритикован А. Меркель как ведущий к «разделению Европы»¹⁰. Представляется, что со временем решение этого вопроса будет найдено в результате компромиссов.

Второй момент, в котором сконцентрировались франко-германские противоречия, — это разногласия по методам борьбы с еврокризисом. Комплекс мер, предложенных А. Меркель, по укреплению наднациональных институтов (борьба с инфляцией, быстрое сокращение дефицитов под надзором Еврокомиссии, контроль национальных банков со стороны ЕЦБ, избрание европейского минфина) противоречил идеям Н. Саркози и Ф. Олланда (борьба с безработицей, ослабление жесткой экономии в рамках бюджетного пакта, выпуск евробондов для новых займов), не предполагавшим существенного усиления органов ЕС. В 2007–2012 гг. Н. Саркози и А. Меркель не раз расходились в вопросе о роли межгосударственного/наднационального подходов в решении европейских экономических проблем, и компромиссы достигались после подчас непростых переговоров. Например, за согласие ФРГ принять французский план помощи Греции в 2009 г. Саркози пришлось дать добро на суровые условия экономии и урезания социальных программ. Правда, это не мешало двум лидерам работать над идеей экономического контроля в ЕС (благодаря чему тандем получил популярное в СМИ название «Меркози»). На повестку дня ими были выдвинуты идеи ввести налог на банковские операции и транзакции (июнь 2010), усилить «экономическое правительство» ЕС (октябрь 2010) и создать правительство еврозоны (регулярные встречи глав государств и правительств под руководством председателя Евросовета) (август 2011).

Приход к власти во Франции Ф. Олланда не сильно изменил французский подход, поскольку речь шла о простом столкновении государственных интересов: евробонды, выгодные Франции, и бюджетная экономия, выгодная ФРГ. Лишь с конца 2013 г. в тандеме начинаются подвижки и совместные инициативы: проект крупного совместного предприятия в энергетической сфере, правительство еврозоны, конвергенция по социально-экономическим показателям (изменение зарплатного минимума в ФРГ), оборонная политика. Правда, и здесь конкуренция способна дать о себе знать, о чем напоминают случаи с делами компаний «Авертис» и EADS¹¹.

По сути, все эти противоречия отражают различную политическую культуру двух стран: централизм и национальное государство во Фран-

ции и федеративность и коммунитаризм в Германии¹², а кризис лишь усилил их особенности. Это показывают и соцопросы, по которым французы и немцы, хотя и ощущают себя культурно близкими народами¹³, всё же ценят в первую очередь собственную национальную экономическую модель (лишь четверть респондентов в обеих странах считают модель другого государства в тандеме близкой для себя). Правда, во Франции 63% одобряют идею «вдохновляться» немецкой экономической моделью¹⁴. Что касается истоков различных политических культур, то, не углубляясь в глубинные пласты этой проблемы, приведем мнение французского историка Э. Тодда, согласно которому в основе различных культур, возможно, лежит разное понимание людей и общества¹⁵. Так или иначе, эти культуры продолжают сосуществовать и в чем-то — конкурировать.

Взгляд из Франции

Важно подчеркнуть, что французы, осознавая ведущую роль Германии в сегодняшней Европе (81% по соцопросу Ifor в январе 2012 г., 86% в январе 2013 г.¹⁶), не считают при этом её соперником Франции. 67% французов определили франко-германские отношения как партнерство, лишь для 17% речь шла о соперничестве. В целом видение гражданами Франции франко-германской пары не давало аналитикам поводов для беспокойства: 82% французов позитивно оценили усилия Германии по спасению собственной экономики, 67% сочли, что в ходе кризиса Париж и Берлин должны усилить своё партнёрство¹⁷. Наконец, 85% французов и 87% немцев признались, что позитивно воспринимают друг друга¹⁸.

При всех этих оптимистичных данных выявился серьёзный дисбаланс в оценках друг друга. С тем что, отношения двух стран уравновешены, согласились 85% немцев, и лишь 41% французов (в 2 раза меньше). Далее, 86% французов заявили, что по ходу кризиса Германия утвердилась как ведущая страна ЕС, но лишь 58% немцев смогли сказать то же самое о Франции¹⁹. Как видим, граждане двух стран прекрасно осознают происходящее, понимая, куда будет смещаться центр принятия решений в «локомотиве» ЕС.

С другой стороны, о какой-либо германофобии во Франции говорить не приходится, а её единичные вспышки, как среди левых, так и правых политиков, следует отнести либо к эмоциональным оценкам экономического роста ФРГ (Ф. Сеген в 1993 г., Ж.-П. Шевенман в 2000 г.), либо к конъюнктуре избирательных кампаний (Н. Саркози

в 2008 г., А. Монтебур в 2011 г.). Взаимосвязи двух стран столь тесно переплетены, что ставить линейную зависимость одной от другой не получается. Представляется, что лучше всех ситуацию прокомментировал французский экономист Жан-Поль Бетбез, заявивший: «Германию можно критиковать за чрезмерную строгость или чрезмерный экспорт, но что бы мы делали без ее поддержки?»²⁰.

Таким образом, французы понимают, что лидерство ФРГ в ЕС и в тандеме сегодня обосновано, но это не выливается в германофобию. Наоборот, французов во многом восхищает финансово стабильный успех соседки, и частично они готовы следовать её экономической модели. Такое видение ситуации побуждает французов не метать интеллектуальные стрелы в адрес Берлина, а с присущей ей критичностью обращать взгляд на свою экономику и пытаться найти ответы на вопрос, что же полезного Франция сделала для Европы и для себя самой²¹.

Перспективы для Парижа

Ослабление роли Франции в тандеме сегодня налицо, поэтому, говоря о перспективах французских действий для постепенного отвоевания позиций в «локомотиве» ЕС, можно выделить два момента — это возможные действия Франции в отношении ФРГ и всего ЕС.

Во-первых, Ф. Олланд, имея перед глазами небезуспешный пример Н. Сакози, предпринимает попытки торговаться и выдвигать новые инициативы по углублению сотрудничества (например, в январе 2014 — по экономике, энергетике и обороне). Более того, именно участие во внешнеполитических инициативах ЕС (в частности, по украинскому кризису, по защите данных в Интернете перед лицом АНБ США) позволяет Франции сохранять позиции. Французские аналитики, размышляя о козырях, которые смогут сослужить Парижу добрую службу, называют ядерную мощь и демографию. Безусловно, членство в «ядерном клубе» (и СБ ООН) придадут значительный вес внешнеполитическим заявлениям Франции, и к этому Берлин волей-неволей вынужден прислушиваться, поскольку на этом поле Париж сохраняет лидерство, пока недостижимое для Берлина. Что касается демографии, которая после 1989 г. укрепила позиции ФРГ в Европе, то следует отметить, что естественный прирост во Франции до 2060 г. прогнозируется в два раза выше, чем у Германии. Более того, учитывая старение многочисленного немецкого населения, проблемы, связанные с социальными расходами на стариков, пока более актуальны для ФРГ, чем для Франции²².

Во-вторых, столкнувшись с немецкими амбициями проигрывая борьбу на экономическом поле, Франция естественным образом смотрит на своих партнеров по ЕС — в первую очередь, Италию и Испанию, которые тоже стали жертвами кризиса и испытывают некоторые опасения перед гегемонией ФРГ в Союзе. В известной степени ФРГ может стать заложником собственного лидерства (лидерство поневоле?) в ЕС, вызвав подозрения партнеров, поэтому у Франции, выступающей «адвокатом» наиболее «кризисных» стран Евросоюза, есть шанс усилить свой авторитет в тандеме, опираясь на их поддержку. Такая встреча, в частности, предшествовала встрече Евросовета в июне 2012 года²³. Визит нового короля Испании Филиппа VI во Францию в июле 2014 г. (вторая страна, которую монарх посетил после Ватикана)²⁴ так же показателен, демонстрируя, что Франция остаётся центром притяжения для Южной Европы.

В то же время ожидать, что действия в ЕС будут развиваться по принципу «Париж и все-все-все против Берлина», не следует. В июле 2013 г. был опубликован доклад Сената Франции по франко-германским отношениям, где подчеркивалось, что разделение «Единой Европы» на условные «Север» и «Юг» никоим образом не соответствует французским интересам. В условиях, когда Германия согласилась растянуть сроки выплат по долгам, чтобы страны ЕС восстановили баланс бюджета, Парижу необходимо оздоровить финансы и конкурентоспособность, исходя из того, что это — условие роста и занятости страны, и условие восстановления доверия к ней. Нельзя обвинять ФРГ в «эгоизме», когда она заботится о дисциплине, — резюмировали авторы доклада²⁵.

* * *

С началом кризиса в ЕС Франция столкнулась с необходимостью компенсировать утрату политических позиций во франко-германском тандеме. Известная близость к южным странам ЕС (Испания, Италия) помогает ей координировать усилия «латинского союза», не позволяя Берлину превратиться в единоличного лидера ЕС. Поэтому стоит ожидать активизации Парижем формата «троек» и «четвёрок» как неформальных лидерских площадок в ЕС. Идеи «многоскоростной Европы», популярные сейчас в ЕС, должны усилить элементы «сетевого деления» в ЕС, что должно сыграть на руку Франции в ограничении германского политического влияния в Союзе. Хотя роль «первой скрипки» в ближайшее время явно останется за ФРГ.

¹ La France, l'Allemagne et vous [Electronic resource] / Fondation Robert Schuman — 2012 — 45 p. — Mode of access: <http://www.robert-schuman.eu/fr/doc/actualites/enquete-france-allemande.pdf>

² Giuliani, Jean Dominique. France, Allemagne: le devoir d'une relance [Electronic resource] / Euractiv.fr — 16.12.2013 — Mode of access: <http://www.euractiv.fr/services-financiers/france-allemande-le-devoir-dune-analysis-532373>

³ Таковы, например, данные на 1986 г.: численность населения в ФРГ — 59,2 млн чел, во Франции — 55,5; объем экспорта у ФРГ — 243,5 млн долл (31% от ЕЭС), у Франции — 119,4 млн (15,2%). Ежегодник БСЭ. 1987 г. Вып. 31. М., 1987. С. 347, 356, 411

⁴ Eurostat. Demographic balance and crude rates. [Electronic resource] / — Mode of access: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_gind&lang=en

⁵ Одной из причин таких результатов французские эксперты назвали различную зарплатную политику в двух странах: в ФРГ она нацелена на понижения уровня зарплат, тогда как во Франции — на сокращение времени труда и частично — на рост зарплаты (сейчас 1 час труда в ФРГ стоит 31 евро, а во Франции — 34,9 евро). Это позволило ФРГ улучшить свои позиции на рынке в ЕС. Rapport d'information N° 762 fait au nom de la commission des affaires européennes sur les relations franco-allemandes, par M. Jean Bizet. Enregistré à la Présidence du Sénat le 16 juillet 2013. [Electronic resource] / Senat.fr — 2013 — 42 p. — Mode of access: <http://www.senat.fr/rap/r12-762/r12-7621.pdf>

⁶ В качестве наиболее показательных примеров назовем признание югославских республик в 1991–1992 гг., инициативы А. Меркель о корректировке Европейской политики соседства (ЕПС) и запуска «Восточного партнерства» в 2006 и 2008 гг., без специальных консультаций с Парижем, и некоторое противодействие французскому проекту «Союза для Средиземноморья» в те же годы. Le «couple franco-allemand» et l'Europe à travers la caricature (1945–2013) [Electronic resource] / Cvce.eu — Mode of access: <http://www.cvce.eu/education/unit-content/-/unit/c3c5e6c5-1241-471d-9e3a-dc6e7202ca16/0d261134-1103-4d90-bc89-48bdf0443d31>

⁷ Ст. 238 Лиссабонского договора. См.: Traité de Lisbonne modifiant le traité sur l'Union européenne et le traité instituant la Communauté européenne, signé à Lisbonne le 13 décembre 2007 [Electronic resource] / Eur-lex.europa.eu — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/?uri=CELEX:12007L/TXT>

⁸ Le «couple franco-allemand» et l'Europe à travers la caricature (1945–2013) [Electronic resource] / Cvce.eu — Mode of access: <http://www.cvce.eu/education/unit-content/-/unit/c3c5e6c5-1241-471d-9e3a-dc6e7202ca16/0d261134-1103-4d90-bc89-48bdf0443d31>

⁹ France-Allemagne : pourquoi François Hollande a une chance historique de changer l'Europe [Electronic resource] / Le Monde — 31.05.2012 — Mode of access: http://www.lemonde.fr/idees/article/2012/05/31/france-allemande-pourquoi-francois-hollande-a-une-chance-historique-de-changer-l-europe_1709783_3232.html

¹⁰ Le «couple franco-allemand» et l'Europe à travers la caricature (1945–2013) [Electronic resource] / Cvce.eu — Mode of access : <http://www.cvce.eu/education/unit-content/-/unit/c3c5e6c5-1241-471d-9e3a-dc6e7202ca16/0d261134-1103-4d90-bc89-48bdf0443d31>

¹¹ В 2004 г. официальный Париж воспротивился идее слияния французской фармацевтической компанией «Авентис» со швейцарской «Новартис», обосновав это стратегической важностью для Франции иметь свою компанию в этой отрасли на европейском рынке. В ответ Берлин, когда аэрокосмический концерн EADS должен был выбрать места сборки нового «Аэробуса» (A380), надавил на руководство концерна, чтобы вопросы этого уровня решались строго при условии франко-германского паритета (при том, что доля французских акций в концерне чуть выше). Uterwedde, H. Partenaires et concurrents: les conflits dans les relations économiques [Electronic resource] / Eurotopics.net — Mode of access : http://www.eurotopics.net/fr/home/presseschau/archiv/magazin/wirtschaft-verteilerseite-neu/wirtschaftspatriotismus/dt_fr_wirtschaftsverhaeltnis_uterwedde/

¹² Rapport d'information N° 762 fait au nom de la commission des affaires européennes sur les relations franco-allemandes, par M. Jean Bizet. Enregistré à la Présidence du Sénat le 16 juillet 2013. [Electronic resource] / Senat.fr — 42 p. — Mode of access : <http://www.senat.fr/rap/r12-762/r12-7621.pdf>

¹³ Согласно соцопросу, проведенному в 2011 г., 25% опрошенных французы считают самыми близкими из народов Европы — немцев, а 21% немецких респондентов — французов. При этом 48% французы готовы поучиться у немцев организации труда, а 43,9% немцы у французов — «искусству жизни». Barometre Paris-Berlin «Vague 1» France — Allemagne [Electronic resource] / Seprem — Boulogne — décembre 2011 — 15 p. — Mode of access : http://rue89.nouvelobs.com/sites/news/files/assets/document/2012/01/france-allemande_vague_1_dec_.pdf

¹⁴ Les Français et l'Allemagne à la veille des élections fédérales [Electronic resource] / Sondage OpinionWay pour Le Figaro — LCI — septembre 2013 — 24 p. — Mode of access : <http://www.lefigaro.fr/assets/pdf/130919-sondage-allemande.pdf>

¹⁵ В отличие от французской традиции, немецкая культура не базируется на понятии «универсального человека», а исходит из сосуществования различных культур (и экономических наклонностей) как таковых. Кроме того, такие ценности как готовность идти на жертвы ради экономии и дисциплина, характерны для немецкого общества, в отличие от французского. Todd, E. La France n'est pas l'Allemagne, ce n'est pas germanophobe de le dire [Electronic resource] / Marianne.net — 13.12.2011 — Mode of access : http://www.marianne.net/Todd-la-France-n-est-pas-l-Allemagne-ce-n-est-pas-germanophobe-de-le-dire_a213561.html

¹⁶ Regards croisés sur les relations franco-allemandes à l'occasion du 50eme anniversaire du Traité de l'Elysee [Electronic resource] / Ifop — Paris — janvier 2013 — 52 p. — Mode of access : <http://www.allemagne.diplo.de/contentblob/3776430/Daten/2953371/sondageifop2013.pdf>

¹⁷ L'image de l'Allemagne en France [Electronic resource] / Ifop — janvier 2012 — 31 p. — Mode of access : http://www.ifop.com/media/poll/1735-1-study_file.pdf

¹⁸ Regards croisés sur les relations franco-allemandes à l'occasion du 50eme anniversaire du Traité de l'Elysee [Electronic resource] / Ifop — Paris — janvier 2013 — 52 p. — Mode of access : <http://www.allemagne.diplo.de/contentblob/3776430/Daten/2953371/sondageifop2013.pdf>

¹⁹ Le couple France-Allemagne : toujours lié mais de moins en moins exclusif dans la tête des Français et des Allemands [Electronic resource] / Atlantico.fr — 19.02.2014 — Mode of access : <http://www.atlantico.fr/rdv/politico-scanner/couple-france-allemagne-toujours-lie-mais-moins-en-moins-exclusif-dans-tete-francais-et-allemands-etude-delits-opinion-986351.html>

²⁰ Betbèze, J-P. La germanophobie ambiante, ou la peur refoulée de nous-mêmes [Electronic resource] / Atlantico.fr — 9.12.2011 — Mode of access : <http://www.atlantico.fr/decryptage/germanophobie-ambiante-peur-refoulee-france-solutions-jean-paul-betbeze-240890.html>

²¹ Lequesne, C. Le couple franco-allemand reste le moteur de l'Europe [Electronic resource] / Le Monde — 29.12.2013 — Mode of access : http://www.lemonde.fr/europe/article/2013/12/29/le-couple-franco-allemand-reste-le-moteur-de-l-europe_4341140_3214.html

²² Естественный прирост во Франции ожидается на уровне +1,7 % в год, в ФРГ — на уровне +0,8 в год. Cornilleau, G. France-Allemagne : le grand écart démographique [Electronic resource] / L'Observatoire français des conjonctures économiques (OFCE) — 28.09.2012 — Mode of access : <http://www.ofce.sciences-po.fr/blog/france-allemagne-le-grand-ecart-demographique/>

²³ Monti, M. La France doit rester avec l'Allemagne le moteur de l'Europe [Electronic resource] / Le Figaro — 01.01.2014 — Mode of access : <http://finances.fr.msn.com/mario-monti-%C2%ABla-france-doit-rester-avec-lallemagne-le-moteur-de-leurope%C2%BB>

²⁴ Première visite du nouveau roi d'Espagne en France [Electronic resource] / Le Figaro — 22.07.2014 — Mode of access : <http://www.lefigaro.fr/international/2014/07/22/01003-20140722ARTFIG00252-premiere-visite-du-nouveau-roi-d-espagne-en-france.php>

²⁵ Rapport d'information N° 762 fait au nom de la commission des affaires européennes sur les relations franco-allemandes, par M. Jean BIZET. Enregistré à la Présidence du Sénat le 16 juillet 2013. [Electronic resource] / Senat.fr — 42 p. — Mode of access : <http://www.senat.fr/rap/r12-762/r12-7621.pdf>

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ЕВРОПРО НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время проблема развертывания противоракетной обороны (ПРО) США в Европе остро стоит на повестке дня в российско-американских отношениях. Декларируемая Б. Обамой перезагрузка двусторонних отношений заметных результатов не принесла. Вместо концепции третьего позиционного района противоракетной обороны Дж. Буша-мл. в сентябре 2009 г. Б. Обама объявил о концепции поэтапного адаптивного подхода для Европы (ЕПАП)¹. При этом США и НАТО игнорируют озабоченности России. Но, если обратиться к предыстории вопроса создания совместной европейской системы ПРО, то стоит заметить, что эта идея впервые была выдвинута российской стороной. 24 марта 2000 г. и. о. Президент России В. В. Путин предложил проект создания совместной европейской ПРО на театре военных действий (ПРО ТВД) премьер-министру Великобритании, Э. Блэру. Однако, впоследствии, страны НАТО, воспользовавшись идеей России, стали создавать многоуровневую мобильную систему ПРО ТВД, но без участия Москвы. Уместно отметить, что в 2007 г. российская сторона предлагала США совместное использование сначала Габалинской радиолокационной станции, а затем и РЛС в Армавире, а также создание совместных центров обмена информацией по ПРО в Москве и Брюсселе². Если бы идея совместной ЕвроПРО в том варианте, как ее предлагала Россия, была реализована, она могла бы стать примером стратегического сотрудничества России, США и Европы в контексте создания евроатлантического пространства безопасности. Но эта идея была отвергнута американской стороной. Вместо этого концепция третьего позиционного района Дж. Буша-мл. эволюционировала в концепцию глобальной системы ПРО США, где ЕвроПРО лишь ее часть, и где нет места России.

Более того, создаваемая система ЕвроПРО имеет антироссийскую направленность. Развертывание ЕПАП может создать следующие угрозы для России:

Контроль запуска всех российских МБР и передача данных об их траекториях перехватчикам через короткое время, что снижает их потенциальные возможности;

Изменение соотношения сил за счет размещения объектов ПРО США в Европе и на кораблях и их передислокации в Балтийское, Баренцево, Северное, Черное моря;

Совершенствование ЕвроПРО, в частности, ее космической составляющей, что в перспективе может позволить наносить удары из космоса и вести к милитаризации космического пространства;

Размещение цепи военных баз в непосредственной близости с границами РФ, на которых впоследствии могут быть установлены более совершенные средства ПРО США;

Вместе с высокоточным оружием, обычными и ядерными вооружениями США и НАТО европейский сегмент ПРО США приобретает наступательный характер, целью которого может быть нанесение превентивного и упреждающего удара по России.

Усиление морской составляющей ЕвроПРО дополнительно к существующей системе ПРО США дает Вашингтону преимущества в конкуренции за Арктику, т. к. усиливает средства нападения США.

Аргументация США и НАТО о создании ЕвроПРО для защиты от Ирана оказалась несостоятельной после заключения 24 ноября 2013 г. соглашения между Ираном и «шестеркой» по ядерной программе Тегерана³ и заявления Президента Ирана 1 марта 2014 г. об отказе от производства ядерного оружия⁴.

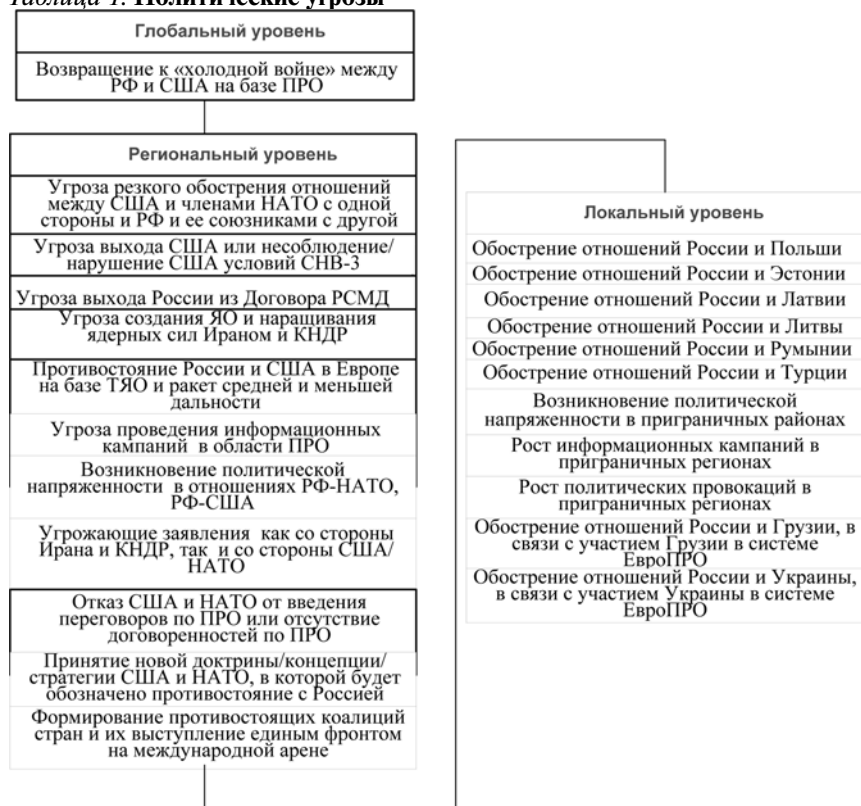
Но помимо угроз национальной безопасности Российской Федерации, ЕвроПРО оказывает влияние на международную безопасность.

При этом система ЕвроПРО оказывает существенное влияние на политические аспекты международной безопасности.

Основные угрозы политической безопасности на примере ЕвроПРО определены как путем анализа основополагающих документов Российской Федерации и США, так и следующими документами: Обзор Министерства Обороны США по ПРО, Четырехлетний обзор оборонной политики 2014, «Декларация по итогам встречи на высшем уровне в Лиссабоне», Обзор сдерживания и обороны», утвержденный на саммите НАТО в Чикаго в конце мая 2012 г. и др.

Применительно к ЕвроПРО был выявлен перечень политических эвентуальных угроз (Таблица 1).

Таблица 1. Политические угрозы

Возможный перечень угроз международной безопасности был проанализирован, исходя, в первую очередь из угроз Российской Федерации, как ядерной державы. Для каждой угрозы были выявлены возможные события, а также факторы и условия, способствующие реализации данных событий.

Исходя из исследования, было сделано несколько выводов. Во-первых, на глобальном уровне ЕвроПРО создает предпосылки для повышения угрозы безопасности всему миру за счет снижения стратегической стабильности между двумя ядерными державами в случае ее развертывания и постоянного совершенствования. Помимо этого, Ев-

роПРО повышает угрозу применения ядерного и высокоточного оружия и способствует возникновению возможного военно-политического конфликта между США/НАТО и Россией.

Во-вторых, на региональном уровне возникает не только политическая напряженность в отношениях России и стран Европы, но повышается и вероятность военно-политического конфликта на территории Европы.

Наконец, на субрегиональном уровне ЕвроПРО может способствовать ухудшению двусторонних отношений России со странами, где размещены или будут размещены элементы ЕвроПРО (Польша, Турция, Румыния), и приграничными странами, чье участие в системе ЕвроПРО допускается в перспективе (Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Украина). Также повышается риск возникновения провокаций в приграничных районах и Черном море.

В качестве эвентуальной политической угрозы глобального уровня обозначена угроза возвращения к «холодной войне» между США и РФ на базе ПРО.

Отметим лишь те политические угрозы регионального и субрегионального уровня, чьи события происходят уже сейчас.

Например, анализировалась региональная угроза выхода США или несоблюдения/нарушений условий Договора СНВ-3 (Таблица 2).

Таблица 2. Анализ угрозы выхода США или несоблюдение/нарушение США условий СНВ-3

Угрозы	События	Условия	Факторы
II. Угроза выхода США или несоблюдение/нарушение США условий СНВ-3	1. Заявление США о выходе из СНВ-3 или несоблюдение/нарушение США условий СНВ-3 2. Заявление США об устаревании СНВ-3, несоответствии политическим реалиям 3. Решение США о выходе из СНВ-3 4. Не сокращение, а наращивание СНВ США 5. Нарушение статей Договора о СНВ	1. Принятие США внешнеполитического курса, направленного на усиление роли Ю 2. Чувство безнаказанности за свои действия у США и их союзников 3. Уверенность США в военном превосходстве и глобальном лидерстве на международной арене 4. Ослабление России	1. Игнорирование США норм международного права, если они противоречат интересам США и выступление мировой общественности против действий США 2. Стремление США установить однопольный мир во главе с США и противодействие России

Выявлено, что Вашингтон нарушает статью XIII Договора, суть чего заключается в следующем: «американцы осуществляют не заявленную на момент подписания Договора о СНВ (8 апреля 2010 года) продажу БРПЛ «Трайдент-2» британским ЯС, участвуют в модернизации ПЛАРБ типа «Вэнгард» и в различных мероприятиях по тех-

нической стыковке систем британских ПЛАРБ и головных частей с американскими ракетами, в проведении автономных и комплексных испытаний⁵. Вторым нарушением Договора СНВ является факт сокрытия США своего участия «в программе «Саксессор» («Преемник») по созданию новой британской ПЛАРБ с универсальным ракетным отсеком для БРПЛ „Трайдент-2“»⁶.

В качестве эвентуальных региональных угроз международной безопасности рассматривалась и угроза выхода России из Договора РСМД (Таблица 3), где одним из событий, характерных для данной угрозы рассматривалось нарушением Вашингтоном статей Договора РСМД.

Таблица 3. Анализ угрозы выхода России из Договора РСМД

Угрозы	События	Условия	Факторы
III. Угроза выхода России из Договора РСМД	1. Заявление России о выходе из Договора РСМД 2. Решение России о выходе из Договора РСМД 3. Приближение системы ПРО США к территории РФ 4. Нарушение США статей Договора РСМД	1. Принятие США внешнеполитического курса, направленного на усиление роли ЯО 2. Чувство безнаказанности за свои действия у США и их союзников 3. Уверенность США в военном превосходстве и глобальном лидерстве на международной арене 4. Развертывание ПРО США без учета мнения России	1. Подходят те же факторы, что для угрозы выхода США или несоблюдения/нарушения США условий СНВ-3

Грубым нарушением Договора о РСМД являются факты разработки США ракет-мишеней средней и меньшей дальности в целях испытания ЕвроПРО и глобальной ПРО США. Помимо этого, нарушая Договор, США создают на базе второй и третьей ступени МБР «Минитмен-2», «Трайдент-1» и др. ракеты-мишени средней дальности нового типа⁷.

Следующая эвентуальная региональная угроза — это угроза противостояния России и США в Европе на базе тактического ядерного оружия и ракет средней и меньшей дальности (Таблица 4).

В качестве одного из событий приводится: интеграция ЯО США (в т. ч. ТЯО США), системы ПРО США и ЕвроПРО, как составляющей, высокоточного оружия и обычных вооружений в единую систему. Стоит заметить, что решение о подобной интеграции было принято в рамках НАТО на саммите в Чикаго в мае 2012 г., Также уже сейчас происходят такие события, характерные для этой угрозы, как нарушение США Договора РСМД, о чем говорилось ранее и отказ США вывести тактическое ядерное оружие из Европы.

Таблица 4. Анализ угрозы противостояния России и США в Европе на базе ТЯО и ракет средней и меньшей дальности

Угрозы	События	Условия	Факторы
Угроза противостояния России и США в Европе на базе ТЯО и ракет средней и меньшей дальности	1. Отказ США вывести ТЯО из Европы 2. Продолжающиеся разработки ракет средней и меньшей дальности в США 3. Развертывание ЕвроПРО для защиты ТЯО США 4. Нарушение США Договора РСМД 5. Новые поставки ТЯО США в Европу 6. Интеграция ЯО США (в т.ч. ТЯО США), системы ПРО США и ЕвроПРО, как составляющей, высокоточного оружия и обычных вооружений в единую систему 7. Создание стратегии/резолуции/доктрины/концепции США и НАТО о необходимости защиты ТЯО США	1. Поддержка США союзниками 2. Принятие США внешнеполитического курса, направленного на усиление ЯО 3. Чувство безнаказанности за свои действия у США и союзников 4. Уверенность США в военном превосходстве 5. Принятие США внешнеполитического курса, направленного на ухудшение отношений с Россией 6. Игнорирование США и союзниками мнения России	1. Стремление США установить однопольный мир во главе с США и противодействие России 2. Подготовка США и НАТО к ведению войны с Россией или решению конфликта с применением военной силы и усиление боевой способности России 3. Создание США мощного противоракетного щита и создание Россией средств преодоления ПРО 4. Стремление спровоцировать Россию на какие-либо военные или политические действия, подрывающих ее имидж на мировой арене и соблюдение Россией норм международного права

Рассмотрим некоторые политические угрозы субрегионального уровня. Как было сказано ранее, анализировалось обострение отношений России с некоторыми европейскими странами. Так, при анализе угрозы обострения отношений России и Латвии (Таблица 5) в качестве событий предложены проведение Латвией информационных кампаний против России и угрожающие заявления со стороны Латвии в адрес России.

Таблица 5. Анализ угрозы обострения отношений России и Латвии

Угрозы	События	Условия	Факторы
Угроза обострения отношений России и Латвии	1. Проведение Латвией информационных кампаний против РФ 2. Угрожающие заявления со стороны Латвии в адрес России 3. Отказ или срыв двусторонних встреч глав государств, правительств и министров иностранных дел 4. Заявления военно-политической элиты Латвии о необходимости размещения радара на ее территории	1. Проведение Латвией внешнеполитического курса, способствующего усилению напряженности с РФ 2. Уверенность Латвии в поддержке со стороны США/НАТО 3. Приход в Латвии к власти военно-политической элиты, радикально настроенной против России	1. Подготовка Латвии к участию в военных действиях против РФ или вооруженному противостоянию с РФ и усиление беспомощности России 2. Подготовка Латвии к участию в политическом противостоянии с РФ и укреплению имиджа России на международной арене 3. Стремление Латвии спровоцировать РФ на военные или политические действия, подрывающие ее имидж на международной арене и соблюдение Россией норм международного права

Таблица 6. Анализ угрозы обострения отношений России и Грузии, в связи с участием Грузии в ЕвроПРО

Угрозы	События	Условия	Факторы
XVIII. Угроза обострения отношений России и Грузии в связи с участием Грузии в ЕвроПРО	1. Проведение Грузией информационных кампаний против РФ 2. Угрожающие заявления со стороны Грузии в адрес России 3. Отказ или срыв двусторонних встреч глав государств, правительств и министров иностранных дел 4. Требование Грузии к США усилить оборону Грузии против РФ 5. Усиление русофобских настроений в СМИ и грузинском обществе с аргументацией о необходимости защиты со стороны России 6. Спонсирование и поддержка США экспертов, групп и лиц, заявляющих о необходимости вступления Грузии в НАТО и размещении на ее территории элементов ЕвроПРО 7. Давление НАТО на Грузию, имеющее целью размещение на ее территории элементов ЕвроПРО 8. Проведение тайных или явных переговоров США/НАТО с Грузией о размещении на ее территории элементов ЕвроПРО 9. Заявление о территориальных претензиях со стороны Грузии и желание их разрешить, в т.ч. при помощи ПРО	1. Проведение Грузией внешнеполитического курса, способствующего усилению напряженности с РФ 2. Проводимый США и НАТО внешнеполитический курс, направленный на разрыв дружественных отношений Грузии и России 3. Приход в Грузии к власти военно-политической элиты, настроенной против России 4. Вступление Грузии в НАТО	1. Подготовка США/НАТО к участию в военных действиях против РФ или вооруженному противостоянию с РФ и усиление боеспособности России 2. Подготовка Грузии, США и НАТО к участию в политическом противостоянии против РФ и укрепление имиджа России 3. Стремление США/НАТО и/или Грузии спровоцировать Россию на военные и/или политические действия, подрывающие ее имидж на мировой арене и соблюдение Россией норм международного права

Стоит заметить, что новый министр обороны Латвии, Раймонд Вейонис в январе 2014 г. заявлял о необходимости создания инструмента против «мягкой власти» России. В качестве такого инструмента рассматривалось патриотическое воспитание и движение юных ополченцев⁸. В случае разгорания конфликта вокруг ЕвроПРО и участия Латвии в нем, можно ожидать, что тема ЕПАП также будет использоваться в целях противодействия политике России и поддержания ее негативного образа у латвийской молодежи.

Наконец, анализировались эвентуальная угроза обострения отношений с Грузией (Таблица 6) и эвентуальная угроза обострения отношений России с Украиной (Таблица 7), в связи с их участием в системе ЕвроПРО.

Осуществление событий характерных для угрозы участия Грузии в развертываемой системе ЕвроПРО будет иметь место после вступления Грузии в НАТО. Возможно, Грузия и не станет членом НАТО, однако, учитывая планы альянса по включению, в т. ч. в свой состав Грузии, стоит предполагать, что у США и НАТО могут быть планы по размещению элементов ПРО на территории Грузии.

Таблица 7. Анализ угрозы обострения отношений России и Украины, в связи с участием Украины в ЕвроПРО

Угрозы	События	Условия	Факторы
XIX. Угроза обострения отношений России и Украины в связи с участием Украины в ЕвроПРО	1. Проведение США/НАТО и Украиной информационных кампаний против РФ 2. Угрожающие заявления со стороны Украины в адрес России 3. Требование Украины к США усилить оборону Украины против РФ 4. Усиление русофобских настроений в СМИ и среди населения Западной Украины, с аргументацией о необходимости защиты со стороны России 5. Спонсирование и поддержка США экспертов, групп и лиц, заявляющих о необходимости вступления Украины в НАТО и размещении на ее территории элементов ЕвроПРО 5. Проведение тайных или явных переговоров США/НАТО с Украиной о размещение на ее территории элементов ЕвроПРО 6. Давление США/НАТО на Украину, имеющее целью размещение на ее территории элементов ЕвроПРО 7. Заявления о территориальных претензиях со стороны Украины и желание их разрешить, в т.ч. при помощи ПРО	1. Приход к власти на Украине радикально настроенной группы лиц 2. Вступление Украины в НАТО 3. Проведение Украиной антироссийского внешнеполитического курса, способствующего усилению напряженности с РФ 4. Установление на территории Западной Украины марионеточного режима, подконтрольного США и НАТО 5. Проводимый США и НАТО внешнеполитический курс, направленный на ослабление России	1. Подготовка США/НАТО к участию в военных действиях против РФ или вооруженному противостоянию с РФ и усиление боеспособности России 2. Подготовка Украины, США и НАТО к участию в политическом противостоянии против РФ и укрепление имиджа России 3. Стремление США/НАТО спровоцировать Россию на военные и/или политические действия, подрывающие ее имидж на мировой арене и соблюдение Россией норм международного права 4. Стремление радикально настроенной группы лиц Украины решить разногласия с РФ силой и усиление боеспособности России 5. Стремление США/НАТО и/или радикально настроенной группы лиц Украины втянуть РФ в военно-политический конфликт и противодействие России 6. Эскалация напряженности со стороны радикально настроенной группы лиц Украины и противодействие России

Что касается Украины, реализация угрозы ее участия в развертываемой системе ЕвроПРО возможна как при вступлении Украины в НАТО, так и в обмен на финансовую или иную помощь со стороны США, учитывая происходящие на Украине с конца 2013 г. события. В настоящее время в условиях нестабильности США не будут размещать элементы ЕвроПРО на территории Украины. В случае отделения даже всей восточной части Украины от ее западной части, либо создания федерации взамен существующего территориального устройства Украины и появления автономий на ее территории, данная угроза не исчезает, поскольку США могут разместить элементы ЕвроПРО на западе Украины. В то же время, если Украина будет находиться в состоянии гражданской войны, США могут рассматривать возможность размещения элементов ЕвроПРО на ее территории только после нормализации обстановки. 5 марта 2014 г. в СМИ появились сообщения об одном из событий, указанных в данной таблице — переговорах о размещении элементов системы ПРО в обмен на финансовую помощь Украине. Эти события были опровергнуты МИД Украины⁹. Вероятно, данные сообщения в СМИ использовались для создания еще большей напряженности в отношениях России и США вокруг ситуации на Украине. Тем не менее, не стоит исключать возможность подобных стремлений у США в будущем. Стоит также заметить, что воссоединение Крыма с Россией лишает США дополнительных возможностей размещать корабли с системой «Иджис» в Черном море. Напротив, включение Крыма в состав России дает ей возможность разместить как на территории самого Крыма, так и в Черном море средства для подавления и поражения американской системы ПРО.

Таким образом, установлено, что ЕвроПРО уже сейчас оказывает существенное влияние на политические аспекты международной безопасности. При этом, рассматриваемые эвентуальные угрозы оказывают воздействие как на международную безопасность, так и на национальную безопасность России.

¹ Шацкая В. Архитектура ЕвроПРО — всего лишь защита от Ирана? [Электронный ресурс]. / ИА «Оружие России». — М., 2012. — Режим доступа: <http://www.arms-expo.ru/055057052124050055050056050.html>; <http://nbez.ru/?p=728>

² Фененко А. В. Современная международная безопасность: ядерный фактор/А. В. Фененко. — М.: ЗАО Издательство «Аспкет-Пресс», 2013. — 573 с.

³ Шацкая В. Противоракетный хоккей [Электронный ресурс]. / Русская на-

родная линия. — М., 2013. — Режим доступа: http://ruskline.ru/special_opinion/protivoraketnyj_hokkej/

⁴ Iran will never deal on red lines: Rouhani [Электронный ресурс]. / Press TV. — Режим доступа: <http://www.presstv.ir/detail/2014/03/01/352777/iran-will-never-deal-on-red-lines/>

⁵ Вильданов М. Чем кумушек считать трудиться [Электронный ресурс]. / Независимое военное обозрение. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-07-19/1_rsvn_snv.html

⁶ Вильданов М. Чем кумушек считать трудиться [Электронный ресурс]. / Независимое военное обозрение. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-07-19/1_rsvn_snv.html

⁷ Вильданов М. Чем кумушек считать трудиться [Электронный ресурс]. / Независимое военное обозрение. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-07-19/1_rsvn_snv.html

⁸ Вейонис: Латвия должна противостоять российской «мягкой власти» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rus.delfi.lv/news/daily/politics/vejonis-latviya-dolzha-protivostoyat-rossijskoj-myagkoj-vlasti.d?id=44091435>

⁹ МИД Украины опроверг информацию о возможном размещении ПРО США [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/362928>

ЧАСТЬ III

ГЛОБАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТКРИЗИСНОМ МИРЕ

О. В. Гаман-Голутвина

«КРЫМСКАЯ ВЕСНА» ВОЗМОЖНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНТУРОВ МИРОПОРЯДКА

В рождении истории неустраима тайна, в которой являет себя гегелевская «хитрость мирового разума», и ее постижение требует особой оптики. Как правило, «большое видится на расстоянии» — современники не всегда владеют необходимой оптикой. Но есть события, в признании исторического значения которых ошибиться трудно — независимо от того, с каким знаком их оценивают. Нынешняя крымская кампания России отвечает известной формуле «выигранная война — не начатая война». Отношение к этому событию в мире варьируется в широком диапазоне — порой кажется, что речь идет о разных событиях. Однако независимо от знака оценок наблюдатели солидарны в историческом значении произошедшего как открывающего новую страницу истории нынешнего века. Каковы очертания и смысл этой новой страницы?

Вспоминается фотография знаменитой тройки лидеров государств, ставших победителями во Второй мировой войне, — Сталина, Рузвельта и Черчилля, выполненная на фоне Ливадийского дворца в период Ялтинской конференции в феврале 1945 года. Ставшая площадкой решения болезненных вопросов, включая территориальную реконфигурацию мира, конференция вошла в историю в том числе в связи с тем, что стороны пришли к соглашению практически по всем пунктам благодаря взаимным уступкам. И именно на Ялтинской конференции были выработаны принципы мироустройства, ставшие фунда-

ментом «славного 30-летия» 1945–1975 годов, прошедшего под знаком стратегической стабильности как результата равновесия сил и равновесия страха. Участники конференции заявили о приверженности принципам, которые просуществовали весь период холодной войны. Среди этих принципов — согласие сторон уважать территориальные зоны интересов друг друга. Запад не пытался оспорить явно (хотя негласное противостояние не утихало ни на миг) доминирование СССР в социалистическом стане, СССР не стремился установить социализм в Западной Европе (хотя теоретически такие возможности существовали — в первые послевоенные годы симпатии к социализму были массовыми: почти треть Европы голосовала за коммунистов). Это взаимное согласие составляло основу своеобразного «кодекса поведения» эпохи холодной войны, суть которого — в приверженности правилам игры. Знаковой вехой этой эпохи стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году в Хельсинки, зафиксировавшее нерушимость послевоенных границ.

Можно ли говорить о кодексе поведения в период после холодной войны? Думаю, да. Его основой был своеобразный консенсус Запада и России: последняя добровольно ушла из Восточной Европы, не претендуя более на роль сверхдержавы, а Запад молчаливо согласился с признанием особой роли и интересов России на постсоветском пространстве (хотя новая Россия, кажется, нередко сама забывала о своих особых интересах, по инерции рассматривая соседей из ближнего зарубежья как младших братьев — дескать, все равно никуда не денутся...). Похоже, это сыграло не последнюю роль в том, что в начале нового века основанный на принципе невмешательства в дела друг друга кодекс поведения был предан забвению. Страны Запада фактически включили в зону своего влияния ряд постсоветских государств (создав военные базы, вошли в Центральную Азию, частично вовлекли в сферу своего влияния часть Кавказа). События 2003 года в Грузии и оранжевая революция 2004 года в Украине в полной мере сигнализировали о кризисе «кодекса согласия». Принципы взаимного признания территориальных зон интересов были отброшены, правила игры — сломаны.

Но настоящим крахом этого кодекса стали недавние события в Украине, в ходе которых Запад открыто поддержал одну из сторон конфликта, и динамичный процесс поочередной смены фаз трансформации и стабилизации вступил в фазу турбулентности. Нынешний кризис отчасти справедливо сравнивают с Карибским. Параллели здесь

обоснованы: если США рассматривали Кубу как неотчуждаемую сферу своих интересов, то вряд ли правомерно оспаривать особую роль «мягкого подбрюшья» Балто-Черноморья в системе безопасности России.

Нынешний крутой поворот истории был неизбежен — как неизбежно отражение в зеркале стоящего рядом с ним. Но «ящик Пандоры» был открыт отнюдь не Россией. Как это нередко бывает тогда, когда история — вопреки известному правилу — все же пытается преподать наглядный урок, она «закольцевала» свой ход: возвращение Крыма в Россию состоялось в 15-ю годовщину начала агрессии НАТО против Югославии, результатом которой как раз и стал известный прецедент, дискурс о нем построен на нерушимости права на отделение. Сегодня те же люди, что настаивали на легитимности отделения Косово, предпочитают говорить об аннексии Крыма. Трудно найти более наглядное воплощение практик двойных стандартов... Именно практик — во множественном числе, причем наиболее наглядны эти практики в странах, нередко определяемых как молодые демократии. Вооруженные до зубов боевики, разгромившие центр Киева, представлены в качестве мирных демонстрантов, а 97% пришедших на референдум жителей Крыма — агрессивными сепаратистами... Ничто не ново под луной: чуть ранее в других краях боевики, промышлявшие торговлей оружием и человеческими органами, представлялись в качестве борцов за независимость, а изгнанные со своих исторических земель — творцами геноцида. Итогом этого произвольного обращения с реальностью стали кризис регулятивной роли международного права и уверенное утверждение двойных стандартов, ставших нормой, — достаточно сопоставить, например, оценки выборов в Афганистане, Ираке, Украине, чтобы понять масштаб «бухгалтерского искусства». И т.д., точнее, далее — везде...

Очевидно, что независимо от того, кто будет объявлен победителем майских украинских выборов (как говорится, не важно, как голосуют...), есть один очевидно проигравший в их результате. Это идеи и принципы правового государства и правового регулирования в целом, поскольку реально существовавшие правовые механизмы урегулирования кризиса в Украине были демонстративно отброшены. И с сожалением приходится признать, что это не досадный локальный (украинский) эффект, а скорее проявление общего глобального процесса эрозии права в качестве регулятора внутригосударственных и международных отношений. Акции в Косово, Афганистане и Ираке,

осуществленные без санкции ООН, существенное превышение мандата ООН в Ливии — лишь наиболее яркие примеры этой тенденции на глобальном уровне. И здесь нельзя не согласиться с Макфолом: следствием стало падение морального авторитета США.

Нынешняя «смена вех» имеет еще одно измерение — метафизическое, побуждающее обратиться к старой проблеме соотношения политики и морали. Различные подходы к пониманию роли морального модуса в политике нашли отражение в формировании двух парадигм — политического реализма и политического идеализма. Согласно постулатам политического реализма, важнейшей движущей силой мировой политики и политики вообще является интерес, в мировой политике — национальный интерес, а межгосударственное взаимодействие имеет анархический характер столкновения несовпадающих и конфликтных интересов государств. Основной формой взаимодействия участников мировой политики предстает конфликт, а важнейшим принципом поведения государств в мировой политике — «помоги себе сам». Решающим фактором политического успеха в мировой политике предстает сила (мощь), а основными категориями выступают «национальный интерес», «баланс сил», «полярность». Наиболее последовательное выражение реализм нашел в подходах *Realpolitik*, суть которых выражает известная формула «хочешь мира — готовься к войне».

Сторонники идеалистической парадигмы трактуют политику в целом и мировую в частности как сферу сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права, интеграции. Целями политики в рамках этой парадигмы выступают общечеловеческие ценности и универсальные демократические принципы, а основными мотивами политических акторов — стремление к бесконфликтному гармоническому сосуществованию различных стран и народов.

Анализ исторического опыта показывает, что попытки обращения к практикам политического идеализма, как правило, оборачивались политическим поражением. Вспомним, например, чем завершились попытки императора Александра I создать после окончания наполеоновских войн Священный союз — своеобразную систему общеевропейской безопасности, основанную на балансе интересов. Бывшие союзники России по антинаполеоновской коалиции противопоставили ее открыто конференциальной политике политику кулуарного сговора. И в этом не порок, а сила западной дипломатии, всегда исходившей

из принципа первенства своих национальных интересов. Именно этим принципом руководствовались Талейран, Меттерних, Бисмарк...

Показательна в этом смысле Русско-турецкая война 1877–1878 годов, вступлению России в которую упорно противился император Александр II, справедливо полагая, что участие в ней не соответствует возможностям страны: Россия не только лишилась плодов одержанных ею военных побед на Берлинском конгрессе 1878 года, но даже не обрела лояльности со стороны освобожденных ею народов, и спустя несколько лет после окончания войны Александр III констатировал: «В Европе у России друзей нет».

Проблематичными стали и результаты практики политического идеализма в постсоветский период. Одним из результатов политики «нового мышления для нас и всего мира» стал распад системы глобальной стратегической стабильности, а возобладавшая в первое постсоветское десятилетие политика односторонних уступок в полной мере показала, что в политике действительно нет вечных врагов и вечных друзей — вечны только интересы... Сегодняшняя позиция России есть не в последнюю очередь реакция на результаты инициированного ею ранее эксперимента по внедрению политического идеализма в промышленных масштабах. Ценою эксперимента стала целостность страны, а потери исчисляются не деньгами, а поколениями. Так, может быть, синонимом нравственности в политике является именно единообразие применяемых стандартов оценки?

Впрочем, устойчивы не только интересы, но также фобии и мифологемы. В середине XX века Иван Ильин писал: «Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу... не весит перед лицом этого страха... Россия — это загадочная, полуварварская «пустота», ее надо... «колонизовать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем, ее необходимо всячески ослаблять». Устареют ли эти размышления к середине XXI века?

Что дальше?

Полагаю, что сколь острым ни казался бы сегодняшний кризис в отношениях России и Запада, он не вечен, и, сколь бы категоричны ни были критики России, очевидно, что без сотрудничества с нею не решить целый ряд ключевых для сегодняшней мировой политики проблем. Это Афганистан—США нуждаются в транзите через россий-

ское воздушное пространство; это Сирия, уничтожение химического оружия которой предполагает российское содействие; это Иран — продолжение сотрудничества с Россией необходимо для нормализации ситуации вокруг этой страны: это сохранение режима нераспространения ядерного оружия. В 2015 году состоится очередная конференция по рассмотрению функционирования режима нераспространения ядерного оружия. Если к 2015 году мы подойдем в нынешнем состоянии отношений Запада и России, вряд ли можно рассчитывать на успех этого форума. А раз так, то следствием может стать и расползание ядерного оружия... Иначе говоря, решение перечисленных — и многих других — проблем едва ли возможно без России.

Так что «крымская» речь Путина вряд ли станет новой версией Фултона — скорее манифестом неприятия однополярного мира. Россия не только проявила волю к защите соотечественников, униженных в своем гражданском чувстве и оскорбленных в своем достоинстве, но вернулась в мировую политику в качестве субъекта, осознающего свои стратегические интересы и готового к их деятельной защите.

Л. Н. Тимофеева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА: СОХРАНЯТЬ ИНСТИТУТЫ ИЛИ СЛЕДОВАТЬ ЗА ОТНОШЕНИЯМИ?

*«Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе»
Дж. Харингтон*

Во время общественно-политических кризисов перед властью всегда встает один и тот же вопрос: охранять институты (конституцию, законы страны, систему ролей, структуры) или следовать за формирующимися на глазах новыми отношениями в обществе, которые со временем обретут новые институциональные формы? Именно в это время можно услышать вопрос в рядах оппозиции: а легитимна ли власть?

В связи с этим вспоминаются два исторических эпизода в России: 1917 год и 1993 год в России, годы крутых переломов, которые со всей очевидностью обнажили этот вопрос. Актуален он и в связи с событиями в соседней стране — Украине, пережившей государственный переворот и пытающейся теперь вновь перевести политический процесс в рамки легальности и легитимности. Но вернемся к России.

Власть в России, начиная со 2 марта 1917 года, существовала во вне правовом пространстве. Николай Второй своим отречением, Временное правительство провозглашением России республикой, большевики разгоном Учредительного собрания и отказом от «буржуазного права», то есть права вообще, вывели страну за пределы ее правопорядка, разорвали многовековую преемственность правоустановлений. Фактически все право с тех пор в стране оставалось фиктивным, фиктивными были все Конституции 1918, 1924, 1936, 1977, 1993 годов — основная норма любой правовой системы. Выходит, фиктивной, нелегитимной была и остается власть. Но так ли это?

Дело в том, что отрекаясь от престола Николай Второй нарушил Основные государственные законы от 23 апреля 1906 года. Согласно им, при вступлении на престол и миропомазании император брал на себя обязательство свято соблюдать законы о наследии трона. Сущест-

вует только два пути замещения престола: а) избирательный, б) наследственный. Россия, как и большинство монархий последнего столетия, принадлежала к числу наследственных монархий. Более того, в России, как и везде, было установлено наследование по закону, а не по завещанию. После 23 апреля 1906 года порядок престолонаследия в Российской империи регулировался ст. 25–39 Основных законов. А они, в свою очередь, основывались на Акте престолонаследия от 5 апреля 1797, изданном Павлом Первым. Этот акт вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавил страну от потрясений, лихорадивших ее весь XVIII век.

Николай Второй имел право только на передачу престола своему сыну, законному наследнику Алексею. Царевичу в 1917 году было 13 лет, и в соответствии со ст. 52 Основных законов до достижения им совершеннолетия (16 лет) в России вводился режим «правительства опеки», т. е. назначались Правитель, возглавивший Совет правительства (из шести членов), и Опекун. Эти функции не могли осуществляться «как в одном лице совокупно, так и в двух лицах отдельно». Назначить их должен был Николай Александрович.

Следовательно, акт передачи власти великому князю Михаилу был незаконным. Отречение же последнего 3 марта было уже юридически фиктивным, поскольку отрекаться ему было не от чего. Напомним содержание Акта отречения: «Всем гражданам державы Российской подчиниться Временному правительству». Нелегитимным, нелегальным был этот акт, поскольку нелегитимным и нелегальным было Временное правительство и все власти, следовавшие за ним. Дело в том, что Временный комитет Государственной думы, который вручил Временному правительству власть, не имел таких полномочий. Никто не может передать другому более прав, чем сам имеет. Значит, и не было юридической силы в провозглашении России республикой 1 сентября 1917 года.

Получается, что цепочка нарушения правоустановления началась с самого царя. Кроме того, народ перестали устраивать старые институты. А значит он получает гипотетическое право на неповиновение государю вплоть до восстания. Вот как обосновывалось это право в истории общественной мысли. Впервые Иоанн Солсберийский (XII в.) аргументировано формулирует доктрину тираноубийства, если тиран сам преступает законы Божьи. Затем Фома Аквинский (XIII в.) провозглашает постулат, согласно которому, если тиран заставляет совершать

акты, противоречащие вере, то во имя религиозной нравственности можно не повиноваться тиранам вплоть до восстания. Но любое выступление против *законных* властей — смертный грех. На закате Средневековья интересный тезис доказывает Н. Макиавелли о том, что народные бунты в республиках помогают совершенствовать законы. В Новое время Ж. Боден формулирует право граждан на пассивное сопротивление, когда правитель преступает формальные границы государственной власти и учение о праве народа на сопротивление тирану, о праве на восстание, если суверен нарушает естественный закон. Однако он выступает не только против тирании, но и против бунтов, потому, что это приводит к тирании толпы. Г. Гроций признает, что народ может ограничить власть правителя законами и все действия, совершенные вопреки им, «могут быть объявлены недействительными как полностью, так и отчасти, ибо народ в полной мере сохраняет свои права». Право народа на бунт формулирует И. Кант, исходя из приоритета личности и права. Законодатель должен стремиться принимать такие законы, которым могли бы оказать поддержку, в идеале, все граждане. В этом состоит главный критерий легитимности законов. Только законы, которые удовлетворяют ему, пригодны для регулирования отношений между гражданами. Значит, законы, не удовлетворяющие этому критерию, могут стать причиной бунта, также как и явления, которые уже не являются основой для консенсуса между государством и гражданами. Привилегии знати, крепостничество, деспотизм и пытки явно не относятся к вещам, которые могут быть поддержаны всеми сторонами. Известно и обоснование К. Марксом права угнетенных на революцию.

Итак, что же получается? Николай Второй, сам преступил закон, сердцевину Основных государственных законов. Кроме того, современные царю правоведы, например Г. Кельзен и другие, предусматривали революцию как инструмент перехода к новому порядку. Кадеты, эсеры и меньшевики, которые совершили февральскую революцию имели на это право, поскольку действовали от имени народа, тех новых зарождающихся отношений, которые еще не успели превратиться в институты обычным эволюционным путем, да и старый институт — царизма просто препятствовал этому.

Конечно, идеальным было бы, если бы две силы — сторонники монархии и сторонники ограниченной монархии и даже республики смогли бы договориться. Прав В. А. Маклаков, депутат 2—4 Государственной думы, член ЦК Конституционно-Демократической партии,

который писал: «В России были две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил и в совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года — в этом ее основная идея — не только давала возможность такой работы, но и делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами было необходимым условием государственной жизни»¹. Но ведь этого же не произошло. Политики имеют дело не с идеальными конструкциями, а с реалиями жизни.

Таким образом, в России XX века существовало три вектора конституционно-правового измерения легитимности власти.

Первый существовал с 23 апреля 1906 года, когда были приняты основные государственные законы, вводившие полупарламентскую систему в связи с объявленным Манифестом, по 2 марта 1917 года, когда император Николай Второй отрекся от престола.

Второй был избран с 10 июля 1918 года — даты утверждения первой советской Конституции и продолжался по 21 сентября 1993 года, когда Президентом Российской Федерации Борисом Николаевичем Ельциным был подписан Указ № 1400 о роспуске Съезда народных депутатов.

Третий начался с 12 декабря 1993 года — даты всенародного референдума по принятию новой Конституции РФ и продолжается по настоящее время.

В чем проблема? Политическая практика и Конституция 1918 года никак не связана с законами Российской империи. Конституция 1993 года, хотя и связана с советской Конституцией, вырастает из нее, но полностью отрицает прежнюю политическую реальность, отрешившись от коммунистического прошлого. Кроме того, она еще создает и новую правовую реальность, чего не было в Конституции СССР.

Как быть, если в правовом порядке есть два основных среза:

1. важны правовые институты, определяющие данный правовой порядок;
2. важны политические отношения, пусть еще не сложившиеся в институты, но представляющие собой части правового порядка, который народ признает справедливым.

Что делать? Возвращаться к институтам или конституировать но-

вые отношения? Что важнее закон, легитимно сформированная ранее власть или политическая реальность, чьим субъектом и представителем выступает политическая оппозиция? Что правильнее: поддерживать на Украине законно избранного президента В. Януковича до истечения срока его полномочий или мятежников с Майдана? Избирать нового президента при жизни существующего и тоже легально избранного? Оправдывает ли все революция? Кстати, в переводе с латинского «революция» означает «переворот»? Переворот всегда осуществляется через политическое насилие, а, порой, и, военное. Политическое насилие — это слом чьих-то политических прав и свобод и насаждение новых, иных. Политическое насилие используется как сверху, так и снизу. В одном случае его называют государственным террором, в другом, бунтом, мятежом, восстанием, революцией. Пределы политического насилия — проблема как нравственная, так и юридическая, политическая. Пределы и нормы конвенционального и неконвенционального политического поведения менялись исторически. Менялось и отношение к ним. Когда-то оппозиция, также как и забастовки и вообще сопротивление власти считалось крамолой. Затем они стали легитимизироваться. В век Просвещения наиболее активно. К примеру, Поль Анри Гольбах французский философ, просветитель и политический мыслитель XVIII века в работе «Естественная политика» полагал, что политика — это искусство управлять людьми или заставлять их содействовать сохранению и благополучию общества, это искусство делать народы счастливыми. Править народом — *значит удерживать в равновесии его страсти, подавлять те из них, которые могут привести к опасным последствиям, и направлять на пользу государству те, которые могут быть ему полезны.* При этом Гольбах считал естественным, что общества, подобно живым организмам переживают кризисы, моменты безумия, конвульсии, революции, изменения форм своей жизни. Они рождаются, растут, умирают, переходят от здоровья к болезни, а от болезни — к здоровью. Наконец, как и все существа человеческого рода, они имеют детство, юность, зрелый возраст, дряхлость и смерть, вмещающаяся в пределы, установленных природой для всех ее творений². Управляющие должны быть мудрыми, занимаясь образованием и воспитанием народа, чтобы предохранить себя от буйной горячности слепой и неосторожной толпы, а законодательство должно изменяться в соответствии с изменением положения народа в различные периоды его развития. Люди несчастны и злы и не умеют жить в обществе только потому,

что их руководители пренебрегают своей обязанностью просвещать их относительно их истинных интересов. Плохое правительство лишь разобщает людей, запугивает их, притупляя в них нравственное чувство и чувство общности, отделяет их личные интересы от интересов общества — одним словом, это правительство сеет порок, так что не следует удивляться тому, что оно не пожинает добродетели. Его вывод звучит так: плохие законы, несправедливые правительства, порочные учреждения, нелепые обычаи, фанатичные, полные бесчеловечности и нетерпимости, препятствующие всякому естественному человеческому общению суеверия, отсутствие равновесия между людьми и условиями, их деятельностью, словом, отсутствие благополучия — вот причины для тревоги и недовольства людей, их стремления изменить свой удел.

Современные политические этологи как либеральные, так и демократические обосновывают три формы сопротивления неэффективной власти, когда диалог с ней становится невозможным и необходимо осуществить политическое давление на власть: пассивное, активное и гражданское неповиновение.

Пассивное неповиновение означает отказ от соблюдения законов или распоряжений власти. Оно может быть индивидуальным и коллективным типа забастовки или бойкота.

Активное неповиновение использует противозаконные действия, включая применение насилия по отношению к носителям государственной власти.

Под *гражданским неповиновением* подразумевается ограниченное и целенаправленное нарушение действующего права в демонстративной форме, при помощи которого должно быть достигнуто изменение законов или определенной политики. При этом либералы не допускают насилия, а демократы его допускают, хотя и с некоторыми оговорками.

При этом во главу угла этологи ставят понятие справедливости. В зависимости от приоритета критериев целого или индивидуального выделяют справедливость коммьюнитаристскую, или коммунитаристскую (от англ. community — община, общность), либерально-демократическую и либертатную, получивших свое воплощение в социалистической и капиталистической политических и экономических системах. Например, А. Макинтайр в своем коммунитаристском понимании социальной справедливости утверждает, что для развития общества недостаточно формальной справедливости, основанной только на праве,

необходимо развивать нравственные качества человека, думающего о благе общего. Такому подходу противостоит либертариизм, при котором приоритет отдается свободе, индивиду и реализации его интересов (Р. Нозик, Ф. А. Хайек и др.). Государство может быть справедливым только при условии, что его сфера минимальна, то есть тогда, когда оно не препятствует пользованию личными свободами³. В демократическом либерализме совмещается свобода личности и этика прав и обязанностей (Дж. Роулз, Р. Дворкин и др.). Дж. Роулз в работе «Теория справедливости» (1971) отстаивает индивидуализм, приводя вместе с тем и доводы в защиту равенства. В социал-демократическом подходе акценты при определении социальной справедливости делаются на демократической легитимации, но при сохранении прав индивида (Х. Аренд, Ю. Хабермас).

Однако размышляя о праве на бунт, переворот, революцию, наблюдая сегодня за тем, что происходит в соседней Украине, где вновь брат пошел на брата в результате государственного переворота, на память приходят слова идейного вдохновителя движения ненасилия Махатмы Ганди: «Для мертвого, сироты или бездомного не имеет значения: идет безумное разрушение под знаменами тоталитаризма или во имя свободы и демократии».

Итог. Выходит, что наши рассуждения привели к противоречивому результату. Политическое поведение в демократическом обществе имеет *дуалистические* правовые, этические и политические prerogatives и ограничения. Юридические prerogatives на неконвенциональное политическое поведение покоятся на правах и свободах человека и гражданина и заключена в суверенном праве народа на учреждение власти и сопротивлении ее злоупотреблениям, но и ограничения связаны с тем же правом человека на жизнь и достойное существование. Этическая prerogativa политического протеста связана с нравственной нормой сопротивления человека любой тирании, в какой бы форме она не выступала, а предел — с той же нравственной и религиозной нормой «не убий». Политическая prerogativa протеста основывается на сущности политического как преобразовательных возможностях социальных акторов и их институтов. Политический предел ситуационен и диктуется правящим классом до тех пор пока народ его поддерживает. Кто определяет справедливость или правомерность оппозиционных действий, кто имеет право назвать бунт благородным словом революция и признать такое массовое политическое поведение конвенцио-

нальным? Победитель, которому дано такое право номинировать свои действия как конвенциональные или независимый наблюдатель, бесстрастно руководствующийся теми примерно аргументами, которые выдвинули мы в этой статье? Могут ли в принципе старые институты быть пределом политического поведения народа, когда старый мир для него рушится?

¹ Цит. по кн. Леонтовича В. История либерализма в России: 1762–1917. Париж: YMCApress, 1980. — С. 465

² Гольбах П.А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления» //Избр. произв. в 2 т. Т. 2. М., 1963. С. 380–385, 393–398.

³ См.: Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York: Basic Books, 1974.

Е. Г. Пономарева

«УМНАЯ СИЛА» И СЦЕНАРИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

До сих пор остается открытым вопрос: чем измеряется сила в международных отношениях? Существуют ли какие-то количественные показатели этого понятия, на основании которых можно спрогнозировать поведение того или иного государства?

В свое время Р. Клайн — высокопоставленный чиновник из ЦРУ, занимавшийся анализом баланса сил в период холодной войны, сформулировал свое видение этой проблемы. В 1977 г. он опубликовал некоторые итоги многолетней работы. Интерес представляет следующая формула:

Сила государства = (население + территория + экономика + военная мощь) × (стратегия + воля)

После того как в эту формулу были поставленные конкретные данные, Клайн пришел к выводу, что Советский Союз вдвое сильнее США¹. Для нас очевидно, что главная причина поражения СССР в холодной войне в том, что уже в конце 1980-х годов советское руководство не только не имело стратегии развития страны, но полностью утратило волю к отстаиванию национальных интересов.

Природа «умной силы»

В современных условиях индексы силы, учитывающие самый широкий спектр ресурсов страны (технологии, человеческие и материальные факторы, развитость инфраструктуры, финансовые возможности, военная мощь, боевая подготовка и др.), акцентируют внимание на интеллектуальных, информационных и волевых способностях системы и конкретных политических лидеров, что нашло выражение в концепции «мягкой силы» (МС), сформулированной Дж. С. Наем в 1990 году. С 2004 г. Дж. Най не только как ученый, но и как советник ряда государственных структур США занимается разработкой стратегии «умной силы», которая сочетает полный набор инструментария как для принуждения — «твердая сила», так и для убеждения и притяжения — «мягкая сила».

Несколько лет назад в США в Центре стратегических и международных исследований была создана Комиссия по «умной силе» (УС),

которая пришла к выводу о настоятельной необходимости соединения «твердой» и «мягкой» силы в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах. Сложность современного этапа развития мировой политики в том, что в борьбу за влияние, информацию и ресурсы включены не только (а зачастую, даже не столько) государства, сколько наднациональные структуры и ТНК. Сегодня происходит «передача», перераспределение силы с уровня государства на уровень негосударственных, «супранациональных» (Э. Хобсбаум) игроков.

Най настаивает, и в этом с ним нельзя не согласиться, что многое зависит не только от имеющихся ресурсов, но и от меняющихся при различных обстоятельствах человеческих взаимоотношений, зависит от человеческого фактора. Иными словами, наличие ресурсов не является гарантией того, что вы всегда получите желаемый результат. Например, военный потенциал НАТО не имеет себе равных в мире, однако нет ни одного вопроса, который бы эта организация решила с однозначной пользой для себя. Именно поэтому «превращение ресурсов в реализуемую силу в смысле достижения желательных результатов требует хорошо разработанного плана действий и опытного руководства»². Это собственно и есть «умная сила».

Конечно, очень важным фактором является возможность и способность влиять на поведение лиц принимающих решения (ЛПР). Д. Эйзенхауэр — 34-й президент США — обозначил это как побуждение делать что-то «не только потому, что вы говорите им, что так надо сделать, а потому, что они инстинктивно хотят это сделать для вас»³. Однако реализация такой политики приносит желаемые результаты лишь в случае формирования приоритетов ЛПР в русле интересов страны-проводника «умной силы». Таким образом, применение силы заключается в формировании как ценностей и приоритетов конкретных политиков и влияющих на них лиц, так и в во влиянии на ситуацию, в которой они вынуждены менять стратегию.

Приоритет в формировании убеждений, как и оценок той или иной проблемы, ситуации принадлежит «мягкой силе». Ярким доказательством тому является украинский кризис. Поэтому использование информации и связи как методов УМ представляется первоочередным. Как заметил еще в 2006 г. министр обороны Д. Рамсфельд. по поводу войны с терроризмом: «В этой войне некоторые самые решающие сражения проходят не в горах Афганистана, а в новостных редакциях в Нью-Йорке, Лондоне и Каире»⁴. Однако строить политику только на

информационных ресурсах нельзя. Разрабатывая политическую стратегию, важно помнить первое правило рекламного дела: если у вас плохой товар, даже самая хорошая реклама не поможет его продать. Грубо говоря, добьется желаемого результата тот субъект, который имеет хороший товар и хорошую рекламу. Это собственно и будут проявление «умной силы».

Глобальное управление глобальным развитием

Теперь несколько слов о проблематике глобального управления, которое, с одной стороны, является неизбежным следствием усложнения современного мира. С другой — представляется одним из формирующих глобализацию факторов.

Впервые в широкий оборот само понятие *global governance* было введено во второй половине 1980-х годов В. Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению. Изначально само понятие глобальное управление (ГУ) подразумевало совместные усилия по решению проблем бедности, экологии, эпидемий и т.д. С конца XX в. и прежде всего под влиянием распада блоковой системы международных отношений (МО) и окончания холодной войны понятие ГУ приобретает более глубокий смысл и касается практически всех вопросов управления, в которое оказываются включены не только и даже не столько государства, сколько наднациональные структуры и ТНК. В известном докладе ООН 1995 г. «Наше глобальное соседство» Комиссия по глобальному управлению предложила рассматривать ГУ как «сумму множества путей, которыми индивиды и институты (общественные и частные) управляют общими делами. Это постоянный процесс, посредством которого могут удовлетворяться различные интересы и предприниматься кооперативные действия. ГУ включает в себя формальные институты и режимы, обеспечивающие сотрудничество, а также неформальные соглашения между институтами и людьми, о которых они либо договорились, либо полагают, что такие соглашения будут в их интересах»⁵.

Как видим, никакого упоминания государства — как центрального института системы МО в этом определении нет. Уже тогда был заложен концептуальный фундамент того, что Э. Хобсбаум назвал супранациональным и инфранациональным обществом, что озаглаживает «упадок старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур», которые «отступают на второй план перед лицом нового, супрана-

ционального преобразования мира, сопротивляются ему, поглощаются им или адаптируются к нему»⁶. Поэтому неслучайно развитие концепции ГУ происходит параллельно с размыванием в теории и на практике понятия «суверенитет», как принципиальной основы государства-состояния, государства как самостоятельного и независимого субъекта МО. Подобный тренд, по мнению проводников мондиалистских взглядов, привел к позитивному результату, а именно к концу «диктатуры национальных государств» и формированию эффективного наднационального управления⁷. Однако такая позиция встречает не только научную критику, но и серьезное сопротивление самих государств, что выражается в череде региональных и глобальных кризисов.

В 2003 г. Брукингский институт совместно с экспертами Всемирного экономического форума создали специальную комиссию — Инициативу глобального управления, которая занялась разработкой новых идейных основ формирования принципов наднационального управления. В докладах комиссии были обозначены сферы, которые имеют глобальное значение и не могут быть подконтрольны только государством. Это экология, урегулирование конфликтов, образование, здравоохранение, защита прав человека, борьба с бедностью. В этих сферах, по мнению авторов докладов, принципы ГУ могут быть осуществлены только с помощью наднациональных институтов контроля над деятельностью государств. И это лишь один из примеров обоснования практики ГУ. Здесь можно вспомнить доклады Римского клуба, Трехсторонней комиссии, различных ооновских и европейских структур. Самым ярким практическим итогом ГУ можно считать деятельность ЕС. В то же время концепция ГУ не исключает наличия государства-гегемона, которое является «высшей гарантией глобальной стабильности»⁸. Собственно достижение статуса глобального (регионального) гегемона и сохранение его на довольно долгий период времени требует использование «умной силы».

Сценарии глобального развития

Отталкиваясь от вышесказанного можно выделить несколько сценариев глобального развития.

Первый сценарий условно обозначим «*Наднациональное управление*». Один из активных проводников этой идеи — французский экономист и крупный политический деятель Ж. Аттали — утверждает, что ценности рынка и демократии являются «важнейшим условием гармо-

ничного развития в планетарном масштабе» и настаивает на необходимости «создания инструментов для реализации принципов глобального суверенитета», среди которых он выделяет «парламент, правительство, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию; общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками»⁹.

Понимая, что процесс глобализации суверенитета будет долгим и сложным, Аттали предлагает пока «ограничиться созданием *скромного* мирового управления», что потребует принятия решений, кардинальным образом меняющих современную систему МО. Среди них: расширение G-8 до G-24 (что, фактически, уже произошло); создание на базе G-24 и СБ ООН Совета управления, осуществляющего законное политическое регулирование; подчинение МВФ, ВБ и других международных финансовых институтов этому Совету; реформа (в том числе порядка голосования) всех международных финансовых учреждений. Для реализации этого сценария Аттали предложил политико-организационный механизм, состоящий из пяти элементов.

Первый элемент — *новая Организация Объединенных Наций*, в которую в качестве индивидуальных членов войдут *не все страны*. Чтобы стать индивидуальным членом ООН, надо будет иметь определенный размер населения, объем накопленного национального богатства и определенную величину национального дохода на человека. Получится некая «ООН для избранных». Таких «избранных» должно быть от 30 до 50. Остальные страны могут входить в новую ООН через коллективные организации. Любой коллектив стран, чтобы войти в ООН, должен отвечать тем же критериям, которые нужны и для индивидуального членства.

Второй элемент — *Мировой парламент с двумя палатами*. Одна избирается напрямую голосованием на всей планете. Скажем, каждый кандидат, набравший миллион голосов, становится депутатом этой палаты. Депутатов другой палаты избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН по мажоритарной системе относительного большинства.

Третий — *Мировое правительство*. Его формирует ООН по согласованию с Мировым парламентом. При нем необходимы и Мировые вооруженные силы, и Мировая полиция. Четвертый — создаваемые ООН и независимые от Мирового правительства: Мировое ядерное агентство,

Мировое ракетное агентство, Мировое космическое агентство, Мировой банк, Мировой суд, мировые научно-исследовательские и экспертные центры, образовательные, культурные и спортивные организации. Пятый — Мировая система независимой информации, прежде всего, независимые даже от новой ООН телевидение, радиовещание, интернет.

Второй сценарий ГУ можно условно назвать «*Демократические империи*». В этом случае речь идет о демонтаже национальных государств, т. к. именно суверенные государства, по мнению противников государствоцентричного мира, «парадоксальным образом способны стать угрозой свободе и демократии, поскольку они смогут возродить старые конфликты или создать новые отношения соперничества и вражды»¹⁰. Максимально полное обоснование этого процесса представлено в работах профессора Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, члена Европейской академии — Ж. Коломера. Главная его идея заключается в том, что благополучие народов зависит от «таких обширных *демократических империй*, как США и ЕС».

Справедливости ради следует отметить, что Коломер выделяет пять современные империй (Америка, Китай, Европа, Япония и Россия) и пять больших объединений, относящихся к имперскому типу (Индонезия, Индия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш. Австралия и Канада), которые сопоставимы с империями по территориальным размерам, но недоселены. Однако будущее для него за империями *демократическими*.

Третий сценарий можно назвать «*Гегемонистская стабильность*». Согласно Р. Гилпину, гегемонистская стабильность устанавливается при наличии пяти условий:

- государство-гегемон должно значительно превосходить все остальные государства в системе по экономическим и военно-стратегическим показателям;
- гегемоном должно быть либеральное государство, потому что только либеральное государство стремится к гегемонии и может создать открытый и либеральный мировой порядок;
- среди великих держав должно существовать хотя бы рудиментарное согласие с властью гегемона;
- гегемон должен быть дальновидным и создавать международные режимы, необходимые для обеспечения глобального благополучия;
- гегемон должен быть готов приносить в жертву свои краткосрочные интересы ради долгосрочного благополучия всей системы международных отношений¹¹.

Очевидно, что приведенная аргументация гегемонии вызывает не только массу вопросов, но фактически оправдывает описанный Дж. Оруэллом мир, где «все равны, но одни более равны, чем другие». Однако, несмотря на имеющиеся исторические аллюзии и прогрессирующую турбулентность мировой политики, определенную гегемонизмом США, приверженцы этой модели полагают, что злоупотребления властью при гегемонистской стабильности носят ограниченный характер. Поэтому, согласно их логике, даже если либеральное государство «скатывается к злоупотреблениям, это не страшно», т. к. «гегемоны не в состоянии долгое время обеспечивать свое лидерство в системе, их ресурсы истощаются, и тогда система эволюционирует либо в сторону формирования механизмов коалиционной гегемонии (плюралистическая однополярность), либо трансформируется в модель „следования за лидером“»¹², которая обеспечивается преимущественно «мягкой силой» бывшего гегемона.

Четвертый сценарий можно назвать *«контролируемая нестабильность»*. Концептуальное оформление концепции ГУ в условиях критичности, хаотизации больших социальных и политических пространств пришлось на конец 1980-х — начало 1990-х годов. Заимствовав ряд положений из работ И. Пригожина и Э. Стенгерс, исследовавших неравновесные, стремящиеся к хаосу системы в термодинамике, американским политологам удалось обосновать «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» во внешнеполитических интересах США¹³.

Создание хаоса в стратегических интересах заказчика возможно при использовании различных механизмов. Например, через организацию демократического транзита; осуществление рыночных реформ и приватизации; в процессе повышения жизненных стандартов у населения и прежде всего, у господствующих групп, а также через постепенное вытеснение традиционных для конкретного общества ценностей и идейных установок и замещение их неолиберальным контекстом.

Таким образом, сценарий контролируемая нестабильность подразумевает создание заинтересованными игроками при помощи различных средств за исключением прямых военных действий условий для дестабилизации политической ситуации в конкретной стране. Создание нестабильности может быть как в экономических, так и в геополитических интересах крупных мировых игроков.

«Полицентричный мир» — пятый сценарий. Согласно модели полицентричности или многополярности (в ее классическом понимании), международные отношения все более тяготеют к плюрализации, сопровождающейся появлением и укреплением новых игроков на мировой арене. Плюрализация МО косвенно свидетельствует об уравнивании их совокупных возможностей (К. Уолтс). Данный процесс оказывает непосредственное влияние на становление новых центров силы (Россия как лидер Евразийского союза, Китай, Индия и др.).

«Умная сила» как стратегия развития

В современном мире объективны тенденции «размывания» господства США, усиливающиеся, во-первых, внутренними противоречиями, обусловленными «надрывом» ролью мирового лидера. Во-вторых, значительным экономическим ростом, переживаемым, прежде всего, азиатскими гигантами — Индией и Китаем, а шире — всей Восточной Азии. В-третьих, возрождением России и конкретными ее шагами по консолидации своего геополитического и цивилизационного региона влияния — Северной Евразии. Наконец, что не менее важно, повсеместным ростом недовольства гегемонией Запада, которая проявляется в открытом и тайном противодействии его политике.

В последние годы наметился вектор «ребалансировки», т.е. возврата в новых условиях к многополюсной конфигурации мира, к балансу сил, дававших миру устойчивость. Как отмечают французские исследователи, «многополюсность предполагает не только более справедливое международное распределение богатства, но и потрясение основ политических отношений»¹⁴. Международные институты, являющиеся инструментами однополярного мира, будучи проводниками интересов Запада, прежде всего такие, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, «Большая восьмерка», Европейская комиссия, Европейский банк, НАТО, ведущие рейтинговые агентства и ТНК, вынуждены уже сейчас трансформироваться в условиях зарождения новых «активных субъектов» (Ф. Перру).

Фактически, однополярный мир оказался обречен действиями своего лидера — США — и его союзников. Их стремление навязать свои ценности, бескомпромиссное и жесткое, а все чаще жестокое (Балканы, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия) продвижение своих интересов, в конце концов, приводит к росту напряженности, конфликтности, деструкции, хаосу, причем, выходящему из-под контроля его организаторов.

Многополярность же наоборот формирует консенсусность мировой политики. Наличие нескольких центров силы, сопоставимых по интегральной мощи, позволяет совмещать различные модели развития, а не «ломать» и перекраивать мир исключительно по западной матрице. Иными словами, любое решение, принятое с учетом мнения нескольких участников процесса всегда лучше, чем принятое по воле и под давлением одного.

В рамках полицентричного мира Россия может реализовать свою концепцию мировидения — «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной „связки“ между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹⁵.

Первым этапом институционального воплощения идеи евразийской интеграции в XXI в. стало создание в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Формирование в 2010 г. Таможенного союза, в который вошли три наиболее экономически развитые, хотя и разные по типу экономики страны: Россия, Беларусь и Казахстан — еще один шаг на пути формирования евразийского единства. С 2012 г. функционирует Единое экономическое пространство, по сути, общий рынок, России, Казахстана и Белоруссии. К 1 января 2015 г. должен заработать Евразийский экономический союз.

События на Украине, где при поддержке западных стран сформировался бандеровский режим террора и насилия, при прочих оценках следует рассматривать как асимметричный ответ противников возрождения Евразии. Политика «двойных стандартов» в непризнании волеизъявления жителей Крыма и Севастополя, различные санкции против России доказали настоятельную необходимость укрепления хозяйственных связей и геополитического единства народов континента-гиганта, важность развития собственных интеграционных проектов. В свою очередь «Крымская весна» стала не только закономерной реакцией на деструкцию Украины как способ передела ресурсов и сфер влияния, но и дала новое дыхание евразийской интеграции, изменила мир в целом.

Объективные условия диктуют необходимость формирования новых глобальных проектов, в ряду которых Евразийский союз и евразийский мир. Ядром этих проектов (по объективным причинам) должна стать Россия.

Однако прежде чем стать действительным, реальным стержнем евразийского мира, Россия должна превратиться в магнит экономи-

ческий, финансовый, военно-политический и культурный, который притягивает к себе исторически родственное пространство, а не отталкивает, как это было еще совсем недавно. Работа над собой для нашей страны оказалась тесным образом связана с кризисом на Украине, который не только заставил многое переосмыслить, но и требует многое изменить.

Превращение России в полноценного субъекта мировой политики, субъекта, «осознающего свои стратегические интересы и готового к их деятельной защите»¹⁶ требует в максимально короткие сроки формирования стратегии умной силы. Речь идет именно о стратегии, а не о тактических шагах и реакциях на текущий момент.

¹ Cline R. S. World Power Assessment. Boulder, CO: Westview Press, 1977. Цит. по: Най Дж. С. Будущее власти / Дж. Най. — М.: АСТ, 2014. — С. 30.

² Най Дж. С. Будущее С. 37.

³ Цит. по Axelrod A. Eisenhower and Leadership / A. Axelrod. — San Francisco: Jossey-Bass, 2006. — Р. 283.

⁴ Цит. по Най Дж. С. Будущее ... С. 61.

⁵ The Commission on Global Governance. Our Global Neighborhood. — Oxford: Oxford Univer. Press, 1995. — Р. 4.

⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html (дата обращения: 12 июня 2014)

⁷ Ohmae K. The End of Nation-State: the Rise of Regional Economies / K. Ohmae. — L.: Harper Collins, 1995. — 211 p.; Bobbitt Ph. The Shield of Achilles: War, Peace and the Course of History / Ph. Bobbitt. — L.: PenguinGroup, 2002. — XXXVI, 922 p.

⁸ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Зб. Бжезинский. — М.: Межд. отн., 2005. — С. 7.

⁹ Аттали Ж. Мировой экономический кризис...А что дальше? / Ж. Аттали. — СПб.: Питер, 2009. — С. 19, 160–163.

¹⁰ Colomer J. M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. — L., N. Y.: Routledge, 2007. — XIII, 114 p.

¹¹ Gilpin R. The Political Economy of International Relations / J. M. Colomer. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1987. — Р. 72–73.

¹² Лебедева М. М., Харкевич М. В., Касаткин П. И. Глобальное управление / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич, П. И. Касаткин. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — С. 45–46.

¹³ Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 23 мая 2014).

¹⁴ От гегемонии Запада к полицентризму // Атлас LeMondediplomatique. — М.: Центр исслед. постиндустр. общ., 2010. — С. 10.

¹⁵ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 3 окт. 2011.

¹⁶ Гаман-Голутвина О. В. Почему Запад нарушил негласный кодекс поведения. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document249872.phtml> (дата обращения: 2 июня 2014).

ВЫДЕЛЕНИЕ СТОЛИЧНОГО ЦЕНТРА КАК ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Традиционно выделяется два ведущих территориальных основания формирования государственности: национальное строительство и угрозы безопасности или, другими словами, маркирование ментальных границ сообщества «Мы» и актуализация «Других». В современной историографии по данному вопросу намечается поворот к изучению третьего механизма — внутреннего «Другого». Процесс межрегиональной дифференциации внутри государства через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией является механизмом, позволяющим выявлять территории, нуждающиеся в поддержке для сохранения соответствия национальным нормам, и, соответственно, поддержания государственности.

Для доказательства роли межрегиональной дифференциации в качестве механизма национального строительства возможны две стратегии. Логичным был бы анализ различных дискурсивных и институциональных практик маргинализации регионов. Однако такой путь выводит нас на огромное количество кейсов, различающихся по множеству параметров и, как следствие, не допускающих генерализацию в выводах. В этой связи нам представляется возможным обращение к другой стратегии — поиску доказательств целенаправленного противопоставления центра периферии, наделения за столичным центром не только административных, но и символических национальных и центростремительных функций. Существование одного полюса дихотомии должно подтверждать существование и противоположного.

Вадим Россман отмечает, что столицы являются не только местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре»¹.

Данное предположение можно подтвердить следующими фактами и рассуждениями.

Во-первых, название столицы часто совпадает с названием страны. В древнем мире государства возникали вокруг городов (Вавилонское царство, Римская империя и т.д.) и переносили название города-метрополии на всю страну. Однако в XX веке особенно в процессе деколонизации новые столицы стали называть в честь государства, олицетворяя в ней идеальных образ нации. Бразилиа строилась как символ новой Бразилии, Гитлер планировал построить столицу мира город Германия. Генри Пиккер писал, что в 1942 году Гитлера увлекала идея переименовать обновленный Берлин в Германию (лат. Germania), чтобы город стал центром великогерманского всемирного рейха: «Как в свое время Бисмарк раз за разом приводил баварцев, пруссаков и так далее к германской идее, так же очень планомерно необходимо направлять германские народы континентальной Европы к германской идее. Он даже считал, что хорошо было бы придать этой работе особо сильный импульс, переименовав имперскую столицу Берлин в Германию. Ведь, несмотря на большую территориальную отдалённость от этой столицы, имя «Германия» у имперской столицы в ее новом репрезентативном облике способно вызвать чувство принадлежности у каждого входящего в германское расовое ядро»². Одинаковые названия столицы и страны имеют и формировавшиеся нации Мексики, Алжира, Туниса, Белиза (после разрушения Белиза столицей стал Бельмопан), Гватемалы, Сальвадора, Кувейта, Монако.

Во-вторых, контроль за столицей часто приравнивается к победе в международной войне. Немецкий военный теоретик Фридрих фон Бернгарди писал: «Военная история вновь и вновь указывает нам своими многочисленными примерами на важность столиц в ведении войны. Неспособность Ганнибала завоевать Рим лишила его лавров победителя; Наполеон почти всегда выбирал всегда выбирал столицы в качестве мишеней своих стратегических атак, повергая своего противника их захватом»³. действительно, и в последних военных конфликтах мы часто следим за положением дел в столице (Багдаде, Триполи, Дамаске), пытаясь по этому понять состояние противостояния в стране. Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение, упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц.

В третьих, столичность, начиная с древности, связана, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Как скажет Д. Н. Замятин «столица — образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом государства и государственности. Однако, если брать немного шире, то мы несомненно можем говорить о различных множественных вариантах феноменологии центра мира. Это подразумевает, кроме всего прочего, обращение к космогоническим контекстам архетипического мифа об основании столицы. Так или иначе, миф о столице / столичный миф оказывается онтологической границей, соединяющей и одновременно разъединяющей феномен божественной воли и божественного указания и ноумен непосредственного властного целеполагания и решения»⁴. Особенно такая сакрализация чувствуется в образе бывших столиц. Вокруг них формируется особый образ прошлого величия нации, ее второго отражения (сравните, например, Москву и Санкт-Петербург). В столицах также размещаются национальный музей, театр, архив, что символически подтверждает символическую значимость города для нации.

Наконец, иллюстрацией данной тенденции может служить дипломатический жаргон, при котором название страны заменяется именем столицы — «Москва заявила», «Вашингтон ответил».

Таким образом, столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент ее административно-территориального устройства, системы взаимоотношений «центр-регионы» и региональной политики государства.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что специфичность столицы подчеркивается как на символическом, так и на функциональном уровне, что подтверждает наше предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

¹ Россман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. — М. Изд-во Института Гайдара, 2013. — С. 35–36.

² Andreas Hillgruber: Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942. München 1968, стр. 182

³ Бернгарди Ф. Современная война. СПб., 1912 — С. 196.

⁴ Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / Отв. ред. И. Г. Коновалова. — М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. — С. 23.

РОЛЬ ПОВСТАНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ В КОНФЛИКТАХ В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ 2010–2014 ГГ.

Вопреки мирной полемике количество войн на африканском континенте не сократилось. Основными конфликтами второй декады XXI в. в субтропической Африке являются:

- выборный кризис в Кот-д'Ивуаре (2010–2011 гг.);
- государственный переворот в Мали (2012 г.);
- террористические нападения в Нигерии (2010–2014 гг.);
- конфликт в Центральноафриканской Республике (ЦАР) (2013–2014 гг.).

Одна из характеристик конфликтов в Африке южнее Сахары — большая активность исламистских повстанческих движений северного происхождения, члены которых, будучи хорошо вооружены современным оружием, представляют собой альтернативу зачастую ослабленной и рассредоточенной армии правительства. В результате повстанцы добиваются прихода к власти путем изменения политических институтов или силового вмешательства, а форма управления возвращается к «прото-государству»:

— В 2002 г. в Кот-д'Ивуаре повстанческое движение «Новые силы» совершило атаку со стороны Буркина-Фасо и установило контроль над северной частью страны. Разбойнические нападения членов «Новых сил» привели к тому, что в короткое время север страны пришел в упадок, а мирное население было вынуждено убежать на юг Кот-д'Ивуара. Это являлось следствием разрушения не только государственных административных аппаратов, но и самой экономики. Доклад Миссии ООН в Кот-д'Ивуаре в январе 2004 г. сообщает: «Экономическая ситуация в зонах, занятых повстанцами, прискорбна. Закрытие банков и предприятий, почти полное исчезновение административного аппарата, жесткое сокращение организаций социальной помощи, потеря тысяч рабочих мест, обеспечивающих средства к существованию, повлекли за собой взрыв теневой экономики» [1]. Согласно исследованию «Ивуарийской лиги по правам человека» от февраля 2003 г.: «Примерно

80 % насилия совершаются повстанцами» [2]. В 2007 г. между правительством во главе с президентом Лораном Гбагбо и повстанцами был заключен договор Угадугу, согласно которому лидер «Новых сил» Гийом Соро становился премьер-министром, а члены повстанческого движения приобретали 50 % мест в административном аппарате страны. Кроме того, правительство обязывалось раздать паспорта нелегальным жителям Кот-д'Ивуара, которые впоследствии проголосовали бы за кандидата от оппозиции Алассана Уаттару. Со стороны же повстанцев требовалось разоружение с целью не допустить различного вида манипуляций в течение выборов. Однако к концу 2010 г., когда состоялись президентские выборы, условия договора, требуемые от членов правительства (раздача паспортов нелегальным иммигрантам и их потомкам), были выполнены, но повстанцы так и не были разоружены. А после свержения Л. Гбагбо в 2011 г. члены «Новых сил» совершили геноцид по отношению к коренному населению по этническому признаку. Так, например, в городе Девке только за один день было убито от 800 до 1130 человек. Президентом был назначен А. Уаттара;

— В марте 2012 г. в Мали два месяца после начала восстания, возглавляемого капитаном Амаду Айа Саного, военная хунта свергла избранного демократическим путем президента Амаду Тумани Туре и захватила власть. Этот военный переворот под предводительством капитана Саного вылился в серьезные нарушения прав человека. Согласно докладу Международной Амнистии: «Многие политические и военные лидеры были арестованы и произвольно задержаны, а некоторые солдаты и полицейские исчезли или подверглись пыткам. ... Захват страны сопровождался систематическими грабежами и разрушением банков, магазинов, пищевых складов и общественных зданий, больниц и школ. ... Во время захвата северной части страны вооруженные группировки допустили серьезные нарушения прав человека, в том числе сексуальное насилие и найм детей-солдат. К тому же, некоторые из этих [повстанческих] группировок применяли телесные наказания (избиение камнями, членовредительство) во имя их интерпретации ислама» [3]. Шестого апреля 2012 г. члены военной хунты были вынуждены подписать под покровительством «Экономического сообщества стран Западной Африки» рамочное соглашение, возвратившее страну к конституционному порядку и устанавливающему переходное правительство до времени проведения выборов. Однако соглашение наделяло капитана Саного серьезными полномочиями в ключевых аспектах этого выбор-

ного процесса, в частности, ему разрешалось назначить кандидатов на ключевые позиции в переходном правительстве. Несмотря на назначение президента и премьер-министра в середине апреля 2012 г. новое правительство осталось под большим влиянием военной хунты. В августе 2013 г. президентом был избран Ибрагим Бубакар Кейта;

— Группировка «Боко харам» в Нигерии, активизировавшаяся на севере страны, выступает против западного влияния и образования. Ее методы — разрозненные террористические атаки, взрывы, кражи и убийства. Так, жертвами группировки стали 50 спящих учащихся в ночь на 25 февраля 2014 г. 16 апреля из школы в нигерийском штате Борно были украдены 223 девочки. Исламисты пригрозили отдать похищенных в рабство. Сообщалось, что некоторые из них, возможно, были проданы в качестве невест через границу Нигерии с Чадом и Камеруном за \$12 [4];

— Конфликт в ЦАР связан с повстанческой группировкой «Селека». Восстание началось в декабре 2012 г. 24 марта 2013 г. повстанцы свергли избранного президента Франсуа Бозизе. Как и в случае с Кот-д'Ивуаром, договорные обещания, подлежащие выполнению со стороны повстанцев, не были осуществлены. Согласно соглашению в Либревиле (Габон) между правительством и повстанцами члены «Селеки» отказывались от требования отставки Ф. Бозизе. Последний, в свою очередь, должен был назначить до 18 января представителя оппозиции на пост премьер-министра страны. 17 января премьер-министра Фостен-Аршанжа Туадера сменил представитель оппозиции Николас Тьянгайе. Однако в марте 2013 г. повстанцы начали наступление на столицу, а Мишель Джотодия объявил себя новым президентом. Приход к власти лидера мятежников М. Джотодии усугубил гуманитарную ситуацию в ЦАР. По словам помощника Генерального секретаря ООН по правам человека Ивана Шимоновича от 8 августа 2013 г.: *«Хотя в Банги безопасность несколько улучшилась, на остальной территории страны государства фактически нет. Отсутствует безопасность и законность, нет ни полицейских, ни прокуроров, ни судей. Всюду — бойцы „Селеки“, не получающие зарплату и занимающиеся грабежами и вымогательством. Большинство больниц и школ не функционируют, многие — разграблены. В здании суда в Бамбари я увидел пустые комнаты с выбитыми дверьми и окнами, где на полу разбросаны официальные документы»* [5]. Однако М. Джотодия не справился с возложенными на него обязанностями. 10 января тысячи жителей Банги вышли на улицы под лозунгом «Джо-

тодия в отставку!». В тот же день итогом саммита «Экономического сообщества стран Центральной Африки» в Нджамене (Чад) стало коммюнике, в котором сообщалось, что члены торгово-экономического союза «приняли отставку» президента Джотодии, а также премьер-министра ЦАР Николаса Тьянгайе. После отставки М. Джотодии и до выборов в 2015 г. «Национальным советом переходного процесса» и «Временным центральноафриканским парламентом» должен был быть назначен президент переходного правительства. Им стала Катрин Самба-Панза — женщина, чья кандидатура была выдвинута феминистскими организациями. К. Самба-Панза не принадлежит ни к одному политическому лагерю и поддерживается многочисленными политическими деятелями из-за рубежа. Сразу же после избрания президент призвала членов «Селеки» сложить оружие.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что повстанческие движения играют дестабилизирующую роль в тропической Африке. Сами способы, которые используются ими для обретения правящих должностей, должны поставить под вопрос легитимность их власти: повстанцы не соблюдают условия заключенных ими же договоров, а государство под их руководством функционирует посредством насилия. Выходом из ситуации для мирового сообществ видится в поддержке избранных законным путем глав африканских государств. Оказание помощи какими бы то ни было способами повстанческим формированиям неприемлема.

Литература

1. Galy M. *Politologie d'une rébellion. Une "gouvernance par la violence" au Nord de la Côte d'Ivoire?* // *Cultures et Conflits*. — 2007. — № 65. — P. 137–155.
2. Ibid.
3. *An Agenda for Human Rights in Mali* // Amnesty International. 2013.
4. <http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/06/1265270.html>
5. <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/145313/>

СТРАНА БАСКОВ — ПУТЬ К САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Определить характер испанского государства с точки зрения формата территориальных отношений очень непросто, Испания не укладывается в привычные рамки унитарное государство / федерация. Испания является унитарным государством с достаточно высокой степенью децентрализации, поскольку она делится на автономные сообщества и провинции. Автономные сообщества Страна Басков, Каталония и Галисия образованы по национальному принципу проживающих на территории сообщества коренных народов — басков, каталонцев и галисийцев. Данные автономные сообщества, а также Андалусия, обладают наибольшей автономией по сравнению со всеми остальными.

Испания перешла к демократии в 1976 г., после падения режима диктатуры Франсиско Франко. Конституция 1978 г. шла навстречу вызовам регионализма, так как по ней все территории получали широкие возможности автономии в законодательной и институциональной сферах¹. Новая модель территориального устройства получила название «Государства автономий», причем количество автономных сообществ не оговорено, а лишь описаны пути для того, чтобы отдельные провинции могли их создавать².

Говоря об истории Испании, необходимо отметить тот факт, что она представляет собой историю политического и культурного регионализма и сосуществования исторических территорий.

Испанию, как уже было отмечено, называют «Государством автономий», в этом названии ясно выражается достигнутый в этой стране компромисс между принципами унитарного государства и политическими запросами регионов.

Сепаратизм в Испании обусловлен стремлением ряда этнических групп, которые компактно проживают на территории Испании, к независимости и самоопределению. К наиболее известным и масштабным сепаратистским районам относится Страна Басков.

Говоря о ней, необходимо отметить географическое положение этой автономной области — это север Испании. В ее состав входят три испанские провинции — Алава, Бискайя и Гипускоа. Сами же баски

проживают не только на территории Испании, где у них, как уже было отмечено, есть своя автономная область, но также и на юге Франции.

Столица Страны Басков — Витория (в Алаве), там заседает парламент и правительство Страны Басков, но самым большим городом, экономическим и финансовым центром является Бильбао.

Баскам удалось сохранить и поддерживать свою идентичность, которая во многом базируется на языковой общности. Баскский язык считается изолированным языком, поскольку его происхождение до сих пор не раскрыто, но основные параллели проводятся с грузинским языком. Также и вопрос происхождения самих басков является предметом ожесточенных дискуссий, которые в основном проходят вокруг их родства с кавказскими народами. Необходимо подчеркнуть тот факт, что генетически баски не связаны ни с одним народом Средиземноморья.

У басков есть четкая ментальная карта «Великой Страны Басков» — что очень важно для поддержания идентичности, поскольку позволяет четко определить границу баски / испанцы. Хотелось бы упомянуть документальный фильм «Страна Басков: борьба за независимость», Александра Лучанинова, телеканал RT: «Они никогда не вели полномасштабных боевых действий, но их война не прекращалась ни на один день»³.

В период диктатуры Франсиско Франко (1939–1975 гг.) Страна Басков оказывала сопротивление его режиму. После смерти диктатора этот народ получил автономию. С 1978 г. баски пользуются весьма широкими правами: парламент, собственная система налогов, преподавание ведется на баскском языке в школах, собственный контроль в сфере образования.

Этнополитический конфликт Страны Басков — один из самых заметных в Европе. В основе этого конфликта лежит стремление части экстремистски настроенных басков добиться полной независимости, создать Великую Страну Басков, в состав которой вошли бы южная Франция, северная Испания и испанская область Наварра.

Важная роль в этой борьбе за независимость принадлежит социалистической радикальной организации Эускади та аскадасуна — «Отечество и свобода басков», больше известной под аббревиатурой ЭТА. Политическое крыло ЭТА — Эрри Батасуна — «Народное единство» — запрещена Верховным судом Испании в 2003 г. С 1968 г. ЭТА стала использовать тактику террористических актов для достижения своих целей. Более 850 человек погибло от ее рук⁴.

Большинство испанцев, согласно опросам, выступают за мирное разрешение конфликта с ЭТА, требуют отказаться от насильственных методов и вооруженной борьбы. Но также есть и сторонники подхода «борьбы до последнего» силовыми методами с баскскими террористами. Вместе с тем, несмотря на тот факт, что группировка ЭТА была ослаблена объединенными силами Испании и Франции, все же у нее есть довольно сильная поддержка со стороны молодежи Страны Басков.

ЭТА неоднократно заявляла о прекращении огня, призывала власти Испании к мирному политическому диалогу, говорила об отказе от вооруженной борьбы, о стремлении бороться за независимость Страны Басков исключительно мирными способами, Парламент Испании поддерживал эти инициативы, но при условии отказа ЭТА от насилия и вооруженной борьбы, но ЭТА нарушала перемирие.

В ноябре 2011 г. на всеобщих парламентских выборах в Испании баскская националистическая коалиция «Амайур», основную массу представителей которой, как считается, составляют последователи ЭТА, получила 7 депутатских мест и возможность создавать собственную фракцию в Кортесах.

Необходимо отметить тот факт, что правительство Страны Басков высказало свою поддержку народу и правительству Косово, поскольку в ситуации с Косово они увидели пример для подражания, надежду на то, что этнополитический конфликт, существующий между Страной Басков и Испанией, может быть разрешен демократическим путем осуществления права народа на самоопределение. По мнению баскской администрации, «политический конфликт в Стране Басков может быть решен лишь после обретения регионом права на самоопределение»⁵. Испанское правительство, в свою очередь, было одним из немногих в Евросоюзе, которое не желало признавать независимость Косово, опасаясь прецедента. «Испания не может признать Косово не только по правовым причинам, но и потому, что создание государств исключительно на этнической основе противоречит нашим принципам. Косово в своем роде уникально, в связи с чем этот пример нельзя экстраполировать на другие ситуации, учитывая всю серьезность возможных последствий»⁶, — Госсекретарь испанского МИД.

15 апреля 2014 г. в Наварре прошел неофициальный референдум, на котором большинством голосов было принято решение отделиться от Испании и примкнуть к независимой Стране Басков⁷. Референдум был организован на общественных началах, поскольку центральные

власти Испании запретили финансирование и организацию опросов о независимости.

Современная Испания — один из европейских кандидатов на распад. В период правления Франко в этой стране жестоко подавлялись любые стремления к федерализму и автономии, теперь же сепаратисты требуют максимальной свободы и независимости.

20 апреля 2014 года в День баскской родины начала обсуждаться идея создания конфедеративного государства. Что могло бы быть компромиссом между баскскими сепаратистами и Мадридом. Правительство Испании уже заявило о своем согласии начать диалог, но с условием того, что он будет проходить строго в рамках законодательства, которое, в свою очередь, не предусматривает создания конфедерации.

Власти Страны Басков выступают с идеей создания конфедерации — союза суверенных государств, полагая, что это позволит осуществить уважение исторических народов, населяющих Испанию. Но конечная цель басков — создание суверенного государства — Великой Страны Басков.

Многие полагают, что маловероятно, что в ближайшее время Мадрид будет откладывать территориальные реформы, поскольку Испания только начала преодолевать последствия экономического кризиса, в связи с чем Мадрид не будет торопиться с проведением реформ⁸.

Несмотря на то, что Страна Басков — это одна из самых богатых областей Испании, эксперты полагают, что в случае отделения от Испании ей грозит снижение уровня жизни; Сторонники отделения Страны басков хотели бы соединить экономические преимущества членства в ЕС (Общий рынок) с политической независимостью. Однако это весьма проблематично: отделившись, Страна Басков не станет автоматически государством — членом ЕС, что привет к снижению конкурентоспособности экономики. Неизвестно, согласится ли большинство жителей региона на этот риск: обменять устойчивое экономическое развитие на осуществление давнего политического проекта.

¹ См. Конституция Испании 1978 г. Раздел восьмой. О территориальном устройстве Государства.

² Там же. Глава третья. Об автономных сообществах.

³ См. документальный фильм Александра Лучанинова, телеканал RussiaToday «Страна басков: борьба за независимость».

⁴ Одной из наиболее известных акций ЭТА является подрыв в 1973 г. автомобиля

Луиса Карреро Бланко — преемника Франко на посту председателя правительства Испании, в результате теракта Карреро Бланко погиб.

⁵ <http://dialogs.org.ua/ru/periodic/page25786.html>

⁶ <http://www.novopol.ru/-mid-ispaii-nezavisimost-kosova-protivorechit-nashim--text37588.html>

⁷ <http://russian.rt.com/article/27669#ixzz2yqFrYexh>

⁸ <http://www.russianspain.com/news/article7981.html>

Н. И. Мустафаева

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН: «РЕЛИКВИЯ» ИЛИ ПОЛИТИКА ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

Современные международные отношения характеризуются возрастающей ролью международных межправительственных организаций, выступающих в качестве развитых и разнообразных механизмов упорядочения международной жизни.

Организация Объединенных Наций не только занимает центральное место в системе межгосударственных организаций, но и играет исключительную роль в современном международно-политическом развитии. Созданная в 1945 г. как универсальная международная организация, имеющая своей целью поддержание международного мира и безопасности и развитие сотрудничества между государствами, ООН объединяет в настоящее время 193 государства мира.

ООН является самым представительным форумом для дискуссий между государствами по актуальным проблемам международного развития. Устав ООН является фундаментом современного международного права, своего рода общепризнанным кодексом поведения государств и их взаимоотношений. ООН сама стала важным механизмом международного нормотворчества и занимает совершенно особое место среди других организаций — источников международного права. По инициативе и в рамках ООН заключены сотни международных конвенций и договоров, регулирующих положение дел в самых разнообразных сферах общественной жизни. В принципах построения ООН (прежде всего в предоставлении особого статуса постоянным членам Совета Безопасности) нашли свое отражение объективные реалии международно-политической системы, а их изменение стало главным стимулом для ведущейся работы по реформированию этой организации.

Совет Безопасности занимает уникальное положение не только в ООН, но и во всей системе международных организаций. Прежде всего, это связано с тем, что он был создан для поддержания международного мира и безопасности на Земле. Другими словами, для предотвра-

шения возникновения ситуаций, которые могли бы привести к войне, а в случае угрозы миру или акта агрессии — для принятия срочных мер для урегулирования конфликта.

Однако, как показывают события в Руанде, суданском Дарфуре, Нагорном Карабахе многие резолюции Совета (к примеру, более ста резолюций СБ ООН не были выполнены за период с 1968 г.) так и остались на бумаге.

Резолюции Совета Безопасности являются юридически обязательными к исполнению для всех государств-членов ООН (ст. 25, 48 Устава ООН). Они являются окончательными и не могут быть обжалованы. Не смотря на это, они до сих пор остаются на бумаге.

При этом СБ ООН наделен достаточным количеством полномочий, необходимых для того, чтобы государства-члены организации исполняли свои резолюции.

Устав ООН наделяет Совет Безопасности правом на применение временных и принудительных мер. Временные меры направлены на предотвращение ухудшения ситуации и не должны наносить ущерба правам, притязаниям или положению заинтересованных сторон. Такие меры могут включать требование к сторонам прекратить вооруженные действия, отвести войска на определенные рубежи, а также прибегнуть к той или иной процедуре мирного урегулирования, включая вступление в непосредственные переговоры, обращение к арбитражу, использование региональных организаций и органов.

Принудительные меры подразделяются на меры, не связанные с использованием вооруженных сил, и на действия с применением вооруженных сил (ст. 41 и 42 Устава ООН). Применение их — исключительная компетенция Совета Безопасности, входящая в одну из важнейших его полномочий.

Опыт применения санкций к Ираку (в связи с нападением Ирака на Кувейт), Югославии и Ливии, может служить иллюстрацией возможностей Совета Безопасности. Таким образом, исполнение резолюций Совета в одних случаях и не исполнение в других — нельзя назвать ничем иным, как политикой двойных стандартов.

Международные политические обозреватели часто используют слово «реликвия» в отношении СБ ООН, закладывая в применение этого термина две основные идеи: первая подразумевает отсутствие активности, вторая — почитание, несмотря на то, что организация все больше напоминает собой пережиток прошлого. Архаичность данной

высочайшей международной структуры упряма — все правительства хотели бы его реорганизовать, но Совет остается неприступным.

На сегодняшний день все большую актуальность приобретает вопрос повышения эффективности Совета Безопасности, включая использование всех его уставных возможностей по поддержанию мира. Скорее всего, главная причина недостаточной эффективности Совета заключается именно в его неспособности в ряде случаев обеспечить осуществление своих резолюций.

С другой стороны, особую значимость приобретает вопрос адаптации ООН к серьезному изменению международно-политического ландшафта. Актуализируются многие концептуальные вопросы деятельности ООН: какой должна быть система ее приоритетов, при каких условиях ее функции могут быть делегированы региональным организациям или коалициям государств, каковы условия и пределы вмешательства ООН во внутренние дела суверенных государств, к каким последствиям для члена организации может привести не соблюдение санкций Совета Безопасности, как добиться оптимального сочетания демократизма и оперативности в функционировании ООН, как совместить принцип ее универсальности с особым статусом постоянных членов Совета Безопасности, и т.п. Назрел вопрос реформирования организации.

Постоянные члены СБ ООН имеют разные подходы и методы решения проблем, а идеологические и моральные разногласия становятся камнем преткновения в деятельности Совета и не способствуют разрешению международных конфликтов. Рабочие механизмы и двойные стандарты Совета Безопасности также не дают ему адекватно выполнять свои обязанности и поддерживать мир. Система СБ ООН должна быть усовершенствована, ибо, как нет разницы в масштабах человеческой трагедии, так и не должно быть разделения резолюций «для поддержания международного мира и безопасности» на «первостепенной» и «второстепенной» важности.

Д. Ю. Торчилина

ИНТЕРНЕТ ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ещё в середине XX в. М. Макклюзен назвал современную ему действительность с новыми коммуникационными условиями «глобальной деревней». Сегодня этот термин применяют к интернету, сжимающему земной шар до размеров деревни вследствие мгновенной передачи информации. Возвращение к «племенному» восприятию мира на новом этапе, по мнению М. Макклюзена, — это безусловное благо, поскольку таким образом люди вновь начнут ощущать себя единым целым, коллективом, в котором нет места изоляции, индивидуализму и подавлению меньшинств¹. Можно добавить, что результатом этого процесса становится визуальная социализация. «В новой электронно-информационной среде ни одно из социальных меньшинств более не смогут игнорировать представители большинства, потому что отныне слишком много людей знают слишком много друг о друге»².

Интернет, по мнению М. Макклюзена, ведет к принципиально новому состоянию цивилизации и культуры — к глобальному гиперинтеллекту (индустрии данных и знаний)³. В этих условиях человек уже не в состоянии строить своё мировосприятие последовательно. Ему приходится сразу учитывать все факторы, что усложняет процесс социализации, заставляя индивида полагаться на свою интуицию.

Особенностью нашего времени является техническая возможность неконтролируемого обсуждения (в режиме реального времени) тех или иных событий, а также «производства событий» на основе новых виртуальных площадок во всемирной сети. В связи с этим учёным приходится пересматривать не только методологии измерения, контроля и мониторинга системы коммуникаций, но и доктринальные основы процессов политической социализации, её новые модели, а также ключевые принципы теории управления политическими коммуникациями и всю систему представлений об их ответственности за последствия осуществления самых разных сценариев социализации⁴.

Современные специалисты также обращаются к истории становления инфокоммуникационных технологий и говорят об их влиянии на человеческое существование⁵. Так, по мнению И. Г. Шестаковой именно прорывы в этой сфере стали майлстоунами прогресса. Бурное развитие инфокоммуникационных технологий в начале XXI в. привело общество в совершенно новую ситуацию, когда бесконечное множество коренных изменений происходит на протяжении жизни одного поколения. Достижение таких скоростей научно-технического прогресса связано и с развитием интернета и предъявляет человечеству новые вызовы и угрозы в политической сфере.

Доступность информации большему числу людей стало возможным уже в эпоху средневековья благодаря развитию книгопечатания. С того времени это стало важнейшим каналом распространения информации, направленном на создание и распространение государствообразующей идеологии⁶. Контролируя тираж, власть могла влиять на общество.

Другим майлстоуном коммуникации И. Г. Шестакова называет регулярную почту. С 1870-х гг. появляются унификация, структуризация и институт прописки. В организации почтовых услуг автор видит отдалённое предвесье интернета, где адрес и маршрут неразрывно связаны: «Без пространства адресов невозможен маршрут и наоборот, без маршрута не нужен адрес, т. к. адрес должен куда-то приводить. То есть интернет — это проекция почты во всех её аспектах на «другую физику»⁷.

Революционные изменения технологий учёные сравнивают по силе воздействия и масштабам с письменностью и книгопечатанием. Если они происходили в совершенно другие масштабы времени, т. е. на протяжении нескольких поколений, то сегодня коммуникационная революция развивается стремительно, меняя и межпоколенческую коммуникацию, а значит — модели социализации.

Именно интернет дал возможность более массового влияния в процессе социализации. Он может без перерыва насыщать человека любой информацией, перекрыв все остальные каналы коммуникации. Впервые появилась возможность добиться полного подчинения воли человека средству связи. При этом изменились и возможности работы с информацией, изменение способа общения в интернете посредством новых технологий, породившие проблемы связи и противостояния компьютер-человек.

В последнее время интернет становится не только агентом социализации, но и фактором развития психической зависимости. В по-

следние 5–6 лет проблемы интернет-зависимости, информационной перегрузки являются одними из наиболее острых социальных проблем. В 2009 г. в США появилась первая лечебница, занимающаяся лечением подобных недугов. Сегодня, когда интернет есть у каждого второго (а скоро и у каждого), цена связи сходит практически на нет, любой человек может получать информацию в режиме реального времени. Когда в 1991 г. появился интернет, то вскоре он стал общедоступным в развитых странах. Через 5 лет его аудитория достигла 50 млн пользователей. Ни одно из средств коммуникации не достигало популярности за столь незначительный промежуток времени⁸. За последние 2 года доля тех, кто не пользуется интернетом снизилась в России с 53 до 39%, а тех, кто пользуется им, чтобы разобраться, что происходит в стране и в мире возросла с 8 до 18%⁹.

Появление и распространение интернета внесло свои коррективы во все сферы жизнедеятельности общества, включая процессы социализации молодого поколения. Многие социальные процессы, которые сейчас разворачиваются, скоррелированы именно последствиями этого открытия. Библиотеки, как и обычное чтение, стали терять свою актуальность и перестали быть основными факторами социализации. Информация, которая добывалась годами, теперь доступна каждому по первому запросу. Произошла демократизация закрытого ранее процесса получения знаний. Эти возможности коренным образом преобразуют традиционные взаимоотношения, отсекая важные когда-то связи и выводя на приоритетные позиции не взрослых с их опытом и традициями, а интернет, который многофункционален — мгновенно подскажет нужную информацию, развлечет, поможет. В считанные секунды можно получить информацию из любой точки земного шара, совершить виртуальное путешествие в недоступные места. Молодые люди работают в интернете, там же тратят деньги, покупая билеты, товары и услуги, записываются к нужным специалистам.

М.С. Бизюкова вводит понятие киберсоциализации, которая приобретает большую значимость в связи с развитием виртуального коммуникативного пространства, обусловленного трансформацией общества, социокультурной среды и ценностной системы¹⁰. На смену общественным приходят сетевые отношения и новая модель социализации в новом виртуальном пространстве.

К сущностным характеристикам молодежного жизненного пространства можно отнести инновационность, мобильность, нестабиль-

ность, виртуальность, компиляциативность, уязвимость в отношении внешних воздействий и т.д.¹¹ Сфера политики занимает в нём ничтожное место. При этом формируется совершенно новая модель социализации. Процесс социализации у современной российской молодежи, если учитывать типологию М. Мид, разворачивается в рамках префигуративной культуры, когда носителями новых образцов поведения являются представители нового поколения¹². Поведение предков не рассматривается как модель. Современная модель социализации как бы отсекает от этого процесса людей старшего поколения, как хранителей информации.

У современного человека уже нет страха потерять информацию, как это было в эпоху первых компьютеров, никто не заботится о том, где находится информация, а просто «ходят» по ссылкам. Все это постулирует проблему оценки качества информации, ее достоверности, что особенно важно в социализационном аспекте. Эта проблема распространяется и на способы общения. Треть российских пользователей интернета заходит туда только для общения в социальных сетях¹³.

Политический смысл изобретению интернета придаёт ломка всяких границ, условностей, запретов, норм. Поскольку для передачи информации исчезло понятие границ, этот феномен попытались спроецировать и на политическую сферу. Так, в 1995 г. в эфире «Радио Свобода» прозвучало, что интернет — это последний гвоздь в крышку гроба тоталитарных режимов. С этим можно спорить, однако, с тем, что интернет стал четвертой властью, спорить трудно. Интернет-демократия не нуждается в посредниках, а электронное правительство в дополнительном контроле.

Когда интернет только получал свое развитие, американский политолог Р. Даль в 1989 г. в своей работе «Демократия и её критики» в поисках путей защиты от сползания демократии к «фактическому квазипопечительству» общества со стороны элиты задался вопросом: разве не могут элиты прибегнуть к технологиям интерактивных коммуникаций для манипулирования населением в собственных целях?¹⁴ Спустя всего 10–20 лет благодаря тотальному распространению интернета в развитых странах возникла реальная возможность перехода от представительной демократии к прямой. Многие специалисты (С. Шулман, Д. Склосберг, С. Завестовски, Н. Фентон, К. Веар, В.Л. Беннет и др.) изучают значение политико-коммуникативных интернет-технологий для развития демократии.

Отечественные специалисты (К. Разлогов, И. Эйдеман, С. Пшизова, В. Нечаева и др.) в связи с этим делают выводы о формировании интернет-общества, его широком использовании в политической сфере, социальных и социокультурных институтах¹⁵. Влияние интернета на социализацию, по их мнению, опосредовано активным социальным и творческим инстинктом индивида, его индивидуальным выбором¹⁶.

Основное противоречие в развитии информационного общества заключается в том, что, чем современнее становится общество, тем большее значение в нем придается не сложившимся институтам и нормам, а виртуальной политической сцене, где властвуют средства массовой информации¹⁷. Используя пространство интернета можно мгновенно перевести новую информацию в сферу политического действия. Информационный ресурс специалисты называют важным политическим активом современных политических акторов¹⁸. Ими учитывается и проблема использования информационных манипуляций в своих интересах.

Информация как политический ресурс обладает целым рядом принципиально новых качеств, которые особенно эффективны в процессе политической социализации. В отличие от природных, трудовых и денежных ресурсов, информация не убывает по мере её использования, поэтому ее политического влияния хватает на любую аудиторию. Интернет с его обилием информации становится агентом влияния именно на молодежную аудиторию. Получаемая через интернет информация неотчуждаема и приобретение новой информации не уменьшает способности приобрести ещё столько же.

Информация мгновенно распространяется в пространстве и её одновременно могут потреблять самые разные политические акторы. С точки зрения политической социализации и политической мобилизации общества информационный ресурс обладает преимуществом всеохватности и одновременности воздействия, что до информационной революции было практически неосуществимо.

Особое значение для политической социализации через интернет приобретает фактор времени. Политическая информация особо чувствительна к политическому времени: одна и та же информация сегодня и завтра может стремительно обесцениться и полностью потерять своё политическое значение. Повышенная чувствительность к временному фактору является сущностной и отличительной характеристикой интернета как агента социализации.

Расширение применения сети интернет в политике обуславливают повышенный интерес к этому виду средств массовой коммуникации и проблемам его функционирования. Много внимания в научной литературе уделяется, прежде всего, вопросу политической социализации посредством интернет-технологий в переходном обществе с акцентом на изучении их влияния на подрастающее поколение. Среди подобных работ большой интерес вызывают исследования Д. Оуэн, Д. К. Райта, Д. Н. Пескова, Б. В. Овчинникова, В. Д. Нечаева, Е. В. Бродовской. Так, Д. Н. Песков считает интернет сложным феноменом, не сводимым к какому бы то ни было одному определению. У него множество граней, включающих в себя технические, социальные и политические характеристики явлений. Всё же он даёт его понимание как «совокупность сетевых отношений, социальных институтов, технологий и технических средств, связанных внутри себя и друг с другом с помощью компьютерно-опосредованных линий, а также характеризуемых единым временем и пространством с особыми характеристиками»¹⁹. В таком расширенном толковании, по мнению автора, интернет включает в себя социальную действительность, претендуя не только на виртуальность, но и на часть традиционно понимаемой «реальности», в т. ч. на совокупность сетей гуманитарных, социальных и технологических. «Едва тот или иной социальный либо политический институт внутренне задействуют сетевой принцип коммуникации на основе технологий, которые включают его в общеевропейское пространство с едиными законами времени и пространства, а сетевое существование становится основой деятельности данной организации, она входит в интернет-пространство»²⁰. Помимо этих «физических» различий, Д. Н. Песков видит и новый тип политической социализации, когда формируется иное предназначение личности, иная политическая роль отдельного человека. Отдельный участник сети получает в свое распоряжение все ресурсы данной сетевой организации, то есть становится ей равен. «Фактически, предельно усложненная сеть, интернет, делает равным индивида и любое государство. Итак, сетевой организацией может называться организация, которая дает своему члену возможности любого другого политического субъекта. В этом смысле понимание интернета исключительно как технического средства коммуникации или совокупности компьютеров и проводов устарело, мешает обществу осознать и использовать возможности кибер-пространства»²¹.

Так, Дж. Мёллер, исследуя влияние социальных сетей на социализацию, заявляет, что уровень активности человека в интернете может дать представление о его психическом здоровье. Однако учёный делает вывод о том, что именно низкая активность представляет собой опасный синдром. Проверка такого рода активности, по его мнению, поможет выявлению асоциальных личностей. Исследовав активность известных террористов последних лет, он установил, что они не имели свой профиль в социальных сетях²².

Всеми специалистами признаётся, что в современных условиях интернет становится важным агентом социализации и в России, в последнее время он подвержен серьезной трансформации, которая призвана коренным образом изменить систему образования и как социальный институт, и как фактор социализации. Особенно важным и актуальным становится анализ глубины реальных изменений процесса социализации, и как это отразится в будущем на социокультурном и социально-политическом развитии страны.

Можно прийти к выводу об изменении всего характера социализации школьников под влиянием информационных технологий, особенно семейной социализации резком снижении осуществления семей функций социализации²³. Современные школьники не могут, как прежде, воспользоваться жизненным опытом поколения родителей, накопленного ими в молодые годы. Молодость детей и отцов протекает в разных обществах, требует разных талантов, навыков и квалификации, подхода к достижению социальных статусов и выполнению социальных ролей. Поэтому родители ничему не могут научить взрослых детей, но по инерции пытаются выполнять свою функцию социализатора: поучают, запрещают, контролируют.

Процессы глобализации, становление информационного общества или постмодерна стремительно меняют ценностные ориентации детей. Особенности современной социализации школьников обусловлены условиями информационного общества и стремительным распространением компьютерных технологий и интернета. Социальное пространство стремительно сужается. Социальная жизнь и механизмы социализации переносятся в интернет. Так, согласно социологическому опросу, проведенному в конце 2012 г., к моменту поступления в первый класс всего 22% детей умели бегло читать, однако более 61 % умели пользоваться компьютером²⁴. К концу 2013 г. 59 % россиян пользовались интернетом ежедневно, из них 92 % — школьники и студенты²⁵.

Согласно результатам опроса, как уже указывалось, большая часть из них использует интернет для общения.

При нарушении обычного общения со сверстниками школьники выбирают компьютерные игры и становятся геймерами²⁶. Однако компенсация недостатков реального общения в виртуальном пространстве может привести к усвоению норм девиантного поведения, широко представленного, активно распространяемого и никем не контролируемого в интернет-пространстве. Н.А. Цой провела исследование условий развития интернет-зависимости с точки зрения субъективной оценки качества социальных отношений, выявила преобладание социальной функции интернета и его влияния на социализацию в плане формирования низкой социальной адаптации, слабой интегрированности в социум²⁷. Несомненно, что существует и связь выбора виртуального общения с взаимоотношениями в семье.

Современная молодежь представляет собой открытую социально-политическую систему, включенную в разнообразные общественные связи, отношения и взаимодействия, одним из вариантов проявления которых является политическое участие. Политическое участие — это влияние граждан на функционирование и стабилизацию политической системы, формирование политических институтов и процесс выработки политических решений. С точки зрения проблематики молодежного экстремизма — это инструментальная активность, посредством которой осуществляется попытка повлиять на власть, чтобы её представители предпринимали желаемые для молодых людей действия. Участие молодежи в политике носит коммуникативный характер, выражая приверженность интересам группы, и служит одним из средств выражения и достижения их интересов.

Политическая активность молодежи обусловлена экономическими условиями жизни, которые формируют потребности и интересы молодых людей. Исследования подтверждают, что влияние на политическое участие оказывает восприятие молодежью личных проблем²⁸. Защита чести и достоинства друзей, например, погрязшие в сети, становятся фактором экстремистской активности. Сегмент дружбы в социальной сети среди молодежи может спровоцировать взрыв политической активности, направленный на ближайшее олицетворение власти — местную милицию или «чужих» — мигрантов²⁹. Вообще большая часть молодежи готова принять идею активного участия в политике при условии улучшения своей (и своего ближайшего окружения) жизненной ситуации.

По мнению социальных психологов и педагогов с 13–14 лет у индивида наступает подростковый этап политической социализации. Он характеризуется тем, что разрозненная отрывочная политическая информация начинает складываться в определенную систему. В этом возрасте, в том числе и особенно через интернет, формируется представление о политической жизни, о структуре власти, целях общества и государства, подростки вырабатывают представление об общей политической ситуации в стране, в их сознании находят отражение важнейшие события, происходящие в обществе³⁰.

Формируясь в процессе политической социализации человека, политические ценности имеют определенную структуру и динамику, образуют систему ценностных ориентаций, детерминирующих процесс познания человеком политической реальности, и в то же время осуществляют регуляцию поведения в политической среде.

Политическая социализация молодежи — многогранный, непрерывный и обновляющийся на каждом витке развития процесс усвоения индивидом политических ценностей и норм, укорененных в культуре общества, и последующего воспроизводства на индивидуально-общественном уровне. Политическая социализация выделяет индивида из природной среды на основе мышления, норм, языка, черт характера, социального пола. Молодежь — функциональная часть политической системы. Это приводит к изучению динамики политического участия молодежи на основе междисциплинарного, системного и рационального подходов к исследованию влияния интернета на процесс политической социализации.

Имитация политических и социальных идей путем новых форм коммуникации, ценностей, национальных целей, быстрое нарастание церемониальных компонентов в политической практике привели к дегенерации механизмов политического целеполагания, застывшей политической социализации молодёжи, когда ее развитие останавливается на втором или третьем этапе (соответственно — персонализация и идеализация), или не доходит до заключительного — институционального этапа. Эти обстоятельства накладывают отпечаток и являются определяющими в понимании природы политического участия в экстремистских организациях или акциях.

Итак, большое влияние на формирование и эволюцию политических настроений, в целом на процесс политической социализации имеют современные информационные технологии. Развитие и ак-

тивное внедрение инфокоммуникационных технологий во все сферы жизни оказывает существенное влияние на систему политических коммуникаций в обществе и, как следствие, приводит к изменениям в политическом поведении молодежи, расширяя возможности политического участия и обогащая практику политического участия новыми формами³¹. При этом диалоговый принцип интернет-коммуникации обуславливает тенденцию к возрастанию крайних, нелегальных форм политического участия граждан.

Хотя интернет — качественно новое политическое коммуникативное пространство, обладающее специфическими характеристиками, тем не менее, содержание и политическое значение, например, молодежных экстремистских практик, реализуемых в виртуальном пространстве, наполнено прежними смыслами. Так, например, Б. Раймер считает, что средства массовой коммуникации структурируют политическую сферу молодежи больше, чем любые другие акторы. Потребление медиа имеет огромное влияние на распространение экстремистских взглядов. Средства массовой коммуникации являются основным проводником трансмиссии глобальных образов и играют решающую роль в предпочтении политических образов³².

Итак, специалистами единодушно признаётся, что в последние годы, интернет стал местом, где стало возможно осуществление целого ряда политических стратегий, связанных и с радикальными политическими практиками. Таким образом, интернет становится значимым инструментом политической социализации, который трудно контролировать «сверху». Как демонстрируют разнообразные исследования молодежных политических организаций, интернет-участие в политике является основной практикой в создании целого ряда коллективных и индивидуальных идентичностей. Этот феномен заключается в том, что определенные медиа-тексты становятся чрезвычайно актуальными, в результате чего создаются новые значения (идеализация политических кумиров) и политические продукты.

¹ См.: Миронов Я. П. Идеи М. Макклюзна в свете формирования коммуникативности как науки // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. — 2008. — № 5. — С. 28.

² Макклюзн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. — М., 2005. — С. 462.

³ См.: там же.

- ⁴ См.: Кузнецова А. О. Теоретические аспекты легитимации интервенций: «монополия на легитимность» и роль средств массовой информации // Вестник МГК. Сер. 12. Политические науки. — 2008. — № 5. — С. 16–20; Линецкий А. И. Разнообразие политических систем как следствие различий в поведении людей // Полис. — 2013. — № 6. — С. 8–25; Лапкин В. В., Семенов И. С. «Человек политический»: перед вызовами «infomodernity» // Полис. — 2013. — № 6. — С. 64–81 и др.
- ⁵ См.: Шестакова И. Г. Модификация социума через майстоуны прогресса // Вопросы культурологии. — 2013. — № 11. — С. 49–54.
- ⁶ См.: Там же. — С. 50.
- ⁷ Там же. — С. 51.
- ⁸ Шестакова И. Г. Проблемы стратегического планирования общественного развития в условиях ускоряющегося обновления технологий информационного обмена // Общество. Среда. Развитие. — СПб., 2013. — № 1 (26). — С. 81–86.
- ⁹ Опрос Левада-центра 23–26 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-09-2013/internet-i-smi>
- ¹⁰ См.: Бизюкова М. С. Проблема киберсоциализации личности в коммуникативной реальности социальных сетей // Вопросы культурологи. — 2013. — № 9. — С. 45–50.
- ¹¹ Солодникова И. В. Социализация личности: сущность и особенности на разных этапах жизни // Социс. — 2007. — № 2. — С. 33–35.
- ¹² Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. — С. 12–34.
- ¹³ Опрос Левада-центра 23–26 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/19-09-2013/internet-i-smi>
- ¹⁴ См.: Даль Р. Демократия и её критики. — М.: Российская политическая энциклопедия (ПОССПЭН), 2003. — С. 45–56.
- ¹⁵ См.: Разлогов К. Загадки эпохи интернета // Свободная мысль. — 2007. — № 5. — С. 111–116; Эйдем И. Интернет-общество будущего // Свободная мысль. — 2007. — № 5. — С. 117–130; Пшизова С. Н. Можно ли управлять демократией? // Полис. — 2013. — № 6. — С. 171–180.
- ¹⁶ См.: Эйдем И. Интернет-общество будущего. — С. 127.
- ¹⁷ Василенко И. А. Информационное сопровождение политических переговоров: виртуальные технологии успеха // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. — 2009. — № 1. — С. 52–53.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Песков Д. Н. Интернет в мировой политике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-51165.html>
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.

- ²² Кристоф Мёллер. Новые исследования социальных сетей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vivasoul.livejournal.com/4518.html>
- ²³ См.: Аристова Н. Г. Виртуальное общение и социализация / Девиантное поведение и Интернет. Под ред. М. Е. Поздняковой. — М.: Институт социологии РАН, 2008; Аристова Н. Г. Виртуальное общение и реальная социализация подростка / Научный вестник Ямало-Ненецкого авт.округа. Вып.3 (48). Социологический бюллетень. — Ямал — Рос. Салехард, 2008; Дементьева И. Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели. — М.: «Генезис», 2004. — 232 с. и др.
- ²⁴ Авраамова Е. Перовкласники и их родители: жизнь по новым правилам // Вестник общественного мнения. — 2013. — № 1 (114). Январь—март. — С. 110, 113.
- ²⁵ Цели и конфиденциальность россиян в интернете. Опрос Левада-центра 25–28 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/11–11–2013/tseli-i-konfidentsialnost-rossiyan-v-internete>
- ²⁶ Аристова Н. Г. Виртуальное общение и социализация / Девиантное поведение и Интернет. Под ред. М. Е. Поздняковой. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — С. 78.
- ²⁷ См.: Цой Н. А. Феномен интернет-зависимости и одиночество // Социс. — 2011. — № 12. — С. 98–107.
- ²⁸ См.: Дегальцева Е. А. Политическая социализация. — С. 112.
- ²⁹ См.: Гладарев Б. Социологический анализ дружбы: перспектива сетевого подхода // Дружба: очерки по теории практик: Сборник статей / науч. ред. О. В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 456 с. — С. 116.
- ³⁰ Политическая социология / Под ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — С. 277.
- ³¹ См.: Войнов Д. А. Политические амбиции Интернет в России // Власть. — 2007. — № 2. — С. 34.
- ³² Цит. по: Пипенко М. А. Феномен молодежных виртуальных фановских практик // Электронный документ.

Т. В. Бочкарев

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВОЛНА ПРОТЕСТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА УПРАВЛЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

*«Не сознание людей определяет их бытие,
а, наоборот, их общественное бытие
определяет их сознание».*

К. Маркс. «К критике политической экономии». Предисловие

Удивительное явление, но, по мере того, как все большее количество самых различных экспертов в таких разнообразных направлениях обществоведения как экономика, политология, социология, международные отношения и т.д. согласны с тезисом о том, что современный мир переживает «серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации»¹, — все более значительными выглядят расхождения в оценках ими природы этого процесса, его последствий, а также путей будущего развития.

Возможно происходящие в начале XXI века массовые акции протеста — суть отражение этого процесса, из крайней политической корректности к существующему порядку вещей поименованного эвфемизмом «мировой экономической кризис», — но уже в масштабе «глобального мира»? Тогда возникает ещё один закономерный и вполне практический вопрос: от какого к какому состоянию (набору качественных характеристик) или от какой системы экономики — к какой трансформируется современный мир?

Охватив различные по географическому положению, уровню экономического и особенностям политического развития страны от Египта, Алжира, Туниса, Украины до США и Испании, — массовые акции протеста оказали существенное влияние на политические процессы. В результате на Украине, в Грузии, Кыргызстане, Молдавии, Тунисе, Египте, Йемене произошла смена власти, что дало повод некоторым средствам массовой информации характеризовать эти события как революции — крайнюю форму политического процесса, связанную с разрешением кризиса власти. Некоторые другие черты

современных политических кризисов подчеркнул Президент России Д. А. Медведев в своем выступлении на Мировом политическом форуме в Ярославле: *«Прогрессирующее имущественное расслоение, которое, может быть, было менее рельефным в условиях экономического роста, на фоне кризиса приводит к открытым конфликтам между обеспеченными и бедными людьми. Во многих регионах мира возрождаются вполне, на мой взгляд, экстремистские учения о классовой борьбе, происходят уличные беспорядки и террористические акты, а кое-где идут и самые настоящие гражданские войны. Некоторые усматривают во всех этих явлениях признаки социального распада, деградации социальной структуры. Многообразие, о котором мы сейчас говорим, представляется бессмысленным хаосом, крахом национального единства и общественной солидарности (курсив мой. — Т. Б.). После этого следуют абсолютно нехитрые призывы применять силу, защищать традиционную культуру и нравственность и так далее. В то же время существуют и призывы абсолютно противоположного свойства. Они заключаются в том, чтобы минимизировать роль бюрократии, дать обществу развиваться исключительно на принципах самоорганизации, саморегулирования и самоуправления. Устранить государство вообще из общественной жизни. Как реагировать государству?... Для нашей страны это очень важный вопрос»*². Не менее закономерными вопросами по поводу требований протестующих задается модератор круглого стола «Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений» Петербургского международного экономического форума, Председатель Сбербанка РФ Г. О. Греф: *«...Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения... Экономический способ производства, о котором мечтал Маркс, еще не реализовался, и поэтому нужно работать, и не факт, что каждый получит эту работу, и не факт, что каждый получит желаемую заработную плату, и не факт, что будет удовлетворен этим...И при этом, если каждый человек сможет участвовать напрямую в управлении, что же мы науправляем?...Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции, как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации все равно заняты построением, сохранением страт?»*³

Каким же образом можно обобщить описанные явления глобального мира, учитывая, что на сегодняшний день верные и своевременные оценки происходящего являются фактором выживания — как отдельных людей, так и объединений государств — «в эпоху перемен»?

От протестных движений XX века описанные события отличаются общими свойствами, связанные с тем, что происходят они в условиях глобализации, *объективным и утилитарным определением которой является возникновение мировой, всеохватной (global) инфраструктуры коммуникаций*. Под последней следует понимать формирование нескольких слоёв мировой сетевой инфраструктуры:

1. скоростного транспорта (TGV, «Интерсити экспресс», «Евростар», «Шанхайский маглев», связывающих пока отдельные мировые и региональные экономические центры),
2. связи (например, «Скайп» — телефония с помощью компьютерной сети интернет),
3. управления («Glonass»), в том числе и самой всемирной системы объединённых компьютерных сетей, которая развивается наиболее динамично и служит физической основой для виртуального пространства.

В результате формирования глобальной инфраструктуры образуются противоречия, которые в значительной степени влияют на формирование конфликтов индивидуальных и групповых ожиданий в обществах на пути к глобализации и одновременно способствуют самоорганизации массовых протестных движений в мире:

1. между равным доступом к информации в глобальном виртуальном пространстве, и углублением неравенства в возможностях самореализации личности в различных обществах;
2. между формированием глобальной транспортной сети, общевойсковой инфраструктуры связи и усугублением борьбы за пищевые, энергетические ресурсы, узкой экономической специализацией отдельных стран и политической регионализацией.

Первой отличительной чертой массовых протестных движений эпохи глобализации начала XXI века является то, что впервые в истории человечества площадкой для возникновения столь масштабных народных движений послужила не территория отдельного государства, а глобальное виртуальное пространство средств массовой информации, каналов мобильной связи и сети интернет, которое использовалось для разностороннего освещения реальных событий. Подобное простран-

ство дает возможность одновременно сравнивать большое количество разнообразных источников информации и следить за событиями из любой части планеты «в режиме реального времени». Следовательно, масштаб любого события, как и количество потенциальных участников конфликта, результатом которого становится кризис власти, не ограничены ничем, кроме мировой аудитории интернета и СМИ. В то же время, одним из важнейших свойств виртуального пространства является то, что оно, как цифровое средство передачи массовой информации, приравнивает по значению информацию о событии с «реальным событием» в сознании тех, кто не являлся непосредственным участником произошедшего⁴.

Соответственно, второй из характерных особенностей представляется высокая скорость самоорганизации⁵ различных групп людей с целью принципиальных изменений (что гораздо шире требований групповых интересов) политической системы вплоть до свержения государственной власти, — неожиданная как для её представителей, так и для внешних наблюдателей. В то же время для политического режима массовые выступления населения являются как минимум кризисом управления, когда среди управляемых и тех, кто ими управляет, одновременно возникает ощущение, что процессы, происходящие в обществе, они больше не контролируют⁶. То, что в основе кризиса власти лежит неадекватность принципов управления складывающимся политическим процессам демонстрируют признаки наступления революционной ситуации, которые выразил В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала»:

1. Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому;
2. Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов;
3. Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна»⁷.

Наконец, третьей немаловажной чертой политических кризисов в ходе событий «цветных революций» и «арабской весны» выступает неудовлетворенность существующими отношениями и перспективами развития в обществе, готовность выйти на улицы ради достижения транслируемых мировыми СМИ идеалов. Не важно — справедливости, демократии, более совершенного потребления и т. д. В отличие от описанной профессором политической социологии Парижского университета Морисом Дюверже (род. 1917 г.) традиционной партийной борьбы за власть в XX веке речь идет не о четкой программе действий, а о критике действительности с позиции абстрактных идей. В подобной борьбе действия властей (будь то относительно благоприятные условия «жизни в кредит» в развитых демократиях или социальные достижения режима Каддафи), заранее обречены на поражение. Таким образом, массовая самоорганизация сохранила и усилила основную черту протестных движений прошлого века — «конфликт ожиданий» в качестве объединяющей идеи видения будущего, что привело к навязыванию идеалистического контекста публичным политическим процессам в обществе и общественным оценкам внутренней политики государства. В виду максимализма, последняя черта часто приписывается образованной молодежи. Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти... Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие „молодежного бугра“ (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций... — [включая и] большинство революций XX века в развивающихся странах — произошли там, где наблюдались особо значительные молодежные бугры»⁸.

Но сами формы сетевой организации на основе горизонтальных связей при отсутствии единого директивного центра управления присущи человечеству на протяжении всей истории. В основе сети лежит прямое общение «по горизонтали» — в то время как лидерство прояв-

ляется в зависимости от ситуации. И то и другое обеспечивается тремя основными элементами, которые должны присутствовать в «сетевом социальном движении»:

1. общее коммуникативное пространство — каждый участник сети должен иметь любую необходимую информацию об организации, а также доступ к знаниям любого другого участника;
2. равенство и связанность участников для объединения и организации данных и сведений, обеспечивающая возможность включения в деятельность организации, независимо от личности;
3. объединяющая идея или смысловой концепт — явным для всех является блок видения будущего, который задает контекст для совместной работы⁹ (при этом ситуативный лидер обладает наиболее глубоким видением всех обстоятельств конкретной ситуации в прошлом и будущем и является выразителем идеи — образа действий, в полной мере отвечающей интересам данной организации).

В виду перечисленных выше условий формирования глобального постиндустриального общества организующая идея принимает форму именно образа, а не текста — то есть в отличие от эпохи печатного станка имеет иную логику внутренней организации, которая задает собственные законы причинности и тем самым создает иное измерение взаимодействия государственных и общественных институтов¹⁰. Речь идет о деятельности сетевых интернет — организаций, реагировать на которые не успевает институт современного государства, сформированный в еще XIX веке на основе односторонней (где автор сообщает читателю) печатной, книжной, а не двусторонней сетевой (интернет: где в режиме реального времени автор обсуждает свое сообщение с читателем, до бесконечности меняясь ролями) культуры общения. Например, лидеры нового советского государства, возникшего на расвете массовой культуры чтения, публиковали свои статьи и программные положения, партийные и государственные документы в газетах «Искра», «Правда» и т.д., которые активно обсуждались грамотным сообществом, буквально «ходили по рукам». Потоками информации в виде печатной литературы и слухов можно было управлять: ускорить путем «официального запрещения» по принципу «все секрет и ничто не тайна» и увеличить тираж издания, или, наоборот, определить и локализовав распространение, дать ход уже ограниченной информации прикрытия. В условиях же открытого сетевого доступа к информации не только независимость, но и выживание центров власти определяет-

сы уже не столько управлением формой подачи информации, сколько способностью перерабатывать и осмысливать максимум единиц информации в минимум единиц времени протекания управляемых процессов для принятия решения.

Глобальная компьютерная сеть привела к проявлению «коллективного мышления» в форме обсуждения в специализированных чатах, форумах, социальных сетях: ситуативные организации «по интересам», которые возникают на подобной основе, даже в условиях избытка информации значительно превосходят другие в скорости осмысления и организованной реакции на происходящее. Первые примеры в виде flash mob, которые послужили основой так называемых «цветных» и «твиттерных революций», сетевые университеты, целые «информационные агентства» — вынудили представителей государственной власти, руководителей крупных компаний различных стран перейти к непрерывному присутствию в интернете в режиме реального времени в виде личных сайтов политиков, страниц в социальных сетях. Причем, с точки зрения организаторов социальных сетей любой зарегистрировавшийся в них политик («Барак Обама»TM, «Юлия Тимошенко»TM и т.д.) — представляется наравне с другими участниками не более, чем известным пользователем с высоким рейтингом посещений. Здесь официальной государственной власти не всегда удастся определять повестку дня — порой остается только комментировать и реагировать на любые, даже малозначимые для страны события, мгновенно принимающие широкий общественный резонанс среди пользователей сети. Для «пользователей» сети власть теряет свое основное сакральное свойство — монополию на оценку прошлого и настоящего, а также предсказание или знание о дальнейших событиях.

Для внешних же наблюдателей процесс сетевой организации происходит «стихийно» (например, опережает по скорости реакции или не соответствует традиционной сценарной текстовой логике политических процессов эпохи печатного станка). Удачный образ будущего, оформляя уже существующую разницу каких-либо слоев общей реальности (прав людей, граждан государства, членов общества и т.д.) и в том числе между идеалами и действительностью («конфликт ожиданий»), — становится информатором для воронки причинности, вытягивающей и подчиняющей своему движению новые и новые ресурсы: сторонников, средства, время и т.д.¹¹.

БАССЕЙН ОСАДКОНАКОПЛЕНИЯ

Макро-уровень

Международная среда

Государство- и нацееобразующие факторы

Социально-экономические факторы

Социально-классовые факторы

Культурно-ценностные факторы

Политические факторы

Индивидуально-психологические факторы

УЧРЕЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Индивидуально-психологические факторы

Политические факторы

Культурно-ценностные факторы

Социально-классовые факторы

Социально-экономические факторы

Государство- и нацееобразующие факторы

Международная среда

Макро-уровень

фаза "учреждения"

фаза "консолидации"

ДЕПРЕССИОННАЯ ВОРОНКА

В указанных условиях воздействие на процесс массовой самоорганизации населения с целью урегулирования кризиса возможно только в случае предложения конкурентоспособной «идеи будущего» — способной вытеснить «конфликт ожиданий» или изменить его структуру. При этом подобная идея не может быть полностью представлена определенным политическим институтом или сценарием, призванным обозначить её наличие в отдельном обществе, поскольку в описанных условиях должна отражать процессы организации человечества в глобальном масштабе.

Вместе с тем диалектика развития человечества на нынешнем этапе, называемом «мировым экономическим кризисом», демонстрирует

схожесть указанных проблем с чертами более раннего масштабного кризиса управляемости — изменениями, которые человечество уже проходило при разложении родовой общины¹²:

1. Резкий рост численности людей¹³ и масштаба общественных действий (ирригация), что требовало перейти от прямого к многоконтурному косвенному управлению через сеть и иерархию исполнителей;
2. Нехватка ресурсов, приведшая к переходу на технократический путь развития скотоводческой и земледельческой специализации (взамен охоты и собирательства), распространению товарного обмена;
3. В результате смены характера коллективной трудовой деятельности переход объектов управления на более высокий уровень сознания — к аналитическому мышлению, так как при земледелии и скотоводстве необходимо было хотя бы предугадывать по приметам смену погодных условий и времен года. Рациональное мышление исполнителей вытеснило коллективный разум и ритуалы в область индивидуального подсознания и привело к необходимости развития религии и культуры, чтобы поддерживать определенные этические нормы, запреты для каждого члена общества, необходимые для совместных действий.

Но распространение глобальной инфраструктуры коммуникаций, в том числе сети Интернет, обострение связанных с этим описанных выше общественных противоречий, избыток и высокая скорость обновления информации, которую ум отдельного индивида не успевает обработать и проанализировать, широкое применение технологий когнитивного диссонанса в СМИ, что привело современного человека к постоянному внутреннему конфликту от противоречивых оценок — все эти факторы глобализации в совокупности изменили сам вектор уже пройденных изменений на противоположный, качнув маятник развития «в обратную сторону»¹⁴ и, тем самым, сделали вновь актуальными принципы управления обществом как единой общиной. И если прежде в основе управления человеком лежало слово как обозначение окружающих предметов, а личность понималась как текст с несколькими смысловыми уровнями, то в основе нынешнего этапа развития человечества управления лежит образ. Этот переход от Цивилизации текста, в основе которой лежала культура великих книг, в том числе Библии и Корана, к Цивилизации образа описал Умберто Эко в публичной лекции «От

интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст» на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998: «Согласно книге Маршалла Маклюэна «Галактика Гутенберга» (1962), после изобретения печати преобладал линейный способ мышления, но с конца 1960-х ему на смену пришло более глобальное восприятие через образы телевидения и другие электронные средства. Средства массовой информации довольно скоро установили, что наша цивилизация становится image-oriented, ориентированной на зрительный образ, что ведет к упадку грамотности. Добавлю, что средства массовой информации подняли на щит этот упадок словесности как раз тогда, когда на мировую сцену вышли компьютеры. Безусловно, компьютер — орудие для производства и переработки образов, и так же безусловно, что инструкция нам дается в образе неизбежной иконки. Но так же известно, что старые компьютеры рождались как орудие письменности. Традиционный компьютер предлагал линейную письменную коммуникацию, это была быстро бегущая книга. У образов есть «платоническая сила», *они преобразуют частные идеи в общие (курсив — автора статьи)*. Вот так, посредством визуальных коммуникаций, легче проводить стратегию убеждения, сомнительную в ином случае. Читая в газете, что «такой-то» провозглашает: «Х — в президенты!», я понимаю, что высказывается мнение «такого-то». Но *если в телевизоре какое-то неизвестное мне лицо агитирует: «Х — в президенты!», то воля индивида воспринимается уже как сгусток общей воли*. Часто мне думается, что в ближайшем будущем наше общество расщепится — или уже расщепилось — на два класса: *тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию*. Тем самым начинается разделение культур, существовавшее во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе — отобранных и обработанных их творцами»¹⁵.

Признаками описанного перехода становятся все большая хаотизация в действиях прежних институтов управления от местных органов власти до ООН, активизация сетевых организаций в интернете и постепенный отказ от словарного обмена информацией в пользу обмена образами. Или символами как сжатой формой, порождающей в сознании человека определенное множество образов. Проявлением этой

тенденции на сегодня, например, являются: повышенная капитализация брендов в мировой экономике, растущая доля стоимости торговой марки в рыночной стоимости товара, растущая популярность коротких сообщений (SMS, MMS), основная эмоциональная нагрузка которых приходится на картинку или «смайлик».

Примерный механизм возникновения общины описан в работе «Живое пространство: ноосфера» академиком В. П. Казначевым¹⁶. 3–5 миллионов лет тому назад предки человека распространились на земном шаре достаточно широко. По неизвестным причинам это были родовые концентрации протогоминид, возникшие относительно одновременно, в 3–4-х географических зонах. Количество нейронов в мозге каждой отдельной особи достигло такого критического уровня, когда полевые формы взаимодействия вещества нейронов скачком объединились в одно кооперативное поле. Процесс такого скачка напоминает фазовый переход, хорошо известный в физике. При этом разум каждой особи не существовал отдельно, а мозг служил носителем коллективного разума всех членов общины. «Личностей» не было, был единый организм стаи. Отдельный член сообщества мог реализовать, обогатить или обновить знания и опыт только через «подключение» к коллективному сознанию. По сути, «своих», «личных» знаний и опыта у него не было и не могло быть. Зато качественно возростала скорость приспособления к изменяющимся условиям внешней среды: личный эмпирический опыт через групповое ритуальное подражание незамедлительно становился коллективным достоянием. Другое преимущество подобной формы организации в том, что в едином информационном поле стаи, образный сигнал проходит почти мгновенно и воспринимается безошибочно: на изменение обстановки её члены реагируют «все разом»¹⁷.

Коллективное сознание формировалось не как сумма индивидуальных сознаний, а как особое качество самого сообщества. Для нивелирования индивидуальных характеристик и привития рефлекса к безоговорочному подчинению в современном обществе выработан безупречно эффективный прием — муштра¹⁸. Описанный тип трудовой деятельности создал социальное существо, успешно функционирующее только как элемент социальной системы: знаний и опыта отдельного человека никогда не бывает достаточно для выживания. «Человек получает от окружающих типовые схемы, стилизованные образцы или модели выражения радости, гнева, страха, надежды»¹⁹, — так на основе

накопленного опыта в коллективном сознании формировались устойчивые алгоритмы поведения и «ментальная модель мира», адекватная реальности, позволяющая «человекину» успешно функционировать.

Коллективное представление о мире в конкретный момент и ритм жизни общины задавал и транслировал лидер. Для этого он должен был обладать двумя качествами: раньше и лучше других чувствовать грядущие изменения внешней среды и обладать способностью внушения, чтобы быстро и вовремя вносить необходимые изменения в общую картину мира: «Суть внушения состоит в том, что если налицо полное и безоговорочное доверие, иначе говоря — абсолютное «мы», то человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, какие имеет в виду говорящий; а полная ясность и безоговорочность представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены прямым наблюдением и познанием, а не посредством другого лица»²⁰. Именно лидер осуществлял погружение и постоянное удержание общины в состояниях коллективного сознания²¹. По интенсивности это состояние сродни массовой панике, массовому психозу, коллективному трансу в результате различного рода «радений», при исполнении ритмичных танцев и так далее, и самый пик — состояние возбужденной толпы²². «Некритическая внушаемость может быть отмечена у всех без исключения людей, но в очень разной степени: у детей много более, чем у взрослых; у людей утомленных и истощенных сильнее, чем при хорошем самочувствии;...при страхе, при растерянности, неуверенности сильнее, чем в спокойном, бодром состоянии... главный фактор — это авторитет внушающего в глазах внушаемого. Он складывается из двух сторон: уверенности внушающего в успехе своего воздействия и готовности внушаемого поддаться воздействию...»²³. Любое общество «в некоторой мере состоит из соподчиненных общностей, причем образующих несколько уровней и этажей...лидеры на всех уровнях, кроме высшего, получают свою роль в той или иной мере не от общности, а сверху вниз, т.е. выступают как уполномоченные и носители высшего авторитета»²⁴. К описанному выше следует добавить, что одной из форм невроза является обостренное до уровня галлюцинации восприятие разницы между желаемым и действительным, сильное желание изменить ситуацию. С точки зрения функциональной организации управления родовая община подразделялась на управляемую массу внушаемых, внушающего управленческое воздействие вождя

и не участвующих в процессе управления до момента выдвижения нового вождя. С точки зрения теории систем это стабильная биполярная структура, развивающаяся через преодоление внутренних противоречий. Вопрос о том, можно ли указанные черты общины в полной мере отнести на счет ныне широко рекламируемого «постиндустриального общества» остается одним из самых интересных и важных вопросов современности.

¹ Из статьи «Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить» кандидата на должность Президента Российской Федерации В.В. Путина, опубликованной 16 января 2012 года газетой «Известия»: izvestia.ru

² Из текста выступления Президента России Дмитрия Медведева на Мировом политическом форуме в Ярославле 8 сентября 2011 года. Источник: Дмитрий Медведев выступил на пленарном заседании Мирового политического форума // Президент России URL: <http://kremlin.ru/news/12612> (дата обращения: 09.08.2011).

³ По материалам трансляции секции круглого стола «Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений» Петербургского международного экономического форума по каналу «Россия 24» с 09:00 до 11:00 22.06.2012 г.

⁴ Явление аналогичное эффекту монтажа в кинематографе. Под монтажом Эйзенштейн понимает совмещение изображений, которые «должны быть так выбраны из всех возможных черт внутри развиваемой темы, должны быть так выисканы, чтобы сопоставление их — именно их, а не других элементов — вызывало в восприятии и чувствах зрителя наиболее исчерпывающе полный образ самой темы» См. подробнее: Эйзенштейн С. Сергей Эйзенштейн. Избр. произв. в 6 тт. Монтаж. — М., 1968 — стр. 66. Опыты Л.В. Кулешова заключались, например, в том, что он соединял два куска пленки, зафиксировавшие идущих в разное время и в разных местах людей, и у зрителя создавалось впечатление их одновременного подхода друг к другу; либо монтировал один и тот же крупный план спокойного лица актера Мозжухина с планами «безотносительных» к нему предметов (тарелка супа или гроб), и зритель сам приписывал актеру соответствующую эмоцию (голод или скорбь). См. Подробнее: Л.В. Кулешов. Основы кинорежиссуры. — М., 1941; Ю.Лотман. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Издательство «Ээсти Раамат», 1973; Ю.Лотман, Ю. Цивьян. Диалог с экраном. — Таллин: Издательство «Александра», 1994.

⁵ В частности руководитель Центра ситуационного анализа при Отделении глобальных процессов и международных отношений Российской академии наук, академик Е.М. Примаков, в книге «Мысли вслух» подчеркивает: «Можно однозначно прийти к выводу, что массовые акции протеста, начавшиеся в Тунисе, охватившие Египет и распространившиеся на другие арабские страны, не были заранее органи-

зованы никакой политической силой, в том числе исламской» — Примаков Е. М. Мысли вслух. — М.: Российская газета, 2011. — С. 191.

⁶ Определение С. П. Никанорова, данное в устном разговоре.

⁷ В. И. Ленин «Крах II Интернационала» // «Коммунист». — 1915 г. — № 1–2, С. 218–219.

⁸ Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. Journal of International Affairs 56/1: 11–12. Цит. по переводу в статье Юлии Зинькиной, Андрея Коротаева «Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ»: polit.ru

⁹ Шадрин А. Е. Сетевая модель организации // Информационное общество. — 2000. — № 2. — С. 86–88.

¹⁰ Этот переход от Цивилизации текста, в основе которой лежала культура великих книг, в том числе Библии и Корана, к Цивилизации образа описал Умберто Эко в публичной лекции «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст», почитанной на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>

¹¹ Схема подобной «воронки» для процесса демократизации приведена в работе А. Ю. Мельвиля, М. В. Ильина «Методология “воронки причинности” как промежуточный синтез “структуры и агента” в анализе демократических транзитов» в № 5 журнала «Полис» за 2002 год.

¹² См. подробнее: Маркеев О. Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти — М.: «Самотёка», 2007. — С. 118.

¹³ «Напомним, что стая наших предков насчитывала примерно пятьдесят особей разных возрастов, и вожак явно не мог бы отдать команду каждому в отдельности» — См. подробнее: О. Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти» — М.: «Самотёка», 2007.,

¹⁴ «Отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие» — Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — С. 196.

¹⁵ См. подробнее материалы публичной лекции Умберто Эко «От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст», прочитанной на Экономическом факультете МГУ 20 мая 1998: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>

¹⁶ См. подробнее статью «Живое пространство: ноосфера» академика РАН, АЕН РФ, ПАНИ, профессора, директора ИКЭМ СО РАН В. П. Казначеева: Казначеев В. П. «Живое пространство: ноосфера» // «Русская Мысль» — 1993, № 3–12. Источник: spbs.rusphysics.ru

¹⁷ См. подробнее: О. Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти» — М.: «Самотёка», 2007.

¹⁸ «На стоянках...протоплемен археологи находят груды обработанных камней. Различного рода скребков, режущих инструментов и прочего. В количестве, во много раз превосходящем потребности! По десятку на каждую пару рук в протоплемени. А в паре десятков километров на новой стоянке — еще одну. И так вдоль всего маршрута движения. Бессмысленный на первый взгляд труд...Скорее, какой-то вечный кризис перепроизводства...Да, эта та самая муштра. Бессмысленная и изнуряющая. Только с поправкой на историческую эпоху. И только на первый взгляд лишенная всякого смысла. Кучи брошенных орудий есть побочный результат коллективного психофизиологического состояния, в котором находилось сообщество гоминидов. Исследователи трансовых состояний давно заметили, что действия одного человека моментально подхватываются всеми. И погруженная в транс группа действует как единый организм. Гоминиды гораздо легче, чем мы сейчас, входили в групповой транс, и интенсивность его была несравненно выше, чем может выдержать психика современного человека. Но зачем? ...Обтачивание камней — это мистический ритуал. Настройка сознания всех на единый мыслеобраз, символизируемый процессом труда» — так объясняет процесс О. Маркеев в работе Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти». См. подробнее: О. Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти» — М.: «Самотёка», 2007; Карл Бюхер «Работа и ритм. Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение» — СПб.: Книжный магазин и контора изданий О. Н. Поповой, 1899. — 207 с.

¹⁹ Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история» — М.: Наука, 1966., стр. 158.

²⁰ Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история» — М.: Наука, 1966., стр. 138–139.

²¹ См. подробнее: О. Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти» — М.: «Самотёка», 2007.

²² О. Маркеев «Демон власти: генезис, эволюция и кризис системы власти» — М.: «Самотёка», 2007.

²³ Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история» — стр. 140–141. М.: Наука, 1966.

²⁴ Б. Ф. Поршнев «Социальная психология и история» — стр. 144. М.: Наука, 1966.

Литература

1. Путин В. В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16.01.2012: <http://izvestia.ru/news/511884>
2. Медведев Д. А. Выступление Президента России Дмитрия Медведева на Мировом политическом форуме в Ярославле. Источник: Дмитрий Медведев

- выступил на пленарном заседании Мирового политического форума // Президент России URL: <http://kremlin.ru/news/12612> (дата обращения: 09.08.2011).
3. Эйзенштейн С. М. Сергей Эйзенштейн. Избр. произв. в 6 тт. Монтаж. М., 1968 — стр. 66.
 4. Кулешов Л. В. Основы кинорежиссуры. — М., 1941;
 5. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Издательство «Ээсти Раамат», 1973
 6. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. — Таллин: Издательство «Александр», 1994.
 7. Примаков Е. М. Мысли вслух. — М.: Российская газета, 2011. — С. 191.
 8. Ленин В. И. «Крах II Интернационала» // «Коммунист». — 1915 г. — № 1–2, С. 218–219
 9. Goldstone J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56/1: 11–12
 10. Шадрин А. Е. Сетевая модель организации // Информационное общество. — 2000. — № 2. — С. 86–88
 11. Мельвил А. Ю., Ильин М. В. «Методология „воронки причинности“ как промежуточный синтез „структуры и агента“ в анализе демократических транзитов» // «Полис». № 5. 2002.
 12. Маркеев О. Демон власти. Генезис, эволюция и кризис системы власти., М., 2007, 288 стр.
 13. Бюхер К. «Работа и ритм. Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение» — СПб.: Книжный магазин и контора изданий О. Н. Поповой, 1899. — 207 с.
 14. Казначеев В. П. «Живое пространство: ноосфера» // «Русская Мысль» — 1993, № 3–1
 15. Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
 16. Поршнев Б. Ф. «Социальная психология и история» — М.: Наука, 1966

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ США

В Соединенных Штатах Америки неправительственные организации заполняют очень широкую и важную нишу в жизни государства и общества, так как представляют собой обширную сеть ассоциаций и организаций, действующих по самым разным направлениям на всей территории страны и даже за ее пределами.

Неправительственные организации имеют множество самых различных вариаций, которые можно классифицировать следующим образом. По диапазону охвата: локальные, национальные и международные. По структуре объединений: а) ассоциации, б) некоммерческие организации, в) фонды, трасты, благотворительные общества, г) специализированные НПО. По типологии: религиозные, образовательные, культурные, направленные на развитие или оказание помощи.

НПО, как правило, финансируются за счет частных пожертвований, налоговое законодательство всячески благоприятствует финансированию таковых со стороны бизнес — структур и частных лиц. Стоит отметить, что различного уровня госструктуры (федерального, регионального, муниципального) также могут активно выделять гранты на деятельность НПО. Но, несомненно, основную финансовую поддержку активно оказывает бизнес, зачастую мотивируя и своих сотрудников делать частные пожертвования для различного рода НПО или организаций-распределителей денежных грантов¹.

Еще А. Токвиль в конце XIX века писал: «На земле существует только одна нация, представители которой ежедневно пользуются неограниченной свободой и правом объединяться в политических целях. Эта же самая нация — единственная в мире, представители которой пришли к мысли о необходимости постоянно пользоваться своим правом и создавать собственные гражданские ассоциации, научившись таким образом пользоваться всеми возможными благами цивилизации»².

Согласно опубликованным данным за 2012 год в США работает более 1,5 млн неправительственных организаций и объединений³.

В свою очередь, бывший посол США в РФ Майкл Макфол в статье, посвященной проблемам гражданского общества, следующим образом дает общую характеристику сути, целей и функций неправительственных организаций в Америке: «Через неправительственные организации американцы объединяются для решения местных проблем, таких как: безопасность детей на дорогах, снижение уровня преступности, улучшение работы школ (в США вопросами образования занимаются местные органы власти), увеличение прозрачности в работе местной администрации и т.п. Общественные организации занимаются и общенациональными вопросами, такими как реформа здравоохранения или реформа иммиграционного законодательства. Некоторые американские общественные организации пытаются решать глобальные вопросы, например, такие организации, как Ассоциация за контролем над вооружениями или Глобальный женский фонд»⁴.

Некоторые НПО (лишь малая часть от общего числа) весьма известны (не только в пределах Соединенных Штатов) и обладают колоссальным авторитетом и влиянием на общественное мнение, государственную и даже мировую политико-экономическую повестку.

Прежде всего, это те некоммерческие исследовательские организации, которые позиционируют себя как независимые и непартийные, зачастую используют финансирование частного капитала и благотворительных фондов. Деятельность большинства таких фондов связана с изучением и выработкой рекомендаций для федерального правительства по самому широкому спектру вопросов.

Стоит отметить, что НПО получили широкое развитие в США благодаря исторически сложившейся традиции по привлечению американским правительством научных и профессиональных экспертов для решения практических проблем политической жизни государства.

В послевоенный период такие исследовательские организации стали именоваться «мозговыми центрами» (think tank) благодаря ставшей популярной в тот период практике сбора в изолированном пространстве представителей различных научных направлений с целью получения синергетического эффекта.

Организации такого рода оказывают особое влияние на деятельность Конгресса и Белого Дома. В случае Конгресса, — одним из основных каналов для этого выступают выступления экспертов НПО на слушаниях в комитетах и подкомитетах. Тут нельзя не упомянуть партийную роль большинства комитета, именно оно выбирает из ка-

кой организации приглашать специалиста⁵. В данных обстоятельствах совершенно очевидно, что выбор будет сделан в пользу организации, которая имеет прореспубликанские или продемократические взгляды. Также одним из инструментов влияния выступают сотрудничество, основанное на личных взаимосвязях.

Помимо основной функции центров как части политической системы США, «мозговые центры» являются основными площадками для рекрутирования политических кадров или используются действующими политиками в качестве платформы для распространения значимых политических заявлений. Также они выполняют функцию «запасного аэродрома» для политиков, покинувших свою должность и, например, ожидающих нового назначения. При официально независимой позиции некоторые организации часто занимаются рекрутированием собственных кадров в одной из политических партий: Демократической или Республиканской⁶.

«Пока одна партия находится у власти, члены другой идут работать в «мозговые центры». В случае смены партии у власти после выборов, многие из тех, кто работал аналитиками, получают назначения в правительственных учреждениях», — пишет президент Международного научного центра им. Вудро Вильсона, Ли Гамильтон⁷.

Многие высокопоставленные представители американской администрации работали в НПО, например, вице-президент Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд, работавшие при администрации Джорджа Буша-младшего, были трудоустроены в Совете по международным отношениям.

Как отмечают ведущие американские эксперты, особую значимость НПО приобретают в период президентской кампании, когда потенциальные кандидаты обращают особое внимание на советы специалистов «мозговых центров» относительно всех стратегически важных вопросов кампании, в том числе, внутренне и внешнеполитических. По словам бывшего советника Рейгана по экономическим делам Мартина Андерсона «Это похоже на общенациональную пробную маркетинговую стратегию»⁸.

Г. Б. Кочетков и В. Б. Супян приводят следующую классификацию «мозговых центров», основанную на степени аффилированности, организационной структуры, политической и идеологической ориентации.

В соответствии с которой, представлены три типа: *академические, контрактные и политически ориентированные центры*.

Так же принято различать «мозговые центры» по идеологической направленности:

- *консервативные* (Фонд «Наследие», Американский институт предпринимательства, Гуверовский институт, Гудзоновский институт);
- *центристские* (Национальное бюро экономических исследований, Совет по международным отношениям, организация «Форум за свободу» (Freedom Forum), организация «Ресурсы для будущего»);
- *левоцентристские* (Институт проблем городов, Брукинский институт, Фонд Карнеги за международный мир);
- *правоцентристские* (Корпорация «РЭНД», Центр стратегических и международных исследований);
- *либертарианские* (Институт Катона, Фонд «Разум» (The Reason Foundatin));
- *прогрессистские* (организация «Граждане за налоговую справедливость» (Citizens for Tex Justice), Центр за американский прогресс (The Center for American Progress), Объединенный центр политических и экономических исследований (The Joint Center for Political and Economic Studies), Институт «Наблюдение за миром» (World Watch Institute)⁹.

Многие известные некоммерческие организации позиционируют себя в качестве исключительно научных, но в их деятельности часто прослеживаются признаки коммерческой составляющей.

По этой причине в настоящее время уместно говорить о данной проблеме как наиболее актуальной, так как политики и представители бизнеса широко используют в своих интересах данную тенденция к трансформации большого количества «мозговых центров» из научных и экспертных организаций в своеобразные PR центры. Данная проблема, по мнению многих экспертов, связана с прямым финансированием НПО из различного рода фондов, которые зачастую созданы или аффилированы с крупными компаниями¹⁰.

Можно условно выделить два основных механизма, которые применяются при доведении выработанного интеллектуального продукта до конечного пользователя — политической элиты или общества: первый — адаптация и обработка продукта, с последующим его внедрением в общественное мнение, которое в дальнейшем будет способствовать продвижению данного направления среди политической элиты; второй, можно сказать «обратный принцип действия», — непосредственная «продажа» продукта элите, а затем в общество.

Первый механизм подразумевает работу «мозгового центра» в качестве аутсайдера, который различными способами приобретает активную поддержку своих программ обществом, далее лоббируя свои интересы непосредственно в элитах.

Во втором случае, например данная тактика характерна для Фонда наследия (The Heritage Foundation¹¹), НПО выполняют роль инсайдера, который непосредственно задействован в политическом процессе, например, к данному типу механизма работы относится корпорация РЭНД, которая напрямую готовит аналитические материалы для наиболее значимых госструктур США¹².

Кроме того, неформальные контакты играют не последнюю роль в процессе принятия политических решений, сотрудничая с влиятельными политическими фигурами в составе экспертных групп по каким-либо конкретным проблемам. Глубокий правительственный кризис, как утверждает Збигнев Бжезинский, только способствует усилению влияния со стороны экспертного сообщества¹³.

По словам Ричарда Хааса, председателя Совета по международным отношениям, «мозговые центры» оказывают значительное влияние на американских внешнеполитических деятелей работая по пяти различным направлениям»¹⁴.

Во-первых, это тщательная проработка и представление оригинальных внешнеполитических концепций. Во-вторых, представление для работы в правительственных структурах экспертов, которые ранее зарекомендовали себя в данной организации, что в дальнейшем способствует совместной работе данного «мозгового центра» и госструктуры. В-третьих, центры часто становятся организаторами крупных форумов, на которых происходит обсуждение внешнеполитических вопросов, а также не редко играют роль официальных представителей властных структур США при взаимодействии с другими странами по отдельным вопросам. И, в-пятых, они оказывают определенное влияние на формирование общественного мнения путем общественных выступлений и публикаций в СМИ и интернет-ресурсах (в частности, в соц. сетях) различного рода докладов и исследований. Например, популярным инструментом является публикация в газетах и журналах комментариев ведущих экспертов НПО по тематике, в которой они компетентны.

В крупных организациях такого рода функционируют специальные подразделения, которые отвечают за взаимодействие со СМИ и госорганами (PR и GR подразделения). В данной связи, исследова-

тели обращают внимание на повсеместную тенденцию к увеличению бюджетов таких подразделений в НПО.

Кроме того, некоммерческие организации, учрежденные при помощи США в различных развивающихся странах (в том числе и на постсоветском пространстве), широко использовались и продолжают использоваться в качестве одного из инструментов по «демократизации» мира¹⁵.

Сравнивая администрации Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, надо заметить, что несмотря на очевидную нехватку понимания ведения внешнеполитической политики, администрация Буша-младшего нарушила давно сложившуюся традицию обмена мнений между экспертным и политическим сообществами. Так Джордж Буш-младший и его ближайшее окружение практически отказались от рассмотрения различных мнений и точек зрения наиболее авторитетных экспертных НПО, поручив выработку рекомендаций проекту «Новый американский век» (Project for New American Century, PNAC), который просуществовал с 1997 по 2006 год, в основе внешнеполитической стратегии «мозговой центр» было продвижение американского глобального лидерства¹⁶.

Представители данного центра выступали за однополярность и американскую гегемонию в мире, полагая, что только американское лидерство способно сохранить мировую стабильность и обеспечить порядок. Отчет Проекта «Перестройка американской обороны» (Rebuilding America's Defenses)¹⁷ вошел в основу национальной военной стратегии США, привнеся широкую практику нанесения превентивных ударов¹⁸.

В данной связи важно отметить, что традиция проведения консультаций экспертного сообщества была возобновлена при Бараке Обаме уже в период первой предвыборной кампании: Центр стратегических и международных исследований, Фонд Карнеги, Брукингский институт — еще в период первой предвыборной кампании Барака Обамы были задействованы (по инициативе Демократической партии) в выработке рекомендаций для переговоров с Москвой по условиям нового двустороннего договора в сфере ядерной безопасности¹⁹, а некоторые сотрудники ведущих американских «мозговых центров» получили назначения в Администрации Барака Обамы.

Исторически сложившейся в XX веке традиция взаимодействия государственных институтов и НПО (по самому широкому кругу вопросов: как внутренней, так и внешней политики), сохраняется и в XXI веке, наиболее старые и авторитетные организации сохраняют лидерство в получении заказов от государственных институтов.

Тем не менее наблюдается резкий рост неправительственных организаций, деятельность которых осуществляется по всему спектру политических, экономических и социально-правовых вопросов. Несмотря на значительный количественный рост подобного рода организаций и объединений, деятельность большинства из них носит «заказной» характер, направленный на продвижение тех или иных интересов какой-либо заинтересованной стороны, например, определенных группы интересов, политических, коммерческих и общественных организаций.

Деятельность заказного характера направлена на формирование «правильного» общественного мнения путем использования разнообразных коммуникационных каналов среди определенной целевой аудитории (населения отдельного региона, сторонников отдельной партии, групп граждан различного социального слоя), что в определенной степени является весьма эффективным инструментом, своеобразным «рычагом давления» на политические институты и отдельные персоналии, особенно в период предвыборных кампаний.

Экспертное сообщество (в США и за его пределами) признает экспертизу лишь наиболее известных и авторитетных НПО, которые, несмотря на внешние политические факторы, сохраняют объективную позицию, в частности, прибегая к консультациям международных партнеров.

В данном контексте стоит отметить, что пять наиболее авторитетных, с точки зрения влияния на внешнеполитическую повестку США, «мозговых центров» (Институт Брукингса, Фонд Карнеги за международный мир, Центр стратегических и международных исследований, Корпорация РЭНД, Совет по международным отношениям²⁰) уже создают собственные филиалы в наиболее стратегически важных для Америки регионах мира, очевидно, не только для получения наиболее достоверной информации, но и поддержания собственного авторитета, а также создания и поддержания связей среди мирового экспертного сообщества.

¹ В. Крошеникова, Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России, издательство «Европа», 2007, — с. 344

² А. де. Токвиль «Демократия в Америке»: Пер. с франц./ Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992, с. 383

³ Fact Sheet on the U.S. Department of State / Non-Governmental Organizations (NGOs) in the United States, January 12, 2012

⁴ М. Макфол «Гражданское общество Америки» / Независимая газета, 29.04.2013

- ⁵ Г. В. Мирзаян, «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США // Россия — Америка в XXI веке, № 4, 2011
- ⁶ С. М. Самуйлов, «Мозговые центры» демократов и республиканцев: сравнение подходов к России // США. Канада: Экономика. Политика. Культура. — 2011. — № 2 (494). — С. 3–21.
- ⁷ Л. Гамильтон, «Между политикой, и наукой» // Международные процессы., 2013 — Том 11. № 1 (32)
- ⁸ Р. Хаас. «мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика. Внешняя политика США. — 2002. — Т. 7. — № 3.<http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73haass.htm>
- ⁹ Г. Б. Кочетков, В. Б. Супян «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики// США — Канада: экономика, политика, культура. № 5, 2010, стр. 53–67
- ¹⁰ Кочетков Г. Б., Супян В. Б., Ведущие «мозговые центры» США// США-Канада: экономика, политика, культура. — 2010. — № 6. — С. 81–93.
- ¹¹ The official website of the Heritage Foundation URL: <http://www.heritage.org/>
- ¹² J. McGann. Think Tanks and Policy Advice in The US. Foreign Policy Research Institute, 2005 p. 4
- ¹³ E. Abelson. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press, 2006. p. 180
- ¹⁴ Р. Хаас. «мозговые центры» и американская внешняя политика: точка зрения политика. Внешняя политика США. — 2002. — Т. 7. — № 3.<http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73haass.htm>
- ¹⁵ Г. В. Мирзаян, «Мозговые центры» и процесс принятия решений в США // Россия — Америка в XXI веке, № 4, 2011
- ¹⁶ С. Чесноков. Роль негосударственных «мозговых центров» в процессе принятия решений военно-политическим руководством США в области обороны и безопасности. ЗВО № 5 2007 с 2–6
- ¹⁷ Rebuilding America's Defenses Strategy. Forces and Resources For a New Century // A Report of The Project for the New American Century, September 2000
- ¹⁸ Donald E. Abelson. A Capitol Idea. Think Tanks & US Foreign Policy. McGill-Queen's University Press, 2006. p. 216
- ¹⁹ Разрядка американской напряженности. Барак Обама готов возглавить борьбу за ядерное разоружение // Газета «Коммерсантъ», 5 февраля 2009 года
- ²⁰ Ежегодный рейтинг экспертно-аналитических центров мира (The Think Tank Index) Университета Пенсильвании (University of Pennsylvania) // Global Go To Think Tank Rankings Index Report 2014, p.392 //URL: <http://gotothinktank.com/dev1/wp-content/uploads/2014/01/GoToReport2013.pdf>

А. С. Тетерюк, Я. А. Чижевский

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ АСИММЕТРИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ АФГАНИСТАНА

Введение

Современная система международных отношений характеризуется высокой степенью конфликтности. Вооруженные конфликты все чаще возникают в различных уголках мира, а их урегулирование становится все более сложным. Это связано с тем, что вооруженный конфликт представляет собой динамичный процесс, совокупность различных по своему характеру и направленности событий, ведущих к появлению нескольких сценариев развития ситуации, которые трудно спрогнозировать.

Многие авторитетные исследовательские центры сходятся во мнении, что в будущем вооруженные (военные) конфликты останутся и будут оставаться ключевым аспектом политики государств, а их количество будет возрастать вследствие объективных факторов: развитие вооружений, их распространение, ограниченность ресурсов, политика определенных государств. Немаловажными являются также такие факторы, как новейшие технологии и религия, которые влияют на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику. Это приводит к тому, что вооруженные конфликты продолжают усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Современные конфликты последних лет (в Ираке, Афганистане, Чечне, Ливии, Сирии) являются сложным и нетипичными по своему характеру, поскольку в них ключевую роль приобретает *асимметричный характер боевых действий*. Считается, что именно данный тип военных действий станет доминирующим типом конфликта в XXI веке.

Асимметричный конфликт — разновидность (частный случай) вооруженного конфликта, предполагающего непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный сегодняшней военно-политической ситуации, в условиях которого

1. слабая сторона стремится прибегать к стратегии отличной от стратегии сильного противника, чаще всего использует нетрадици-

- онные методы ведения войны (диверсионно-террористическую тактику, перемещение боевых действий в города, использование гражданских лиц и объектов инфраструктуры в качестве щита и т.д.) — целями которой является нанесение материального и психологического ущерба и достижение политической победы, что предполагает навязывание более сильному противнику невыгодной модели протекания конфликта, растягивая его временные рамки,
2. сильная сторона в условиях асимметричного противостояния сталкивается с рядом проблем (невозможность соблюдения принципов и норм МГП, давление со стороны мировой сообщества, внутриполитического сообщества и СМИ, невозможность в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.).

Часто такие конфликты возникают между государственным актором (например, США) — с одной стороны, и либо идеологически заряженной вооруженной группировкой («Аль-Каида»), либо вооруженной группировкой сопротивления (движение «Талибан» в Афганистане) — с другой.

Следует отметить, что такая категория как асимметричный конфликт находится в фокусе исследований военных экспертов и аналитиков еще со времен войны во Вьетнаме. основополагающей работой по данной проблематике является труд Э. Мака «Почему большие нации проигрывают малые войны» 1975 г. Учитывая несоразмерные военные потенциалы Соединенных Штатов и вьетнамских повстанцев, США, тем не менее, понесли в ходе войны ощутимые потери и не смогли уничтожить противника, то есть выиграть войну посредством традиционных методов ведения войны. Неутешительные итоги войны во Вьетнаме заставили исследователей задаться вопросом, почему в условиях асимметричных конфликтов более сильный соперник зачастую несет несоизмеримо большие потери или даже проигрывает. Классическими работами, посвященными этому вопросу, стали работы А. Мака, Г. Снайдера, П. Дейсинга. Другими крупными исследователями «асимметричности» являются М. Гросс, Д. Статман, С. Шейперс, И. Арреган-Тофт, Л. Дериглазова, Е. Степанова, М. Хрусталеv, А. И. Подберезкин, И. Н. Тимофеев.

Асимметричный конфликт в рамках отдельно взятой страны может быть вызван внутренними противоречиями, например, экономическими трудностями, политическим кризисом, деградацией

социальных институтов, религиозным расколом общества. Впоследствии это выражается в кризисе государственности, что в свою очередь ведет к негативным внешним последствиям, которые начинают деструктивно влиять на систему международных отношений как на уровне региона, так и на глобальном уровне. Другие акторы, действующие на международной арене, осознают риски дестабилизации международной системы и стремятся воздействовать на данное «кризисное государство» посредством дипломатии или, в случае ее неэффективности, путем вмешательства в конфликт с целью стабилизировать ситуацию. Однако результаты такого кризисного урегулирования конфликтов, происходящих, по большей части, в странах третьего мира зачастую можно оценить как неудовлетворительные. Открытым остается вопрос: почему международное сообщество (или крупные государства), обладающее внушительными экономическими, политическими и военными ресурсами, постигают неудачи в процессе кризисного урегулирования? По мнению авторов, *ключевой причиной является именно асимметричный характер конфликта на территории «кризисного» государства*. Для ответа на поставленный вопрос в работе была использована **гипотеза**, впервые выдвинутая И. Н. Тимофеевым в его статье «Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана». Негативные результаты кризисного урегулирования объясняются несоответствием прикладываемых усилий по разрешению конфликта со стороны внешних сил и полученным результатам вследствие действий со стороны внутренних сил, находящихся на территории страны. Иными словами, неудача определяется **нелинейностью** («асимметричностью») процесса взаимодействия внешних и внутренних сил. Данная **гипотеза** была апробирована на примере одного из современных «кризисных государств» — Афганистана. Исламская Республика Афганистан (далее — ИРА) подходит для целей исследования по нескольким причинам:

1. С 2001 г. по настоящее время в Афганистане осуществляется внешнее военное вмешательство;
2. На протяжении практически 14 лет международная коалиция во главе с США ведет борьбу против террористических группировок (изначально, «аль-Каида», позднее — «Талибан»);
3. Вооруженный конфликт между международной коалицией и вооруженной оппозицией носит явный асимметричный характер;

4. За продолжительный период времени накопился достаточный массив данных и исследований, позволяющий исследовать ситуацию в Афганистане под разным углом и при помощи разных исследовательских методов;
5. Конфликтная ситуация в Исламской Республике Афганистан затрагивает интересы значительного количества как государств центрально-азиатского региона, так и государств вне региона.

В 2001 г. США в ответ на террористические акты 11 сентября и отказ талибов выдать виновника нападений Усаму бен Ладена объявили о начале «крестового похода» против международного терроризма и готовы использовать все национальные ресурсы для ведения масштабной и продолжительной военной кампании вплоть до достижения окончательной победы. Осознавая необходимость срочной выработки ответных мер на осуществленную террористическую акцию, в сентябре 2001 г. Буш выступил с серией заявлений, которые в 2002 г. были дополнены и расширены в ряде стратегических документов («Стратегия национальной безопасности» и «Доклад о положении нации»). Впоследствии, тезисы, изложенные руководством США в ходе выступлений и в текстах стратегических документов, получили название «Доктрина Буша», которая стала одухотворяющей основой американской внешней политики.

Руководствуясь доктриной, Вашингтон, совместно с созданной им международной антитеррористической коалицией, 7 октября 2001 г. начал военную операцию «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom). Правовой основой операции США явился пункт 51 Устава ООН на самооборону.

В результате непродолжительных военных действий за несколько месяцев режим талибов был свергнут, их силы выбиты из большинства городов, а порядка 25–30 тыс. боевиков и их лидеры бежали на афгано-пакистанское приграничье и территорию Пакистана. Вплоть до 2005–2006 гг. США и международные силы содействия безопасности развивали достигнутые успехи. Боевики движения «Талибан» (ДТ) отеснялись все дальше с территории страны, потери среди сил международной коалиции были невелики. В стране функционировало избранное правительство во главе с Хамидом Карзаем.

Однако, начиная с лета-осени 2006 г. и вплоть до 2008 г., силы международной коалиции встретили значительное сопротивление со стороны движения «Талибан». Число потерь среди военнослужащих

начало расти: с января по декабрь 2006 г. погиб 191 военнослужащий (столько же, сколько за все 2004—2005 гг. и больше, чем за 2001—2003 гг.). Боевики перестали использовать тактику нападения крупными группами и начали прибегать к нетрадиционным способам ведения боя (использовать самодельные взрывные устройства, внедрять «своих» людей в ряды солдат национальной армии, совершать показательные убийства мирных жителей, осуществлять атаки небольшими мобильными группами). Неблагоприятно складывались обстоятельства и для администрации президента Карзая, легитимность и действенность которой продолжала в огромной степени зависеть от международного военного контингента. Кроме того, развитие вооруженных сил Афганистана представляло собой серьезную и требующую продолжительного времени политическую проблему. Острая нехватка средств правительства не позволяла должным образом обеспечивать оснащение и обучение АНА, что автоматически продлевало присутствие военного контингента коалиции до тех пор, пока национальная армия не будет способна самостоятельно осуществлять боевые операции против повстанцев.

В январе 2008 г. официальный представитель Белого дома Дана Перино заявила, что администрация президента Дж. Буша начала пересмотр результатов своей стратегии в ИРА с последующей передачей полученных оценок новому президенту Баракку Обаме. В своем выступлении она признала, что США действительно столкнулись в Афганистане с вызовами, урегулирование которых потребует больше времени, чем предполагалось изначально.

Пришедший в 2009 г. к власти в США демократ Барак Обама предложил новое видение данной проблемы, его комплексный подход значительным образом отличался от подхода предшественника республиканца Дж. Буша-мл. Стратегия Обамы, получившая название «АфПак», должна была способствовать нормализации ситуации в стране. Тем не менее, ключевым аспектом стратегии осталась военная составляющая, вытекающая из курса на силовое подавление вооруженной оппозиции. В ходе реализации новой стратегии Обама, несмотря на противоположные заявления, по сути следовал в фарватере афганской политики своего предшественника. Для силового подавления деятельности «Аль-Каиды» и вооруженной оппозиции в лице «Талибана» в Афганистане и Пакистане Обама в феврале 2009 г. отдал распоряжение об отправке дополнительных сил в размере 17 тыс. человек (увеличение американского контингента почти на 35%), а потом еще 4 тыс. военнослужащих.

Фактически, эти действия явились прямым продолжением намерений администрации Буша направить в 2008 г. в афганское государство 20 тыс. солдат. За первый год президентствования Обамы американский контингент был увеличен на 30 тыс. человек (с 68 до 98 тыс.).

На протяжении уже более пяти лет с момента избрания новой стратегии США и их союзники не могут урегулировать ситуацию в Афганистане. Вместе с тем, буквально в ближайшее время Афганистан ждут кардинальные перемены, связанные с президентскими выборами президента, которые проходят на фоне вывода международного контингента с территории страны. Немаловажным является и стремление США подписать с новыми властями соглашения о безопасности, регулирующие деятельность иностранного контингента после 2014 г. Как известно, после завершения миссии международных сил содействия безопасности (МССБ) к концу 2014 г. на территории Исламской Республики Афганистан останется всего несколько тыс. солдат и военных инструкторов на нескольких хорошо укрепленных базах. Вследствие этого неизбежно встанет вопрос о том, насколько эффективной являлась военная кампания НАТО под руководством США в ИРА. Вопрос об эффективности военной кампании является особенно актуальным в свете накопленного опыта контрпартизанской войны в Афганистане, который, судя по всему, будет применим для анализа конфликтов будущего, а именно, асимметричных войн.

Военная кампания в Афганистане: количественные методы измерения асимметричных конфликтов

Понимание характера конфликтов нового поколения и диверсионно-террористической тактики ведения боевых действий является одной из ключевых задач в деле обеспечения безопасности современных государств. От этого зависят не только издержки, которые несет государство (в финансовом, материальном, техническом отношениях), но и его фактическое «выживание» в системе международных отношений и сохранение государственности как таковой.

По мнению авторов работы, методы изучения вооруженных конфликтов и, в особенности, асимметричных конфликтов на текущий момент являются недостаточно эффективными. Проанализировав значительный массив литературы как отечественных, так и зарубежных исследователей, авторы пришли к выводу, что в большинстве случаев изучение подобного типа конфликтов сводится к «традиционным» спо-

собам, предполагающим его описание, выявление противоборствующих сторон, перечисление их сильных и слабых сторон, объяснение действий основных акторов при помощи неких психологических классификаций и т.д. Тем не менее, изучение конфликтов с точки зрения дескриптивных методов не приводит к формированию новых теорий, концепций, схем и методов, которые внесли бы ценный вклад в теорию вооруженных конфликтов и асимметричных конфликтов в частности. Таким образом, сложные конфликты нового типа представляют собой определенный теоретико-методологической «вызов» науке о международных отношениях.

С учетом вышесказанного, в ходе исследований, посвященных «афганскому кейсу» авторы намерены проанализировать текущий асимметричный конфликт в ИРА с точки зрения военных действий в стране и осуществить оценку результативности действий коалиционных войск в рамках такого рода конфликта при помощи статистических методов анализа.

Целью авторов является характеристика эффективности ведения боевых действий МССБ и Афганской Национальной Армией (АНА) на территории Афганистана с точки зрения данных о текущих результатах военной кампании сил коалиции. С целью описания трендов и построения прогноза развития ситуации при определении степени эффективности боевых действий МССБ в Афганистане авторы работы на основе собранных и систематизированных данных осуществляют ситуационный анализ.

Методология исследования. Вооруженный конфликт на территории ИРА исследуется с помощью двух количественных методик: ивент-анализа и регрессионного анализа. Согласно логике авторов, все исследование делится на два этапа. В основе методологии первого этапа исследования лежит *количественный ивент-анализ*. Ивент-анализ представляет собой количественный метод, который направлен на сбор и обработку информации об отдельных ситуациях, иллюстрирующих в совокупной форме общее состояние дел. Преимущество подобной методики является ее эффективное применение для изучения военных конфликтов, когда необходимым является сравнение многочисленных различных событий, которые впоследствии агрегируются, подсчитываются и описываются, например, в терминах количества или численности участников. Использование данного метода на примере Афганистана, подразумевает, что сбор фактуры о произошедших

событиях в стране будет производиться на основе информации из открытых источников: сообщений информационных агентств; официальных отчетов коалиционных сил (ИСАФ); материалов веб-сайтов, специализирующихся на афганской проблематике (www.afghanistan.ru, www.globalsecurity.org); заявлений официальных и должностных лиц. Таким образом, ивент-анализ представляет собой первый этап в проведении исследования, в ходе которого будет осуществлен сбор фактуры о событиях в Афганистане. В основе методологии второго этапа исследования лежит **многомерный статистический (регрессионный) анализ**. Многомерный статистический (регрессионный) анализ дополняет другие классические методы ситуационного анализа международной проблематики, так как позволяет смоделировать текущие процессы. Весьма часто в прикладных исследованиях возникают вопросы о наличии или отсутствии связи между различными характеристиками параллельно протекающих процессов. Именно эконометрические методы позволяют решить подобные исследовательские задачи. Многомерный статистический анализ — это совокупность строгих формализованных процедур работы с числовыми базами данных.

Новизна такого подхода к исследованию асимметричных конфликтов на примере Афганистана заключается в возможности совместить научно-теоретический элемент (описание сложившейся военно-политической обстановки на территории ИРА на текущем этапе) и прикладной элемент. **Прикладная составляющая работы** состоит в том, что изучение проблемы «кризисного государства» Афганистан осуществляется как бы непосредственно «с места событий». За счет исследования ситуации с позиции количественного измерения большого числа происходящих в рамках конфликта событий, анализ этих событий позволяет сформировать практически детальное представление о текущем положении дел в афганской республике.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования авторам удалось выделить следующие статистические тренды: рост потерь в рядах служащих афганской армии и полиции; увеличение количества терактов, осуществляемых движением Талибан против мирных граждан; увеличение числа операций МССБ/ИСАФ; увеличение потерь среди талибов (имеется в виду только физическая ликвидация боевиков). Несмотря на внушительное количество военных акций со стороны коалиционных сил,

ведущих к увеличению потерь среди вооруженной оппозиции, достичь других немаловажных целей, таких как создание боеспособной афганской армии и полиции, а также сокращение числа жертв среди мирных граждан, не удалось. Фактически рост числа потерь среди талибов ведет к активизации их террористической деятельности. Основным провалом стратегии международной коалиции является неспособность сократить количество терактов, осуществляемых движением «Талибан». Подобные результаты позволяют сделать вывод о низкой эффективности военного компонента стратегии Обамы по ведению войны в Афганистане. В свою очередь этот тезис позволяет делать негативный прогноз развития событий после вывода сил МССБ с территории Афганистана в 2014 г.

Литература

1. Администрация Буша пересматривает свою стратегию в Афганистане [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. — 2008. — Декабрь. — URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/13574.html> (дата обращения: 15.05.2014)
2. Арунова М. Р. Модификация стратегических задач США в Афганистане (2001–2010 гг.) [Электронный ресурс] // Афганистан.ру — 2011. — Январь. — URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/19303.html> (дата обращения: 04.04.2014)
3. Боришполец К. П. Методы политических исследований. Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 230 с.
4. Веселовский С. Войны будущего // РСМД. — 2013. — Январь. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1314#top (дата обращения: 12.06.2014)
5. Обама отдал распоряжение об отправке 17 тысяч военных в Афганистан [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. — 2009. — Февраль. — URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/14073.html> (дата обращения: 03.05.2014)
6. Пастухов Е. До лучших времен? [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. — 2012. — URL: <http://www.afghanistan.ru/stati/page/5> (дата обращения: 26.04.2014)
7. Тимофеев И. Н. Международное сообщество и пределы вмешательства в конфликты «кризисных государств»: казус Афганистана / И. Н. Тимофеев // Вестник МГИМО-Университета. — 2011. — № 5. — С. 27–36.
8. Херш М. Джордж Буш и внешний мир [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 2002. — Номер 1. — Ноябрь — Декабрь URL: http://globalaffairs.ru/number/n_11 (дата обращения: 13.05.2014)
9. Mack E. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. No 2.

10. Remarks by the President in Address to the Nation on the Way Forward in Afghanistan and Pakistan. Eisenhower Hall Theatre, United States Military Academy at West Point, West Point, New York, December, 01, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-address-nation-way-forward-afghanistan-and-pakistan> (accessed: 15.04.2014)
11. Strategic Trends Programme. Future Character of Conflict. Ministry of Defense [Electronic resource]. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/33685/FCOCReadactedFinalWeb.pdf (accessed 04.02.2014)

КАК УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ ДОТЯНУЛСЯ ДО КАЗАХСТАНА?

События на Украине приняли такой размах, которого не ожидал никто, и затронули государства, которые имеют опосредованное отношение к конфликту. Казахстан всегда позиционировал себя как региональную державу с глобальными амбициями. Является ли конфликт на Украине достаточным поводом для того, чтобы встать между США и Россией или этот баланс и без того слишком хрупок?

Государство, за два года преодолевающее десятилетний план развития, уверенным шагом движется в сторону светлого будущего. Однако неожиданно на этом пути возникает конфликт на Украине. С одной стороны, страны расположены далеко друг от друга, и роль Казахстана в этой ситуации не очевидна, с другой — выясняется, что события, начавшиеся как митинг на Майдане, имеют глобальный размах, и Казахстан оказывается в числе вовлеченных стран.

Место Казахстана в рамках сложившего противостояния определяется как минимум тремя факторами: необходимостью удержать баланс в противостоянии Москвы и Вашингтона, возможностью выступить в качестве посредника в переговорах и подтвердить свои претензии на значимую роль в системе международных отношений, необходимостью учитывать внутренние настроения, ведь русская и украинская общины входят в тройку наиболее многочисленных.

В поисках баланса

Россия — один из наиболее значимых партнеров Казахстана во всех сферах, и это определяет в значительной степени линию поведения официальной Астаны. В 2015 году Россия, Казахстан и Беларусь намеревались подписывать соглашение о создании Евразийского экономического союза. Ситуация, сложившаяся на Украине, оказывает определенно отрицательное воздействие на процесс, который и без того идет со скрипом. Раньше в Казахстане просто проявляли озабоченность и недовольство слишком большой ролью Москвы в Союзе. Его участники претендовали на равноценные позиции, но теперь налицо резкое изменение правил игры и практически полная непредска-

зуюмость дальнейшего развития. Столько времени и усилий было потрачено на убеждение мира и казахского народа в том, что Евразийский Союз — не попытка воссоздать СССР, как пожалуйста — государственность Украины (пусть даже договор о границах с Россией и не подписан) превращается не более чем в слова. Поэтому выбранная тактика — призывать к мирному урегулированию и воздерживаться от оценочных суждений в условиях стремительно изменяющихся событий — выглядит вполне ожидаемой и предсказуемой.

С другой стороны, отношения с Соединенными Штатами Америки Казахстан тоже не очень хочет портить. Взаимодействие двух стран можно разделить на две составляющие. Первая — это собственно двусторонние отношения, основанные на тесном экономическом и культурном сотрудничестве. Помимо того, что Америка входит в число крупнейших инвесторов в казахстанскую экономику, а на территории Казахстана работает более 300 американских компаний, страны реализуют совместные образовательные программы. Вторая составляющая — это взаимодействие Казахстана и США в отношении Афганистана. Как известно, афганский вопрос в значительной степени влияет на уровень безопасности во всем центральноазиатском регионе. Примечательно, что на казахстанской территории нет американских военных баз — сотрудничество двух государств идет в сфере военного образования и миротворчества. Руководство Казахстана выступает за создание региональной торгово-экономической инфраструктуры после вывода войск коалиции из Афганистана.

В этом контексте Казахстан стремится занимать примирительные позиции. Представители обеих сторон неоднократно делали совместные заявления. В начале мая состоялась встреча заместителя госсекретаря США Уильяма Бернса и президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Кроме вопросов дальнейшего сотрудничества, они также затронули и события на Украине, однако эту тему пресс-служба президента крайне обтекаемо сформулировала как актуальные аспекты международной политики. Более определенным было заявление по итогам встречи Уильяма Бернса и главы МИД Казахстана Ерлана Идрисова, в котором содержался призыв ко всем сторонам придерживаться Женевских соглашений и проявлять сдержанность.

Еще одним важным игроком является Турция. С одной стороны, как надеется Нурсултан Назарбаев, она могла бы уравновесить российскую экономику в будущем Союзе, с другой — у турецкого руководства

есть свое видение интеграции, основанное на идее пантюркизма. Когда Казахстан стал независимым государством, Турция вложила немалые средства в оказание помощи в восстановлении экономики, промышленности и, особенно, культуры. Занимавший в то время пост премьер-министра господин Демирель ставил задачу включить Казахстан, новое тюркоязычное государство, в свою сферу влияния. С приходом Эрдогана риторика о «появлении гигантского тюркского мира от Адриатики до Великой Китайской стены» стала менее громкой, но планы никуда не делись: лидер Партии справедливости и развития еще в 2010 году выдвигал инициативу о создании Евразийского союза.

В последнее время, однако, складывается впечатление, что часть внешнеполитических задач отходит на второй план. Только правительство Турции справилось с массовыми протестами, как один за другим посыпались коррупционные скандалы, а за ними последовал трагический взрыв в шахте. Кипит и политическая жизнь: уже прошли муниципальные выборы, в августе завершится президентская кампания, а в 2015 пройдут выборы в парламент. При том, что для правящей партии и так наступили не самые легкие времена, она переживает и внутренний раскол, вызванный противостоянием между Эрдоганом и влиятельным политическим деятелем в изгнании Поленом. Поэтому пока задача сохранить власть является для турецкого руководства более актуальной, чем усиление своих позиций в Казахстане.

Говорит Астана

В отношении ситуации, сложившейся на Украине, Астана заняла позицию где-то между сторонним наблюдателем и посредником. Президент Казахстана прекрасно понимает, что соблюдение национальных интересов требует от него политического лавирования. Он не делает заявлений, в которых бы содержалась оценка действий любой заинтересованной стороны, призывая лишь к сдержанности и поиску мирного решения. Когда 27 марта члены Генеральной Ассамблеи ООН принимали резолюцию, подтверждающую территориальную целостность Украины, Казахстан был в числе 58 стран, воздержавшихся от голосования.

В позиции президента Назарбаева, касающейся ситуации на Украине, можно выделить два момента. Первый касается причин, которые привели к событиям на Майдане, и это проблемы с экономикой, так как в составе СССР, напоминает Нурсултан Абишевич, Украина была

республикой с одним из самых крупных экономических комплексов в составе СССР. На ее территории в больших объемах выпускалась продукция черной металлургии, химической промышленности и машиностроения. Выработка электроэнергии увеличивалась, а роль аграрного комплекса сложно переоценить, он работал и на экспорт продукции сельского хозяйства. Однако, заметил Президент в марте после саммита в Гааге, Украину погубила политическая нестабильность, взявшая верх над вопросами экономическими. Ситуация ухудшилась настолько, что сегодня общий объем экономики Украины уступает показателям казахстанской экономики на 25%. Второй момент — отношение к вхождению Крыма в состав России и крайне непростой ситуации в юго-восточных областях: Украина должна решать свои проблемы сама, мирным путем и за столом переговоров с участием всех заинтересованных сторон. Чтобы справиться с политическим кризисом, полагает Нурсултан Назарбаев, необходимо «вернуться в правовое поле, что означает проведение выборов. Следует избрать законного президента, парламент и легитимное правительство. Затем на этой основе необходимо провести мирные переговоры и совместно выйти из сложившейся ситуации».

Что касается событий в Одессе, а также вооруженных конфликтов в Донецке, Луганске, Славянске, Краматорске, — президент Назарбаев старается не акцентировать на них внимание, применяя максимально обтекаемые фразы и продолжая призывать к мирному решению конфликта. Подтверждением тому служит его юбилейная лекция в МГУ, прошедшая 28 апреля, в ходе которой Нурсултан Абишевич пожелал «братскому украинскому народу скорейшего восстановления стабильности, согласия и единства».

Жизнь украинской диаспоры

По данным Агентства по статистике Республики Казахстан, численность украинцев на территории страны составляет порядка 307 тысяч человек, или 1,8%. Несмотря на то, что украинцы входят в тройку крупнейших по численности этнических меньшинств, уступая лишь русским (21,8%) и узбекам (3%), для государства с населением более 17 млн человек это не так много. Картину дополняет одно важное обстоятельство: общая численность населения в течение последних десяти лет устойчиво растет, в то время как численность украинской диаспоры (проживающей преимущественно в северных областях) неуклонно сокращается на протяжении вот уже двух десятилетий.

В большинстве своем украинцы в Казахстане — это люди, достигшие пенсионного возраста, которые были либо высланы в республику в ходе репрессий, либо приехали на освоение целины. Они составляют 52%. Приблизительно 38% от живущих в Казахстане украинцев — это более младшее поколение.

Несмотря на относительно небольшую численность, украинцы ведут себя довольно активно: 2 общественных центра претендуют на республиканский статус, а еще 26 объединений действуют на местах.

Политика Украины по отношению к своим гражданам, проживающим за рубежом, никогда не отличалась последовательностью и финансировалась преимущественно по остаточному принципу. Связано это, скорее всего, с активной и беспокойной политической жизнью государства, лидеры которого были больше заинтересованы в разделе власти, чем в гражданах, проживающих за рубежом. Как полагает экс-заместитель председателя Государственного комитета по делам национальностей и религий, расформированного в 2010 году, кандидат исторических наук, доцент Андрей Попок, уменьшение численности украинской диаспоры как в Казахстане, так и в постсоветских странах вообще — результат ассимиляции и попустительской политики Украины. В случае же с Казахстаном — это еще и последствия национальной политики президента.

События, происходящие на Родине, определенно вызывают беспокойство у казахстанских украинцев, однако не настолько, чтобы привести к массовым волнениям на почве сепаратизма. Как показывают опросы, проведенные корреспондентами EurasiaNet.org на северо-востоке страны, ни украинцы, ни русские, проживающие в Казахстане, не поддерживают идею отделения. Подобных настроений скорее стоит ожидать извне, от представителей радикальных политических движений в России.

Говоря более откровенно

События на Украине стали поворотным моментом не только в отношениях России и США, они также оказали внесли существенные изменения в перспективы стран постсоветского пространства.

Выстроенная в Казахстане система оказалась не готова к столь неспокойным временам. Так полагает Адил Тойганбаев, бывший в начале 2000-х одним из наиболее влиятельных бизнесменов Киргизстана, а сегодня руководящий Экспертным центром национальной стратегии

Казахстана. Основа режима — стабильность, и стабильность как можно более долговременная. Перемены, инициированные не сверху, несут угрозу спокойствию.

В том, что образовалась столь большая пропасть между ожиданиями и реальностью, виновата, конечно, политическая элита. Прежде всего, она сама не предусмотрела такого варианта развития событий. Это во-первых. Во-вторых, она не обеспечила никаких альтернатив. То есть, кроме самих себя, винить-то будет и некого. Что еще хуже — нет запасной команды, которая могла бы подстраховать. С такими ситуациями справляться никто не умеет, учиться придется на ходу.

Конфликт на Украине изменил правила взаимодействия: если последние 20 лет территориальная целостность стран на постсоветском пространстве не ставилась под сомнение, то сегодня уже нет никаких гарантий, что подобные события не могут развернуться в любом из государств. Именно этого опасаются лидеры почти всех стран: что под предлогом защиты русскоязычного населения Кремль может начать экспансию. Здесь уместно вспомнить, что Казахстан в 1997 году перенес столицу из Алма-Аты в Астану (тогда Акмолы) именно с целью стабилизировать этнополитическую ситуацию и достичь этнодемографического баланса между русскоязычным промышленным севером и казахским аграрным югом. Связанная с первой вторая причина — это укрепление территориальной целостности и предотвращение сепаратистских настроений. Для этого в 1997 году в ходе административно-территориальных преобразований области, где проживало большинство русских, были объединены с областями, где большинство составляли казахи.

Пересмотр норм легитимности на постсоветском пространстве — проблема, которая касается всех, и Казахстана в том числе, в особенности северных его областей, где преимущественно проживают русские. Другой значимый фактор — проживание на территории Казахстана крупной украинской диаспоры, которую события в родной стране затрагивают непосредственным образом.

Нурсултан Назарбаев занял, возможно, наиболее выигрышную позицию в сложившейся ситуации. Для того, чтобы достичь нынешнего уровня развития, Казахстан прошел путь длиной в 20 лет. Партнеры, даже если они на какое-то время вступили в конфликт друг с другом, являются слишком ценными для того, чтобы разбрасываться ими, осуждая действия любой из сторон. Россия — это путь в Евра-

зЭС, США — относительно стабильное решение афганского вопроса. И Россия, и США — развитие экономики, промышленности, образования. Несмотря на возможность сепаратистских призывов, исходят они пока извне в крайне небольшом количестве и скорее выглядят как попытка провокации, а не серьезная угроза. В конечном итоге, России нет смысла обострять отношения с Казахстаном, если не за горами — создание второго полноценного интеграционного объединения.

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИСПАНИИ И НАРОДНОЙ ПАРТИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Иммиграционный вызов представляет собой одну из наиболее серьезных проблем для Испании в начале XXI века. Начиная с 70–80-х годов прошлого столетия, Испания, до этого являвшаяся страной, из которой граждане эмигрировали в другие государства, превратилась в страну-реципиента иммигрантов. Если на 1991 год в Испании официально проживали более 360 с половиной тысяч иммигрантов¹, то на 1 января 2013 года, по данным Национального института статистики Испании, эта цифра достигла 5,1 миллиона человек².

В связи с быстрорастущим количеством приезжих, политические партии и главы испанского правительства не могут «закрывать глаза» на то, какое влияние оказывают иммигранты на демографию населения Испании, культурные изменения в испанском социуме, взаимоотношения граждан разных национальностей, а также проблему трудоустройства в период острейшего экономического кризиса. Политика в сфере иммиграции занимает одно из ведущих мест в повестке дня двух наиболее крупных политических партий Испании — правоцентристской Народной партии и Испанской социалистической рабочей партии, представляющей левую часть политического спектра. К досрочным парламентским выборам 2011 года обе партии представили новые предвыборные программы, где вопросу иммиграции в Испанию придавалось особое значение.

Позиции Народной партии и Испанской социалистической рабочей партии по проблеме иммиграции

Основные позиции Народной партии в отношении иммиграции изложены в статье «Интеграция: равные права, равные обязанности» настоящей программы, которая носит название «Большая вовлеченность общества, лучшее правительство». Для НП отличительной чертой предлагаемых мер в области иммиграционной политики является

привязка к трудоустройству приезжих, что позволяет стимулировать экономический рост государства³. Правозащитники отмечают ценности труда и социальной мобильности, которые зачастую воплощают в себе иммигранты. Достижение многообразия членов общества и его единства лежит в основе программы партии. Консерваторы нацелены на продвижение модели циркулярной иммиграции, чтобы сделать более гибкими возможности сезонного трудоустройства для иностранных граждан. Эта мера также способствует более упорядоченному регулированию потока въезжающих в страну иностранных рабочих. Народная партия предлагает создать специальную программу для привлечения одаренных молодых людей в испанскую экономику, а также студентов, получающих высшее образование, которые желают обучаться в Испании. Кроме того, борьба с работорговлей и нелегальным трудом является одним из лейтмотивов продвигаемых Народной партией мер по борьбе с иммиграцией. Народная партия ставит своей целью направить усилия по обеспечению защиты несовершеннолетних детей-иммигрантов, которые проживают в Испании без родителей. Рассматривая вопрос о предоставлении гражданства, НП придерживается жесткой и требовательной позиции — иммигрантам необходимо уважать культурные ценности Испании, владеть уровнем языка, достаточным для коммуникации в обществе и на работе, а также знать Конституцию и соблюдать законы. Вместе с тем, НП стремится сотрудничать со странами Европейского Союза по обеспечению безопасности национальных и европейских границ.

Основные позиции Испанской социалистической рабочей партии по решению иммиграционной проблемы изложены в главе «Сосуществование и интеграция в общество в XXI веке» избирательной программы партии, подготовленной к всеобщим выборам 2011 года. В целом, предложенные меры отражают политический курс ИСРП в отношении миграции, взятый бывшим премьер-министром Сапатеро.

Прежде всего, в программе указывается, что наличие социальной сплоченности всех членов общества составляет важнейший элемент для достижения экономического и социального процветания Испании⁴. Социалисты особенно подчеркивают тот факт, что Испания во многих отношениях стала примером для остальных европейских государств в области успешной интеграции иммигрантов, поскольку в стране наблюдается меньше всего проблем с вовлеченностью иммигрантов, чем в других государствах-членах ЕС. Социалисты в своей программе выступают за улучшение работы всех органов, занимающихся приемом

иностранных граждан, для того, чтобы интеграция новых членов общества прошла бы как можно более гладко и была бы направлена на обеспечение рабочих мест иммигрантам. ИСРП поддерживает контроль притока въезжающих в страну иммигрантов в соответствии с реальными возможностями рынка труда, с тем, чтобы не ущемлять права коренных жителей Испании. Согласно позиции ИСРП, в процесс интеграции должны быть задействованы такие важные общественные институты, как школа, предприятия, на которых трудятся иммигранты, а также муниципальные органы власти. В программе социалистов указывается, что необходимо предотвращать проявления расизма и дискриминации при приеме на работу, предоставлять условия проживания, которые отвечали бы нормам санитарии, и развивать мультикультурное мышление у школьников, чтобы в будущем избежать прецедентов ксенофобии и расизма. В области международной кооперации по решению иммиграционной проблемы, Испанская социалистическая рабочая партия предлагает скоординированное сотрудничество со странами Шенгенской зоны по охране границ, при содействии Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов Европейского Союза (Фронтекс).

Сравнительный анализ миграционной политики премьер-министров Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.) и Мариано Рахоя (2011— н. в.)

Период с 2004 по 2011 гг., когда у власти находилась Испанская социалистическая рабочая партия во главе с ее лидером Хосе Луисом Родригесом Сапатеро, ознаменовал собой значительные изменения в области иммиграционной политики Испании. Несмотря на то, что общий политический курс не изменился (социалисты понимали необходимость решения проблемной ситуации с иммигрантами и, несмотря на приверженность принципам мультикультурализма, впоследствии приняли меры по контролю миграционных потоков и их ограничению), поменялись внешние обстоятельства, и, как следствие, в приоритетах этой политики также произошли перемены. За семь лет пребывания на посту председателя испанского правительства, Сапатеро сделал большие усилия для того, чтобы разработать подходящую формулу управления регулярными миграционными потоками, борьбы с нелегальной иммиграцией, укрепления пограничного контроля и улучшения отношений с третьими странами⁵.

Различие в отношении между управлением миграционных потоков и политикой интеграции стало прямым намерением правительства отделить процессы миграции от проблем государственной безопасности, которое объясняется тем фактом, что теперь проблемой миграции занималось министерство труда и социального развития, а не министерство внутренних дел. С другой стороны, события 2005 года, когда иммигранты (по большей части — жители Африки южнее Сахары) предприняли попытку пересечь границы испанских городов Сеуты и Мелильи, заставило правительство переориентировать свое отношение на внешнюю миграцию⁶.

В результате последующих событий, связанных с экономическим кризисом, власти стали увязывать миграционную политику с политикой экономического развития, и этот шаг имел практически беспрецедентное влияние на развитие европейской миграционной политики. Сапатеро предоставил широкие возможности для регулируемой миграции граждан из стран Латинской Америки, которые адаптировались в испанское общество, не испытывая особых трудностей, из-за отсутствия языкового и культурного барьеров.

Важно отметить, что испанская экономика была и остается заинтересована в иммигрантах по нескольким причинам, среди которых выделяют низкую рождаемость, рост числа пенсионеров (как отмечает российский политолог С. М. Хенкин, «Испания превращается в одну из самых «старых» стран Западной Европы»⁷), продолжающийся рост сферы услуг. Кроме того, стране требуются сотрудники и работники в сфере образования, здравоохранения, в гостиничном и строительном бизнесе, и в этом плане привлечение иммигрантов способствует экономическому росту страны и снижает обостренность кризисной ситуации.

В свете этих событий, с 2005 года ИСПР во главе с Сапатеро приняло попытку разрешить проблему нелегальной иммиграции и сделать ее упорядоченной и регулируемой. Правительство осуществило легализацию тех иммигрантов, которые проживали на территории Испании без права гражданства. Это получило негативную реакцию со стороны государств ЕС, особенно Франции, министр внутренних дел которой (в то время этот пост занимал Николя Саркози) заявил, что подобное действие не спасет страну от нерегулируемых потоков, и может способствовать еще большему наплыву мигрантов в странах Шенгенской зоны⁸.

В этом Саркози оказался прав: в 2006–2007 гг. в Испанию продолжился массовый приток нелегальных иммигрантов из разных частей света⁹. В сложившейся обстановке ИСРП начала ужесточать свою политику по отношению к нелегалам, усилила патрулирование африканского побережья Атлантического океана и заключила ряд соглашений со странами, гражданами которых являются нелегальные иммигранты, о высылке туда этих нелегалов.

В кризисные годы социалисты начали корректировать свою иммиграционную политику и выстраивать ее в соответствии со своими экономическими потенциалами и потребностями. Данное обстоятельство привело к появлению в 2008 году Плана добровольного возвращения иммигрантов, согласно которому полагалась выплата пособия по безработице тем иммигрантам, которые захотят вернуться на родину¹⁰. Более того, в 2009 году при содействии министерства внутренних дел была создана специальная Бригада по депортации преступников-иностранцев и на ее основе власти депортировали около семи тысяч иммигрантов¹¹.

В том же 2009 году в Испании был принят новый, четвертый Закон об иностранцах, который имеет неоднозначные положения, с одной стороны, ограничивающие права нелегалов, а с другой, расширяющие. Например, продолжительность ареста нелегальных иммигрантов, увеличилась с сорока до шестидесяти дней. Однако Закон наделил нелегальных иммигрантов правом на проведение забастовок, манифестаций и предоставление юридической помощи¹².

Но вместе с этой мерой, правительство социалистов предоставило миграционной политике новое измерение по сравнению с другими странами Евросоюза. Политика правительства Сапатеро относительно третьих стран заключалась в продвижении действий и инструментов так называемой «позитивной обусловленности»¹³, которая заключалась в предоставлении помощи и денежных выплат тем странам, которые проявляли желание сотрудничать в области установления между государствами организованных миграционных потоков¹⁴. В рамках этой политики, в 2006 году правительство представило План для стран Африки южнее Сахары на 2006–2008 гг.¹⁵ Благодаря этому проекту Испании удалось наладить регулируемые миграционные потоки из четырнадцати стран данного региона¹⁶.

Таким образом, политика Сапатеро в отношении миграции ознаменовала собой совершенно новый подход и инновационную модель

для регулирования иммиграционных потоков. Правительство смогло установить сотрудничество со странами, откуда миграция исходила больше всего, а также наиболее прочно ассимилировать приезжих и приспособить их к новой жизни в стране. Тем не менее, несмотря на относительные успехи проводимого курса, предложенные меры не отличались последовательностью, поэтому проблема иммиграции оставалась тяжелым «недугом» в социально-экономическом спектре испанской политики.

Новый премьер-министр от правоцентристской Народной партии Мариано Рахой, который был избран главой правительства 20 ноября 2011 года, предпринял ряд конкретных мер по борьбе с нелегальной иммиграцией и уменьшению потока приезжих иммигрантов в Испанию.

Первым изменением, которое внес Мариано Рахой в самом начале своего пребывания в должности премьер-министра, касательно иммиграционной политики, стало создание Генерального Секретариата по вопросам иммиграции и эмиграции, находящегося в ведомости Министерства занятости и социального страхования Испании, которое заменило Министерство труда и иммиграции¹⁷. В структуру данного секретариата входит Главное управление по делам миграции, которое включает в себя выполнение задач, возложенных на прежние существующие ведомства: Главное Управление по иммиграции, Главное Управление по интеграции иммигрантов, Главное Управление по вопросам испанских граждан, находящихся за границей и Главное Управление по техническим вопросам трудоустройства и иммиграции.

Изменение статуса миграционной политики в структуре исполнительной власти Испании вызвало неоднозначные мнения. Так, по мнению президента колумбийского общества AESCO («Америка, Испания, Солидарность и Сотрудничество») Йоланды Вильявисенсио, снижение статуса миграционной политики среди министерств может сильно сказаться на проведении самой миграционной политики¹⁸.

В то же время, представитель испано-марокканской ассоциации ASISI Хассам Араби заявил, что «среди всего плохого, это хорошая новость»¹⁹, поскольку теперь будет посредник между ассоциациями, которые представляют иностранных граждан в Испании. Кроме того, Араби ссылаясь на ситуацию кризиса и невозможность Испании вкладывать средства в еще одно министерство, если всю работу можно возложить на секретариат.

В конце января 2012 года Мариано Рахой и Народная партия подтвердили свое намерение принять новый Закон об иностранцах, в котором будет содержаться положение об отмене так называемого «разрешения по оседлости»²⁰, позволяющее нелегальным иммигрантам получать разрешение на жительство по результатам пройденного теста по культурным ценностям и традициям Испании²¹. Кроме того, в новом проекте закона, предлагается разрешить въезд на территорию Испании только тем иммигрантам, у которых имеется трудовой контракт, а тех иммигрантов, которые потеряли работу — возвращать на родину. В основе данного законопроекта лежит укрепление трудовой миграции, в соответствии с которой будет налажен принцип циркулярного въезда и выезда иммигрантов, что позволит улучшить контроль над миграционными потоками в Испанию²².

В апреле 2012 г., Народная партия объявила об ограничении оказания медицинской помощи иммигрантам-нелегалам — так, с сентября 2012 г. иммигрантам «*sin papeles*»²³ будет предоставлен доступ исключительно к услугам скорой медицинской помощи²⁴. До принятия данного закона нелегалы наравне с обычными испанскими гражданами имели полный доступ ко всем видам медицинской помощи. Испания была одной из немногих стран ЕС, которые в равной мере уважали права на иммигрантов в сфере медицинского обслуживания (сюда также относятся Франция, Италия, Бельгия и Голландия)²⁵.

В конце апреля 2013 года правительство Мариано Рахой объявило о еще одной мере, нацеленной на сокращение количества нелегальных иммигрантов в Испании. В рамках обновленного варианта программы добровольного возвращения иммигрантов, инициированной при левом Сапатеро, правительство обязуется выплачивать по 1600 евро всем семьям иммигрантам, нелегально проживающим на территории государства, которые желают вернуться в свои родные страны²⁶. Правительство должно предоставить от 2,4 до 2,6 миллионов евро на реализацию данной программы, действие которой распространяется исключительно на иммигрантов из Марокко и стран Африки южнее Сахары (также обязательным условием является отсутствие вида на жительство в любой из 27 стран ЕС).

В начале 2013 г. в рамках реформы Уголовного кодекса, проводимой Министерством юстиции, было предложено ввести поправку, в соответствии с которой граждане, предоставляющие на безвозмездной основе помощь нелегальным иммигрантам — начиная от помощи

во въезде на территорию любого государства-члена ЕС и дальнейшего пребывания там до предоставления собственного жилья и продовольствия — могут быть оштрафованы или даже получить срок от 6 месяцев до 2 лет лишения свободы²⁷. Предложение о поправке было сделано самим министром юстиции Альберто Руизом Галлардоном, который является членом Народной партии, а следить за исполнением этой поправки будет Генеральная прокуратура.

Таким образом, в Испании смена партий власти разных идеологий привела к изменениям в иммиграционной политике в сторону ее большего ужесточения и регулирования. Правительство Мариано Рахоя, после двух с половиной лет пребывания у власти, проводит, на сегодняшний момент, более жесткую политику в области иммиграции, демонстрирует приверженность принципам консерватизма и старается дистанцироваться от политики мультикультурализма. Однако не в последнюю очередь подобное ужесточение иммиграционной политики связано с ситуацией глубокого кризиса в Испании.

Данный факт в определенной степени «разбавляет» распространенную в последнее время в политической науке точку зрения, что разделение между правыми и левыми в условиях глобализации становится все более размытым. Пример Испании показывает, как острая политико-социальная проблема может находить различные способы решения у партий разных идеологий.

¹ Cuadrado Roura Juan R., Iglesias Fernandez C., Llorente Heras R. Inmigración y mercado de trabajo en España (1997–2005) / Fundación BBVA. — 2007. — 167 p. URL: http://books.google.es/books?id=ezurUjHg95oC&pg=PA32&lpg=PA32&dq=numero+d e+inmigrantes+en+espa%C3%B1a+1991+360.655&source=bl&ots=NwoOlragHK&sig=yM0ZxPGZTuGMHFwtGOVcugFRkc4&hl=es&sa=X&ei=R-ZTU9_WBHv4gT99IHgBQ&ved=0CD4Q6AEwAw#v=onepage&q=numero%20de%20inmigrantes%20en%20espa%C3%B1a%201991%20360.655&f=false

² Cifras de Población a 1 de enero de 2013 — Estadística de Migraciones 2012 // Instituto Nacional de Estadística. — 2013. URL: <http://www.ine.es/prensa/np788.pdf>

³ Programa Electoral del Partido Popular para las Elecciones Generales de 2011. URL: <http://www.pp.es/actualidad-documentos-descarga.php?nomArchivo=5742-20111031195458.pdf> (дата обращения: 27.04.2013)

⁴ Programa Electoral para las Elecciones Generales 2011 — PSOE. URL: <http://estaticos.elmundo.es/elecciones/elecciones-generales/2011/programas/pdf/psoe.pdf> (дата обращения: 01.05.2013)

⁵ Pinyol G. Spain's Immigration Policy as a new instrument of external action. URL:<http://www.iuee.eu/pdf-publicacio/129/He5Xb9YS6DdnA7HA5l81.PDF>(дата обращения: 04.05.2013)

⁶ Ceuta y Melilla piden que se expulse a los inmigrantes que logren saltar la valla fronteriza con Marruecos // El Mundo. URL : <http://www.elmundo.es/elmundo/2005/09/29/espana/1127963372.html> (дата обращения: 07.05.2013)

⁷ Хенкин С. М. Иммиграция и принимающие общества в условиях глобального экономического кризиса: опыт Испании. С. 145–171.

⁸ Pinyol G. Spain's Immigration Policy as a new instrument of external action. URL:<http://www.iuee.eu/pdf-publicacio/129/He5Xb9YS6DdnA7HA5l81.PDF> (дата обращения: 04.05.2013)

⁹ Inmigrantes en España: un millón de ilegales y un 30% de paro entre los legales. URL:<http://www.diariocritico.com/noticias/231302>(дата обращения: 29.05.2013)

¹⁰ El plan de retorno voluntario de inmigrantes entrará en vigor en noviembre con carácter «permanente». URL : http://elpais.com/elpais/2008/09/19/actualidad/1221812226_850215.html (дата обращения: 29.05.2013)

¹¹ Interior incrementó la expulsión de delincuentes 'sin papeles'. URL : http://elpais.com/diario/2010/01/25/espana/1264374004_850215.html(дата обращения: 29.05.2013)

¹² Ley Orgánica 2/2009 // Boletín Oficial del Estado. URL : <http://www.boe.es/boe/dias/2009/12/12/pdfs/BOE-A-2009-19949.pdf>(дата обращения: 07.05.2013)

¹³ На исп. "Condicionalidad positiva" (Прим.)

¹⁴ Onzaga Torres M. A. Análisis de las relaciones bilaterales entre España y Marruecos en materia de cooperación migratoria durante los periodos presidenciales de Jose Luis Rodriguez Zapatero. 2004–2011 // Universidad Colegio Mayor de Nuestra Señora del Rosario. — 2011. URL: <http://repository.urosario.edu.co/bitstream/10336/2822/1/1020730764-2012.pdf>(дата обращения: 18.05.2013)

¹⁵ El Gobierno presenta el Plan África, instrumento de cooperación y control de inmigración irregular // URL: <http://www.canalsolidario.org/noticia/el-gobierno-presenta-el-plan-africa-instrumento-de-cooperacion-y-control-de-inmigracion-irregular/7927>(дата обращения: 17.05.2013)

¹⁶ Pinyol G. Spain's La política de inmigración española como un nuevo instrumento de acción exterior. URL:<http://www.iuee.eu/pdf-publicacio/129/He5Xb9YS6DdnA7HA5l81.PDF> (дата обращения: 04.05.2013)

¹⁷ Rajoy rebaja la política de inmigración de un ministerio a una secretaria general // URL: <http://eldia.es/2012-01-03/sociedad/7-Rajoy-rebaja-politica-inmigracion-ministerio-secretaria-general.htm> (дата обращения: 30.05.2013)

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Данное положение было одним из ключевых положений Закона об иммигрантах, принятого в 2009 г. Хосе Луисом Сапатеро. В соответствии с ним, легальные и нелегальные иммигранты, прожившие более трех лет на территории Испании, могут получить вид на жительство.

²¹ El PP se marca objetivo el endurecimiento de la Ley de Extranjería. URL: <http://www.minutodigital.com/2012/01/28/el-pp-se-marca-como-objetivo-el-endurecimiento-de-la-ley-de-extranjeria/> (дата обращения: 05.06.2013)

²² Там же.

²³ С исп. «без документов».

²⁴ Agudo A. La crisis no deja tirados a los ‘sin papeles’ en Francia, Italia o Portugal. URL: http://sociedad.elpais.com/sociedad/2012/04/29/actualidad/1335726253_963867.html (дата обращения: 09.05.2013)

²⁵ Там же.

²⁶ El Gobierno de Rajoy pagará 1.600 euros a los inmigrantes ilegales a cambio de que abandonen España. URL: <http://www.alertadigital.com/2013/04/20/el-gobierno-de-rajoy-pagara-1-600-euros-a-los-pagapensiones-ilegales-a-cambio-de-que-abandonen-espana/> (дата обращения: 01.06.2013)

²⁷ Ayudar a inmigrantes irregulares podría ser penado con la cárcel. URL: <http://www.publico.es/espana/448287/ayudar-a-inmigrantes-irregulares-podria-ser-penado-con-la-carcel> (дата обращения: 01.06.2013)

ОБ АВТОРАХ

Алексеева Татьяна Александровна — доктор философских наук, профессор, заведующая Кафедрой политической теории МГИМО МИД России

Бочкарев Тарас Владимирович — аспирант Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

Варшавский Арсений Юрьевич — студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России

Васильева Наталья Алексеевна — доктор философских наук, профессор Кафедры мировой политики Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Водолазов Григорий Григорьевич — доктор философских наук, профессор, профессор Кафедры политической теории МГИМО МИД России

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки

Дунаева Юлия Генриховна — кандидат исторических наук Санкт-Петербургского государственного университета

Ивонин Юрий Перфильевич — доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления

Ивонина Ольга Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Кафедрой международных отношений, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Капицын Владимир Михайлович — профессор, доктор политических наук, профессор Кафедры сравнительной политологии Факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Каримова Алла Бекмухамедовна — доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ключко Елена Андреевна — кандидат политических наук

Колобов Олег Алексеевич — профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Кукушкина Юлия Михайловна — аспирантка кафедры международных экономических организаций и европейской интеграции, НИУ «Высшая школа экономики»

Кучеева Кристина Олеговна — студентка магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России.

Лагутина Мария Львовна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Маркушина Наталья Юрьевна — доктор политических наук, доцент кафедры мировой политики Факультета международных отношений Санкт-Петербургского Государственного Университета

Мельянецов Виталий Альбертович — доктор эк. наук, профессор, Зав. кафедрой МЭО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова

Мустафаева Наджиба Ильгар кызы — научный сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики

Никитенко Евгений Григорьевич — к.и.н, Профессор кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России,

Окунев Игорь Юрьевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, заместитель декана факультета политологии МГИМО МИД России

Осминина Мария Александровна — кандидат политических наук, старший преподаватель Кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Пономарева Елена Георгиевна — доктор политических наук, доцент, профессор Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

Родионова Ольга Александровна — Студентка III курса, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения

Самойловская Наталья Александровна — младший научный сотрудник Центра Евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО

Сегуру-Зайцев Валентин Ионович — независимый политолог

Сергеев Н. А. — Старший преподаватель Военной академии ракетных войск стратегического назначения

Слинько Александр Анатольевич — д.полит.н., профессор, Зав. кафедрой, Воронежский госуниверситет

Тетерюк Алексей Сергеевич — студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России.

Тимофеев Павел Петрович — к.пол.н, Научный сотрудник отдела европейских политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН

Тимофеева Лидия Николаевна — доктор политических наук, профессор Кафедры политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ, вице-президент, председатель Правления РАПН

Торчилина Дарья Юрьевна — аспирант Кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

Фельдман Дмитрий Михайлович — доктор политических наук, профессор Кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России

Фролова Ольга Александровна — аспирант Кафедры мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»

Чанышев Александр Арсеньевич — кандидат философских наук, доцент, МГИМО МИД России

Чижевский Ян Андреевич — студент магистратуры «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО МИД России

Шацкая Валерия Игоревна — аспирант Кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Юрченко Михаил Викторович — докторант Кафедры политической теории, МГИМО МИД России

Научное издание

Материалы VIII Конвента РАМИ
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**
25–26 апреля 2014 г.

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка А. С. Туманова

Подписано в печать 14.10.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл. печ. л. 24,37. Уч.-изд. л. 20,45
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ) является крупнейшей российской профессиональной ассоциацией в сфере междисциплинарных исследований, затрагивающих историю, теорию, региональные и многосторонние аспекты международных отношений. В РАМИ на протяжении уже 15 лет участвуют представители более чем 200 российских университетов и исследовательских центров, а также экспертного сообщества из стран СНГ, Балтии и ЦВЕ. РАМИ входит в состав Всемирного комитета по международным исследованиям (WISC), регулярно организует свои сессии в рамках североамериканской Ассоциации международных исследований (ISA).

РАМИ ставит перед собой задачи поддержания высокого профессионального уровня исследований и преподавания международных отношений и мировой политики в России, а также развития профессиональных контактов с международными ассоциациями. РАМИ способствует налаживанию неформальных связей между представителями политической и научно-исследовательской элиты и проведению консультаций в сфере мировой политики и международных отношений.

Президентом РАМИ является ректор МГИМО МИД России, академик РАН А. В. Торкунов. Главный исполнительный орган РАМИ — Руководящий совет.

Конвенты РАМИ, проходящие каждые два года, регулярно собирают около 1000 российских и зарубежных участников. 25–26 апреля 2014 г. в МГИМО МИД России состоялся восьмой по счету Конвент РАМИ на тему «Метаморфозы посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления». Его программа включила в себя две пленарных сессии, 29 секций, два круглых стола, несколько партнерских мероприятий — VI Международную научную конференцию испанистов и III конференцию Российской ассоциации украинистов, а также ряд выставок и презентаций организаций-партнеров РАМИ.

Исполнительная дирекция РАМИ

Тел.: +7 (495) 434-91-63

www.risa.ru | risa@inno.mgimo.ru

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Президент РАМИ

Анатолий Васильевич Торкунов

Программа глобальных исследований

Александр Александрович Дынкин

Владислав Леонидович Иноземцев

Программа европейских исследований

Марк Львович Энтин

Алексей Анатольевич Громыко

Николай Юрьевич Кавешников

Программа американских исследований

Татьяна Алексеевна Шаклеина

Виктор Александрович Кременюк

Программа евроазиатских исследований

Андрей Владимирович Загорский

Ирина Доновна Звягельская

Программа мирополитических исследований и изучения деятельности негосударственных акторов

Марина Михайловна Лебедева

Павел Афанасьевич Цыганков

Программа исследований в области теории международных отношений и сравнительной политологии

Татьяна Александровна Алексеева

Андрей Юрьевич Мельвиль

Программа исследований истории международных отношений

Михаил Матвеевич Наринский

Владимир Олегович Печатнов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа взаимодействия с исследовательскими центрами и регионами

Андрей Вадимович Картунов

Виктор Анатольевич Кокшаров

Программа азиатско-тихоокеанских исследований

Алексей Дмитриевич Воскресенский

Александр Николаевич Панов

Программа исследований многосторонних институтов

Виктория Владимировна Панова

Марина Вадимовна Стрежнева

Программа исследований стран БРИКС

Георгий Давидович Толорая

Людмила Семеновна Окунева

Программа ближневосточных исследований

Виталий Вячеславович Наумкин

Олег Алексеевич Колобов

Программа исследований международной безопасности и конфликтологии

Федор Генрихович Войтоловский

Александр Иванович Никитин

Программа энергетических исследований

Нодари Александрович Симония

Валерий Иванович Салыгин

Мария Андреевна Белова

Программа исследований в сфере международной политической экономики

Светлана Павловна Глинкина

Алексей Владимирович Кузнецов

РУКОВОДЯЩИЙ СОВЕТ РАМИ

Программа международно-правовых исследований

Геннадий Петрович Толстомятенко
Александр Николаевич Вылегжанин
Дмитрий Владимирович Иванов

Программа исследований мировой экономики

Михаил Юрьевич Головин
Александр Сергеевич Булатов
Марина Алексеевна Петрова

Программа цивилизационно-культурных исследований

Алексей Викторович Шестопал
Галина Мирославовна Лесная
Геннадий Васильевич Осипов

Исполнительный директор РАМИ

Артем Владимирович Мальгин

Ответственный секретарь РАМИ

Владислав Владиславович Воротников

Секретариат

Марина Сергеевна Василевская
Анджей Артурович Габарта
Нина Сергеевна Дымшиц